МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Е. В. Змановская

СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Теория и практика



ПИТЕР

Е. В. Змановская

СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Теория и практика



Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск
2011

ББК 88.32
УДК 159.964.2
З-69

Р е ц е н з е н т ы:

Р. М. Грановская, доктор психологических наук, профессор, старший научный сотрудник научно-исследователького отдела медико-психологических проблем ФГУЗ ВЦЭРМ им. А. М. Никифорова МЧС России;

А. И. Куликов, кандидат медицинских наук, проректор Восточно-Европейского института психоанализа по клинической работе;

М. М. Решетников, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Восточно-Европейского института психоанализа, президент Европейской конфедерации психоаналитической психотерапии.

Змановская Е. В.

З-69 Современный психоанализ. Теория и практика. — СПб.: Питер, 2011. — 288 с.: — (Серия «Мастера психологии»).

ISBN 978-5-49807-629-4

Современный психоанализ, выросший на ниве идей Зигмунда Фрейда, представляет собой непрерывно развивающуюся систему теорий и методов, призванных раскрыть самые сокровенные стороны человеческой природы. Перед вами одно из первых российских изданий, интегрирующих базовые концепции психоанализа и постклассические аналитические подходы в систему современного научно-практического знания.

Наряду с метапсихологией Фрейда и его последователей в книге представлен анализ современных школ психоанализа, описаны основные положения клинического психоанализа и семейной психотерапии. Раскрыты глубинные аспекты группового взаимодействия, харизматического лидерства, деструктивных культов, а также психологических эффектов СМИ. Особое внимание уделено бессознательным фантазиям и скрытым мотивам поведения людей.

Книга адресована психологам, врачам, педагогам, социологам, представителям смежных специальностей, а также студентам профильных факультетов высших учебных заведений.

В оформлении обложки использован фрагмент картины Р. Олбински.

ББК 88.32
УДК 159.964.2

ISBN 978-5-49807-629-4

Оглавление

Предисловие

Истина сделает вас свободными.
З. Фрейд

Психоанализ Зигмунда Фрейда стал тем историческим событием, которое кардинальным образом изменило представления людей о самих себе. Появление глубинной психологии, открыто заявившей о господстве влечений и существовании инфантильной сексуальности, в начале XX века было встречено бурным негодованием со стороны консервативно настроенной общественности. Период активного сопротивления психоаналитическому знанию, к счастью, длился недолго и довольно скоро сменился этапом возрастающего интереса к нему. К настоящему времени психоаналитические идеи стали неотъемлемой частью человеческой культуры и нашли применение практически во всех сферах социальной жизни. Одновременно с этим, в силу ряда исторических и психологических причин, имя Фрейда остается окутанным шлейфом неопределенности. Обывательские представления о психоанализе по большей части сведены к упрощенным и весьма далеким от истины штампам, вызывающим противоречивое, а в ряде случаев и необоснованно негативное отношение людей.

Определяя, что есть *психоанализ*, З. Фрейд указывал, что под ним одновременно скрываются: 1) способ исследования психических процессов, недоступных обычному пониманию; 2) метод лечения неврозов; 3) ряд возникших в результате этого психологических теорий. Идея создания общей психологической концепции (*метапсихологии*), раскрывающей основные закономерности психической жизни человека в норме и патологии, никогда не покидала Фрейда. В результате реализации данного замысла были разработаны основные положения классического психоанализа, составляющие теоретико-методологическую основу для всех последующих психоаналитических школ.

Более чем за сто лет своего существования психоанализ претерпел кардинальные изменения. На ниве монотеистической концепции Зигмунда Фрейда выросла сложная научная система, включающая разнообразные теоретические взгляды и практические подходы. Современный психоанализ представляет собой совокупность подходов, объединенных общим предметом исследования, в роли которого выступают *частично или полностью неосознаваемые аспекты психической жизни людей*. Общая цель психоаналитической работы определяется как освобождение индивидов от различных бессознательных ограничений, вызывающих страдание и блокирующих процесс прогрессивного развития.

Отличительной особенностью психоанализа всегда была *тесная связь теории и практики*. Психоанализ зарождался как метод лечения неврозов и развивался

как учение о бессознательных процессах, на фундаменте которого постепенно сформировалась научно-практическая система, ориентированная на решение самых различных социальных задач. В современном психоанализе отчетливо выделяются три взаимосвязанных направления: *психоаналитическая теория*, составляющая основу для различных практических подходов, *клинический психоанализ*, ориентированный на оказание психологической и психотерапевтической помощи в случае личностных затруднений или нервно-психических расстройств, и *прикладной психоанализ*, направленный на анализ культурных феноменов и решение социальных задач.

На данном этапе развития психоанализ уже не является монолитным образованием, объединяя в рамках общей методологии множество подсистем. В связи с этим различают две главные парадигмы: *классический (ортодоксальный) психоанализ*, последовательно развивающий идеи, предложенные Фрейдом, и *современный (неортодоксальный) психоанализ*, дополняющий классический подход новыми оригинальными концепциями и методами. Не представляется возможным перечислить все современные психоаналитические теории. В рамках общей канвы выделяются психоаналитические школы, делающие акцент на отдельных теоретических положениях или технических моментах, например кляйнианская традиция, школа Анны Фрейд, теория объектных отношений, эго-психология, структурный психоанализ Лакана и другие.

В качестве альтернативного, но близкого к психоанализу, варианта развивается *психодинамический подход*, используемый многочисленными консолидированными группами, среди которых: юнгианцы, адлерианцы, представители трансактного анализа и многие другие исследователи, чьи оригинальные подходы к теории и практике хотя и отклоняются от основной психоаналитической канвы, но имеют несомненную научную и практическую ценность.

В отношении психотерапевтической практики выделяют три относительно самостоятельных направления: 1) *классическую технику психоанализа (психоанализ)*; 2) *психоаналитическую терапию*; 3) *психодинамические подходы*. В первом случае лечение индивидов выстраивается в максимальном соответствии с методикой, предложенной Фрейдом; во втором случае допускаются некоторые отступления от классических канонов, например, за счет уменьшения количества встреч с пациентом с пяти до двух раз в неделю; в третьем варианте имеют место принципиальные отклонения от первоначальной психоаналитической техники.

Современный психоанализ представляет собой непрерывно развивающуюся систему, в рамках которой классическое наследие закономерно преобразуется в актуальное знание. Любая историческая эпоха фокусирует свое внимание на концепциях, отражающих насущные потребности общества. Если в период творчества Фрейда были особенно популярны *теория влечений* и *концепция инфантильной сексуальности*, то в настоящее время несомненными лидерами в области психоаналитических идей выступают *теория объектных отношений и эго-психология*. Одновременно с этим постоянно видоизменяется техника психоанализа.

Перечисленные особенности изучаемого предмета наиболее полно освещены в специальной литературе, среди которой особое место занимает двухтомник *Х. Томе и Х. Кэхеле «Современный психоанализ»* (дословный перевод с немецкого звучит как «Учебник психоаналитической терапии»). Данный труд представляет

собой систематизированное руководство по использованию теории и методики психоанализа практикующими психотерапевтами. При всей глубине и содержательности книга Томе и Кэхеле, как и многие другие психоаналитические издания, ориентирована на специалистов, имеющих основательную профессиональную подготовку, неподготовленному же читателю довольно сложно, а в ряде случаев и просто невозможно извлечь пользу из подобной литературы в силу выраженной специфичности последней.

Настоящая работа имеет то же название, однако ориентирована на более доступное для широкой аудитории и одновременно с этим научно обоснованное описание современного психоанализа как динамично развивающейся системы, интегрирующей психоаналитические теории и их практическое применение.

Книга состоит из трех частей. В первой главе раскрываются базовые концепции психоанализа. Здесь представлены основные концепции Зигмунда Фрейда, создающие единый контекст для всей психоаналитической системы. Вторая глава первой части содержит анализ взглядов Фрейда и его последователей на общественные процессы, составляющие основу современного прикладного психоанализа.

Вторая часть книги посвящена обсуждению современных школ психоанализа, большинство из которых ориентированы на решение клинических задач. Термин *клинический психоанализ*, хотя и не в полной мере, отражает обозначаемую им реальность, достаточно укоренился в сознании людей для обозначения «лечебных» целей психоанализа. Современная практика психоанализа вышла далеко за границы лечения неврозов. Несмотря на то что невротическая симптоматика попрежнему рассматривается как показание для применения классической техники, современный психоанализ находит адекватные методы оказания помощи лицам с самыми разнообразными проблемами — от обычных психологических затруднений до тяжелых психических расстройств.

Во второй главе второй части раскрываются принципы и особенности организации отдельных форм клинического психоанализа на примере двух основных вариантов: классической техники и современной психоаналитической терапии. Практика показывает, что психоаналитики, изначально ориентированные на индивидуальную работу с пациентом, начинают все более признавать важность парного консультирования и семейной психотерапии. Данное, относительно новое, применение психоанализа стало актуальным в 1960–1970-е годы в связи с наметившейся тенденцией кризиса традиционной патриархальной модели семьи. В настоящее время терапия отношений востребована обществом и может рассматриваться как расширение возможностей аналитика в решении терапевтических задач.

В третьем разделе книги приводятся определение и основные положения *прикладного психоанализа*. На основе этого раскрываются глубинные аспекты актуальных социальных феноменов: группового взаимодействия, массовой культуры, харизматического лидерства, а также психологических эффектов рекламы и СМИ. Для повышения эффективности восприятия читателей перечисленные социальные феномены рассматриваются преимущественно с позиций классического психоанализа. Основное внимание уделяется бессознательным фантазиям и мотивам поведения людей в обществе. На примере современной рекламы демонстрируются возможности применения психоаналитических идей к решению различных социальных задач.

К сожалению, из-за ограниченного объема книги не удалось охватить все современные психоаналитические школы, среди которых юнгианское направление, структурный психоанализ Ж. Лакана, групп-анализ и другие. Данные подходы широко представлены в литературе и достойны отдельного изучения. В настоящем пособии решалась конкретная задача описания современного состояния классической традиции психоанализа. Хочется надеяться, что рассмотренные психоаналитические идеи окажутся полезными как для осмысления собственного жизненного опыта читателей, так и для повышения уровня их профессиональной компетентности.

Е. В. Змановская

ЧАСТЬ 1

Психоанализ как метапсихология

ГЛАВА 1

Основные концепции психоанализа Зигмунда Фрейда

Фрейд, гипноз и свободные ассоциации

И загадок разрешитель, и могущественный царь.

Софокл. «Царь Эдип»

Долгое время то, что мы называем психоанализом, было творением одного человека — Зигмунда Фрейда. В психоанализе, как в зеркале, отразились и личность Фрейда, и его время.

Зигмунд Фрейд появился на свет 6 мая 1856 года в семье торговца шерстью Якоба Фрейда во Фрайберге (Чехия). Мальчик родился в «сорочке», что позволило родственникам надеяться на его великое будущее. Зигмунд был старшим ребенком в этой семье — с большим перерывом за ним следовали пять сестер и один брат. Вероятно, благодаря данному обстоятельству ответственность за окружающих людей стала основной чертой характера Фрейда.

Семья Фрейда неоднократно переезжала из-за распространявшихся антисемитских гонений. Одним из юношеских потрясений Зигмунда был рассказ отца о том, как один христианин сбил кулаком с него шапку и обругал его «жидом». Но в еще большей степени молодого Фрейда поразил тот факт, что отец не пытался постоять за себя. Фрейд вспоминал: «*Этой ситуации я противопоставил другую, более соответствующую моему чувству: сцена, во время которой отец Ганнибала Гамилькар Барка заставил своего сына поклясться пред алтарем, что он отомстит римлянам. С тех пор Ганнибал занял видное место в моих фантазиях*» [137. С. 214].

Антисемитские настроения, ярко выраженные в те времена в Европе, не могли не сказаться на формирующемся характере Зигмунда. Возможно, это обстоятельство определило ту волю к борьбе и мужество, которые демонстрировал Фрейд на протяжении всей своей жизни.

Мать Зигмунда Амалия обожала своего первенца. Материнская гордость и любовь, по мнению очевидцев, оказали решающее воздействие на ее сына. Позднее Фрейд писал: «*Я убедился в том, что лица, которых почему-либо выделяла в детстве мать, обнаруживают в последующей жизни ту особую самоуверенность*

и тот непоколебимый оптимизм, который нередко кажется геройским и действительно создает этим людям успех в жизни» [137. С. 299].

С другой стороны, вероятно, в силу либерального характера отца Фрейд вырос без глубокой веры в Бога. Раннее чтение Библии оказало на мальчика скорее интеллектуальное, чем религиозное воздействие. Более существенное значение для становления личности Фрейда имели величественные образы исторических персонажей: Ганнибалла, Сократа, Эдипа, Моисея, Леонардо да Винчи... Фрейд будто впитал в себя энергию, мудрость и мужество этих героев. Божественная страсть к знанию вывела его на дорогу Героя — дорогу познания самого себя.

В 1873 году по настоянию отца Зигмунд поступил в Венский университет, по окончании которого в 1881 году ему была присвоена степень доктора медицины. В течение следующих пятнадцати месяцев Фрейд работал в Физиологическом институте. Но в 1882 году ввиду бедственного материального положения им было принято судьбоносное решение — оставить Институт Брюкке и посвятить себя врачебной практике [25].

Постепенно интерес Фрейда сосредоточился на нервных болезнях. Следует отметить, что это было время анатомического подхода к нервно-психическим заболеваниям. Причинами последних признавались исключительно мозговые нарушения, например опухоль. Никому и в голову не приходило, что источник телесных недугов может лежать в душевных переживаниях пациента. Врачи рассматривали больного как «страдающее тело», игнорируя историю его жизни и то, что мы сейчас называем психикой.

В 1885 году, обучаясь в клинике «Сальпетриер» у знаменитого французского невролога Жана-Мартена Шарко, «первым прояснившего проблему истерии», Фрейд всерьез поставил под сомнение свои прежние механистические взгляды. Шарко также произвел неизгладимое личное впечатление на молодого Фрейда. Отныне Фрейда все больше и больше привлекал *клинический метод* изучения больного — через наблюдение и соотнесение различных фактов его жизни [25].

Венский врач Йозеф Брейер (1842–1945), с которым долгие годы дружил и сотрудничал Фрейд, был еще одним человеком, причастным к зарождению новой науки. Брейер подарил психоанализу *катартический метод* и самый первый клинический пример — *случай Анны О.* (Берты Паппенгейм).

С декабря 1880 по июнь 1882 года Брейер лечил фрейлину Анну О. Пациентка была одаренной девушкой двадцати одного года от роду, у которой после смерти отца появилось множество тяжелых симптомов. Ее мучили: спастический паралич конечностей, расстройства речи и зрения, отвращение к пище и нервный кашель. Рассказывая во время сеанса о деталях зарождения своих симптомов, пациентка чувствовала существенное облегчение вплоть до их полного исчезновения. Она назвала подобную процедуру *лечением разговором*, или *прочисткой труб* [124].

В течение года Брейер терпеливо наблюдал эту пациентку. Благодаря его проницательности и таланту на вооружении психотерапии появился новый метод, который Брейер назвал *катартическим* и который успешно используется до сих пор.

Случай Анны О. произвел на Фрейда особое впечатление. Его все более занимала *идея о психогенном происхождении определенных расстройств*, например симптомов истерии. По наблюдению Фрейда, скрытые мысли и переживания

порождают внутреннюю борьбу и болезненные симптомы. Все это означало, что какой бы неизвестной ни была неврологическая основа болезни, сами ее симптомы могут быть устранены посредством *одних только психических представлений*. А это, в свою очередь, открывало врачам дверь в психологию.

С декабря 1887 года Фрейд все чаще начинает использовать в своей работе с пациентами гипнотическое внушение и катартический метод — воспоминания пациента в состоянии гипнотического внушения. Однако Фрейду, как и другим врачам, не всегда удавалось достаточно глубоко погрузить пациента в гипноз. Кроме того, гипнотическое внушение приносило облегчение пациенту на очень короткий срок. Так или иначе, но выраженная неудовлетворенность «эффективностью» гипноза побуждала Фрейда вносить коррективы в общепринятую методику лечения. Фрейд все больше и больше полагался на воспоминания пациентов. В то же время Фрейд замечал, что терапевтическое улучшение зависит *от личных отношений между терапевтом и пациентом*.

Постепенно Фрейд подошел к одному из главных своих открытий — идее *свободных ассоциаций*. Случай Элизабет фон Р. (осень 1892 года) был первым, когда Фрейд отказался от гипноза и воспользовался новым методом *психического анализа*.

Эрнест Джонс, соратник Фрейда, так описывает его работу: «*Пациентку, лежащую на кушетке с закрытыми глазами, он просил сосредоточить свое внимание на конкретном симптоме и постараться воскресить в памяти все воспоминания, которые могли пролить свет на его происхождение. Когда у пациентки ничего не получалось, Фрейд обычно нажимал своей рукой на ее лоб и делал внушение, что теперь к ней, несомненно, придут некоторые мысли или воспоминания <...> Фрейд давал строгую установку игнорировать любую критику и выражать любую мысль, даже если она кажется не относящейся к делу, не имеющей большого значения или слишком неприятной*» [25. С. 21].

Иначе говоря, от пациента требовалось одно — совершенно свободно говорить все, что приходит на ум в процессе лечения. Постепенно, в противовес общей практике, Фрейд научился не прерывать поток мыслей пациентов во многом благодаря своему терпению и внутренней установке на «невмешательство».

Метод свободных ассоциаций ознаменовал зарождение нового подхода к психическим расстройствам и душевной жизни человека вообще. В 1896 году в одной из своих работ Фрейд впервые использовал революционный по тем временам термин — *психоанализ*, понимая под этим и метод исследования психических процессов, и новый метод лечения неврозов. Свободные ассоциации действительно стали свободными.

Глубины бессознательного (топографическая модель)

Психическая жизнь человека подобна айсбергу, лишь малая часть которого возвышается над водой и осознается нами.

З. Фрейд

Жизнь ежедневно свидетельствует в пользу того, что «мы не являемся хозяевами в своем собственном доме». Многое из того, что с нами происходит, не осо-

знается или оказывается вне сознательного контроля. Труднее всего понять самих себя.

Первым утверждением психоанализа было признание важной роли бессознательных процессов в жизни человека. Психика всегда активна — и во время бодрствования, и во время сна, но лишь незначительная часть психической деятельности в каждый отдельный момент осознается нами. Зигмунд Фрейд подчеркивал: «*Психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь некоторые акты и стороны душевной жизни*» [120. С. 88].

Фрейд постулировал существование трех основных частей психики, схематично размещенных по вертикальной оси от наиболее поверхностного до самого глубокого слоя. Все, что составляет сознательно воспринимаемые образы и идеи (содержание памяти, мысли, интересы, чувства), было отнесено к поверхностному слою — *сознательному*. Несколько «ниже» размещается *предсознательное* — содержания психической жизни, способные при определенных условиях и достаточной концентрации внимания достичь области сознания. Все, что не может быть выведено в эту область, несмотря ни на какие усилия и сосредоточение внимания, относится к наиболее глубокому слою психики — *бессознательному*.

Таким образом, *прилагательное «бессознательное»* обозначает то психическое содержание, которое недоступно осознанию вообще или в данный момент. Прежде всего бессознательное включает различные формы инстинктивных побуждений, влечений, неосознаваемых представлений и воспоминаний, аффектов и фантазий. В бессознательном также широко представлены детские желания. Именно они создают сильную мотивацию поиска удовольствия без учета требований реальности и здравого смысла. *В качестве существительного* термин «*бессознательное*» означает одну из динамических систем, описанных Фрейдом в его ранней *топографической теории психического аппарата* [121]. Термин «топографический» происходит из древнегреческого языка и переводится как «взаимное расположение и очертания отдельных пространственных областей». С помощью топографической модели Фрейд стремился определить месторасположение психических феноменов по отношению к сознанию.

Фрейд полагал, что большая часть психического содержания и психической активности, отражающая инстинктивные влечения, никогда не была сознательной и остается таковой в течение всей жизни человека. Некоторые бессознательные представления могут переходить в сферу сознания, то есть осознаваться нами при определенных условиях. Наконец, какая-то часть бессознательного содержания является нам в замаскированной форме, «прорываясь» в виде ошибочных действий, оговорок, сновидений, бессвязных мыслей, болезненных симптомов.

Фрейд писал: «*Мы сравниваем систему бессознательного с большой передней, в которой копошатся, подобно отдельным существам, душевные движения. К этой передней примыкает другая комната, более узкая, вроде гостиной, в которой также пребывает и сознание*» [120. С. 177].

Почему бессознательное столь недоступно для идивида? Потому что на пути влечений встают два цензурных барьера, расположенных соответственно между *бессознательным — предсознательным — сознательным*. Цензура удер-

живает в бессознательном представления, связанные с влечениями (мысли, образы, воспоминания) — этот процесс был назван *первичным вытеснением*. Вытеснение защищает нас от всего, что может вызвать страх, тревогу или муки совести.

Фрейд дал следующее метафорическое описание цензуры: «*На пороге между обеими комнатами стоит на посту страж, который рассматривает каждое душевное движение в отдельности, подвергает цензуре и не пускает в гостиную, если оно ему не нравится*» [120. С. 178].

Некоторое «запретное» содержание бессознательного все же достигает сознания, но затем вновь возвращается назад — вытесняется. Этот процесс именуется *собственно вытеснением* или просто *вытеснением*. Сущность вытеснения заключается в отстранении и удержании вне сознания определенных психических содержаний. Особенно наглядно вытеснение проявляется в том, что мы практически не помним события первых лет жизни. Все, что впечатляло нас в раннем детстве, кануло в реку бессознательного — мы не можем оживить первые переживания по своей воле. Наша воля и наш ум бессильны перед властью бессознательного.

Став взрослыми, мы продолжаем пользоваться вытеснением при каждом удобном случае. Как часто мы «мучительно» пытаемся вспомнить фамилии и имена хорошо знакомых, но в чем-то неприятных для нас людей. Также нередко мы искренне забываем о важных, но не интересных для нас делах. Наконец, мы отрицаем все, от чего может пострадать наше самоуважение. Последнее проявление вытеснения хорошо отражено в русской пословице: в чужом глазу соринку разгляжу, а в своем — бревно не замечу.

Более сложным результатом вытеснения являются различные психические и психосоматические заболевания. На примере истерии Фрейд показал, что неосознаваемые стремления и аффекты могут превращаться в телесные симптомы, отодвигаясь подальше от своей первоначальной причины (*механизм конверсии*). Например, запретные сексуальные желания могут не осознаваться, но переживаться как боли в области живота или половых органов [124].

Фрейд отмечал: «*Каждый раз, сталкиваясь с симптомом, мы можем заключить, что у больного имеются определенные бессознательные процессы, в которых содержится смысл симптома*» [120. С. 188].

Иными словами, нередко симптом замещает то, что не осуществилось из-за вытеснения. Фрейд указывает, что симптомы имеют целью либо удовлетворение (символическое исполнение желаний), либо защиту от него. В этой связи задача психоаналитического лечения формулируется как превращение всего патогенного бессознательного в сознательное. Таким образом, некоторые из *бессознательных дериватов* (мыслей, действий, эмоций) могут достигать сознания в замаскированном виде, в результате чего обнаруживается симптом, но остается непонятным его истинное значение.

Основная часть бессознательных представлений, наталкиваясь на второй барьер цензуры, возвращается в бессознательное, избегая возможности быть воспринятой. Фрейд подчеркивал, что предложенные им термины имеют сугубо эвристическое значение и обозначают основные *системы* психики.

Толкование сновидений

Толкование сновидений есть царская дорога к познанию бессознательного в душевной жизни.

З. Фрейд

Двадцать третьего октября 1896 года умер Якоб Фрейд. Утрата отца, «эта самая важная потеря в жизни мужчины», чрезвычайно сильно подействовала на переживания и творчество Зигмунда. Он вспоминал: «*Каким-то неясным образом смерть отца очень глубоко на меня повлияла. Я высоко ценил его и всецело понимал. С его смертью истекло его время, но внутри меня это трагическое событие заново пробудило все мои ранние чувства*» [25. С 181].

С лета 1897 года Зигмунд Фрейд начал осуществлять рискованный план — *анализ собственного бессознательного*. Поскольку Фрейд был первопроходцем в этой области, ждать помощи ему было неоткуда. Им двигала потребность дойти до истины любой ценой. Позднее Фрейд пришел к мнению, что психоанализом могут овладеть люди, которые использовали его в первую очередь на себе — при изучении своей личности, и любой человек, «который честен, вполне нормален и видит много сновидений», может много добиться в самоанализе [135].

При самоанализе Фрейд использовал различные способы. Важную роль в нем играла переписка с близкими людьми, друзьями. Например, письма Фрейда к Флиссу исследователи рассматривают как форму индивидуального анализа, где аналитиком был Флисс, а анализируемым — Фрейд. Но решающую роль, безусловно, играл *анализ сновидений*. В ходе толкования собственных сновидений Фрейд открыл то, что сейчас именуется *эдиповым комплексом*. С помощью анализа сновидений своих пациентов Фрейд убедился в том, что подобный феномен является универсальным для всех людей. Дополнительными иллюстрациями в подтверждение гипотезы Фрейда стали сюжеты легенды об Эдипе и трагедии Гамлета.

Самоанализ сопровождался работой Фрейда над одним из наиболее известных его произведений «Толкование сновидений» (1895–1899). Эту книгу называют «интеллектуальным приключением, приводящим к открытию глубочайших тайн бессознательного». Сам Фрейд признавался: «*Подобное прозрение выпадает на долю человека лишь раз в жизни*» [25. С. 193].

До Фрейда о сновидениях и их значении для человека спорили ученые самых различных областей — философии, богословии, медицины. Однако не существовало одной сколько-нибудь общепринятой теории сновидений, на которую можно было бы опереться.

В то же время люди всегда придавали сновидениям особое значение. Еще в древности оракулы и прорицатели предсказывали будущее по снам и пользовались большим почетом. При этом сновидения понимались символически — как «зашифрованные» послания богов. К примеру, в Ветхом Завете мы находим символическое толкование сна египетского фараона: «*По прошествии двух лет фараону приснилось: вот он стоит у реки. И вот, вышли из реки семь коров, хороших видом и тучных плотию, и паслись в тростнике. Но вот после них вышли семь дру-*

гих коров, худых видом и тощих плотию, и стали возле тех коров на берегу реки. И съели коровы худые видом и тощие плотию семь коров хороших видом и тучных. И проснулся фараон» [11. С. 40]. Иосиф истолковал «семь тучных коров» как богатый урожай на протяжении семи лет, за которым должен был последовать столь же долгий период неурожаев. Он предсказал голод и посоветовал фараону запасать зерно в течение семи лет, во время достатка и изобилия.

Другим историческим примером символической интерпретации сновидения может служить случай с Александром Македонским. При осаде города Тир Александр, раздосадованный упорным сопротивлением горожан, увидел во сне сатира, пляшущего на его щите. Толкователь разложил ключевое слово сновидения на две части — «са» и «тирос» — означающие «Тир твой». Утром город был взят.

До Фрейда отправной точкой толкования сновидения было его *явное* (*манифестное*) *содержание* — все то, что *непосредственно* всплывает в памяти бодрствующего человека в форме образов, противоречивых чувств или ощущений. Это содержание в древности объясняли божественным откровением, позднее — механическим воспоминанием о текущем дне или органически обусловленными ощущениями. Фрейд объявил картину сна, столь завораживающую сновидца, несущественной. Он увидел в сновидении *основное средство доказательства существования бессознательного*.

На примере своего знаменитого сновидения «об инъекции Ирме» (23–24 июля 1895 года) Фрейд впервые показал, как абсурдный на первый взгляд сон может выразить бессознательное желание, обострившееся в связи с последними жизненными событиями и впечатлениями (в сновидении молодая пациентка жалуется Фрейду на боли в горле, желудке. Обследуя девушку, врачи находят у нее тяжелое заболевание, которое якобы является следствием инъекции пропила, сделанной ей другом Фрейда) [137].

Ирма, состоящая в дружеских отношениях с семьей Фрейда, страдала от истерического страха и соматических симптомов. Ее лечение было прервано, не завершившись успехом. Сновидение как бы завершало эту ситуацию нужным для Фрейда образом. Он писал: «*Сновидение освободило меня от ответственности за самочувствие Ирмы, сведя последнее к другим моментам. Оно создало именно ту ситуацию, которую мне хотелось бы; его содержание является, таким образом, осуществлением желания*» [137. С. 134].

Так Фрейд ввел новый термин — *скрытое*, или *латентное*, *содержание сновидения*. Он предложил собственную теорию сновидения — *теорию исполнения желания*, в соответствии с которой скрытое содержание сновидения включает исполнение желания (1900 год) или, как позднее заметил Фрейд, «попытку исполнения желания» (1925 год). Таким образом, *сновидение представляет собой* (*скрытое*) *осуществление подавленного* (*вытесненного*) *желания*.

В «Толковании сновидений» Фрейд пишет: «*В сновидении играют наиболее видную роль две психические силы, из которых одна образует желания, проявляющиеся в сновидении, другая же выполняет функции цензуры и благодаря этой цензуре способствует искажению этого желания*» [137. С. 160].

Сновидения, в которых прямо исполняются бессознательные желания, распространены у детей, но достаточно редко встречаются у взрослых людей. Так, если ребенок мечтает об интересном путешествии, то он непосредственно совершает его во сне. Сновидение же взрослого человека напоминает ребус, в элементах

которого зашифрованы «неосознаваемые мысли». На примере собственных снов Фрейд показывает, какие разнообразные и замысловатые формы принимало его простое желание — посетить Рим.

Для анализа истинного (скрытого) значения сновидения Фрейд предложил использовать метод свободных ассоциаций. Для этого необходимо перенести внимание на детали сновидения и вспоминать все, что влечет за собой каждая из них. Всякая критика в момент рождения ассоциаций должна быть блокирована. Множество ассоциаций, пересекаясь, образуют устойчивое ядро, за которым явно угадывается бессознательное представление или неосознаваемое желание.

В «Толковании сновидений» Фрейд дает ответ на вопрос: почему люди видят сны, и приводит перечень выявленных им источников сновидений [137]: а) свежий и нейтральный материал, к которому относятся дневные впечатления, и то, что не было завершено днем, так называемые дневные остатки; б) неразрешенные в течение жизни значительные переживания, потрясения, мысли; в) инфантильный материал — детские воспоминания и желания, относительно которых память в бодрствующем состоянии оказывается бессильной; г) соматические процессы — внешние и внутренние ощущения от органов чувств (боль, голод, жажда).

В любом случае сновидение проистекает из близкого или далекого прошлого. Явное содержание сновидения преимущественно связано с последними впечатлениями — событиями предыдущего дня. Истинное же значение сновидения определяется более ранними переживаниями. Так, переживание во сне сильного страха, по мнению Фрейда, обусловлено вытесненными сексуальными желаниями, реже — физическим недугом (например, болезнью легких). Повторяющиеся сновидения чаще всего указывают на их «детское происхождение». Таким образом, во время сна происходит сложнейшая психическая работа. Дневные впечатления (дневные остатки) перерабатываются, усиливаются бессознательными желаниями и прошлыми переживаниями, «облагораживаются» цензурой и направляются в сознание в форме воспринимаемой картины. Этот процесс Фрейд назвал *работой сновидения по преобразованию скрытого содержания сновидения в явное*.

Сновидения непонятны сновидцу. По мнению Фрейда, это происходит вследствие того, что сновидение, «боясь» цензуры, само себя искажает. Фрейд подробно описал *механизмы работы сновидения* [137]:

1. В качестве первого искажающего механизма Фрейд называет *сгущение*, в результате которого элементы сновидения, имеющие нечто общее, предстают как единое целое. Поэтому в отличие от дневной мысли сновидение обрывочно и непоследовательно.

В этом механизме проявляется склонность людей принимать часть за целое. Например, подарок, сделанный любимым человеком, или вещь, принадлежащая ему, почитаются и лелеются, как будто они представляют собой целиком этого человека. Приснившиеся нам люди нередко соединяют черты двух или нескольких лиц в одном образе. Например, нам снится коллега по работе, но одновременно мы чувствуем, что это совсем другой человек — наш бывший одноклассник в облике нынешнего сослуживца. Фрейд называет этот феномен «коллективным образом», или «коллективной личностью». Таким образом, в сновидении смешиваются и усредняются самые разнообразные представления на основе едва уловимого сходства между ними. По мнению Фрейда, все сновидения без исключения изображают непременно самого спящего.

2. Не менее часто в сновидениях задействован такой механизм, как *смещение*. Он представляет собой перенос акцентов вплоть до полной переоценки всех психических ценностей. Переворачивание, превращение в противоположность — наиболее частое явление в сновидениях. При этом важное становится неважным, а какой-то скрытый элемент замещается чем-то отдаленным, то есть намеком. Например, в ситуации волнующего ожидания какого-либо важного события взрослому человеку с большой вероятностью может присниться школьный экзамен. Для иллюстрации смещения Фрейд вспоминает анекдот, где сельский кузнец совершил преступление, за которое полагается смертная казнь. Суд решил, что вина должна быть искуплена, но поскольку больше кузнецов в деревне не было и он был незаменим, а портных, напротив, было целых три, то вместо кузнеца повесили одного из них.

В то время как представления претерпевают различного рода превращения, аффекты остаются неизменными. Следовательно, полезным вопросом на пути толкования сновидения может быть такой: какие чувства породили данное сновидение или с каким чувством проснулся сновидец?

3. Третий механизм снообразования — *изобразительность*. Фрейд говорит о своеобразной регрессии, когда в сновидении абстрактное представление опускается на более низкий чувственный уровень. Мысли при этом искажаются тем, что переводятся преимущественно в зрительные образы. Сновидение становится похоже на серию картинок с нарушенной логической связью. Логическая связь передается с помощью одновременности. То, что снится нам одновременно, тесно связано друг с другом. Если же сюжеты идут один за другим, между такими частями существует причинно-следственная связь.

4. Еще одну возможность искажения сновидения предоставляет *использование символов*. Они являются способом косвенного изображения. В некоторых случаях соответствие между символом и тем, что он обозначает, очевидно, в других оно более завуалировано.

В сновидениях символы используются в ограниченном объеме. За ними скрываются: родители и прочие родственники, рождение, смерть, нагота. Для раннего Фрейда большинство символических образов носили сексуальный характер и ассоциировались с телом. Например, все удлиненные предметы, а также шляпы и галстуки символизировали мужские гениталии; напротив, полые емкости — сосуды, сумки, пещеры, дома — являлись символами женского тела; ритмичное восхождение по лестнице указывало на половой акт; король и королева изображали преимущественно родителей спящего, а принц или принцесса — его самого. Позднее Фрейд расширил понимание символики за пределы сексуальности.

Символы проявляются в сновидении в качестве так называемых безмолвных элементов; сам индивид не способен предоставить для них ассоциации. Однако Фрейд никогда не настаивал на том, что любой образ должен обязательно иметь символическое или сексуальное значение, в конце концов, «сигара может быть просто сигарой».

Фрейд первоначально избегал толкования символов, поскольку они казались ему неким шагом назад, как бы составлением сонника. Но позднее он признал, что на основе имеющегося у каждого человека бессознательного знания о связи между символом и тем, что он обозначает, могут быть выявлены скрытые отно-

шения между вещами. «*Символика, пожалуй, является самой удивительной главой учения о сновидениях. Прежде всего, поскольку символы являются устоявшимися переводами <...> они при известных обстоятельствах позволяют нам толковать сновидения, не спрашивая сновидца, который все равно ничего не понимает в символах*» [137. С. 302].

Зная, с одной стороны, символы сновидения, а с другой — личность сновидца, условия, в которых он живет, и впечатления, из которых составлены сновидения, можно толковать сновидение сразу, как бы переводя его с листа. Однако интерпретация «постоянных» символов не должна исключать и заменять свободные ассоциации. Только тогда, когда к соответствующей части сновидения не может быть подобрано никакой ассоциации, можно отталкиваться от общих символов.

5. Последней задачей работы сновидения является *вторичная переработка*. Это означает, что истинное содержание сновидения дополнительно искажается в процессе его осмысления и пересказа. Пытаясь вспомнить и понять сновидение, мы «достраиваем» его до логически связного рассказа или картины. При этом мы исключаем из сновидения как ненужные наиболее непонятные элементы и, наоборот, там, где это кажется необходимым, делаем вставки.

Каждый человек, возможно, на самом себе замечал воздействие этой вторичной переработки. Просыпаясь ночью ото сна, мы некоторое время продолжаем верить в его реальность, безо всякого удивления вспоминая запутанные события. После полного пробуждения этот хаос сновидения трансформируется в понятный образ или структуру, многое утрачивая. Пробелы заполняются, вставляются связующие части, являя сновидение в новом виде.

Итак, сновидение является полноценным психическим актом, движущей силой которого выступает стремящееся к удовлетворению желание. В сновидении истинные мысли и желания предстают в искаженной форме. Искажения проистекают из воздействия внутренней цензуры, решающей, что хорошо, а что плохо и недостойно. Благодаря анализу собственных сновидений Фрейд сделал важное открытие: в сновидениях представлено прежде всего детское бессознательное. Иными словами, жизнь в сновидениях проистекает от «остатков доисторического периода» — возраста от одного до трех лет, события которого обычно забываются. Фрейд обнаружил, что так называемая амнезия детства удивительным образом может быть преодолена посредством анализа сновидений и связанных с ним ассоциаций.

Разложение явного сновидения на скрытые содержания Фрейд назвал *толкованием сновидений*. Это означает обратный путь в сравнении с работой сновидения. При анализе сновидений можно идти различными путями: исследовать дневные остатки и подбирать к ним ассоциации; можно проанализировать наиболее яркие моменты или, напротив, обратить внимание на те элементы, которые больше всего изменяются при повторах. В любом случае целью толкования являются ассоциации, уводящие в прошлое сновидца. На вопрос о том, может ли быть истолковано каждое сновидение, Фрейд отвечал отрицательно.

Анализируя сновидения, Фрейд заметил, что некоторые из них встречаются и повторяются у большинства людей. Фрейд назвал их *типичными сновидениями*. В качестве примеров можно назвать сны о полете, падении, наготе или ощущении «связанности». Фрейд усматривал источники данных сновидений в инфантиль-

ной сексуальности. Например, повторяющееся сновидение о наготе может обнаруживать детские эксгибиционистские наклонности, поскольку известно, что маленькие дети получают удовольствие от обнажения.

Сны о смерти близких людей, которые тоже возникают очень часто и в типичной форме, по мнению Фрейда, указывают на когда-то имевшееся, но вытесненное желание смерти кого-то из родственников. Представления ребенка о смерти далеки от реальной ситуации. Для маленького ребенка «умереть» значит «уйти, не мешать». Многие дети имеют весомые основания желать отсутствия брата, сестры или кого-то из родителей. Фрейд сделал тонкое наблюдение, что сновидения о смерти родителей в большинстве случаев касаются родителя одного пола со спящим. Мужчине чаще снится смерть отца, женщине — матери. Данное обстоятельство Фрейд объяснил наличием бессознательной враждебности к родителю своего пола.

В сновидениях об экзаменах Фрейд обнаружил связь с неизгладимыми воспоминаниями о наказаниях за совершенные детские проступки, что ассоциируется со строгой экзаменовкой. С другой стороны, Фрейд отмечает, что сновидения об экзаменах наблюдаются лишь у тех, кто их выдержал, и никогда — у тех, кто провалил их. Поскольку сны о провале на экзамене повторяются перед ответственным событием и вызывают страх у сновидца, по мнению Фрейда, они могут играть утешающую роль — «такое уже было, и страх оказался напрасным».

Если сущностью сновидения является исполнение желания, то почему же человеку снятся мучительные кошмары, сны о наказании или несчастье? Фрейд говорит, что и в этом можно обнаружить скрытую выгоду. Например, если человек вновь и вновь видит во сне сцены пережитой катастрофы, это может быть связано с его потребностью задним числом справиться с болезненной ситуацией, изменить прошлые события к лучшему.

Фрейд отстаивал точку зрения, что единственная функция сновидения состоит в том, чтобы посредством воображаемого удовлетворения устранить оставшееся от прожитого дня напряжение от неудовлетворенных потребностей. В этом смысле «сновидение — это страж сна, а не его нарушитель». Благодаря «галлюцинаторному исполнению желания» обеспечивается спокойный сон сновидца [137].

Позднее в ходе многочисленных экспериментальных исследований было установлено, что около 20% времени ночного сна приходятся на так называемые фазы сновидений. Лишение человека сна вообще или фаз сновидений приводит к появлению психотического состояния, тогда как прерывание фаз, лишенных сновидений, — только к значительному утомлению. Таким образом, сновидения выполняют явные психотерапевтические функции. Сам Фрейд в конце своей жизни охарактеризовал учение о сновидении как «поворотный пункт в истории психоанализа», благодаря которому последний «совершил шаг от психотерапевтического метода к глубинной психологии». После смерти Фрейда теория сновидения была дополнена и усовершенствована его последователями. Современные исследователи рассматривают сновидение более широко — как феномен, вплетенный в общую жизненную ситуацию личности сновидца.

Влечения и их судьба

Влечения — это мифические существа, величественные в своей неопределенности.

З. Фрейд

Длительное время психоанализ упрекали в «биологизаторстве». Действительно, первоначально фрейдовская теория была биологически ориентированной и подчеркивала первичность инстинктов. Говоря об инстинкте, Фрейд имел в виду биологически наследуемое поведение, характерное для вида в целом.

В широком смысле *инстинкт* — это жесткая схема поведения, которая постепенно разворачивается во времени и почти не изменяется в течение жизни. Этот паттерн как бы подчинен заранее заданной биологической цели и привязан к определенному внешнему объекту. Современная психологическая наука признает и изучает инстинктивные основы поведения человека, но подчеркивает при этом их принципиальное отличие от животных инстинктов: у человека они почти не проявляются в чистом виде, поскольку с первых минут жизни регулируются социальными условиями [158].

На вопрос, существуют ли в человеке унаследованные психические образования, подобные инстинктам животных, Фрейд отвечал положительно. Аналогом инстинктов он признавал «унаследованные филогенетические схемы», о которых мы можем судить по так называемым первичным фантазиям. *Первофантазмы* — это некие бессознательные структуры, которые не обязательно являются следствием пережитых индивидом событий, но выступают результатом развития всего человечества. Это могут быть сцены внутриутробной жизни, каннибализма, кастрации, полового акта между родителями, соблазнения. На основе данных врожденных структур формируются более сложные фантазии. Так, у некоторых людей присутствует фантазия, что они были свидетелями интимных отношений собственных родителей, хотя в действительности они этого никогда не видели.

В ранних психоаналитических теориях термин «инстинкт» использовался в более широком значении — для описания мотивационных сил человеческого поведения вообще. Но если инстинкты не имеют прямого значения в жизни человека, то что в таком случае лежит в основе его поведения? Для обозначения внутренних мотивационных сил, обусловливающих активность человека, Фрейд в 1905 году предложил новый термин — «*влечения*» (в немецком варианте *trieb* — «инстинкт, толчок, импульс»). Со временем теория влечений стала одним из краеугольных камней психоанализа.

По определению Фрейда, *влечение* — это постоянная динамическая сила, подталкивающая человека к действию. Оно исходит не из внешнего мира, а изнутри организма. Влечение происходит из телесных раздражений, но не сводится к последним. Фрейд писал: «*Влечения — это то, что находится на границе психического и соматического, как психические репрезентации (в сознательном, предсознательном или бессознательном) стимулов, порождаемых физиологическими процессами*» [121. С. 164].

В работе «Влечения и их судьба» (1915 год) Фрейд в качестве основных характеристик влечения назвал: *напряжение*, *источник*, *цель* и *объект* [121]. *Напряжение* влечения — это «сумма его силы», «двигательный момент», его энергия, поэтому влечение переживается человеком как внутреннее давление, побуждающее к активности. Под *источником* влечения понимают тот соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражение которого выражается во влечении — состоянии телесного возбуждения. *Целью* влечения, по Фрейду, является *удовлетворение*, которое достигается в результате устранения возбуждения. Если напрямую не удается устранить раздражение, то для достижения своей цели влечение может выбирать обходные пути.

Наконец, *объектом* влечения выступает тот объект, на котором или посредством которого влечение может достичь своей цели удовлетворения. Фрейд отмечает, что это самый изменчивый элемент влечения. Объектом удовлетворения могут выступать как внешние объекты, так и части собственного тела. Один и тот же объект может служить одновременно для удовлетворения нескольких влечений. Особенно тесная привязанность влечения к объекту называется *фиксацией*.

Первоначально Фрейд выделил две группы влечений — *сексуальные влечения* (*сохранения рода*) *и влечения Я* (*самосохранения*). Метафорически это можно выразить как «любовь и голод». У маленьких детей два влечения слиты воедино, но по мере развития они отделяются друг от друга. По мнению Фрейда, в их противоположности вся суть психического *конфликта*.

Влечения Я порождают множество потребностей, связанных с телесными функциями, необходимыми для поддержания жизни индивида и его самосохранения. Поскольку влечения Я могут быть удовлетворены лишь посредством реального объекта, они очень быстро переходят от принципа удовольствия к принципу реальности, в то время как сексуальные влечения остаются во власти первого.

Сексуальные влечения, напротив, могут получить удовлетворение не только с помощью внешнего объекта, но благодаря собственному телу, а также фантазиям. Они многочисленны и проистекают из разнообразных органических источников. Целью каждого из них является *телесное наслаждение*. Они обладают поразительной способностью замещать друг друга и изменять свои объекты, если прямое удовлетворение невозможно.

Говоря *о судьбе* сексуальных влечений, Фрейд описал четыре возможных способа их превращения в норме и патологии [121]:

- превращение влечения в свою противоположность;
- реактивное образование (изменение неприемлемого в приемлемое);
- вытеснение (изгнание из сознания неприемлемых импульсов, представлений или чувств);
- сублимация (смещение влечения на несексуальные цели).

Фрейд тщательно исследовал первый путь — превращение *сексуальных влечений в свою противоположность*. Хорошо известно, что страстная любовь при неблагоприятных обстоятельствах может перейти в свою противоположность — испепеляющую ненависть, а страх — в ярость.

В норме: способность сексуальных влечений превращаться в свою противоположность проявляется в форме *амбивалентности* — одновременного пережива-

ния противоположных чувств. Эта особенность человеческой психологии широко отражена в языке. Мы говорим: «страшно интересно», «ужас, как хорошо», «умираю от любви» и т. д. Любой из нас испытывает одновременно положительные и отрицательные чувства к близким людям, которых мы, несомненно, любим.

Фрейд выделял три ведущие формы проявления амбивалентности влечений: *любовь — ненависть, садизм — мазохизм, стремление показывать себя — стремление к подглядыванию.* При этом он добавляет, что любовь способна не на одну, а на три противоположности: любить — ненавидеть; любить — быть любимым; любить другого человека — любить самого себя.

По мнению Фрейда, ненависть порождается не сексуальными влечениями, а *влечениями самосохранения* и выражает отношение ко всему чужому (опасному) из внешнего мира. Если позже объект превращается в источник наслаждения, то он становится любимым и в то же время сливается с Я. Аналогично этому первоначальный садизм может обратиться против себя и стать пассивным мазохизмом. Фрейд приходит к важному заключению: «*Участь влечений состоит в том, что они подвергаются влиянию трех полярностей, господствующих в душевной жизни. Из этих трех полярностей активность — пассивность можно было бы назвать биологической, Я — внешний мир — реальной и, наконец, наслаждение — неудовольствие — экономической полярностями*» [121. С. 176].

Несмотря на то что классификация влечений Фрейдом постоянно развивалась, неизменным оставалось признание их полярности. Фрейд полагал, что всякая мотивация в конечном итоге сводима к двум противоположным тенденциям. В связи с этим теорию Фрейда нередко называют *дуалистической теорией.*

В отношении влечений можно выделить несколько классификаций, предложенных в разное время Фрейдом, например:

1) сексуальные влечения — влечения к самосохранению (влечения Я);
2) объектная любовь (направленная вовне) — любовь к себе;
3) сексуальные влечения — агрессивные влечения;
4) влечение к жизни — влечение к смерти.

В ходе жизни теоретические представления Фрейда по данному вопросу подвергались неоднократному пересмотру. В 1920 году в работе «По ту сторону принципа удовольствия» он объединил сексуальные влечения и влечения самосохранения в единое понятие — *влечение к жизни* (*Эрос*). Под влиянием идеи Сабины Шпильрейн Фрейд также ввел новый термин — *влечение к смерти*, что не было в полной мере принято последователями Фрейда, и до сих пор вопрос о влечении к смерти остается одним из самых спорных в психоаналитической метапсихологии.

Каковы же причины, побудившие Фрейда сделать столь рискованный шаг? Психоанализ учит нас отыскивать причины прежде всего в личных обстоятельствах. К моменту написания работы «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд пережил несколько по-настоящему драматических событий. От пневмонии умерла его любимая дочь Софья. У самого Фрейда обнаружилось тяжелое заболевание, которое навсегда связало его с болью.

Теоретические изыскания Фрейда также способствовали перемене во взглядах. Были накоплены многочисленные данные, которые нельзя было объяснить

одним стремлением к удовольствию или даже попыткой справиться с неприятными переживаниями. Среди таких контраргументов: навязчиво-повторяющиеся (мучительные!) воспоминания о травматическом событии, проигрывание детьми пугающих ситуаций, а также кошмарные сновидения, весьма далекие от исполнения желаний. В связи с этим Фрейд писал: «*В психической жизни действительно имеется тенденция к навязчивому повторению, которая выходит за пределы принципа удовольствия*» [133. С. 215].

К этой же группе фактов можно отнести поразительно упорное стремление людей воевать друг с другом. Фрейд стал свидетелем не только ужасных последствий Первой мировой войны, но и нависшей над Европой демонической тени фашизма.

Одновременно с этим Фрейд активно исследовал индивидуальное значение таких явлений, как амбивалентность, агрессивность, садизм и мазохизм. Данные феномены встречаются не только в случае нарушений (например, в рамках невроза навязчивых состояний или меланхолии/депрессии), но и в обычных условиях. Фрейд указывал также на распространенность мучительного чувства вины и парадоксального сопротивления лечению со стороны пациентов.

Влечение к смерти, по определению Фрейда, противоположно влечению к жизни и нацелено на полное устранение напряжения, на возвращение живого к неорганическому состоянию. Фрейд указывал на неизбежность смерти и в связи с этим на существующее внутреннее стремление всех живых организмов к ней. Эрос — это связь; цель его — создавать и сохранять все более крупные единства, тогда как цель влечения к смерти, наоборот, — в том, чтобы разрывать связи и тем самым разрушать предметы. В свою очередь, перед сексуальными влечениями стоит задача обезоружить это разрушительное действие. Поэтому либидо обращает часть деструктивной энергии вовне на внешние объекты. Деструктивную энергию, направленную вовне, Фрейд и называет *агрессией*.

Другая часть влечения к смерти остается внутри организма, во власти либидо. Фрейд рассматривал тенденцию к саморазрушению как первичную, а агрессию как вторичную силу. Основными проявлениями влечения к смерти признавались: внешняя агрессия, садизм и мазохизм. В то же время Фрейд замечает, что отказ от агрессии представляет первую и, быть может, самую трудную жертву, которую общество должно потребовать от индивида [133].

Таким образом, теория влечений Зигмунда Фрейда претерпела несколько превращений: от резкого разграничения сексуальных влечений и влечений самосохранения к обобщению данных влечений в единое понятие «влечение к жизни», противопоставленное «влечению к смерти».

В настоящее время большинством исследователей признано, что инстинктивных влечений в чистом виде не существует. Поведение человека рассматривается как сложное взаимодействие сексуальных влечений, агрессивных побуждений, сил Я и требований окружающей среды. Тем не менее образ могущественных влечений, наполняющих человека внутренней энергией, более века остается главной метафорой психоанализа.

Стадии психосексуального развития

Невозможно представить человеческую душевную жизнь без сексуального желания в широком смысле этого слова.

З. Фрейд

В то время как концепция влечений, по образному выражению Зигмунда Фрейда, стала мифологией психоанализа, *теория сексуальности* завоевала ему широкую, хотя и не всегда положительную, известность. Психоанализ снял пелену общественного ханжества с обсуждения деликатного, но жизненно важного вопроса о природе и роли сексуальности. Впервые на уровне научного обсуждения была признана не просто важная, но ведущая роль сексуальности в психической жизни человека.

Приступая к исследованию проблемы сексуальности, Фрейд отметил, что обычно на уровне житейского сознания данный феномен ассоциируется с чем-то непристойным. При более пристальном рассмотрении сексуальность оказывается связанной с тремя характеристиками — взаимодействием полов, удовольствием и продолжением рода.

Знаменитые «Очерки по теории сексуальности» (1905 год) Фрейд начинает с того, что указывает на факт существования многочисленных отклонений в сексуальной жизни взрослых людей, ставящих под сомнение традиционные представления [132]. Например, у гомосексуалистов сексуальность оказывается оторванной не только от цели (продолжение рода), но и от обычного объекта любви. При других перверсиях сексуальная цель может быть заменена подглядыванием, ощупыванием, переодеванием, причинением боли. Поскольку сексуальные отклонения встречаются во все времена и у всех народов, то сама сексуальность, по мнению Фрейда, не может быть сведена ни к цели продолжения рода, ни к взаимодействию полов.

Ссылаясь на клинические наблюдения, Фрейд утверждал, что нарушения сексуального развития так или иначе встречаются у каждого невротика. Например, изучение истерии продемонстрировало, что ее симптомы символизируют вытесненные сексуальные желания. Другое расстройство — невроз навязчивых состояний — оказывается под влиянием очень сильных садистических побуждений и извращенных сексуальных желаний. Таким образом, рискуя своей научной репутацией и личной безопасностью, Фрейд практически открыто заявил о том, что *из-за отказа от нормального сексуального удовлетворения можно заболеть неврозом* [132].

Анализируя симптомы, психоаналитическое исследование неизбежно пришло к детской сексуальности, поскольку ассоциации пациентов постоянно уводили их в детство. Фрейд также обратил внимание на то обстоятельство, что извращенность взрослых людей имеет много общего с детской сексуальностью.

В связи с выявленными фактами Фрейд предложил рассматривать сексуальность в более широком значении, чем это было принято до него. Для решения дан-

ной задачи он ввел понятие «либидо»: «*Либидо — это сила, совершенно аналогичная голоду, в которой выражается сексуальное влечение, подобно тому как в голоде выражается влечение к пище*» [120. С. 199].

В широком смысле *либидо* — это энергия, которая направлена на продление жизни рода и синтез (слияние). Она проявляется как в физиологических, так и в психических процессах. Она присутствует также во всех позитивных аспектах человеческих взаимоотношений и является конструктивным элементом мотивации большей части человеческой активности. В более узком смысле либидо принято связывать с «энергией, проявляющейся в эротических или сексуальных целях», поэтому либидо иногда обозначают как *сексуальный инстинкт.*

Либидо как энергия сексуального влечения, в свою очередь, входит во влечение к жизни — *Эрос*. Это слово заимствовано из греческой мифологии: Эрот (Эрос) был сыном Афродиты и Ареса, он вошел в историю как бог любви (у римлян Амур) и до сих пор олицетворяет могущественную силу, которая влечет одно живое существо к другому и благодаря которому рождается все живое и продолжается человеческий род. «*Эрот страшен и людям, но и богам. Не зная жалости, он наносит неизлечимые раны, заставляет людей страдать. По древней легенде Зевс, предвидя все беды, которые может натворить Эрот, приказал Афродите умертвить его, но богиня спрятала сына в лесу, где его вскормили дикие животные, передав ему свою природную силу и животную страсть*» (27. С. 379)

С древнего времени слово «эрос» означает и бога любви, и саму любовь. Эрос-любовь издревле противопоставлялась вражде — всему тому, что разъединяет людей. Платон рассматривал данное понятие еще шире — как *страстное стремление человека к чему-либо*. Например, по его мнению, в каждом человеке заложено страстное стремление к постижению идей и сущности вещей.

З. Фрейд последовательно развивал идею, что *сексуальность* — это не только особая активность, связанная с половыми органами, но также все, что с раннего детства доставляет человеку удовольствие. Первоначально Фрейд использовал понятие «сексуальность» в значении «эротика». И только в 1920 году он предложил называть «Эросом» *влечение к жизни* вообще (включая сексуальные влечения и влечения самосохранения), противопоставив их влечению к смерти [133]. При этом понятие «либидо» всегда использовалось им для обозначения *энергии* сексуальных влечений (в настоящее время слово «Эрос» чаще применяется для обозначения самих *сексуальных влечений*).

Одной из самых революционныъ идей Фрейда, из-за которой он долгие годы подвергался остракизму, стала *теория инфантильной сексуальности.* В соответствии с данной концепцией сексуальность дана ребенку от рождения и проявляется уже в раннем возрасте. По мнению Фрейда, все, что мы находим в конце процесса развития, может быть обнаружено уже в самом его начале. К примеру, сосание материнской груди становится прообразом любого более позднего сексуального удовлетворения; оно включает материнскую грудь как первый объект влечения — таким образом, сначала сексуальность существует в виде удовлетворения, сопровождающего ту или иную физиологическую функцию, при этом сексуальность ребенка затрагивает все то, что не имеет прямой физиологической цели (сексуальным будет не сам процесс питания, а «побочное» удовольствие от сосания и насыщения). Постепенно младенец отказывается от объекта в акте соса-

ния и заменяет его частью собственного тела. Обращение либидо на собственное тело Фрейд называет *аутоэротизмом*. Отказываясь от груди, ребенок продолжает сосать собственный палец, собственный язык. Так *побочное удовольствие становится целью в себе* независимо от потребности в пище и внешнего объекта [140].

Фрейд описывает две основные особенности детской сексуальности: она возникает в связи с удовлетворением важных органических потребностей и проявляется *аутоэротически*, то есть ищет и находит объекты в своем собственном теле. Еще одной особенностью детской сексуальности является доминирование *частичных влечений* — ощупывание, обнюхивание, подглядывание и т. д. Фрейд подчеркивает, что «*у ребенка нет ничего, что делает сексуальность функцией продолжения рода*». Частичные влечения удовлетворяются (для получения удовольствия) независимо друг от друга — частью от собственного тела, частью от внешних объектов. По мере взросления частичные влечения сливаются в единую организацию под приматом генитальности. Однако при перверсиях (сексуальных отклонениях) взрослых людей также отмечается господство частичных влечений, и Фрейд делает вывод, что оба вида сексуальности — отклоняющаяся и нормальная — происходят из инфантильной.

Сексуальное развитие тесно связано не только с телесными желаниями, но и с отношениями ребенка с ранними объектами любви. Довольно рано у ребенка начинают проявляться: нежные чувства, предпочтение родителя противоположного пола, ревность к братьям/сестрам. Для обозначения совокупности переживаний, связанных с влечением ребенка к родителю противоположного пола, Фрейд ввел понятие *эдипова комплекса*. Многочисленные факты существования данного феномена Фрейд убедительно иллюстрировал сюжетами мировой мифологии и литературы. Особое значение, и по существу второе рождение, получил древнегреческий *миф об Эдипе*.

Миф об Эдипе дал название концепции эдипова комплекса. Со времен Фрейда и до сих пор психоанализ рассматривает эдипальные переживания как ключевой момент развития либидо. Говоря о развитии либидо, Фрейд выделил три больших периода психосексуального развития человека: период инфантильной (детской) сексуальности; период латентной (скрытой) сексуальности; период генитальной (взрослой) сексуальности.

Периоды психосексуального развития соответствуют определенным фазам *созревания сексуального влечения* и постепенного развития способности к формированию *объектных отношений*. В ходе развития отдельные области тела ребенка (эротогенные, или эрогенные, зоны) становятся важными участками удовольствия или неудовольствия. Сначала оральная зона (рот, губы, язык), затем анальная, уретральная и, наконец, генитальная области наделяются повышенной способностью к обеспечению удовольствия и разрядке напряжения.

Период инфантильной сексуальности начинается с *оральной стадии*, которая длится до года и характеризуется доминированием удовольствия от сосания/кусания. На данной примитивной ступени сексуальной организации главную роль играет эрогенная зона рта. Существенное значение также имеют тактильные ощущения. Главным объектом на этом этапе любви выступает материнская грудь.

Следующая — *анальная стадия* протекает в возрасте от года до трех. Здесь доминирует удовольствие от напряжения и расслабления тела, в том числе мышц

Миф об Эдипе

Эдип — сын царя Лая и его жены Иокасты, один из самых трагических героев греческих мифов и драм. Своей известностью Эдип прежде всего обязан Софоклу, который, используя древние фиванские предания, в двух своих трагедиях создал его образ.

Софокл повествует:

Судьба Эдипа была предопределена страшным проклятием, которое навлек на себя его отец Лай, похитивший юного Хрисиппа (сына гэлидского царя Пелопа). Это проклятие должно было преследовать род Лая до третьего поколения, а первой его жертвой должен был стать сам Лай, обреченный пасть от руки собственного сына. Поэтому, когда у Лая родился сын, он велел рабу бросить его в лесу на склонах Киферона, чтобы дикие звери растерзали его. Для большей верности он проколол младенцу ноги у лодыжек и связал их ремнем. Но раб пожалел ребенка и отдал его пастуху, случайно встреченному в лесу, а пастух принес мальчика своему господину, бездетному коринфскому царю Полибу. Полиб усыновил мальчика, дал ему имя Эдип (Ойдипус, то есть «с опухшими ногами») и вместе со своей женой Меропой воспитал его так, как подобает наследнику трона.

Эдип, конечно, считал Полиба и Меропу своими родителями. Все было хорошо, пока один подвыпивший коринфский юноша не обозвал Эдипа подкидышем. Эдип рассказал об этом Полибу и Меропе и по их реакции догадался, что они скрывают от него правду. Тогда он отправился в Дельфы, чтобы узнать от оракула о своем происхождении. Однако Пифия (оракул) ничего не сказала Эдипу о его прошлом, зато предсказала ему будущее: он убьет своего отца, женится на собственной матери и она родит ему сыновей, которых он проклянет, желая им смерти.

Потрясенный Эдип решил сделать все, чтобы не дать пророчеству сбыться. Пифия не назвала ему имена родителей, значит, ими вполне могли быть Полиб и Меропа. В этом случае Эдипу нельзя было к ним возвращаться. Он предпочел остаться безродным бродягой, только бы не подвергать жизнь своих родителей опасности.

Но может ли человек избежать своей судьбы? Эдип не вернулся в Коринф и пошел прямым путем в Фивы. В узком ущелье под Парнасом Эдип повстречался с колесницей, на которой восседал какой-то знатный старец. Эдип уступил дорогу, но возничему этого показалось мало, он грубо велел Эдипу сойти в придорожную канаву и для большей убедительности хлестнул его бичом. Эдип ответил ударом на удар и хотел продолжать свой путь, но тут

сфинктера. По мнению Фрейда, на первом плане в этой фазе выступают садистские и анальные частичные влечения. Противоположность мужского и женского пока не имеет большого значения, она заменяется противоположностью активного и пассивного, которую Фрейд называет предшественницей сексуальной полярности. Здесь также сильно проявляются влечения к разглядыванию и познанию.

От трех до шести лет можно говорить о *фаллической стадии* развития либидо. Это время, когда в полной мере разворачивается эдипов комплекс. Ребенок

поднялся достойный старец и ударил его своим посохом. При всем уважении к сединам Эдип не удержался и ответил ему тем же. Удар оказался слишком сильным, и старец скончался на месте. Его спутники набросились на Эдипа, но он перебил их всех, за исключением одного раба, сбежавшего в самом начале боя.

Первая часть пророчества сбылась: незнакомый старик, убитый Эдипом, был его отцом Лаем, который направлялся в Дельфы вопросить оракула, как избавить Фивы от Сфинкса — чудовища с телом льва и головой женщины. Вместо Лая в Фивы вернулся раб, сообщивший, что царь погиб от рук разбойников.

Придя в Фивы, Эдип избавил город от чудовища-Сфинкса. Благодарные фиванцы провозгласили Эдипа своим царем. Эдип поселился в царском дворце и женился на Иокасте. Пророчество вновь сбылось. Иокаста родила ему двух дочерей и двоих сыновей.

На двадцатом году благополучного правления Эдипа в Фивах начала свирепствовать моровая язва, сопровождавшаяся неурожаем. По просьбе Эдипа Креонт (брат жены-матери) отправился в Дельфы, чтобы узнать, как избавиться от этого бедствия. Пифия ответила, что фиванцы должны изгнать из своей среды убийцу Лая, который навлек на город кару богов.

Слепой прорицатель Тиресий заявил: «Так знай же, Эдип, что ты — убийца своего отца! И ты же по неведению женился на собственной матери!» Эдип призвал к себе Иокасту, и та поведала ему историю своего сына.

В это время пришло известие, что умер Полиб. Меропа звала Эдипа на царство и сообщала, что он не родной их сын, а найденыш. Иокаста поняла все. Со страшным криком она бросилась в свою спальню и лишила себя жизни.

Приведенный раб подтвердил, что не выполнил приказа Лая и действительно отдал новорожденного пастуху царя Полиба. Он же был тем самым спутником царя Лая, который остался в живых после роковой стычки в ущелье под Парнасом, когда Эдип по незнанию убил своего родного отца.

Вне себя от отчаяния Эдип бросился в спальню Иокасты и нашел свою супругу и мать уже мертвой. Эдип выдернул из платья Иокасты золотую булавку и выколол себе глаза. Он отправился в изгнание как человек, ненавистный богам, навлекающий беды на общество. Сопровождаемый дочерью, добровольно последовавшей за ним в изгнание, Эдип долго скитался. Наконец он пришел в священную рощу Эвменид, чтобы покинуть этот мир [27. С. 367–370].

начинает проявлять явный интерес к родителю противоположного пола. Одновременно с этим по отношению ко второму родителю могут проявляться враждебность, ревность и желание его устранения. Там, где несколько детей, отец нередко отдает предпочтение дочери, а мать — сыну, эдипов комплекс разрастается в семейный. Фрейд отмечает, что первый выбор объекта у людей всегда инцестуозный, у мужчины — направленный на мать и сестру, у женщины — на отца и брата [140].

Латентный период протекает от шести до одиннадцати лет и характеризуется временным снижением активности сексуальных влечений. Большинство более ранних переживаний вытесняются, подвергаясь инфантильной амнезии. Фантазии и жизнь ребенка в это время подготавливают последующее отделение от родительских объектов.

Далее наступает период *генитальной* (*взрослой*) *сексуальности*, начинающийся с подросткового возраста и длящийся всю последующую жизнь. С достижением подросткового этапа у индивида появляется возможность сексуального удовлетворения посредством *внешнего объекта*. Теперь он вынужден противостоять собственным фантазиям и желаниям, часть которых является дериватами парциальных (частичных) влечений.

Отрочество становится поворотным пунктом развития либидо и подчинения всех частичных влечений примату гениталий. Иначе говоря, все сексуальные влечения объединяются в общую организацию. Фрейд писал: «*С этого времени индивид должен посвятить себя великой задаче отхода от родителей, и только после ее решения он может перестать быть ребенком, чтобы стать членом социального целого. Для сына задача состоит в том, чтобы отделить свои либидинозные желания от матери и использовать их для выбора постороннего реального объекта любви и примириться с отцом <...> или освободиться от его давления*» [120. С. 214]. Фрейд замечает, что невротикам не удается такое решение.

После того как сексуальные элементы организуются в единую систему (с доминированием генитальных тенденций), остатки инфантильной сексуальности находят нормальное выражение в виде предварительной эротической игры (взгляды, прикосновения, поцелуи и т. п.). Сексуальное созревание сочетается, как правило, с укрощением агрессивного влечения и возрастанием контроля над влечениями. При этом *две составляющие сексуальности — эротические*, телесно окрашенные влечения и *нежные* (душевные) чувства к объекту любви сливаются воедино.

Некоторые индивиды, однако, не достигают взрослой генитальной организации вследствие врожденных особенностей, проблем развития или неразрешенного интрапсихического конфликта. Их сексуальная активность напоминает таковую при инфантильной сексуальности с точки зрения условий или способа разрядки. Например, человек, получающий сексуальное удовлетворение от обнажения, подобен маленькому ребенку, с удовольствием демонстрирующему свое тело родителям. Аналогично гомосексуальность можно рассматривать как фиксацию на раннем этапе развития — этапе нарциссизма, когда любовь ребенка была обращена на собственное Я.

Теория нарциссизма

Первоначально человек имеет два сексуальных объекта: самого себя и воспитывающую его женщину.

З. Фрейд

Теория нарциссизма представляет собой еще один важный раздел в метапсихологии Зигмунда Фрейда, образующей методологическую основу современного психоанализа.

Древние греки отвели феномену нарциссизма особое место, заточив его в форму одноименного мифа, весьма запутанного и неоднозначного.

Миф о Нарциссе

Нарцисс (Наркисс, греч.) родился от связи речного бога Кефисса и нимфы Лириопы. После его появления на свет предсказатель поведал родителям, что их первенец проживет долго, если не увидит своего лица.

Нарцисс вырос необычайно красивым и в то же время очень несмелым юношей. Всем занятиям он предпочитал одинокие прогулки по лесам. Из-за того что он избегал общества своих сверстников и сверстниц, нимфы считали его самовлюбленным и высокомерным. Когда Нарцисс отверг любовь нимфы Эхо, та с горя высохла настолько, что от нее остался один голос. Подруги Эхо попросили могущественную Афродиту наказать Нарцисса. И Афродита услышала мольбы нимф. Она послала на землю богиню мести Немезиду и своего сына Эрота. Немезида направила Нарцисса к озеру, в водной глади которого он впервые увидел свое лицо, а Эрот пронзил сердце юноши стрелой любви.

Так по воле Афродиты Нарцисс влюбился в самого себя, вернее в свое отражение в водах лесного источника. По одной версии, стремясь обнять собственное отражение, Нарцисс упал в воду и утонул; по другой — Нарцисс зачах от неразделенной любви к своему двойнику, увиденному на поверхности водной глади.

Узнав о смерти Нарцисса, нимфы сжалились над ним и решили достойно похоронить. Но вместо его тела они нашли шафранный цветок с белоснежными лепестками, впоследствии получивший имя героя.

В Спарте цветок нарцисса был излюбленным орнаментом, в остальных частях Греции он считался цветком смерти [27. С. 228–229].

Мы видим, как древний миф соединил в этом образе, казалось бы, несоединимые вещи — смерть, сексуальную любовь и любовь к самому себе. Одновременно мы убеждаемся, что переживания человека по отношению к себе самому имеют такую же древнюю историю, как и отношения с окружающими. Нарциссизм развивался параллельно с развитием самосознания человечества. Отдавая дань мифам, мы все же должны признать, что тема нарциссизма не была главной в жизни древних цивилизаций.

Нарциссизм также не был господствующим переживанием европейцев XIX века. Зигмунд Фрейд не сразу обратил внимание на данный феномен. В его первоначальных работах упоминания о нарциссизме отсутствуют. Сам термин «нарциссизм» предложен Некке в 1899 году после осуществленного Хэвлоком Эллисом сопоставления греческого мифа о Нарциссе со случаем мужской аутоэротической перверсии (сексуального «извращения»). Некке описал состояние, при котором человек относится к собственному телу как к сексуальному объекту — любуясь им и лаская с последующим получением сексуального удовлетворения [84].

З. Фрейд впервые использовал данный термин только в 1910 году (спустя пятнадцать лет от момента зарождения психоанализа) для обозначения гомосексуального выбора объекта. Фрейд показал, что гомосексуалисты видят сексуальный объект в самих себе, они исходят из *нарциссической установки* и ищут похожих на себя молодых людей, которых они могли бы любить так же, как мать любила их.

Открытие нарциссизма подтолкнуло Фрейда к предположению о существовании *особой стадии психосексуального развития*, промежуточной между аутоэротизмом и объектной любовью (1911 год). В своей работе «Тотем и табу» он говорит, что на определенном этапе развития субъект начинает видеть объект любви в самом себе, в своем теле, что позволяет впервые свести сексуальные влечения воедино [139].

В 1914 году Фрейд посвящает данному феномену специальную работу, названную «К введению в нарциссизм». Фрейд признает нарциссизм универсальным психологическим явлением, присущим человеческой природе вообще, а не только ее частным патологическим проявлениям: «*Нарцизм в этом смысле не является перверзией, а либидонозным дополнением к эгоизму инстинкта самосохранения, известную долю которого с полным правом предполагают у каждого живого существа*» [132. С. 109].

З. Фрейд анализирует нарциссизм прежде всего на примере *парафрении* (*формы шизофрении*), которую он причислял к нарциссическим неврозам в отличие от собственно неврозов — «неврозов перенесения» (конверсионная истерия, невроз навязчивости, истерия страха). Фрейд подчеркивает, что у невротиков хотя и нарушается нормальное отношение к реальности, но сохраняется эротическое отношение к людям *в области фантазии*. В случае же психозов «*либидо совершенно отщепилось от людей и предметов внешнего мира <...> Либидо, оторвавшись от внешнего мира, обращается на собственное Я, и таким образом создается состояние, которое мы можем назвать нарцизмом*» [132. С. 110].

Зигмунд Фрейд выделяет два вида нарциссизма — *первичный и вторичный*. Первичный нарциссизм характеризует ранний период детства, когда либидо ребенка полностью обращено на себя, а субъективный и объективный мир слиты воедино. Младенец получает удовольствие преимущественно от своего тела, маленький ребенок верит в свое совершенство и всевластие.

Чуть позже особенности детского эгоцентрического мышления были экспериментально изучены (1923 год) швейцарским психологом Жаном Пиаже. Пиаже рассматривал эгоцентризм как главную особенность детского (дошкольного) мышления. В ходе своих исследований он обнаружил в мышлении ребенка такие особенности, как *магия* (словам и жестам придается сила воздействия на внешние предметы), *анимизм* (предметы наделяются сознанием и волей), *артифициализм* (явления окружающего мира считаются изготовленными людьми для своих целей). Эти свойства мышления отражаются и в эгоцентрической речи маленького ребенка, который говорит как бы «для себя» без обращения к окружающим.

В работе «К введению в нарциссизм» Фрейд обращает внимание на то, что у примитивных народов мы можем наблюдать «детские» черты, одновременно схожие с бредом величия, — то же «всемогущество мысли», вера в сверхъестественную силу слова, «магические» действия [128].

Таким образом, Фрейд рассматривал первичный нарциссизм прежде всего как раннюю стадию психосексуального развития, приходящую на смену недифференцированному аутоэротизму и, в свою очередь, сменяющуюся стадией объектных отношений. Это означает, что в ходе развития какая-то *часть* либидо переносится на внешние объекты (*объект-либидо*), а какая-то — остается в Я (*Я-либидо*). Препятствия на пути развития объектной любви могут привести к фиксации на нарциссической стадии развития. В этом случае личность оказывается не способной к длительной привязанности.

В норме: лица, которые кормят ребенка и ухаживают за ним, становятся его первыми сексуальными объектами. Фрейд говорит: «*Первоначально человек имеет два сексуальных объекта: самого себя и воспитывающую его женщину*» [128. С. 122].

Высшей фазой развития объект-либидо выступает состояние влюбленности, которая состоит в излиянии Я-либидо на объект. Для влюбленности характерен как отказ от собственной личности в пользу любимого объекта, так и переоценка любимого человека — его идеализация. «*Идеализация — процесс, происходящий с объектом, благодаря которому этот объект, не изменяясь в сущности, становится психологически более значимым и получает более высокую оценку. Идеализация одинаково возможна как в области Я-либидо, так и объект-либидо*» [128. С. 122].

Фрейд выделяет *два пути выбора объекта любви* — по нарциссическому и опорному типу. Он поясняет, что человек любит по нарциссическому типу: а) то, что сам собой представляет (самого себя); б) то, чем прежде был; в) то, чем хотел бы быть; г) лицо, бывшее частью самого себя. По опорному типу объект выбирают как: а) вскармливающую женщину; б) защищающего мужчину [128]. Например, любовь родителей к своим детям связана с возрождением их собственного детского нарциссизма. Родитель любит то, каким когда-то считал себя, когда сам был собственным идеалом. В то же время нередко родители ожидают, что ребенок будет соответствовать их Я-идеалу и реализует то, что им оказалось недоступным.

З. Фрейд отмечает тесную связь между нарциссизмом и таким образованием, как *Я-идеал*. Образование Я-идеала повышает требования Я. Совесть, входящая в идеал Я, является той наблюдающей инстанцией, которая дает нарциссическое удовлетворение или лишает его. Институт совести сначала воплощает родительскую критику, затем критику общества. То, что не соответствует требованиям совести, может вытесняться, образуя симптомы. Таким образом, идеал Я является также общим идеалом семьи, класса, нации.

Нормальное развитие связано с отходом от первичного нарциссизма и со стремлением вернуться к нему. Раскрывая этот механизм, Фрейд отмечает, что либидо перемещается на постепенно формирующийся Я-идеал и последующее удовлетворение достигается за счет осуществления этого идеала. Следовательно, наше психологическое самочувствие зависит от того, насколько мы нарциссически удовлетворены. Иными словами, нарциссическое удовлетворение имеет место, если: 1) мы любим; 2) наша привязанность находится в согласии с нашей совестью — с нашим Я-идеалом; 3) любят нас. З. Фрейд пишет: «*Известная доля самочувствия первична, это остаток детского нарциссизма, другая часть исходит от подтвержденного опытом всемогущества* (*воплощения Я-идеала*), *третья часть — из удовлетворения объект-либидо*» [128. С. 124].

Нарциссический возврат либидо к самому себе проявляется *в норме* во время сна или во время мучительной болезни. Нарушения распределения либидо между объектами и Я приводят к различной патологии. Например, невротики страдают от чувства малоценности и обеднения Я вследствие слишком большой отдачи либидо (энергии) объектам (значимым людям и переживаниям, связанным с ними). При других нарушениях — психозах, напротив, соответствующая часть либидо полностью отнимается от внешних и внутренних объектов и обращается на Я, что проявляется как отрыв от реальности. Данное нарушение рассматривается как регресс к состоянию первичного нарциссизма. Аналогично вторичный нарциссизм характеризуется более поздним изъятием либидо из объектных отношений и обращением вновь на Я.

С легкой руки Фрейда термин «нарциссизм» получил широкое распространение. Он рассматривается как проявление энергии, обращенной на самого себя. Нарциссические переживания в той или иной степени присущи всем людям. Они многогранно проявляются в переживаниях по поводу себя и в самооценке. В дальнейшем психоаналитики сосредоточили внимание на межличностных аспектах нарциссизма, одновременно с этим было введено понятие «*нарциссическая личность*». В настоящее время термин «нарциссизм» рассматривается в двух основных значениях: как *универсальное свойство психической жизни* и как *расстройство личности или характера* [39, 42, 52].

Таким образом, тема любви к себе развивалась от объяснения гомосексуализма и аутоэротизма к описанию широкого спектра расстройств характера, объединенных названием «нарциссизм». В настоящее время нарциссизм рассматривается не только как свойство индивида, но и как характеристика целых культур.

Я и Оно (структурная модель)

Мы назвали психоанализом работу, посредством которой мы возвращаем в сознание вытесненные психические содержания.

З. Фрейд

Представления Фрейда о бессознательном непрерывно развивались и постепенно оформились в то, что современные психоаналитики называют *структурная*, или *трехкомпонентная*, *теория психического аппарата*, в которой бессознательное, по существу, преобразовано Фрейдом в понятие «Оно». Если проследить за развитием представлений Фрейда с момента опубликования его первой книги о сновидениях в 1899–1900 годах и вплоть до его «Очерков о психоанализе» (1938 год), то становится очевидным изменение его теоретической концепции психического аппарата — от топографической модели к структурной.

Как отмечалось ранее, первоначально Фрейд выделил в психике несколько уровней: бессознательное — предсознательное — сознательное. Практически параллельно Фрейд разрабатывал так называемую структурную концепцию психического аппарата, или «вторую топику». *Структурная модель* описывает три системы, или силы: Оно, Я и Сверх-Я (в англоязычной версии — Ид, Эго и Супер-

Эго). Психологическое благополучие личности зависит от того, насколько эффективно взаимодействуют эти три подструктуры.

Оно (*Ид*) — термин использованный для обозначения той (большей) части психики, которая содержит примитивные желания, импульсы, иррациональные стремления, комбинации «страх — желание» и фантазии. По образному сравнению Фрейда, *Оно — это «хаос, котел, наполненный кипящими эмоциями страстями»* [143].

Деятельность Ид направлена на обеспечение свободной разрядки возбуждения в *соответствии с принципом удовольствия*. Ид довербально выражает себя в образах и символах, не имеет понятия о времени, морали, ограничениях или о том, что противоположности не могут сосуществовать. З. Фрейд назвал этот примитивный уровень познания, продолжающий жить в языке сновидений, шуток и галлюцинаций, *первичным процессом мышления*. Ид относительно неизменно и полностью бессознательно, но его существование и власть могут быть выведены из *дериватов* — мыслей, действий и эмоций. Мы видим, что фрейдовское понятие Ид в ряде случаев совпадает с понятием бессознательного.

Я (*Эго*) — имя тех функций, которые позволяют приспосабливаться к требованиям жизни и находить пути, доступные в пределах данной семьи, для управления устремлениями Ид. Эго развивается непрерывно в течение всей жизни, но наиболее быстро — в детстве, начиная с раннего младенчества. Эго функционирует в соответствии с *принципом реальности* и является колыбелью *вторичного процесса мышления* (последовательного, логического, ориентированного на прогнозирование). Таким образом, Эго является посредником между требованиями Ид и ограничениями среды. Оно имеет как сознательный, так и бессознательный аспект. Сознательное Эго — то, что большинство людей понимает под термином «Собственное Я», или «Я», бессознательное Эго включает в себя *защитные процессы*.

Как правило, Эго оказывается слабее Ид, поэтому оно преобразовывает желания Ид в действия так, как будто желания Ид являются его собственными желаниями. Не находящие выхода чувства становятся источником внутреннего напряжения, требующего разрядки и ощущаемого как *тревога*. В структурной модели Фрейд определял тревогу как *специфическое состояние неудовольствия*, как универсальную реакцию на опасность — реальную или потенциальную. Тревога может быть: реалистической (вызванной опасностью во внешнем мире), моральной (вызванной конфликтом с Супер-Эго) или невротической (вызванной конфликтом Эго и Ид). Тревога сигнализирует о наличии *структурного конфликта*, который лежит в основе большинства поведенческих и личностных проблем.

Кроме Оно и Я было введено понятие «*Сверх-Я*» («Супер-Эго») для той части психического аппарата, которая является отражением остаточного родительского влияния. Главной задачей Сверх-Я, по мнению З. Фрейда, является подавление требований Оно посредством *морального влияния на Я*. Основными функциями данной инстанции при этом выступают *идеал, самонаблюдение* и *совесть*.

В основе внутренних стандартов и запретов лежат прежде всего идентификации с родительскими фигурами. Так, первоначально ребенок прибегает к самоограничению из-за боязни потерять любовь или из-за опасения агрессии со сторо-

ны внешнего, родительского авторитета. Впоследствии он начинает действовать исходя из страха перед внутренним авторитетом — Супер-Эго. Действия, совершенные вопреки голосу совести, могут вызвать чувства неполноценности, вины или потребность в наказании. Личностные проблемы в равной степени могут быть как следствием недостаточно сформированного, так и проявлением слишком жесткого Супер-Эго.

Например, в ситуации потери любимого человека (разлюбил, бросил, погиб) может возникать тяжелое депрессивное состояние вплоть до суицидальных намерений. В работе «Печаль и меланхолия» (1917 год) З. Фрейд рассматривает динамику взаимоотношений подструктур личности, приводящую к болезненному исходу [136]. Некоторые люди в такой ситуации вместо «нормальной» печали переживают особое состояние меланхолии (депрессию) с резким ухудшением самочувствия и обеднением Я. Какая-то часть Я умирает с уходом любимого человека. Возникает невыносимое ощущение внутренней пустоты. З. Фрейд писал: «*Объект любви утрачен <...> При печали обеднел окружающий мир, при меланхолии — само Я*» [136. С. 217].

При этом депрессия, по мнению З. Фрейда, вызывается жестокой критикой Супер-Эго. Я становится недостойным, ни к чему не годным, потерявшим самоуважение. Человек предается самоупрекам, которые при внимательном рассмотрении относятся не к самому человеку, а к любимому им лицу. Я отождествляется с оставленным объектом, потеря объекта превращается в потерю Я, а критика — в самокритику. Таким образом, неосознаваемая ненависть по отношению к любимому человеку, причинившему боль, направляется на собственное Я. Человек стремится наказать себя вплоть до садистического удовлетворения и самоубийства. «*Только этот садизм разрешает загадку склонности к самоубийству*», — утверждает З. Фрейд [136. С. 221].

Поздние работы З. Фрейда и его анализ Я послужили толчком к развитию такого направления в психоанализе, как *эго-психология*. Эго-психология изучает различные функции Я, в том числе процессы, которые сегодня объединяются общим понятием «*защита*». Под защитой в психоанализе принято понимать «*совокупность действий, нацеленных на уменьшение или устранение любого изменения, угрожающего целостности и устойчивости индивида*» [60. С. 145]. Иными словами, это любые бессознательные процессы, которые направлены на уменьшение болезненных аффектов — тревоги, депрессии, стыда или вины. Поддерживая внутреннее равновесие, защитные механизмы способны искажать различные аспекты реальности.

Термин «защита» встречается уже в ранних работах З. Фрейда. При анализе истерии понятие защиты вышло на первый план, хотя и было отождествлено исключительно с *вытеснением* (сейчас вытеснение — это только одна из форм защиты). Долгое время данные понятия применялись как взаимозаменяемые. В 1936 году вышла в свет книга дочери З. Фрейда — *Анны Фрейд* (1895–1982) «Я и защитные механизмы», где автором впервые был использован термин «*защитный механизм*» и описаны десять форм «деятельности Я, выполняющих защитную функцию» [115].

В современном психоанализе принято деление защит на *примитивные* (*первичные, архаичные*) и более *зрелые* (*вторичные*). Среди архаичных защит выде-

ляют: примитивную изоляцию, отрицание, всемогущий контроль, примитивную идеализацию и обесценивание, проекцию, интроекцию и проективную идентификацию, расщепление, диссоциацию [68]. Примером примитивной изоляции могут служить ситуации, когда младенец попросту засыпает, то есть автоматически переходит в другое состояние сознания от перевозбуждения или неудовольствия. Во взрослом возрасте стремление избегать напряжения может проявиться в склонности использовать алкоголь или наркотики, уходя от решения проблем. Проекция, в свою очередь, активно участвует в формировании агрессии и садизма. Агрессор приписывает жертве те отрицательные черты, которые на деле присущи ему самому. Например, преступники, как правило, уверены, что их спровоцировали и с ними были несправедливы.

Вторичные, более зрелые защитные механизмы предположительно формируются на более поздних этапах психосексуального развития и являются относительно более продуктивными — способствующими лучшему разрешению внутренних конфликтов и лучшей адаптации к реальности. Среди них: вытеснение, регрессия, изоляция, интеллектуализация, рационализация, морализация, раздельное мышление, поворот против себя, смещение, реактивное образование, соматизация, аннулирование, реверсия, идентификация, отреагирование вовне, сексуализация, сублимация [68, 115].

В целом феномены, которые называются психологическими защитами, выполняют множество полезных функций, связанных с адаптацией и саморегуляцией. Проблемы появляются тогда, когда защиты неадекватны или недостаточны для нормальной адаптации. З. Фрейд в более поздних работах рассматривал психопатологию как состояние, при котором защиты не справляются с внутренней или внешней реальностью. В этом случае тревога ощущается, несмотря на привычные средства борьбы с ней, а поведение, маскирующее тревогу, является саморазрушительным в широком смысле.

***

Мы проанализировали основные концепции классического психоанализа, которые образуют *метапсихологию З. Фрейда* и одновременно составляют теоретико-методологическую основу для всех аналитических концепций и терапевтических подходов. Понятие «метапсихология» используется в современном психоанализе в двух основных значениях — широком и узком. В широком смысле — это совокупность теорий, составляющих концептуальную основу психоаналитической терапии; в узком — ряд базовых концепций З. Фрейда [64, 84]. По мнению Р. Гринсона, «*понятие психоаналитической метапсихологии относится к тому минимальному количеству допущений, на которых базируется система психоаналитической теории*» [23. С. 38].

В современном психоанализе выделяют *шесть метапсихологических подходов*: топографический, динамический, экономический, генетический, структурный, адаптивный. Это одновременно и теории психоанализа, и аспекты рассмотрения психической динамики пациента. Последнее означает то, что для полного понимания любого психического феномена необходимо проанализировать его с шести различных точек зрения. *Топографическая модель* была исторически первой. В соответствии с данной точкой зрения все психическая жизнь индивида имеет

два качественно различных уровня функционирования: сознательный и бессознательный, главными характеристиками последнего являются архаичные и примитивные процессы [137]. *Динамический подход* предполагает, что психические феномены порождаются интрапсихическими конфликтами. В результате взаимодействия конкурирующих сил — влечений, защит, интересов Эго, требований реальности — возникают симптомы как компромиссные образования. *Экономический взгляд* связан с распределением, преобразованием и расходом психической энергии. Связывание, нейтрализация, сексуализация и сублимация — суть экономические процессы. *Генетический анализ* используется в форме изучения происхождения и развития психических феноменов. В рамках данного подхода рассматриваются биологические и конституциональные факторы, а также инфантильные переживания и индивидуальный опыт [120]. *Структурный подход* предполагает выделение в психическом аппарате несколько функциональных единиц: Ид, Эго и Супер-Эго. Любое психическое событие можно рассматривать с точки зрения динамики взаимодействия данных инстанций [143]. Перечисленные аспекты в настоящее время дополнены *адаптивным подходом*, суть которого состоит в рассмотрении взаимосвязей индивидуальных процессов и окружающей среды [148, 167].

Определяя, что есть психоанализ, З. Фрейд указывал, что под ним одновременно скрываются: способ исследования психических процессов; метод лечения неврозов; ряд возникших в результате этого психологических концепций. Решению последней задачи Фрейд придавал особое значение, надеясь на возможность создания общей психологической теории, названной им *метапсихологией*.

ГЛАВА 2

Психоанализ культуры и общества

Зигмунд Фрейд о происхождении культуры и религии

Научное значение психоанализа важнее медицинского. От его воздействия на массы через разъяснение заблуждений больше пользы, чем от излечения отдельных людей.

З. Фрейд

Через сорок лет врачебной практики, пройдя через естествознание, медицину и психотерапию, «после окольного пути длиною в жизнь» Фрейд возвратился к анализу культуры. Законы психической жизни индивида, сформулированные им к этому времени, были применены к объяснению культурных феноменов. Для Фрейда народы и государства являются «великими индивидами», а события истории человечества в полной мере отражают интрапсихические конфликты между Я, Оно и Сверх-Я, хотя и на более широкой арене. Народы, как и отдельная личность, могут страдать от конфликтов или травм вследствие воспоминаний, уходящих корнями в глубокую древность. Подобно отдельному человеку, «человечество как целое» может заболеть неврозом или «бредовыми образованиями», например в форме религиозных верований.

Психоанализ общества начинался с работ о религии. Будучи атеистом, Фрейд материалистически интерпретировал психологические корни религиозных верований на протяжении всей своей жизни. Работы Фрейда позволяют воспроизвести логику его рассуждений. Защищаясь от враждебных сил природы, человек, подобно маленькому ребенку, пытается компенсировать свою слабость фантазиями величия и независимости. Основной формой проявления таких фантазий является вера в Бога. Последняя ограничивает мышление и проявляет себя так, словно «мир — это детская комната». Одна из ключевых идей Фрейда состоит в том, что *в религии, как в зеркале, проявляются инфантильные потребности и переживания индивидов* [141].

Фрейд проводит параллель между верующим человеком и невротиком. В работе «Навязчивые действия и религиозные обряды» (1907 год) он подчеркивает, что религиозные церемониалы аналогичны навязчивым действиям невротиков. И те и другие образуются на фоне внутренних запретов. При этом запреты могут касаться ничтожных мелочей, которые, однако, должны исполняться самым скрупулезным образом,

поскольку в противном случае все нужно повторить сначала. Обычно такие действия сопровождаются сомнениями и страхом сделать что-нибудь не так [141].

Как и в случае навязчивых действий, в религиозных отправлениях истинные мотивы поведения остаются бессознательными. Для тех и других характерно, что человек ведет себя так, словно над ним довлеет чувство вины. В свою очередь, оно порождает страх ожидания беды, который усиливается в ответ на искушения. Таким образом, религиозный церемониал возникает как *защитное поведение*, ограждающее от сексуальных или агрессивных влечений. Если такие предосудительные импульсы все-таки прорываются, набожный человек пытается защитить себя покаянием. Фрейд приходит к выводу: «*Невроз навязчивости следует понимать как патологический эквивалент религиозного образования, невроз — как индивидуальную религиозность, а религию — как универсальный невроз навязчивости*» [163. С. 268].

Религия становится движущей силой развития культуры через отказ от влечений. Вера в божество имеет ту же природу, что и мифология. Бессмертие, воздаяние, потусторонние силы, по мнению Фрейда, это все — *эндопсихические мифы*, а точнее неясные образы нашего собственного внутреннего мира, спроецированные вовне. В работе «Поэт и фантазирование» (1908 год) Фрейд писал: «*Вполне вероятно, что мифы соответствуют искаженным остаткам желаний-фантазий целых наций, вековым мечтаниям юного человечества*» [141. С. 134].

Беспомощность человека, не связанная с детскими переживаниями, например страх перед трудностями судьбы, по Фрейду, не имеет отношения к религии. В качестве реакции на нее взрослый человек демонстрирует «здоровые качества»: упорство, стойкость и принятие реальности.

Следующая идея Фрейда касается очевидной, с его точки зрения, связи между отношением к Богу и отношением к отцу. Фрейд рассматривал постоянное воспроизведение эдипова конфликта в ряду поколений людей как основу для проекции личного божества. В эссе «Воспоминание детства Леонардо да Винчи» (1910 год) читаем: «*Психоанализ показал, что личный Бог в психологическом отношении есть не что иное, как возвеличенный отец, и каждый день демонстрирует нам, что молодые люди утрачивают религиозную веру, как только у них рушится авторитет отца*» [141. С. 205].

Таким образом, Фрейд видит корень религиозной потребности в «родительском комплексе». Всемогущий, справедливый Бог и милостивая природа являются сублимациями ранних детских представлений об отце и матери.

Другим источником страха, приводящим к религиозным чувствам, выступают *культурные запреты*. Фрейд обращает наше внимание, что культура в целом построена на подавлении влечений. Подавленные сексуальные и агрессивные влечения сублимируются в творчество, а также религию и другие формы социальной жизни. Вместе с тем с ограничением сексуальной активности у народа в целом возрастает страх жизни и страх смерти.

Сексуальная неудовлетворенность может не только сублимироваться в социально приемлемые формы активности, но и приводить к неврозам. Фрейд указывает на один из наиболее распространенных механизмов такого превращения: неудовлетворенная мужем невротическая женщина становится слишком нежной и тревожной по отношению к ребенку — в этом случае мать полностью перено-

сит свою потребность в любви на ребенка; это, в свою очередь, возбуждает эмоциональную жизнь ребенка, заставляя его в самом нежном возрасте испытывать сильные чувства, к которым он не готов, — любовь, ревность и ненависть. Если чрезмерная чувственная стимуляция сопровождается при этом строгим воспитанием и запретом сексуальных проявлений, то формируется конфликт между рано пробудившейся сексуальностью и сдерживающей ее силой. Этот конфликт содержит в себе все для последующего невроза [163]. В «Анализе фобии пятилетнего мальчика» (1909 год) Фрейд выдвигает требование «сделать индивида при наименьших потерях в его активности социально полезным и пригодным для культурной жизни». Он считает это вполне возможным и необходимым без обращения к религии [117].

Идея Карла Юнга относительно того, что фантазии некоторых душевнобольных людей и невротиков совпадают с мифологическими космогониями древних народов, побудила Фрейда исследовать эту тему и написать ряд работ, особое место среди которых занимает такое произведение, как «Тотем и табу» (1912 год). Здесь Фрейд впервые пытается применить психоаналитические идеи к «*невыясненным проблемам психологии народов*». Опираясь на труды Фрезера, Вундта, а также на многочисленные этнографические исследования, Фрейд изучает сходство между ребенком, невротиком и примитивным человеком. В ходе изучения автор выдвигает революционный для своего времени тезис, что культура, религия, право и мораль происходят из одного психического источника — *эдипова комплекса*. Отныне этой психоаналитической метафорой будут пронизаны все работы Фрейда [139].

Фрейд отталкивается от допущения, что *между примитивными народами и невротиками есть некое «родство»*. Многочисленные этнографические данные свидетельствуют о том, что *тотемизм* (вера в то, что род происходит от какой-либо части природы) у первобытных людей был основным социальным и религиозным институтом. *Тотем* (животное, растение, сила природы, волшебное свойство, праотец, ангел-хранитель) почитался как родоначальник, могущественный покровитель племени и символ его спаянности. Принадлежность к одному тотему означала для соплеменников нечто большее, чем просто родство по происхождению или по крови. Люди общего тотема не могли заключать между собой брак, нарушение этого предписания предвещало опасность для всего сообщества и каралось как тяжкое преступление.

Фрейд приходит к выводу, что *страх инцеста* представляет собой универсальную черту, характерную одновременно и для дикаря, и для ребенка, и для невротика. Например, ребенку вследствие длительной и тесной связи с родителями может быть присуще желание инцеста, которое впоследствии вытесняется — становится бессознательным. В случае с невротиком наблюдается инцестуозная фиксация либидо, представляющая собой «ядерный комплекс невроза». Любое общество накладывает на инцест запрет — *табу*. Полинезийское слово «табу» по смыслу близко к латинскому «sacer», греческому «hagios», еврейскому «qadosch». Оно совпадает с нашим понятием «*священного ужаса*» — переживания, что существует нечто святое и вместе с тем страшное и запретное. Обычно табуированные запреты лишены очевидной логики, а происхождение их неясно. В то же время на них основана вся социальная жизнь. Вильгельм Вундт называет табу самым древним неписаным законодательным кодексом человечества.

В качестве источника табу Фрейд рассматривает *страх перед действием демонических сил*. Фрейд вновь проводит параллели с неврозом навязчивости, для которого он считает подходящим название «болезнь табу». При навязчивостях запреты столь же загадочны и немотивированны (например, запрет прикосновения), как и табу, они возникают вследствие исходящей изнутри угрозы наказания. При этом в отношении одного и того же объекта проявляется *амбивалентное поведение*. Это означает, что один элемент (например, запрет) осознается, другой же (например, желание) остается в бессознательном человека. Неосознаваемое желание умеет обходить запреты с помощью замещающих объектов, а царящее при этом в психической сфере напряжение проявляется в компромиссных действиях — раскаянии и стремлении искупить вину.

Подводя итоги, Фрейд, говорит: «*Табу есть древний запрет, навязанный извне* (*авторитетом*) *и направленный против сильнейших вождений людей. Желание нарушить его сохраняется в их бессознательном; люди, соблюдающие табу, испытывают амбивалентное отношение к тому, что подлежит табу*» [139. С. 229].

Через осознание вины после нарушения табу Фрейд подходит к вопросу о феномене *совести*, которую он описывает как *внутреннее отвержение некоторых существующих у нас желаний*, в основе которого лежит страх. И обсессивный невротик, и первобытный человек боятся за кого-то другого — за любимого человека, любимую вещь или свой род. Фрейд проводит следующие аналогии: «*Можно сказать, что истерия представляет собой карикатуру на произведение искусства, невроз навязчивости — карикатуру на религию, паранойяльный бред — карикатурное искажение философской системы*» [139. С. 266].

Рассматривая магию, Фрейд говорит, что в ней мысленные отношения путаются с реальными. При этом главным считается «подобие совершенного действия и ожидаемого события». Например, если я хочу, чтобы пошел дождь, мне нужно помолиться. Здесь имеет место *фантазийное исполнение желаний*. Таким образом, ведущую роль в магии играют желания и «всемогущество мысли», при котором признается только то, что соответствует желаниям.

Вслед за Дарвином Фрейд предпринимает грандиозную попытку «исторически вывести» феномен тотемизма и распространить его на формы нашей культуры и религии как *возвращение вытесненного психического материала человечества*. Для этого он сравнивает страх ребенка и первобытного человека перед животными. Фрейд находит причину этого страха в «отце». Он утверждает, что благодаря эдипову комплексу и страху кастрации ребенок занимает амбивалентную эмоциональную позицию по отношению к отцу. Ребенок освобождается от душевного бремени, если переносит враждебные и тревожные чувства на суррогатного отца. Из страха перед отцом ребенок отождествляет себя с животным и реагирует на него столь же амбивалентно, как и на отца.

Аналогично этому первобытные люди идентифицируют себя со своим *животным-тотемом* и проявляют по отношению к нему как прародителю амбивалентные чувства. Почитаемое тотемное животное торжественно умерщвляется и поедается за особой обрядовой тотемной трапезой. Праздничное жертвоприношение дает возможность радостно возвыситься над собственными интересами, подчеркнуть общность между собой и божеством.

В работе «Тотем и табу» Фрейд, по существу, создает *психоаналитический миф о первобытной орде*. В соответствии с гипотезой о тотемической трапезе братья,

изгнанные отцом за то, что возжелали его жен, однажды сговорились, убили и съели отца. Так был положен конец отцовской орде. Жестокий праотец был, несомненно, образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев, теперь в акте поедания они осуществили идентификацию с отцом, присвоив себе часть его силы. Тотемная трапеза, возможно первое празднество человечества, была повторением и торжеством в память этого знаменательного преступного деяния [139].

Фрейд предположил, что после убийства братьями отца и идентификации с ним они столкнулись с усилением «нежных» побуждений в форме сознания вины и раскаяния. Мертвый отец стал вызывать еще более сильные чувства, чем при жизни. То, чему прежде он мешал, люди запретили теперь себе сами, оказавшись в психическом состоянии столь хорошо известного нам из психоанализа запоздалого послушания. Они отреклись от своего поступка, объявив недопустимым убийство заменителя отца — тотема. Они также запретили себе прикасаться к женщинам своего рода. Так из сознания сыновней вины они создали *два фундаментальных табу тотемизма — неприкосновенность тотема* и *запрет инцеста*.

По мнению Фрейда, все возникшие позже религии имеют аналогичное происхождение. В их основе лежит великое драматическое событие, после которого человечество не может обрести покоя. Согласно Фрейду, человеческое общество основывается на соучастии в совместно совершенном преступлении, религия — на сознании вины и раскаянии, нравственность — отчасти на требованиях этого общества, отчасти на покаянии, вытекающем из сознания вины. Таким образом, Фрейд прослеживает две линии, ведущие к религии: *мотив тотемной жертвы* и *отношение сына к отцу*. Он пишет: «*Каждый создает Бога по образу своего отца так, что его личное отношение к Богу зависит от отношения к физическому отцу и вместе с ним колеблется и меняется и что Бог, в сущности, есть не что иное, как возвеличенный отец*» [139. С. 336].

С точки зрения психической динамики это выглядит следующим образом: озлобление против отца — его убийство — раскаяние и возрастание тоски по отцу — возникновение идеала, воплощающего неограниченность власти отца и готовность ему подчиниться. Идеал (божество) вначале принимает форму тотемного животного и лишь на более поздней ступени развития религиозного чувства превращается в Бога. Крайней формой искупления и отрицания злодеяния человека, по Фрейду, является принесение божеству *жертвы*. Сначала в жертву приносили людей, а затем настал черед и самого Бога. Христос «принес в жертву свою собственную жизнь и этим освободил братьев от первородного греха».

В заключение Фрейд пытается перебросить мостик от первобытной орды к нам, современным людям. Он находит его в массовой психике, «в которой осуществляются те же душевные процессы, что и в жизни отдельного человека». Оба главных запрета тотемизма — не убивать тотемное животное и не вступать в отношения с женщиной, принадлежащей тотему, — по содержанию совпадают с обоими преступлениями Эдипа — убийством отца и женитьбой на матери. Запреты на подобные действия закреплены религией, преобразованы в запрет убивать брата, а затем и убивать вообще. Согласно Фрейду, рассмотренные психические процессы продолжаются в следующем поколении благодаря «устному преданию и традиции», а также «наследованию психических диспозиций».

Позднее, в работе «Будущее одной иллюзии» (1927 год), Фрейд обращается к перспективам культуры и религии. По его мнению, религиозные представления надлежит преодолеть как «часть инфантилизма». В этом отношении Фрейд возлагает особые надежды на позитивное влияние психоаналитических идей [119].

Культура, по Фрейду, является результатом не столько труда, сколько *отказа от влечений*. Каждый человек в своем культурном развитии должен преодолеть собственные антисоциальные тенденции. Такие тенденции, считает Фрейд, проявляются в том, что люди «по природе своей не любят работать, и доводы бессильны против их страстей» [119]. Определенную роль в культурном процессе играет влияние вождей, которые «добились обуздания своих собственных порожденных влечениями желаний». Но гораздо более важна способность конкретного человека к воспитанию. В случае болезненной наследственности или чрезмерной силы влечений воспитание и культурное развитие затруднены.

Главным достоянием человеческой культуры Фрейд провозглашает не материальные блага, а духовное богатство в виде нравственного уровня членов общества, в виде обладания идеалами и художественными творениями. Ведущими позитивными источниками человеческого удовлетворения, по мнению Фрейда, выступают: нарциссическая гордость за успешно сделанную работу и удовольствие от искусства. Напротив, религия является проявлением беспомощности и одновременно способом преодоления бессилия человека перед лицом неумолимой природы или судьбы. Беспомощность порождает состояние постоянного тревожного ожидания, наносит тяжелую обиду естественному нарциссизму.

Человек нуждается в утешении и избавлении от неуверенности. Чтобы справиться с тревогой перед стихиями, человек стремится *очеловечить* (*персонифицировать*) *природу*. Это, в свою очередь, приводит к рождению божества. Сначала боги защищают человека от природных стихий, а по мере развития человечества — от превратностей судьбы, воли рока. Богу поручается примирить человека с жестокостью судьбы, особенно в таком его проявлении, как смерть, а также вознаградить за страдания и лишения, выпадающие на долю людей в совместной культурной жизни. Постепенно над богами возвысилось единое божественное существо, наделенное небывалой *мудростью, добротой и справедливостью*.

Фрейд сравнивает религию с массовым неврозом, который, однако, спасает отдельного индивида от личного невроза. Фрейд вновь и вновь повторяет, что альтернативой религиозному мышлению выступает научное познание. Одновременно с признанием важности науки и творчества Фрейд выдвигает требование *любви к людям*, эта любовь, по его мнению, должна занять место религии и представлять собой основную задачу культуры.

Массовая психология

Масса импульсивна, изменчива и возбудима. Ею почти исключительно руководит бессознательное.

З. Фрейд

Фрейд выделял два ведущих вида отношений — *сексуальные и социальные*, рассматривая последние по аналогии с индивидуальными. Наиболее отчетливо это

проявилось в работе «Массовая психология и анализ человеческого Я» (1921 год). Фрейд подчеркивал: «*Различие между индивидуальной психологией и социальной психологией* (*или психологией масс*), *на первый взгляд кажущееся нам столь значительным, при ближайшем рассмотрении теряет почти всю остроту*» [126. С. 131].

Индивидуальная психология с самого начала является социальной, поскольку развитие личности происходит в контексте отношений с другими людьми. В психической жизни одного человека другой всегда учитывается как образец, как объект, как помощник или противник. *Цель массовой психологии состоит в том, чтобы раскрыть природу связи между индивидом и значимыми для него другими людьми.*

Для решения данной задачи Фрейд обращается к знаменитому в то время труду Густава Ле Бона «Психология масс» [61]. Написанная более ста лет назад работа Ле Бона не потеряла актуальности и по сей день. Автор дает блестящую характеристику толпы — «собрание индивидов», сравнивая ее со Сфинксом из античной сказки и подчеркивая, как важно научиться разгадывать ее загадки и понимать законы. Он отмечает, что в большом собрании людей сознательная личность — с ее интеллектом и индивидуальными особенностями — исчезает. Вместо этого образуется единая *коллективная душа*. Это означает, что в толпе каждый человек испытывает схожие бессознательные порывы. Для человека в массе характерны снижение чувства личной ответственности за собственные поступки; внушаемость и стремление подражать; импульсивность поведения и снижение критичности; стремление подчиняться. Благодаря этому «*толпа легко становится палачом, но также легко она идет на мученичество*» [61. С. 32].

Таким образом, толпой управляют инстинкты. Раскрывая характер массовой души, Ле Бон приходит, в сущности, к психоаналитическому *выводу о бессознательной природе социальных процессов*. Неудивительно, что работа Ле Бона привлекла внимание Фрейда, который предложил свою *психоаналитическую концепцию масс*. По мнению Фрейда, в массе индивид попадает в условия, разрешающие ему *устранить вытеснение бессознательных первичных позывов*. Бессознательные порывы свободно проявляются в массе. При этом интеллектуальная деятельность индивида тормозится, а аффективность (чувственность) усиливается. Человек, как бы спускается на несколько ступеней вниз по лестнице цивилизации. Он уподобляется одновременно и примитивному человеку, и ребенку. Фрейд пишет: «*Масса импульсивна, изменчива и возбудима. Ею почти исключительно руководит бессознательное*» [126. С. 149].

Главную роль в процессе образования массы, по мнению Фрейда, играет *внушение*, которое становится возможным постольку, поскольку в массе проявляются самые разнообразные *эмоциональные связи между людьми*. Эти связи Фрейд считает проявлением либидо — энергии первичных позывов. Он отмечает, что либидо имеет «*отношение ко всему <...> что можно обобщить понятием "любовь": половая любовь, любовь к себе, любовь к родителям, любовь к детям, дружба и вообще любовь ко всем людям <...> преданность конкретным предметам и абстрактным идеям*» [126. С. 155].

В форме всевозможных эмоциональных связей либидо составляет сущность массовой души. Иначе говоря, люди в массе объединяются силой Эроса.

На примере двух высокоорганизованных, издавна существующих масс — церкви и войска — Фрейд раскрывает особую *роль вождя* (как сейчас сказали бы — лидера). В обеих искусственных массах есть *глава, который любит всех одинаково,* вернее порождает иллюзию равной любви. Фрейд отмечает: «*От этой иллюзии зависит все; разрушьте ее — и тотчас же <...> распадутся и церковь, и войско*» [126. С. 157]. Отдельный человек связан через либидо не только с другими членами (братьями), но и с вождем. Лидер выступает заменой отца. Связь индивидов с ним является даже более важной для массобразования, чем связь друг с другом. Если порывается связь с вождем, то, как правило, разрушаются и взаимные связи между индивидами.

Согласно Фрейду, наряду с либидинозными связями в массе всегда наблюдаются агрессивные импульсы и *готовность ненавидеть*. Агрессивные импульсы могут разрушить массу. Этого не произойдет, если агрессию направить на внешнего врага. Агрессивные влечения также можно превратить в альтруистические порывы — в борьбу за идею или благо собратьев. Таким образом, бессознательные (любовные и агрессивные) позывы массы находят свои объекты.

Кроме либидинозной «занятости объектом» действуют и другие механизмы эмоциональных связей в массе. Наиважнейшая из них — *идентификация — бессознательное отождествление себя с чем-либо, кем-либо*. Идентификация рассматривается в психоанализе как самое раннее проявление эмоциональной связи. Если при объектном (сексуальном) выборе проявляется *желание обладать объектом*, то при идентификации — *желание быть таким же*. При идентификации Я перенимает качества объекта. К человеку, с которым идентифицируются, не испытывают агрессии — его жалеют и ему помогают. В массе, когда все равны и все одинаково любимы вождем, индивиды идентифицируются друг с другом, что и порождает ощущение единого целого.

Положения Фрейда хорошо объясняют более поздние социальные феномены культа личности. Например, культ личности Сталина исходил из образа «отца всех времен и народов» — строгого, но справедливого и неподкупного, одинаково любящего всех своих детей. Следует признать, что культ личности имеет не только негативные последствия, он способен усиливать процессы интеграции в обществе. Культ личности поддерживается самими людьми, поскольку дает им выраженную психологическую выгоду: люди имеют идеалы, у них возникает ощущение защищенности и единства. Это, в свою очередь, порождает эйфорию триумфа и могущества.

Отношение к вождю очень напоминают *влюбленность*. И то и другое связано с переоценкой объекта любви. Происходит *идеализация* (сексуальная переоценка) вождя/лидера. В этом случае «*объект служит заменой никогда не достигнутого собственного Я-идеала*» [126. С. 169]. Фрейд указывает, что в крайних случаях влюбленности объект начинает полностью занимать место Я-идеала. Различие между идентификацией и влюбленностью Фрейд характеризует так: «*При идентификации объект занимает место Я, при влюбленности — место идеала Я*» [126. С. 168].

Далее Фрейд проводит параллель между *влюбленностью и гипнозом*. В ситуации гипноза мы видим то же смиренное подчинение, уступчивость, отсутствие критики в отношении гипнотизера, что и в отношении объекта любви. Гипнотизер

представляет Я-идеал, то есть единственный объект, помимо которого никто другой не принимается во внимание. Таким образом, гипноз есть та же влюбленная самоотдача, которая в отличие от влюбленности исключает сексуальное удовлетворение. При этом гипнотизер, приказывая заснуть, занимает место родителей, пробуждая ту часть архаического наследия, которая проявлялась по отношению к родителям. Аналогично влюбленности и гипнозу индивиды в массе ставят на место своего Я-идеала один и тот же объект — вождя. Благодаря общей связи с вождем индивиды идентифицируются друг с другом. В то же время эмоциональные связи в массе не связаны с сексуальным удовлетворением.

Фрейд проводит параллель между массообразованием и первобытной ордой. Он указывает, что человек в массе становится похож на члена первобытной орды, возглавляемой праотцом. Фрейд вновь обращается к идеям «Тотема и табу» (1912 год) и приходит к обобщающему тезису: «*Праотец — это идеал массы*» [126. С. 180]. Он — сверхчеловек. Индивиды любой массы нуждаются в иллюзии, что все они в равной степени и справедливо любимы вождем. Человек отказывается от своего Я-идеала и заменяет его фигурой вождя. При этом вождь не обязан любить людей на самом деле, напротив, он должен быть нарциссичным, уверенным в себе и самостоятельным. Поскольку каждый человек создает свой Я-идеал по различным образцам, постольку каждый человек присутствует во многих массовых душах — своей расы, национальности, класса, веры и т. д. Когда Я и Я-идеал совпадают, это переживается как чувство триумфа; если же разрыв между ними слишком велик, возникает чувство вины или неполноценности.

Фрейд отмечает, что в массе индивид подчиняется множеству запретов и ограничений. Но эти запреты специально снимаются во время праздников. Праздники изначально представляют собой не что иное, как запрещенный законом эксцесс, и именно это освобождение придает им характер веселья.

По мнению Фрейда, индивидуальное сознание начало выделяться из первобытной массы, когда от массовой психологии человечество стало переходить к психологии индивидуальной. Для описания механизма этого перехода Фрейд использует миф о первобытной орде. После того как сыновья объединились и убили отца, они испытали страстную тоску по нему. Эта тоска побудила отдельного индивида фантазийно восстановить себя в роли отца. На основе этого поэтом был создан героический миф, в котором герой убивает отца в образе тотемистического чудовища. Как раньше отец был идеалом мальчика, так теперь герой мифа заменил идеал для Я. Фрейд приходит к интересному выводу: «*Миф, таким образом, является тем шагом, при помощи которого отдельный индивид выходит из массовой психологии*» [126. С. 187].

Историки психоанализа отмечают, что в размышлениях о массе и вожде прослеживается аналогия с самим психоаналитическим движением. Будучи великим индивидуалистом, ради победы нового учения Фрейд был вынужден взять на себя бремя вождя. Его отношения с соратниками напоминали внутренне драматичные отношения праотца с сыновьями. Подобно ситуации в древней орде, многие ученики Фрейда восстали против его отцовской власти, но, подчиняясь возникшему чувству вины, приняли долг просветительской работы во благо человечества.

Культура против влечений

Культура является процессом, обслуживающим Эрос, который стремится объединить отдельных индивидов и целые народы в одно большое сообщество — человечество.

З. Фрейд

В 1930 году Фрейд был удостоен престижной в литературных кругах премии Гёте за работу «Неудобства культуры», в которой была предпринята попытка определения места психоанализа в развитии культуры.

Основная идея Фрейда состоит в том, что *различные общественные феномены являются выражением ранних потребностей и переживаний индивида*. Религиозное поведение Фрейд называет явно инфантильным и оторванным от реальности, а саму религию — иллюзией. Религиозная система, по мнению Фрейда, также связана с неудачной попыткой человека определиться с целью и смыслом жизни. Но есть и другие пути развития общества. Фрейд последовательно выступает за замещение религии наукой и искусством.

Фрейд исследует цель и смысл жизни людей и констатирует банальный факт: люди хотят быть счастливыми. Для Фрейда это означает, что цель жизни определяется *стремлением к удовольствию*. В соответствии с принципом удовольствия определяется вся работа психического аппарата. Однако эта индивидуальная программа находится в противоречии с требованиями окружающего мира. А потому Фрейд делает пессимистический вывод: «*Программа стать счастливым, которую нам навязывает принцип удовольствия, невыполнима*» [127. С. 308].

Счастью людей противостоит *страдание*, источниками которого являются: 1) природные стихии; 2) болезни и старение тела; 3) несовершенство учреждений, регулирующих взаимоотношения людей в семье, государстве и обществе. Люди трудятся и объединяются в попытке отразить природные стихии. Они используют наркотики, чтобы ослабить боль, они уединяются, чтобы избежать страдания взаимоотношений. Другим способом защиты выступают массовые иллюзии, наиболее ярким примером которых, по мнению Фрейда, является религия.

Особое значение в защите от жизненных страданий имеет *сублимация влечений*. Фрейд понимает под этим такое смещение сексуального влечения на неполовые цели, которое позволило бы обойти ограничения со стороны внешнего мира. Фрейд следующим образом раскрывает секрет счастья: при индивидуальной способности достигать удовольствия за счет интеллектуальной или иной деятельности человек защищает себя от превратностей судьбы. К сожалению, сублимация возможна не для всех людей, поэтому основной линией жизни следует признать более универсальную способность любить и быть любимым.

Анализируя причины страдания и способы защиты от него, Фрейд приходит к неутешительному выводу, что большую долю ответственности за наши беды несет «*так называемая культура*». Культура ограничивает естественное стремление людей к удовлетворению своих желаний, что, в свою очередь, вызывает враждебность значительного числа людей. Многие люди становятся невротиками, потому что не могут вынести ограничений общества. В связи с этим Фрейд ставит главный вопрос: *в чем сущность культуры*? При этом он характеризует культуру как

«всю сумму достижений и институтов <...> уводящих нашу жизнь от жизни животных предков и служащих двум целям: защите людей от природы и регулированию отношений между людьми» [127. С. 311].

К культурным достижениям, несомненно, относятся достижения науки и техники, продлевающие и облегчающие человеческую жизнь. В культуру входят высшие виды психической деятельности: ценности, религиозные системы, философские теории и идеи. Но культура создает и относительно «бесполезные вещи». Так, человек устраивает цветники, украшает дома, наводит чистоту и порядок. Фрейд подчеркивает, что *красота, чистоплотность и порядок* занимают особое положение среди *требований культуры*. Порядок, скорее всего, заимствован человеком у природы, он представляет собой *«своего рода навязчивое повторение: будучи единожды установлен, он диктует, когда, где и как следует действовать, чтобы в каждом аналогичном случае избежать проволочек и колебаний. Благотворность порядка бесспорна, он позволяет человеку наилучшим образом использовать пространство и время, экономя его психические силы»* [127. С. 313].

Члены сообщества ограничивают возможности индивидуального удовлетворения. Кроме того, все они взаимодействуют на принципах равенства. Следовательно, еще одним *требованием культуры* выступает *требование справедливости*, то есть гарантия, что однажды установленный правопорядок не будет нарушен в пользу одного человека. Индивидуальная свобода, по мнению Фрейда, не является достижением культуры, ибо она была максимальной до всякой культуры. Стремление к свободе направлено против определенных форм культуры. С развитием культуры, по мнению Фрейда, личная свобода ограничивается.

Таким образом, в контексте психоанализа развитие культуры представляется своеобразным процессом, протекающим внутри человечества, результатом которого является *изменение влечений*. Некоторые их этих влечений уничтожаются таким образом, что на их месте появляются определенные черты характера. Например, культурное требование аккуратности ограничивает природный интерес ребенка к экскрементам. В результате при определенных условиях анальная эротика преобразуется в *анальный характер* с подчеркнутым стремлением к порядку и чистоте.

Ограничивающая функция культуры усиливалась по мере развития человечества. Первоначально ограничивающую и защитную роль играл, вероятно, сильный вожак. После устранения власти праотца и установления братства предписания табу стали первым правом. Движущими силами в этом процессе Фрейд объявляет *Эроса и Ананке* (в греческой мифологии соответственно бог половой любви и божество неизбежности). Это означает, что совместная жизнь людей вызвана двумя силами: внешней необходимостью, породившей труд, и властью любви, породившей семью. Фрейд называет женщин хранительницами интересов семьи и половой жизни. Способность к сублимации влечений у них, полагал Фрейд, меньше, чем у мужчин, вследствие чего культурная работа «все более становилась мужским делом».

Важным требованием культуры является ограничение сексуальной жизни. Уже первая фаза культуры, фаза тотемизма, ознаменовалась запретом кровосмешения. С помощью табу, законов и обычаев установились и другие сексуальные ограничения. Почему же существует антагонизм между культурой и сексуально-

стью? Одним из возможных ответов является то, что культура основана на отношениях между большим количеством людей, в то время как сексуальная любовь представляет собой изолированную связь двоих. Задача культуры — либидинозно объединить многих людей, поэтому она изыскивает различные возможности для создания между ними сильных идентификаций. Одним из таких приемов по праву выступают нравственные заповеди, например «Люби ближнего своего, как самого себя». Более того, Библия содержит и практически невыполнимый завет: «Возлюби врагов своих».

Чрезмерные требования культуры, в свою очередь, возникли в ответ на другое сильнейшее влечения человека — *агрессию*. Склонность к агрессии, эта первичная враждебность человека, проявляется уже «в детской», то есть у маленького ребенка. Из-за нее культурному обществу всегда угрожал распад. *Ограничение деструктивной агрессии* является следующей важной задачей культуры. При этом, по мнению Фрейда, не нужно запрещать такие позитивные проявления агрессии, как спор и соревнование. Фрейд отмечает: «*Культура должна напрячь все силы, чтобы определить границы агрессивным влечениям людей*» [127. С. 321].

Склонность человека к агрессии не уменьшается при социальных переменах. Борьба за абстрактную справедливость и равенство обречена на фиаско. Наделив людей подчас совершенно различными физическими и умственными задатками, природа утвердила несправедливость, которую нельзя устранить. Агрессивные проявления — это не прерогатива отдельных классов, например собственников, но универсальная человеческая тенденция. Отнимая у кого-то собственность, мы добиваемся лишь перераспределения неравенства и агрессии. В обществе, где агрессия подавляется и отрицается, она принимает скрытые формы, например обращается в борьбу с мнимыми внутренними или внешними врагами, как это было в советской России эпохи Гражданской войны. «*Можно лишь с тревогой спросить, что предпримут Советы, после того как истребят всех своих буржуев?*» [127. С. 322] — с гениальной прозорливостью говорит Фрейд в 1930 году, накануне сталинских репрессий.

Агрессия проявляется и во взаимоотношениях этнических групп. Скрытую неприязнь соседствующих народов друг к другу Фрейд называет *нарциссизмом малых различий*. Подобно тому как испанцы подтрунивают над португальцами, русские слагают анекдоты об украинцах, а англичане — об ирландцах. В малых группах (организации, учебный класс, семья, компания) агрессия также сохраняется, хотя и смещается на аутсайдеров, которые превращаются в козлов отпущения и приносятся в жертву. Таким образом, культурное развитие превращается в постоянную борьбу между влечением к жизни и влечением к смерти, в вечную борьбу за существование. В такой ситуации именно культура выступает тем процессом, который «*обслуживает Эрос и стремится объединить сначала отдельных индивидов, позднее семьи, затем племена, народы, нации в одно большое сообщество — человечество*» [127. С. 325].

В случае отдельного человека агрессия «обезвреживается» посредством запретов, и потому она интроецируется, переносится вовнутрь — туда, откуда произошла. Агрессия обращается против собственного Я. Теперь совесть проявляет ту же непреклонную готовность к агрессии по отношению к самому себе. Таким образом, Сверх-Я выполняет социальную функцию наказания и ограничения влече-

ний. Если человек нарушает социальные запреты, возникает мучительное чувство вины. «*Напряжение между грозным Сверх-Я и подчиненным ему Я мы называем сознанием вины, оно проявляется как потребность в наказании*», — отмечает Фрейд [127. С. 327].

По Фрейду, есть два источника чувства вины и отказа от удовольствия — *страх перед властью и страх перед Сверх-Я*. Первый источник — это ранний страх перед авторитетом и страх потерять его любовь. Второй источник — это собственно чувство вины в виде критики уже сформированного Сверх-Я, от этой вины невозможно укрыться и она развивается потребностью в наказании.

Строгая совесть является результатом нескольких причин: конституции конкретного человека (врожденной предрасположенности); опыта отказа от влечений, усиливающего внутреннюю агрессию; опыта любви, который делает невозможным проявление агрессии к родителям и обращает ее вовнутрь, передавая Сверх-Я. Поскольку культура повинуется эротическому влечению, повелевающему ей объединять людей во внутренне связанную массу, она способна достичь этой цели только *путем постоянного усиления чувства вины*.

Европейская культура XIX века с ее жесткими моральными нормами оказалась, по мнению Фрейда, слишком суровой. Ее прогресс обернулся колоссальным ущербом для счастья людей. Он сопряжен с необычайной склонностью к агрессии, направленной либо вовне, либо на себя. Более того, накануне фашистского нашествия Фрейд высказал опасение, что «*если развитие культуры имеет столь далеко идущее сходство с развитием индивида <...> не стали ли некоторые культуры или культурные эпохи “невротическими”?*» [127. С. 335].

Таким образом, *увеличение безопасности и порядка достигаются в культуре посредством ограничения* (*в лучшем случае сублимации*) *влечений*. Хотя человечество расплачивается за это неврозами, тем не менее поддержание культуры — в интересах человека, ибо бесконтрольные влечения, особенно агрессивные, губительны для него. Проблема заключается не в наличии культуры, а в необходимости ее совершенствовать. Фрейд выражает уверенность, что наряду с интеллектом и любовью, знания, предоставленные психоанализом, будут способствовать улучшению культуры, и подводит резюме: «*Мне кажется, что роковой вопрос рода человеческого — это вопрос: удастся ли развитию культуры, и в какой мере, овладеть агрессивным и направленным на самоуничтожение влечением, нарушающим совместную жизнь людей?*» [127. С. 338].

Фрейд оставил многочисленное эпистолярное наследие. Беседуя с Эйнштейном на тему «Почему война?» (1933 год), он обращается к проблемам власти и права. *Право*, по его мнению, возникает как власть объединившихся людей и, таким образом, навязывается отдельному человеку. Другой источник изменения права — культурные перемены в членах сообщества. Такое изменение совершается через попытку завоевать авторитет, апеллируя к определенным идеям. Подобная апелляция имеет смысл лишь если идеи отражают интересы большинства членов сообщества. История большевизма показывает, что заменить реальную власть властью идей не удалось, основной формой власти остается насилие.

В этой связи Фрейд напоминает, что влечения человека бывают двух основных видов: эротические, нацеленные на сохранение и объединение, и агрессивные, направленные на разрушение и смерть. Последние не только объясняют наличие

войн, но и определяют их неизбежность. Фрейд называет пути предотвращения войны. Против деструктивного влечения должен быть «мобилизован» его противник — Эрос как сила, с одной стороны, рождающая отношения любви между людьми, а с другой — сплачивающая людей. Идеальным состоянием, по мнению Фрейда, была бы общность людей, подчинивших жизнь влечений «диктатуре разума». Ничто иное не способно вызвать столь совершенное и прочное единение людей, даже при отказе от эмоциональных связей между ними. Но, по всей вероятности, надежда эта утопическая.

Для Фрейда культурный процесс есть «процесс органический» и наряду с физическими изменениями он несет с собой также изменения психические. Среди психологических изменений два представляются особо важными: *усиление интеллекта*, который начинает подчинять себе жизнь влечений, и *интернализация* (смещение на себя) *агрессивной наклонности* со всеми ее благотворными и опасными последствиями.

Вторая мировая война сопровождалась не только разрушениями, но и постыдным возрождением ксенофобии. В свете возобновившегося преследования евреев в Германии Третьего рейха Фрейд мучительно старается ответить на ключевой для своей идентичности вопрос: как появились евреи и почему они навлекли на себя столь неизбывную ненависть? Этой драматичной теме посвящена одна из последних работ Фрейда «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939 год).

В этой исторической книге Фрейд реализует все основные идеи психоаналитической культурологии и выдвигает самые неожиданные гипотезы. На примере мифа о подкинутом ребенке он приходит к смелому выводу, что *Моисей* (главный объект идентификации евреев!) — *египтянин, возможно, знатного рода, которого предание сделало евреем.* Фрейд проводит параллель между религией Моисея и вероучением Атона, которое на время потеснило языческую религию и прекратило свое существование вместе с XVIII династией около 1350 года до Рождества Христова. Фрейд делает вывод, что религия Моисея была религией Атона, суть которой состояла в признании Атона (Адоная) единственным Богом. Важно также, что Моисей ввел обычай обрезания у евреев. Поскольку же в Египте религию Атона преследовали, то иного выбора, кроме бегства, Моисею не оставалось. Энергия Моисея и качества вождя позволили ему стать предводителем группы семитских племен и вывести их из Египта в Ханаан для сохранения веры, где еврейский народ слился с народом, поклонявшимся богу Яхве.

Перечисляя черты характера Моисея, Фрейд говорит, что он был гневлив, вспыльчив, горяч и «косноязычен». Возможно, семитские языки были для него чужими, поскольку он был египтянином. Далее Фрейд делает новое допущение: «Основатель религии Моисей был убит во время бунта своим упрямым и строптивым народом. Тогда же была заброшена и основанная им религия и возвращено поклонение Яхве». По прошествии немалого времени (около 800 лет) религия Яхве прошла путь обратного развития до «совпадения, а то и отождествления с первоначальной религией Моисея». В этом итог и роковое содержание истории еврейской религии.

Фрейд свел воедино несколько важных событий. Моисея, ставшего властителем и тираном, насильственно устраняют. Однако по прошествии времени о его убийстве пожалели и в конце концов попытались забыть. Тем не менее части на-

рода Моисей передал свое более одухотворенное представление о Боге, идею единого, вселенского божества, сколь милостивого, столь и всемогущего, отвергшего всякую магию, провозгласившего высшей целью людей — жить по правде и справедливости. Так сохранилась традиция Моисеева Бога. «*Никто не сомневается, что только идея этого другого Бога позволила народу Израиля вынести все удары судьбы и дожить до наших дней*», — пишет атеист Фрейд, который здесь, говоря о пророках еврейского народа, не скрывает восхищение жизнью в «маате», то есть в истине и справедливости [142. С. 128].

Еврейская нация образовалась из двух племенных групп и двух царств, и у нее два основателя религии с одним и тем же именем Моисей. Все эти *двойственности* — неизбежные следствия того, что одна часть народа испытала переживание, которое следовало бы назвать крайне травматическим, тогда как другую часть это испытание миновало.

Утверждение моисеевой религии напомнило Фрейду развитие травматического невроза отдельного индивида. Для развития невроза характерно, что он восходит всегда и везде к очень ранним впечатлениям детства. Фрейд приводит сжатую *формулу невротического развития*: *ранняя травма — вытеснение переживаний и защита — латентный период — начало невротического заболевания — частичное возвращение вытесненного* [142]. Примерно то же происходило и в жизни рода человеческого. И здесь шли процессы сексуально-агрессивного содержания, которые оставили стойкий след, но большей частью были вытеснены и забыты. Позднее, после длительного латентного периода, они вновь напомнили о себе, породив невротические симптомы в форме религиозных феноменов.

Анализируя судьбу еврейского народа, Фрейд подчеркивает, что евреи высокого мнения о себе, считают себя благороднее и лучше других народов, от которых их вдобавок отделяют многие обычаи. При этом их вдохновляет особая вера в жизнь, какую дает лишь тайное обладание неким бесценным даром, выражая тем самым своего рода оптимизм — упование на Бога. Чувство собственного достоинства евреев идет и от того, что они — народ, избранный Моисеем. Этот великий человек стал не только героем, но и отцом, господином, а после вытесненного народной памятью убийства сделался праотцом и, наконец, Богом Отцом. В результате возвращения вытесненного материала еврейский народ создал нечто вроде мощного Сверх-Я. Таким образом, свое бессознательное раскаяние в совершенном убийстве он сосредоточил на почитании этого «бога». Более того, Фрейд говорит, что в силу внутренних причин отказ от влечений стал для еврейского народа источником удовольствия, равнозначным замещающему удовлетворению.

История религии ведет к еврейской религии Бога Отца, которая подверглась еще большему испытанию и превращена в религию Бога Сына евреем Павлом, догадавшимся, «что евреи несчастны потому, что убили Бога Отца». Фрейд дает волнующий ответ на вопрос: почему евреи, не принявшие новую христианскую религию, еще больше обособляются от других религий, а потому подвергаются нападкам и гонениям со стороны последних? Причина — обвинение евреев в том, что они не желают признаться в убийстве Отца.

Существует мнение, что история — система мифов и интерпретаций, созданная последующими поколениями людей. Если это так, то психоанализ предложил

свою собственную, основанную на культурных событиях, мифологию для объяснения истории народов и законов функционирования общества.

Психоанализ литературы и искусства

Жизнь писателя — есть борьба с его комплексами, его творчество — суд над бессознательными тенденциями.

Ибсен

На протяжении всего творческого пути Зигмунд Фрейд проявлял глубокий интерес к искусству. Известно, что Фрейд был искренним поклонником художественной литературы и скульптуры. Он владел коллекцией статуэток древнегреческого, древнеримского и древнеегипетского происхождения. Фрейд много путешествовал по Европе, посещая известные музеи и памятники древней культуры. В 1901 году в Риме он впервые увидел статую Микеланджело «Моисей», которая произвела на него неизгладимое впечатление. «Презрительно-гневный взгляд героя» побудил основателя психоанализа к глубоким размышлениям, которые нашли свое отражение в одноименной работе [25].

Из литературы Фрейд заимствовал сюжеты, подтверждающие клинические открытия. Например, эдипов комплекс был многократно исследован на примере таких шедевров мировой литературы, как «Царь Эдип» Софокла, «Гамлет» Шекспира, «Братья Карамазовы» Федора Достоевского. Со временем произведения искусства стали самостоятельным объектом психоаналитического исследования. Изучая художественные произведения, Фрейд намеревался ответить на ряд важных вопросов, главными из которых были два: «*Из каких впечатлений и воспоминаний художник формирует свое произведение и каким образом, с помощью каких процессов этот материал превращается в поэтическое творение?*» [141. С. 175].

В течение тридцати лет Фрейд пытался решить поставленные задачи в серии работ по искусству. Наиболее ценными среди них считаются: «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905 год), «Художник и фантазирование» (1906), «Бред и сны в “Градиве” Иенсена» (1907), «Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве» (1910), «Моисей Микеланджело» (1914), «Юмор» (1925), «Достоевский и отцеубийство» (1928 год). *Искусство рассматривается Фрейдом как подлежащее расшифровке скрытое содержание, представленное в символической форме.* Наибольшее значение он придает замыслу художника: чтобы понять последний, необходимо в первую очередь выявить смысл и содержание того, что изображается в произведении искусства, то есть *истолковать его*.

В 1905 году Фрейд пишет работу «Остроумие и его отношение к бессознательному». Он исходит из допущения о тесной связи между различными психическими явлениями и ставит следующие вопросы: в чем суть остроумия и каково его отношение к таким явлениям, как комизм, сарказм, остроты, каламбуры, анекдоты? Острота, по мнению Фрейда, «*содействует удовлетворению влечения* (*сексуального или агрессивного*) *вопреки стоящему на его пути препятствию, она обходит это препятствие и, таким образом, черпает удовольствие из ставшего недоступным в силу этого препятствия источника*» [141. С. 175].

Фрейд провел аналогию между сновидением и остроумием, поскольку наряду с общими техническими приемами и то и другое *нацелено на получение удовольствия.* В то же время в отличие от сновидения остроумие не создает компромиссов и не избегает торможения. В то время как сновидение является асоциальным продуктом, остроумие, напротив, выступает в качестве самого социального из всех нацеленных на получение удовольствия видов психической деятельности. Если сновидение ничего не может сообщить другому человеку, чаще всего непонятно для самой личности и неинтересно для окружающих ее людей, то остроумие требует участия другого человека и рассчитано на его понимание.

В более поздней статье «Юмор» (1925 год) Фрейд вновь обратился к вопросу о природе данного феномена. Он подчеркнул, что сущность этого явления состоит в ослаблении аффектов человека, вызываемых неблагоприятной ситуацией. Подобно остроумию и комизму, юмор доставляет удовольствие и снимает напряжение. В то же время в отличие от первых двух феноменов юмор дает ощущение грандиозности и воодушевления. Грандиозность проявляется в торжестве нарциссизма, воодушевление — в возвышении над неблагоприятно складывающейся реальностью. Подобно тому как остроумие служит достижению удовольствия, реализуя агрессивные влечения, юмор ориентирован на избавление человека от гнета страдания благодаря подавлению негативных эффектов.

В отличие от ребенка взрослый человек наталкивается на внешние и внутренние ограничения. Для получения удовольствия он вынужден действовать окольными путями, избегая различного рода трудностей и *прибегая к двусмысленности.* По мнению Фрейда, удовольствие от остроумия возникает из сэкономленных затрат на торможение; удовольствие от комизма — из сэкономленных издержек на представление; удовольствие от юмора — из сэкономленных затрат на проявление эмоций [141].

Вопрос о природе остроумия тесно связан с *проблематикой бессознательных механизмов творчества.* Художественное дарование, по мнению Фрейда, *не поддается анализу*. Признавая это, он направляет свое исследование на более очевидные вещи, например продукты творчества и личность художника. В общих чертах Фрейд отмечал такие отличительные особенности одаренных людей, как врожденно сильные влечения, высокий интеллект, любовь к людям, способность к сублимации. Фрейд рассматривал искусство *как сублимацию вытесненных влечений в русло социально приемлемой деятельности.* Это означает, что художественные произведения представляют собой легальную форму символического удовлетворения бессознательных желаний и фантазий. В то время как невротик превращает свои фантазии в болезненные симптомы, уходя от реальности, человек с творческим дарованием преобразует их в произведения искусства, оставаясь в рамках реальности. Искусство дает *эрзац удовлетворения* и выполняет функцию компенсации культурных запретов и неудовлетворенных потребностей. Благодаря этому оно (как остроумие и юмор) доставляет удовольствие.

Для Фрейда искусство являлось такой областью человеческой деятельности, в которой проявляется связь между современным и примитивным человеком. И в том и в другом случае имеет место интеллектуальный нарциссизм и всемогущество мыслей. В работе «Художник и фантазирование» (1906 год) Фрейд прово-

дит прямую связь между художественным творчеством и детством. Как поэт, так и ребенок могут создавать свой собственный фантастический мир, который совершенно не укладывается в рамки обыденных представлений человека, лишенного поэтического воображения. Ребенок в процессе игры перестраивает существующий мир по собственному вкусу, соотносит воображаемые объекты с предметами реального мира, причем относится к плоду своей фантазии вполне серьезно. Аналогично этому поэт благодаря способности творческого воображения создает в искусстве новый прекрасный мир, воспринимает его серьезно и в то же время отделяет его от действительности. Для Фрейда *способность человека к фантазированию* — источник художественного творчества. В художественных произведениях находят свое отражение *нереализованные детские желания*. Воздействие художественных произведений на людей оказывается возможным в силу того, что реализуемые писателем или поэтом личные грезы вызывают в душе окружающих аналогичные глубокие переживания [141].

В августе 1902 года Фрейд посетил Неаполь, Помпею, Капри, Везувий. Спустя пять лет под влиянием этого путешествия он опубликовал работу «Бред и сны в “Градиве” В. Иенсена». В данной работе Фрейд использует анализ сновидений для понимания природы художественного творчества. Для Фрейда очевидно, что с помощью сновидений своих героев художники зачастую описывают собственное душевное состояние. В целом Фрейд признает за художниками право на глубочайшее знание человеческой психологии: «*Художники — ценные союзники, а их свидетельства следует высоко ценить, так как обычно они знают множество вещей меж небом и землей, которые еще и не снились нашей школьной учености. Даже в знании психологии обычного человека они далеко впереди, поскольку черпают при этом из источников, которые мы еще не открыли для науки*» [141. С. 139].

Одновременно с признанием психологической проницательности художников Фрейд подчеркивает сходство и различие между ними и психоаналитиками. И те и другие имеют общий объект и результат исследования, но используют различные методы. Психоаналитик целенаправленно изучает нормальные и патологические процессы, раскрывая их бессознательные механизмы, в то время как художник прислушивается к собственным бессознательным процессам и выражает их в художественной форме. Сходство также проявляется в том, что в обоих случаях наблюдается пробуждение сильных чувств. «*Любое психоаналитическое лечение — это попытка освободить вытесненную любовь, которая нашла жалкий, компромиссный выход в симптоме*» [141. С. 173].

Но в отличие от ситуации в художественном произведении аналитик не может ответить на любовь пациента какими-либо действиями и даже не может дать совета, что следует делать. Тем не менее и в том и в другом случае высвобождается ранее вытесненное влечение. Таким образом, в художественных произведениях Фрейд прежде всего видит подтверждение открытиям, сделанным им в работе с невротическими пациентами.

Другой важной целью аналитического исследования художественного творчества является определение его психологических источников. По мнению Фрейда, художник черпает сюжеты для своих произведений преимущественно из детских впечатлений и воспоминаний. Наиболее полно эта идея реализуется им в работе «Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве» (1910 год).

В результате анализа биографии художника Фрейд приходит к выводу, что неустанная жажда исследования Леонардо — следствие его особых отношений с матерью и выдающейся способности к сублимации. Автобиографические заметки Леонардо свидетельствуют, что его детство сопровождалось отсутствием отца и чрезвычайно нежными отношениями с матерью. Этими обстоятельствами можно объяснить отождествление Леонардо не с отцовской, а с материнской фигурой, что, в свою очередь, предопределило гомосексуальность да Винчи с последующим выбором сексуальных объектов, похожих на него самого. Кроме того, женщины, изображенные на полотнах да Винчи, имеют фотографическое сходство с автором. Фрейд предполагает, что секрет загадки Моны Лизы в ее бисексуальности и способности вызывать амбивалентные чувства у окружающих людей. Идентифицируясь с Джокондой, Леонардо одновременно как бы становился отцом самому себе, поскольку художник — отец творения. Иными словами, «*в Моне Лизе Леонардо встретил самого себя*» [141. С. 62].

Фрейд указывал, что любознательность (как основа последующей исследовательской деятельности) возникает в раннем детстве из сексуального влечения. Сексуальное влечение обладает энергией и способностью к сублимации — замещению сексуальных целей другими, несексуальными. В исследовании отношений с родителями ребенок неизбежно приходит к трагическому выводу: мать с отцом любят друг друга и принадлежат друг другу. Фрейд отмечал три возможных исхода такого открытия. Инфантильная сексуальность может: 1) затормозиться; 2) вытесниться с последующим преобразованием в невротическую склонность к навязчивому анализированию; 3) сублимироваться с самого начала в любознательность и интеллектуальное исследование, при этом «исследование превращается в страсть и заменяет собой половую деятельность». Леонардо, несомненно, развивался по третьему пути. Этому способствовали также: конституциональные особенности мальчика, материнская нежность и отсутствие отцовского авторитета, необходимого для нормального разрешения эдиповой ситуации. Отсутствие реального отца означало отсутствие авторитетов и полную свободу фантазии. Фрейд пишет: «*Смелость и независимость его позднейших научных исследований предполагает не задержанное отцом инфантильное сексуальное исследование, а последующий отказ от сексуальности дает этому дальнейшее развитие*» [141. С. 176].

В 1923 году под редакцией Фрейда была опубликована блестящая работа немецкого исследователя Иолана Нейфильда «Достоевский, психоаналитический очерк». Автор представил вниманию читателей классическую интерпретацию толкования жизни и творчества Достоевского сквозь призму эдипова комплекса. Признавая недоступность обычному пониманию жизни и творчества Достоевского, Нейфильд обращается к психоанализу как к ключу для раскрытия его загадочного характера: «*Точка зрения психоанализа разъясняет все противоречия и загадки: вечный Эдип жил в этом человеке и создавал эти произведения*» [82. С. 52].

По мнению автора, сильная любовь к отцу в сочетании с вытесненной ненавистью за его чрезмерную строгость определила все последующие душевные коллизии писателя. Достоевский ведет непрестанную борьбу с бессознательными проявлениями эдипова комплекса. Его герои всегда и везде амбивалентны: все они любят и одновременно ненавидят с одинаковой силой. Эта раздвоенность распространяется и на другие чувства помимо эротических. Нейфильд отмечает, что

амбивалентное отношение Достоевского к отцовским фигурам, вытекающее из эдипова комплекса, вполне объясняет его участие в заговоре против царя, а также последующее покорно-мазохистическое принятие наказания.

В заключении тщательного анализа Нейфильд пишет: «*Из (детских) желаний Достоевского возникли его произведения; их основание — эротическое влечение, их предмет — бессознательное инцестуозное желание. Жизнь и творчество Достоевского, его дела и чувства, его судьба — все возникает из комплекса Эдипа*» [82. С. 88].

Статья Нейфильда имела сильный резонанс в научном и литературном мире. Фанатическая преданность идее эдипова комплекса вызвала шквал негодования, одновременно были высказаны справедливые критические замечания. В связи с этим выдающийся советский психолог Лев Семенович Выготский проницательно отмечал: «*Не волшебный ключ, а какая-то психоаналитическая отмычка, которой можно раскрыть все решительно тайны и загадки творчества. В Достоевском жил и творил вечный Эдип, но ведь основным законом психоанализа считается утверждение, что Эдип живет в каждом решительно человеке. Значит ли это, что, назвав Эдипа, мы разрешили загадку Достоевского?*» [21. С. 110].

Неудивительно, что Фрейд не мог остаться в стороне от развернувшейся дискуссии, ответом на которую стала его собственная работа «Достоевский и отцеубийство» (1928). В самом начале данной статьи он повторяет мысль о невозможности понимания сути художественного творчества средствами психоаналитического исследования: «*Психоанализ вынужден сложить оружие перед проблемой писательского мастерства*» [141. С. 285].

Опираясь на историю жизни и произведения Достоевского, Фрейд рассматривает его одновременно в нескольких ипостасях: «художника, невротика, моралиста и грешника». Несмотря на огромное количество преступных персонажей в творчестве Достоевского, Фрейд отклоняет обвинение критиков в преступных наклонностях автора. По его мнению, преступнику свойственны черты безграничного себялюбия и сильной деструктивной наклонности, в то время как у Достоевского обнаруживалась поразительная способность любить других людей, быть сострадательным и добрым. Вместе с тем Фрейд отмечает, что личность русского писателя характеризовалась деструктивностью, направленной вовнутрь, на самого себя. Фрейд находил объяснение этому в том, что в случае сурового отца Сверх-Я перенимает его качества, становясь садистическим по отношению к Я, ответно проявляющим мазохизм и пассивность.

Фрейд рассматривает эпилепсию, которой страдал писатель, не как следствие органического повреждения мозга, но как симптом невроза, связанного с вытесненными чувствами к отцу. Первые припадки у Достоевского проявились в детские годы и были вызваны, по свидетельству его родных, страхом смерти. С точки зрения психоанализа подлинный смысл подобных припадков состоит в отождествлении ребенка с умершим человеком или с живым, которому желают смерти. Для мальчика таким человеком обычно является отец, и поэтому припадок ребенка означает самонаказание за его желание смерти отцу.

По мнению Фрейда, в «Братьях Карамазовых» отчетливо звучит мотив отцеубийства [26]. Фрейд считал, что в принципе не так существенно, кто на самом деле совершил преступное деяние, гораздо важнее — кто желал смерти отца. В этом отношении можно считать виновными всех братьев Карамазовых: чувственного

Дмитрия, циничного Ивана, совестливого и смиренного Алешу или подверженного эпилептическим припадкам Павла Смердякова. По мнению Фрейда, Достоевский наделил реального убийцу своей собственной болезнью, мнимой эпилепсией, «как бы желая признаться: эпилептик, невротик во мне и есть отцеубийца» [141. С. 291].

Таким образом, по мнению Фрейда, в творчестве Достоевского, словно в зеркале, отражаются психоаналитические законы. В завершении романа «Братья Карамазовы» мы находим замечательную художественную метафору к ключевой идее Фрейда — о роли детских переживаний в жизни взрослого человека: «*Знайте же, что ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства. А вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение*» [26. С. 471].

***

Перечисленные работы далеко не исчерпывают обширный список психоаналитических эссе в области литературы и искусства. Достойное место среди них занимают: психоаналитическое исследование древних мифов, проведенное Отто Ранком; книги русского психиатра-психоаналитика Ивана Дмитриевича Ермакова, посвященные творчеству Гоголя и Пушкина; статья Ганса Сакса об Эдгаре По; работы Карла Юнга с анализом волшебных сказок и мифов и многие другие.

Подводя итоги, можно отметить, что психоанализ искусства использует два основных метода — *биографическое исследование* и *символическое толкование* творений художника с позиций ключевых психоаналитических идей. Такой подход исходит из гипотезы, что художник сублимирует в своем творчестве собственные бессознательные конфликты и желания. Воспринимающий художественное произведение подобен толкователю сна, который за символами *видит* неосознаваемые намерения. Многие критики справедливо замечают, что о психоанализе искусства можно говорить лишь условно, поскольку здесь *нарушается важное правило психоанализа — игнорируются собственные ассоциации критика*. Не исключено, что интерпретация любого художественного творения, будь то картина или литературное произведение, гораздо более связана с бессознательной сферой не самого художника, а его толкователя.

Агрессия и стремление к превосходству в творчестве Альфреда Адлера

Быть человеческим существом — значит иметь чувство неполноценности, постоянно толкающее к покорению последней.

А. Адлер

Альфред Адлер (1870–1937), будучи врачом и жителем Вены, уже в 1902 году присоединился к фрейдовскому семинару, где с самого начала считал себя

младшим коллегой Фрейда, а не его учеником. Вскоре Адлер сосредоточил свое внимание на способности тела компенсировать органические поражения. Давно было замечено, что за поражением определенных органов следует компенсаторная реакция, при которой другие части тела как бы берут на себя нарушенную функцию. Адлер сделал вывод, что в психической жизни действуют те же законы. Известно, например, что греческий оратор Демосфен, будучи мальчиком, ужасно запинался, некоторые художники страдали от нарушений зрения, а музыканты были глухими. Подобные наблюдения легли в основу предположения, что *неполноценность* определенных функций стимулирует индивида к преодолению своих дефектов, вплоть до достижения выдающихся результатов. Данный тезис Адлер изложил в книге «Исследование органической неполноценности и ее психической компенсации» (1907 год), которая была положительно принята Фрейдом и его коллегами как интересный вклад в эго-психологию. Идеи Адлера о врожденной агрессивности человека повлияли на создание Фрейдом более поздней теории *влечения к смерти* [164].

Однако очень быстро стало ясно, что Адлер развивал свою собственную концепцию не просто в качестве интересной побочной темы, но как ключ к пониманию всей психической жизни индивида. При этом основные идеи психоанализа оставались не востребованными им. Так, Адлер не разделял идею о ведущей роли эдипова комплекса, сексуальные факторы развития сводились им до минимума, а психическая жизнь индивида рассматривалась исключительно с позиций Я. В то же время Адлер сосредоточил самое пристальное внимание *на комплексе неполноценности* и *воле к власти*. Последняя является не чем иным, как целью достижения превосходства над другими. Ее конкретное содержание может быть чрезвычайно многообразно: стремление к господству, к красоте, богатству, силе, известности, образованности и т. д. Влечение к власти, или потребность доминировать над другими, составляет суть агрессии и проявляется прежде всего в различных формах агрессивного поведения (в отличие от З. Фрейда, объяснявшего агрессию влечением к смерти, А. Адлер связывал ее с борьбой за превосходство).

Цель достижения превосходства возникает в первые годы жизни как реакция на естественную для ребенка слабость. Детская беспомощность приобретает форму *чувства неполноценности*, которое впервые переживается в 4–5 лет. Его усиливают два основных фактора: во-первых, это врожденные дефекты (ослабленность здоровья, физические недостатки, слишком маленький рост); во-вторых, это неправильное воспитание ребенка в семье (например, сверхпотворство или недостаток любви). Чувство неполноценности обратно пропорционально тому, как ребенок справляется с требованиями среды.

В норме: направленность на цель достижения превосходства гармонично сочетается с *направленностью на сотрудничество* с другими людьми (на основе *чувства общности*) так, что личные достижения человека служат улучшению общественной жизни людей в целом. Любому нормальному человеку не чужд внутренний конфликт между чувством неполноценности и порождаемым им *стремлением к самоутверждению* (совершенству, превосходству). Люди используют различные пути для компенсации чувства неполноценности; одни пытаются подавлять других с помощью насилия, другие прибегают к «легальным» способам — любви, поддержке, успеху, власти, объединению в группы. При недостаточной или из-

вращенной компенсации чувство неполноценности переживается особо остро и переходит в *комплекс неполноценности*. Это совокупность установок, представлений или поступков, выражающих в замаскированном виде чувство неполноценности. А. Адлер распространил данный механизм на широкий круг аномальных и нормальных явлений. Комплекс неполноценности одновременно является как причиной серьезных проблем, так и внутренним стимулом для личностного развития.

С целью компенсации чувства неполноценности каждый ребенок в первые годы жизни формирует собственную специфическую стратегию поведения в семейной ситуации. Он развивает установки, которые в своей совокупности образуют то, что Адлер называл *жизненным стилем* и на чем базируется взрослый характер. Адлер писал: «*Образцом, на который направлена личность, ее целью, является социальная значимость, повышение самооценки, превосходство. Эта цель имеет множество проявлений. Она может кристаллизоваться в идеал в любой из следующих форм: полезное достижение, личный престиж, превосходство над другими, защита от опасности или сексуальные победы*» [4. С. 27].

Характер рассматривается Адлером как совокупность установок, выбранных индивидом с целью разрешения тех типов ситуаций, в которых он оказался. К этим ситуациям относятся: телесная конституция, социальное и экономическое положение, пол индивида, структура семьи и его положение в семье, его образование и т. д.

Стремления индивида к превосходству и его попытки превозмочь чувство неполноценности могут иметь три механизма:

- *удачная компенсация*, когда стремление в конечном счете ведет к положительному приспособлению в трех жизненных сферах — в обществе, работе и сексе;
- *сверхкомпенсация*, когда стремление становится слишком явным и ведет к изменению степени низкой приспособленности (например, самоуверенный маленький мужчина или слабовольный человек, становящийся гангстером);
- *бегство в болезнь как средство достижения власти над окружающими людьми*.

Согласно теории Адлера, любой невроз может быть понят как попытка освободиться от чувства неполноценности для достижения чувства превосходства, поскольку симптомы могут выступать бессознательным средством достижения власти легитимными средствами. Например, болезненные симптомы помогают уклоняться от тех ситуаций, в которых индивид мог бы предстать в качестве неудачника. С другой стороны, болезни могут выступать средством достижения контроля над другими людьми с помощью своеобразного эмоционального шантажа. В то время как цели нормального индивида более или менее реалистичны, невротик ставит перед собой *фиктивные цели* — цели, основанные на недостижимых стандартах, неудачу в достижении которых заранее оправдывает болезнь.

Таким образом, в адлеровской теории феномены, которые Фрейд рассматривал как имеющие сексуальную природу, связываются со стремлением к превосходству или избеганию угрозы неполноценности. Эдипов комплекс, по мнению Адлера, используется теми, кто боится ответственности быть вовлеченным в нормальные

сексуальные отношения. Гомосексуальность мотивирована аналогичным образом, а фригидность рассматривается как попытка со стороны женщины унизить ее любовного партнера и таким образом достичь чувства превосходства над ним. Неудивительно, что в 1911 году дороги индивидуальной психологии Адлера и психоанализа Фрейда окончательно разошлись.

Адлер умер внезапно в ходе своего лекционного турне по Шотландии в 1937 году. Он всегда был активным пропагандистом психологических идей. В США его оценивали особенно высоко, и на протяжении 1920–1930-х годов его теории широко принимались. Несмотря на то что адлерианская школа индивидуальной психологии не получила должного развития, идеи Адлера интегрированы в психологию и широко используются в самых разнообразных областях социальной жизни.

Коллективное бессознательное Карла Юнга

У человечества никогда не было недостатка в могущественных образах, которые были магической защитной стеной против жуткой жизненности, таящейся в глубинах души.

К. Юнг

К концу жизни Фрейд, похоже, поверил в то, что люди рождаются с архаическим наследием, включающим не только индивидуальные склонности, но также и воображаемые содержания, следы, оставленные в памяти опытом предыдущих поколений. При разработке проблемы архаического наследия Фрейд, несомненно, опирался на работы Карла Юнга и на его *идею коллективного бессознательного*.

Карл Густав Юнг (1875–1961) происходил из семьи немецкого священника. В семье Юнга соединились, казалось бы, несовместимые занятия: религия, оккультизм, медицина, мистика, философия, психиатрия и психология. В юности Юнга привлекала археология, но профессиональный выбор был сделан в пользу медицины. После окончания университета Юнг работал в клинике Бургхельци в Цюрихе под руководством знаменитого психиатра Э. Блейера. В начале XX века З. Фрейд, обеспокоенный непринятием идей психоанализа, был рад тому, что круг его коллег и учеников расширился за счет группы швейцарских психиатров во главе с Э. Блейлером и К. Юнгом. Эрнст Джонс писал: «*Фрейд был очень благодарен за эту поддержку, которая пришла к нему издалека, кроме того, ему также крайне импонировала личность Юнга. Вскоре он решил, что Юнгу предстоит стать его преемником, и временами называл его своим “сыном и наследником”*» [25. С. 214].

С 1906 по 1910 год Юнг являлся не только искренним, но и самым восторженным поклонником работ и теорий Фрейда. В свою очередь, Фрейд высоко ценил его талант и почитал едва ли не самым способным из своих последователей. Разнообразные открытия Юнга по праву заняли свое место в сокровищнице психологической науки.

Еще до встречи с Фрейдом в своей докторской диссертации «О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов» (1902 год) Юнг говорит о существовании неких *праформ*, впоследствии названных им архетипами коллек-

тивного бессознательного [164]. В свои ранние годы Юнг также изобрел *словесный ассоциативный тест*, позволивший изучать бессознательное. В лаборатории экспериментальной психопатологии он предлагал испытуемым список слов, на которые последние должны были реагировать первым, пришедшим на ум словом. Экспериментатор фиксировал не только слова-ответы, но и время, а также побочные реакции индивида. Было замечено, что некоторые слова повергали испытуемого в раздумье или порождали целый словесный поток. Из этого Юнг сделал вывод о том, что такие нарушения в реагировании связаны с заряженными энергией образованиями — *комплексами*. Если слово оказывается связанным с комплексом, то у испытуемого появляются следы легкого эмоционального расстройства. Юнг считал, что ассоциативный эксперимент выявляет в психике некие фрагментарные личности, расположенные за пределами сознания. В случае шизофрении целостная личность распадается и на ее месте остается ряд комплексов.

В работе «Психологические типы» (1923 год) Юнг существенно расширил существующие представления о темпераменте. С его легкой руки слова «экстраверт» и «интроверт» прочно укоренились в научной и общеупотребительной лексике [172]. Данные понятия введены Юнгом для обозначения двух базисных установок в отношении мира. Интроверты в большей степени побуждаются внутренним миром, экстраверты — внешним. Одновременно с этим у разных людей имеется различное соотношение четырех функций психической жизни: 1) мышления; 2) чувств; 3) ощущений; 4) интуиции. На основе данных характеристик выделяются шестнадцать базисных типов.

В соответствии с представлениями Карла Юнга личность делится на две области — *сознательную* и *бессознательную*. В свою очередь, сознательная часть состоит из: 1) *Центрального Я* (обеспечивающего целостность и непрерывность личности во времени) и 2) *Персоны* (индивидуальной «публичной маски», или «лица, обращенного к миру»). Персона состоит из ролей, установок и форм поведения в ответ на требования общества. Бессознательная область также разделяется на две части: *индивидуальное* (*личное*) *бессознательное* и *коллективное бессознательное*. Личное бессознательное наполнено ассоциациями и является результатом опыта конкретного человека. В отличие от Фрейда Юнг допускал наличие в индивидуальном бессознательном кроме вытесненных представлений все, что было пережито человеком и позабыто им.

Коллективному бессознательному Юнг уделял особое внимание, поскольку считал, что «глубинная психология» должна заниматься более универсальными феноменами, нежели индивидуальный опыт. Коллективное бессознательное является итогом жизни рода. Оно распределено неким мистическим образом среди всего человечества. Это особая общечеловеческая форма знания — опыта, которая проявляется в мифах и легендах, в народных традициях, в сновидениях, фантазиях, творчестве. Оно является тем основанием, на котором произрастает индивидуальная психика.

Убежденность Юнга в существовании коллективного бессознательного базировалась на нескольких фактах. Во-первых, существует очевидное сходство в содержании мифов различных культур. Во-вторых, клинические наблюдения показывают, что в процессе анализа отдельный символ повторяется с определенным

постоянством, постепенно освобождаясь от всех ассоциативных связей и приближаясь к первобытным и универсальным символам, какие встречаются в мифах и легендах. В-третьих, Юнг установил, что фантазии пациентов-психотиков (в частности, при шизофрении), одержимых идеями (такими, как смерть и возрождение), сходны с тем, что обнаруживается в мифологии. Разрабатывая данную идею, Юнг несколько отклонился от классического (фрейдовского) понимания бессознательного. Принципиальное различие касается того, что в психологии Юнга *индивидуальное бессознательное* (во фрейдовском смысле) — это лишь относительно незначительная часть всей массы бессознательного материала — коллективного или расового бессознательного. *Коллективное бессознательное* содержит коллективные верования и мифы расы, к которой принадлежит индивид. Глубочайшие слои коллективного бессознательного — это *универсальное бессознательное*, общее для всего человечества и, возможно, даже для человекообразных приматов и животных предков.

На уровне индивида коллективное бессознательное проявляется в системе установок и типичных паттернов поведения, которые незаметно управляют его жизнью. Здесь коллективное бессознательное соотносится с *архетипами*, архетипическими образами, мотивами, паттернами, инстинктами. Содержание коллективного бессознательного образуют архетипы. *Архетип* — это «изначальные типы», отпечатки в душе конкретного человека наиболее ярких образов древности. Одновременно это некое психосоматическое образование, связывающее инстинкт и образ (психический коррелят влечения). Юнг сравнивал архетипы с системой кристалла, которая направляет образование кристалла в растворе, будучи неким невещественным полем, распределяющим частицы вещества. В психике таким веществом является внешний и внутренний опыт, организуемый согласно врожденным образцам, в чистом виде не доступным сознанию. Юнгианскую сущность перечисленных феноменов не всегда легко понять, подтверждением чему являются цитаты самого Юнга: «*Архетипы — это системы предрасположенности, являющиеся одновременно образами и эмоциями. Они наследуются вместе со структурами мозга, психические аспекты которого они репрезентируют*» [171. С. 25].

К основным архетипам относятся: Персона, Анима (женский образ в мужчине), Анимус (мужской образ в женщине), Тень (негативная сторона личности, сумма всех неприятных качеств, которые человек старается скрыть), Великая Мать, Мудрый Старец, Дух, Отец. Юнг также указывает, что «*фигура героя есть архетип, который существует с незапамятных времен*» [171. С. 68].

В душе конкретного человека архетипы соединяются с конкретными образами и подвергаются сознательной обработке. Результатом этого выступают *архетипические образы — имаго*, которые широко представлены в опыте сновидений, галлюцинаций, мистических видений. Это спутанные, темные образы, которые воспринимаются как что-то жуткое, непонятное, но возвышенное. Архетипы порождают контрастные образы. Так, вокруг положительного полюса образа матери собираются такие качества, как материнская забота и отзывчивость, магическая власть женщины, мудрость, духовная экзальтация, все доброе, заботливое, поддерживающее. Напротив, вокруг отрицательного полюса — что-то темное, поглощающее, соблазняющее и неизбежное, как сам рок. *Идея Бога*, по мнению Юнга,

является архетипической, она неизбежно присутствует в психике каждого человека, хотя не доказывает существования Бога за пределами нашей души. Опыт переживаний чего-то возвышенного, страшного и всемогущественного Юнг называл *нуминозным опытом*.

Архетипические образы всегда сопровождали человека. Они являются источниками мифологии, религии, искусства. В этих культурных феноменах благодаря символам спутанные образы постепенно приобретают очерченные формы. Мифология была изначальным способом обработки архетипических образов. Первобытный человек первоначально не выделял себя из природы. Возникновение субъект-объектного отношения сопровождалось появлением магии, ритуалов, мифов. Это «психологическое рождение человека» на языке религии было осмыслено как «грехопадение»: познание добра и зла, попытка стать, как боги. В дальнейшем перед человеком возникла проблема приспособления к собственному внутреннему миру. Эту задачу, по мнению Юнга, решают религиозные учения, основанные на нуминозном опыте.

В психической жизни человека огромную роль играют *символы*. Юнг подчеркивает отличие символов от знаков. Символ всегда больше, чем его очевидный смысл. Символы имеют спонтанное происхождение. Многие символы носят коллективный характер. Например, религиозные символы формировались в течение веков. Они являются коллективными представлениями, идущими из первобытных снов и творческих фантазий. Юнг различает естественные и культурные символы. Естественные символы — это варианты основных архетипических образов, например круг, квадрат, огонь, вода. В отношении которых Юнг писал: «*Культурные символы — это преобразованные в процессе сознательного развития естественные символы, принятые в обществе для выражения вечных истин*» [171. С. 84].

Религиозные символы представляют собой наиболее яркий пример культурных символов, среди них крест и Троица. Люди постигают реальность по-разному. Будучи преимущественно экстравертами или интровертами, они по-разному используют такие способности, как мышление, интуиция, чувство или ощущение. У каждого индивида будет преобладать либо экстраверсия, либо интроверсия, и он также будет преимущественно мыслящим, чувствующим, ощущающим или интуитивным. Но это относится лишь к сознанию, ибо бессознательное, как верит Юнг, подобно зеркальному отражению горы в озере. Получается приблизительно следующее: то, что достаточно осознанно, то слабо в бессознательном, и наоборот — самые мужественные индивиды бессознательно женственны, робкие мужчины бессознательно храбры и т. д. Другими словами, индивидуальное бессознательное рассматривается как выполняющее компенсаторную функцию.

По Юнгу, есть два типа мышления — *логическое, направленное на внешний мир*, и *интуитивное, направленное на себя*. Например, Европа шла по пути развития экстравертированного логического мышления и покорения внешнего мира. Индия является классической цивилизацией интровертированного мышления, обращенного вовнутрь, ориентированного на приспособление к коллективному бессознательному. Такое мышление предстает как поток образов, оно не утомляет, хотя и не является продуктивным для приспособления к внешнему миру. Человеческая

психика представляет собой целостность бессознательных и сознательных процессов. Это саморегулирующаяся система, в которой происходит постоянный обмен энергией между элементами. Обособление сознания ведет к утрате равновесия, и бессознательное стремится «компенсировать» односторонность сознания.

Движущей силой в психологии Юнг называет *либидо*. В отличие от фрейдовского либидо оно является несексуальным и описано как некоторого рода *жизненная сила*. Эдипов комплекс рассматривается Юнгом как символическая жертва, или отказ от инфантильных желаний, не имеющий ничего общего с буквальной кастрацией. Вытеснение играет незначительную роль в юнгианской психологии и, следовательно, не считается важным в возникновении невроза. По Юнгу, при неврозе имеется конфликт не между примитивными эмоциональными влечениями и требованиями общества, а между неравномерно развитыми аспектами личности. Юнг полагал, что в жизни в одних случаях необходимо использовать мышление, в других — чувство, интуицию или ощущение. Если же функция не адекватна ситуации, адаптация затрудняется. В таком случае индивид может регрессировать, в том числе и в творческой форме.

Регрессия выглядит как отступление в коллективное бессознательное и освобождение таких ресурсов, которые обладают мудростью, отрицаемой сознанием. Если, однако, в течение этого периода регрессии творческое решение не найдено и индивид продолжает следовать более ранним или инфантильным образцам поведения, наступает невротическое состояние. «Вторжение» коллективного бессознательного также может привести к психозу. Сам Юнг пережил подобное состояние. В 1912 году после выхода книги «Метаморфозы и символы либидо» (в России — «Либидо: его метаморфозы и символы») и разрыва с Фрейдом у Юнга начался длительный психический кризис, сопровождавшийся кошмарными видениями о трагической судьбе Европы. Кошмарные видения прекратились, когда началась война. Юнг увидел в этом еще одно подтверждение существования коллективного бессознательного [164].

Психозы могут носить коллективный характер в форме войн, массовых явлений и лжепророчеств. С точки зрения Юнга, «душа народа есть лишь несколько более сложная структура, чем душа индивида». Социально-политический кризис 1920–1930-х годов в Европе означает для Юнга *вторжение архетипов*. Расовая теория фашистов и коммунистический миф о «золотом веке» — два наиболее ярких примера «прорыва» мифологического мышления. Другими свидетельствами наплыва коллективного бессознательного являются: господство архаичной символики (звезда, свастика), факельные шествия, массовый экстаз и слепое поклонение всякого рода вождям. Это коллективное безумие Юнг объясняет перекосом в сторону научно-технического развития и *упадка символического знания*. Значение символов трудно переоценить. Они открывают человеку священное содержание, одновременно защищая его и организуя внутренний опыт. Мистика приобретает широкое распространение именно в кризисные эпохи, когда «догматы окостеневают».

Человечество на протяжении всей истории возводило защитную стену символов «против жуткой жизненности, таящейся в глубинах души». Юнг уверен в том, что эта стена стала разрушаться протестантизмом, когда каждому было позволено интерпретировать Библию на свой лад. С другой стороны, протестантизм стал

причиной бурного развития капиталистической индустрии и техники. Психическая энергия, уходившая ранее на строительство защитных стен, «*освободилась и двинулась по старым каналам любознательности и стяжательства, а потому Европа стала матерью демонов, пожравших большую часть Земли*» [173. С. 139].

Снижение роли христианства в Европе побуждает современных людей к поиску символов и обращению к восточным религиям. Юнг скептически относится к заимствованию религий, чуждых данной культуре, и считает, что заимствование восточных идей и практик медитаций только усугубляет противоречия европейцев.

Мы видим, что Юнг придавал особое значение религии в жизни народа и его коллективном бессознательном. При этом он разделял вероучение и религию в собственном смысле этого слова. Последняя хотя и включает вероучение, но основана на нуминозном опыте. Юнг дает такое определение: «*Религия — особая установка человеческого ума на наблюдение за некими динамическими факторами, такими как могущественные силы, духи, боги, законы, идеи, идеалы*» [173. С. 133].

Идеи Юнга всегда вызывали бурные научные дискуссии. Полемика, начавшаяся между Фрейдом и Юнгом столетие назад, продолжается и по сей день. Со временем аналитическая психология Юнга приобрела самостоятельное значение и преобразовалось в достаточно авторитетное движение «юнгианского анализа», не потерявшего актуальности в наши дни.

Путь героя Отто Ранка

Каждый герой изначально является непослушным сыном, бунтующим против отца.

О. Ранк

Отто Ранк (1884–1939) был еще одним выдающимся последователем Фрейда, занимавшимся вопросами символики и мифологии. Ранк пришел в психоанализ, не имея высшего образования. Однако это не помешало молодому человеку не только принять идеи Фрейда, но и внести существенный вклад в построение психоанализа. В юности Отто учился в ремесленном училище, затем работал в мастерской. Природная одаренность, подкрепленная многолетними ночными чтениями, привела к замечательному результату — в 1905 году Ранк знакомится с Фрейдом и поражает последнего как своей общей эрудицией, так и психоаналитическими идеями. Позднее, по настоянию Фрейда, Ранк поступил в Венский университет и к 1912 году получил степень доктора философии.

На годы учебы в университете приходится начало активной литературной деятельности. Не будучи в отличие от Фрейда и большинства его единомышленников профессиональным врачом, Ранк одним из первых приступил к исследованию разнообразных культурных феноменов, таких как мифы и легенды, искусство и религия, литература и поэзия. К этому периоду относятся наиболее известные его работы: «Миф о рождении героя» (1909 год) и «Мотив инцеста в литературе и легендах» (1912 год). В данных работах Ранк попытался доказать, что эдипов комплекс является универсальным принципом для объяснения древних мифов, а также литературных и поэтических произведений позднейших эпох. Обе книги — пример огромной историко-культурной эрудиции молодого автора, поражавшей всех, кто его знал [164].

Проводя психологический анализ, Ранк подчеркивал *идентичность содержания мифов всех времен и народов*. Наличие близкой связи между мифами и сновидениями (в том числе кошмарными) позволило Ранку интерпретировать миф как *сновидение множества людей*. Подобно Фрейду, Ранк считал, что распространенные темы мифологем (мифов, легенд, сказок, саг), такие как инцест или убийство отца, базируются на индивидуальных детских фантазиях. Ранк писал: «*Понимание мифотворчества требует обращения к его первичным источникам, а именно к способности к воображению, присущей индивиду в детстве*» [92. С. 217]. Например, детские фантазии о семейных отношениях, названные Фрейдом «семейным романом», воплощаются в таких сказочных темах, как угроза ребенку со стороны отца, ранняя утрата знатных родителей, их подмена простыми приемными родителями, спасение и возмездие, возвращение к настоящим родителям.

Ранк указывает, что миф можно толковать по-разному. Например, часто встречающееся в мифах опускание младенца в воду в корзине (*предание воде*) может символизировать процесс рождения, угрозу смерти, а также возрождение. Следуя за Фрейдом, Ранк рассматривает мотив предания воде как символизацию факта рождения. Ранк последовательно доказывает, что мифы изображают противоречивые чувства по отношению к родителям, в том числе враждебность отца к сыну и неизбежный бунт последнего. По мнению Ранка, появление мифов обусловлено двумя противоположными мотивами — любви и благодарности к родителям и бунта против отца [92].

В 1912 году Ранк стал секретарем Венского психоаналитического общества и оставался на этом посту вплоть до своего разрыва с Фрейдом в 1924 году. Это был период энергичной работы, основной целью которой было всемерное расширение сферы влияния психоанализа. Ранк трудился над изданием журнала «Имаго», был редактором «Internationale Zeitschrift fur Psychoanalyse», а в 1919 году основал специальное издательство для публикации работ по психоанализу и руководил им в течение последующих пяти лет. В конце 1913 года вышел совместный труд Отто Ранка и Ханса Захса «Значение психоанализа в науках о духе» [92], основной задачей которого было дать отпор «ревизионистским» идеям Юнга, содержащимся в его книге «Метаморфозы и символы либидо».

В то же время, подобно Юнгу, авторы тщательно исследуют такой инструмент смысловыражения, как *символ*. Символ многообразен. Его формы простираются от прозрачной двусмысленности (например, в остроте) до полной неясности *в сновидении и неврозе*. В «Значении психоанализа» читаем: «*Между этими крайними отношениями сознания к символу заключен ряд, так сказать, полноценных символизаций, каковы — религия, миф и искусство. С одной стороны, они дают возможность разумного изображения и понимания, с другой — не лишены и глубокого бессознательного смысла*» [93. С. 10].

В случае мифа, по мнению авторов, не следует рассчитывать на мгновенную дешифровку с помощью универсального ключа-алгоритма (фрейдовского эдипова комплекса). «*Мы признаем*, — пишут авторы, — *что нескрываемая наивность греческой сказки об Эдипе, допускающая непосредственное применение к нему нашего метода, представляет собой исключительный случай*» [93. С. 10].

Подтвердив существование символизма, Ранк и Захс в отличие от Юнга не признали его подлинной ценности. Создание символов рассматривается ими

как регресс — понижение мышления до образной ступени, возникающее вследствие невозможности сознательной адаптации к реальным событиям. Оставаясь в фарватере фрейдовской системы, авторы не указывают на безусловно ведущее место сексуальной символики. В отличие от Фрейда они рассматривают психическую активность сквозь призму инстинкта сохранения и продолжения рода человечество.

Ранк и Захс преодолевают господствовавший в культорологии XIX века натуралистический подход, связывающий мифы и религию с первыми попытками объяснения природных явлений. Отказ от бесполезного манипулирования природными стихиями при интерпретации феноменов культуры и обращение в поисках их сути к глубинам человеческой души стало одним из значительнейших достижений психоанализа в области наук о духе. С тем, что материал из внешнего мира заимствуется человеческой фантазией лишь ради аналогии с собственным внутренним миром, были согласны все представители психологии бессознательного (включая и Юнга).

Авторы также воспроизводят одно из принципиальных разногласий между фрейдизмом и юнгианством в понимании природы инцеста. Как известно, Юнг настаивал на символическом, а не реально сексуальном значении эдипова комплекса. В его «Метаморфозах и символах либидо» содержится асексуальная интерпретация инцестуозного мотива в мифе о герое. Юнг утверждал, что мотив кровосмешения символизирует *идею возрождения*. По его мнению, логика мифомышления была такова: для того, чтобы вторично родиться, необходимо вновь очутиться в материнской утробе; достичь же последнего легче всего посредством оплодотворения своей собственной матери, результатом которого будет божественное самопорождение. Подобно Солнцу, герой, например Осирис, рождается из утробы матери (море, земля) и вновь погружается в нее (инцест с Изидой — сестрой, являющейся субститутом матери), но лишь с тем, чтобы следующим утром торжественно взойти на небосвод для новой жизни в облике своего сына (Гора). Этот мифический *механизм достижения бессмертия* эффективно работает во многих рассматриваемых Юнгом мифах о рождении, смерти и возрождении героя.

Интерпретация судьбы мифологического героя у Ранка носит иной характер. Его интересует в первую очередь подтверждение фрейдовской концепции о «семейных романах» детей-невротиков. Согласно Ранку, имеющийся у последних конфликт с отцом проистекает не из сексуального соперничества за мать, а вследствие утаивания отцом механизма рождения. Соответственно в «Мифе о рождении героя» утверждается, что эротическое отношение к матери, преобладающее в других группах мифов, в мифе о рождении отодвинуто на задний план, в то время как сопротивление отцу акцентировано [92]. Иллюстративного материала у Ранка предостаточно: Моисей, Авраам, Ион, Эдип, Парис, Персей, Кир, Ромул, Геракл, Иисус, Зороастр, Зигфрид. Все это мифологические персонажи, биографии которых полностью или частично совпадают, согласно Ранку, с неким «типическим сказанием» о рождении героя.

В качестве субъекта мифов Юнг рассматривал не индивида, а архаический коллектив, а сам героический миф — как метафору о смерти и возрождении. Напротив, по мнению Ранка, миф отражает не коллективное бессознательное,

а проекцию инфантильных переживаний. Миф о рождении героя связан с познавательными или эротическими желаниями отдельного человека. Юнг же рассматривает миф «целиком», а его события как более конкретные. Так, например, часто упоминаемое в мифах выбрасывание в воду Юнг интерпретирует не как превращенное в противоположность изображение рождения героя, но как буквальное сообщение о его смерти. Другое дело, что смерть эта носит особый характер, ибо герой умирает, чтобы затем родиться вновь, но уже для вечной жизни. В центре интересов архаического человека, по мнению Юнга, находились не такие чисто индивидуалистические мотивы, как томление по собственной матери или жажда познания механизмов рождения, а освященное древнейшими мистериями коллективное предчувствие грядущего возрождения.

На одном из заседаний Венского психоаналитического общества (25 ноября 1908 года), посвященном обсуждению готовящегося к изданию сочинения Ранка, Фрейд выразил полное единодушие с его идеями. Обильный мифологический материал, собранный Ранком, по мнению Фрейда, как нельзя лучше подтверждал его излюбленную идею относительно изобретаемых детьми теорий, объясняющих механизм рождения. В целом на предвоенные годы приходится расцвет творческого сотрудничества Фрейда и Ранка.

Для раннего психоанализа, основной проблематикой которого была инфантильная сексуальность, тема конца жизни не представляла особого интереса и куда более важным и определяющим для психологии индивида считался такой факт, как рождение. Нет ничего удивительного в том, что впоследствии Отто Ранк пришел к собственному воззрению, отводящему рождению исключительную роль в судьбе человека.

В начале 1920-х годов развитие Ранка претерпело существенные изменения — он начал поиск новых путей. Вместо того чтобы продолжать пропагандировать идеи Фрейда, он выдвинул свою независимую программу психоаналитических исследований. Во-первых, совместно с Ференци Ранк заявил о необходимости более активной роли аналитика и его личности в процессе лечения. Во-вторых, он выдвинул гипотезу о глобальном значении так называемой *травмы рождения*. Публикация в 1924 году одноименной работы повлекла за собой официальный разрыв с Фрейдом и Венским психоаналитическим обществом, принявшим решение исключить Ранка из своих рядов. Сущность новой теории Ранка заключалась в том, что он рассматривал переход из материнской утробы во внешний мир как особое явление — *как первичную, или универсальную, травму*. По его мнению, именно травма рождения является запускающим механизмом всего последующего психологического развития личности. Рождение вызывает у младенца сильную тревогу, которая сохраняется в бессознательной памяти и является причиной невротических симптомов у взрослых. Из этого вытекает крамольная для психоаналитика идея, что эдипов комплекс выступает вторичным феноменом по отношению к травме рождения, а именно — как попытка возвратиться в утробу матери. В свете данного положения страх кастрации представляется символическим выражением травматического отделения от материнской груди.

Вследствие разрыва с отцовской фигурой (Фрейдом) Ранк разрабатывает *теорию воли*. По его мнению, воля не статична, она развивается, ее самоопределение требует усилий и времени. Первоначально воля развивается как негативная сила,

направленная против внешнего и внутреннего принуждения, носителями которых являются соответственно родители и сексуальность. На следующем этапе своего становления воля индивида поддерживается идентификацией с волей группы. И лишь преодолев в себе зависимость от групповых стандартов и взяв на себя всю полноту ответственности за собственное волеизъявление, человек достигает уровня позитивной воли. Исходя из этого, Ранк выстраивает собственную шкалу психологических типов. Люди подразделяются на нормальных, невротичных и творческих. Нормальным он называет того, кто отказался от своей воли и принял волю группы; невротиком — того, кто, с одной стороны, не может принять волю группы, а с другой — недостаточно свободен для того, чтобы сформулировать собственную волю. И только творческая личность (художник) способна достигнуть уровня позитивной независимой воли. Художник сам устанавливает для себя закон, и поэтому его энергия и его идеалы гармонизированы.

Одна из поздних работ Ранка — «Искусство и художник» (1932 год) является методологией творческого самораскрытия личности, а реальная жизнь Ранка — примером ее практической реализации. Жизненный путь Ранка подобен истории мифологического героя: от послушного ученика, видящего в искусстве сублимацию репрессированных инстинктов, до бунтаря, восставшего против отцовского авторитета и провозгласившего творчество единственной подлинной стихией свободы.

Отто Ранк умер 31 октября 1939 года в Нью-Йорке. Несмотря на то что его попытка построить целостную психологическую теорию на основании гипотезы о травме рождения последующими поколениями ученых была признана недостаточно обоснованной, его вклад в мировую науку и теорию психоанализа общепризнан.

Психоанализ, марксизм и Вильгельм Райх

Каждая форма иррационального авторитарно-тоталитарного правления опирается на иррационализм, внедренный в сознание народных масс.

В. Райх

Судьба Райха может быть признана одной из наиболее драматичных в истории психоанализа. Вильгельм Райх (1897–1957) родился в Галиции в семье фермера. Теплые отношения с матерью были преждевременно прерваны ее смертью — она покончила с собой, когда Вильгельму было четырнадцать лет. Три года спустя от туберкулеза умер отец. Потеряв дом, Райх отправился служить офицером в австрийскую армию. После войны он приехал в Вену, где в скором времени получил образование врача. В январе 1919 года студенты организовали семинар по сексологии, на котором всесторонне образованный Райх был признан «ценным приобретением». В это время он натолкнулся на «Три очерка по теории сексуальности» Зигмунда Фрейда, определивших основную сферу его научных изысканий. Летом 1919 года Райх выступил на студенческом семинаре с докладом, посвященным *понятию «либидо»*. Если до Фрейда понятие «либидо» означало ощутимое сознательное сексуальное желание, то, по мнению Райха, «либидо»

в теории Фрейда не могло быть ничем другим, кроме как *энергией самого полового влечения*. Позднее Райх полагал, что сумел доказать тождество биоэлектрической и сексуальной энергии [164].

В конце 1919 года, в возрасте двадцати одного года, Райх становится психоаналитиком. Для него разработанная Фрейдом *теория либидо* является жизненным нервом психоанализа, и он активно начинает заниматься теоретическим и эмпирическим обоснованием «экономического фактора» этой теории. В 1927 году выходит его работа «Функция оргазма». Райх рассматривает оргазм как основной способ отреагирования любых форм напряжения. *Оргастическая потенция* является, по мнению Райха, главным условием психического здоровья: «*Оргастическая потенция представляет собой способность без какого-либо торможения предаваться потоку биологической энергии, способность к разрядке застоявшегося сексуального возбуждения*» [91. С. 84].

Напротив, блокирование сексуальности и нарушения сексуальной разрядки приводят к самым разнообразным проблемам и невротическим симптомам.

В 1927 году на X Психоаналитическом конгрессе в Инсбруке Райх впервые ввел понятие «*панцирь характера*», который состоит из многих слоев защитных реакций против подавленных влечений. Панцирь характера также включает реактивную враждебность, вызванную подавлением влечений. Райх понимал функцию панциря характера как «замороженную историю». Каждый неразрешимый конфликт в развитии индивида оставляет после себя след в его характере в форме ригидных способов поведения, служащих защите от эмоций. Панцирь характера «связывает» эмоции и делает невозможной их разрядку. Это проявляется на всех уровнях организации человека — в поведении, убеждениях, в «мышечной броне», оргастической импотенции. В связи с этим Райх считал, что для личностных изменений необходим последовательный анализ защитных процессов, лежащих в основе *структуры характера*.

В работе «Анализ характера» (1933 год) Райх выделил в структуре характера три слоя:

1) фасад сдержанности, навязчивой любезности, формального дружелюбия;
2) слой вторичных (вытесненных) влечений и потребностей, а также связанной с этим враждебности;
3) слой первичных потребностей.

Структуру индивида, поступки которого определялись этими первичными импульсами, Райх назвал *генитальным характером*. Генитальный характер находится в контакте со своими первичными потребностями и чувствами и без препятствий со стороны панциря характера или навязчивой морали. Он способен регулировать свои потребности в соответствии с требованиями внешней среды. В определенной степени генитальный характер представляет собой идеальную картину, к которой нужно стремиться. Райх писал: «*Генитальный характер управляется устойчивым чередованием между напряжением и адекватным удовлетворением либидо, иными словами, он обладает регулируемой экономикой либидо*» [88. С. 118].

Напротив, *импульсивные характеры* и *психопаты* характеризуются вторичной враждебностью, возникающей в результате подавления влечений. Личности же

с невротической структурой характера идентифицируются с соответствующим типичным для них «фасадом характера».

В результате систематизирования характерных форм поведения и защит в ответ на типичные ситуации фрустрации в детстве Райх выделял следующие структуры характера: фаллически-нарциссический и пассивно-женственный мужчина, маскулинно-агрессивная и истерическая женщина, а также обсессивный характер у людей обоего пола.

Его совершенно новый клинический подход к проблеме мазохизма стал одной из причин противостояния с Фрейдом и большинством психоаналитиков. Фрейд первоначально считал мазохизм проявлением садизма, направленного против собственной персоны. Затем в 1920 году он ввел понятия влечения к смерти и первичного мазохизма. *Потребность страдать* рассматривалась теперь как первичный инстинкт, а именно — как проявление влечения к смерти, тогда как садизм, в свою очередь, считался направленным вовне первичным мазохизмом.

Практический опыт Райха опровергал фрейдовскую гипотезу, что мазохист ищет боли и испытывает удовольствие от страдания. Райх интерпретировал мазохистский импульс как инвертированный садизм — *как подавленное стремление нанести вред*. Оказалось, что мазохист, как и любой другой человек, стремится к удовольствию и разрядке, но как никто другой боится оргазма и связанного с ним исчезновения границ Я. Если другие характеры вообще не допускают сексуального возбуждения в области гениталий или «убегают в страх», то мазохистический характер позволяет возбуждению возрасти до высшей точки, чтобы затем отреагировать сильнейшей тревогой. Тем не менее в этом состоянии крайнего сексуального застоя мазохист не желает ничего иного, кроме разрядки своего напряжения, чтобы иметь возможность расслабиться. Поскольку у мазохиста удовольствие связано с особенно сильным *чувством вины*, он провоцирует усиление возбуждения посредством реального или воображаемого применения внешней силы, чтобы все же достичь разрядки, не будучи за это ответственным (и не испытывая чувств вины).

В работе «Мазохистский характер» (1932 год) Райх дал детальное описание этой структуры и лежащих в ее основе динамических сил, опровергая клиническими фактами постулированное Фрейдом влечение к смерти: «*Мазохизм не соответствует ни одному биологическому влечению <...> Мазохизм есть выражение сексуального напряжения, которое невозможно излить. Его непосредственным источником является страх удовольствия или страх оргазмической разрядки <...> Страдание и терпение являются результатами потери органической способности к удовольствию*» [88. С. 148–179].

После теории либидо и терапевтической техники *критика общества* была третьим направлением в психоанализе, которое развивал Райх.

Будучи первым ассистентом Венской психоаналитической поликлиники, Райх в течение многих лет имел возможность видеть, что неврозы были «не капризами неудовлетворенных дам общества», а следствием более глобальных социальных процессов. Два часа ежедневно клиника была открыта для консультирования и лечения людей, которые не могли платить аналитикам. И каждый день Райх сталкивался здесь с сексуальными и материальными проблемами рабочих. Постепенно определились три основных круга проблем: во-первых, необходимость

реформы детского воспитания, во-вторых, преодоление враждебного отношения общества к чувственному удовольствию посредством сексуальной реформы и, в-третьих, преодоление авторитаризма в обществе посредством социальных реформ. Райх отмечал, что сексуальное подавление, разоблаченное психоанализом, сопровождается экономической эксплуатацией, о которой говорили марксисты. Сексуальное и экономическое подавление слиты воедино в патриархальной семье, основанной на порабощении женщины.

Райх становится членом организации «Рабочая помощь», подразделения Австрийской коммунистической партии (с 1929 года он является членом Коммунистической партии). Он надеялся найти общую основу психоанализа и марксизма, но позднее понял, что сидел между двумя стульями. Как аналитик он занимался лечением, развивал свои сексуально-экономические идеи, разрабатывал и совершенствовал аналитическую технику. Как коммунист он принимал участие в демонстрациях, маршах протеста и массовых митингах, выступал перед студентами и рабочими, рассказывая о сексуальных нуждах масс и критикуя буржуазную мораль. В итоге он был исключен одновременно из Коммунистической партии, из Немецкого и Международного психоаналитических объединений.

В работе «Диалектический материализм и психоанализ» (1929 год) Райх пытался доказать, что эти два направления вместе служат прогрессу человеческого сознания: марксизм — благодаря изучению законов экономического и политического подавления, а психоанализ — благодаря раскрытию социального подавления сексуальности [164]. В психоаналитической среде Райх последовательно отстаивал точку зрения о необходимости раскрепощения воспитания, семейной и общественной морали. Фрейд скептически относился к подобным порывам. Он считал, что культура, построенная на отказе от влечений, имеет преимущество, поскольку ее задача состоит в том, чтобы защитить людей друг от друга вследствие их первичной враждебности. Райх, напротив, считал враждебность и ненависть вторичными реакциями на фрустрацию естественной потребности в любви в детском возрасте.

Райх признавал существование такого феномена, как *невроз культуры*. Фрейд считал, что патологию общества изучать невозможно, да и бессмысленно, поскольку сравнительные исследования затруднены, а терапия общества вряд ли возможна. В целом нужно сказать, что реакция на идеи Райха в ходе дебатов о культуре была холодной и отвергающей. Пытаясь ослабить возникшие противоречия, Райх в 1930 году переезжает в Берлин. К этому времени в Германии все более ожесточалась конфронтация между коммунистами и национал-социалистами. Райха интересовало, что общего между коммунистами и фашистами как людьми и что объединяет коммунизм и национал-социализм как политические движения. Эти вопросы привели его к организации широкомасштабного молодежного движения и к изучению фашистской идеологии и социально-психологических основ политической власти.

В период между 1930 и 1933 годами влияние национал-социалистов в Германии постоянно росло, и у Райха появлялось все больше возможностей исследовать *патологию культурных сообществ*, о которой несколько лет до этого говорил Фрейд. Райх внимательно прочитал «Майн кампф» Гитлера (1925 год) и другие пропагандистские работы нацистов. Он пытался понять притягательность

нацистской пропаганды для молодежи и обнаружил удивительное противоречие между понятным протестом против неприемлемых социальных условий и непонятной идентификацией с идеологией нацистов. В то время как марксисты предсказывали, что ухудшение социальных условий приведет к радикализации пролетариата и заставит его обратиться к марксистской идеологии, народ принял сторону нацистов. Этот непонятный факт можно было объяснить, только приняв гипотезу о распространенной структуре характера, в которой стремление к свободе одновременно связано с его противоположностью, страхом свободы. Только так можно было понять, почему миллионы людей, стремившихся к освобождению, беспрекословно подчинились *прототипу патриархальной авторитарной системы*, к каковой, несомненно, относится фашизм.

Феномены, порождающие диктатуры, Райх называет *духовной чумой*. Если марксисты ссылались на объективные закономерности истории, то нацистская пропаганда ловко апеллировала к бессознательным сексуальным, психическим и религиозным потребностям и стремлениям масс. Райх писал: «*В чистом виде фашизм представляет собой совокупность всех иррациональных характерологических реакций обычного человека*» [89. С. 13].

Райх выделил три основных элемента фашистской идеологии, которые основывались на глубочайших страхах, а потому обладали властью манипулировать массами: расовая теория, семейная идеология и враждебное отношение к сексуальности.

Ядро расовой теории составляли призывы защитить чистоту крови немцев. *Расистская идеология* задавала четкие принципы разграничения добра и зла. Тот, кто идентифицировался с идеалом чистоты арийского мифа, мог быть уверен, что принадлежит к хорошим людям, тогда как нечистоту, болезнь и сексуальность можно было идентифицировать с «грязными евреями». Кроме того, опустившееся в результате экономического кризиса среднее сословие в социальном плане ничто не пугало так, как перспектива оказаться в рядах пролетариата.

Семейная идеология являлась инструментом, которым необычайно умело пользовался Гитлер для того, чтобы извлечь выгоду из фиксации воспитывавшихся в несвободе людей на семье, с одной стороны, и их протеста против семьи — с другой. Ему понадобилось всего лишь идентифицировать государство с семьей, апеллируя одновременно к гордости за семью, нацию и расу, и потребовать от массы эмоционально инфантильных людей привязанности к государству, которая была еще большей, чем привязанность к родственникам. Склонность к подчинению, присущая их структуре характера, не позволяла им также протестовать против фюрера, как против матери, а скрытая враждебность могла отыгрываться «внизу» и вовне, то есть по отношению к безродным, бесправным людям, евреям, цыганам, другим народам.

Запрет на сексуальность позволил фашистам в конечном счете мобилизовать всю фрустрированную энергию на «общее дело». По мнению Райха, это было безопаснее, чем переживать страх, который мог усилиться в результате либерализации сексуальности. В связи с этим Гитлер сулил подчинение мужчине женщины, усиление ее экономической зависимости, жесткие меры против контроля рождаемости и абортов и освобождение немецких девушек и женщин из «похотливых лап» евреев. Райх опубликовал результаты этих своих исследований

в книге «Массовая психология фашизма» (1933 год). Для него фашизм являлся полной противоположностью тех идей, которые он развивал начиная с 1920 года. Фашизм черпал свои силы из искаженно-мистифицированного оргазмического стремления масс, из повсеместно распространенной характерологической подчиненности и из усиления худших качеств патриархальной семьи.

Для Райха 1933 год становится тяжелым. Вечером того дня, когда Райх приехал в Данию, чтобы прочесть цикл лекций, произошел пожар в рейхстаге. На следующее утро оказываются арестованными 1500 деятелей науки и искусства. Многие друзья Райха пропали без вести или были арестованы или расстреляны. Нацистская пресса опубликовала критику книги Райха «Сексуальная борьба молодежи» (1932 год). Райх вновь вернулся в Австрию, где его также ожидал бойкот. В 1933 году Райх был исключен из Коммунистической партии, а в следующем, 1934, — из Психоаналитического сообщества. Швеция и Норвегия, в которых Райх несколько лет проводил опыты с бионергией, также отвергли его. В 1939 году Райх перебрался в Нью-Йорк, где организовал Институт Оргона — жизненной энергии, лежащей в основе всех органических процессов и выступающей биологическим эквивалентом либидо. В Америке работы Райха вновь навлекли на себя гнев и запрет.

Вильгельм Райх умер в изгнании (в американской тюрьме), так и не найдя признания у современников и завещав свои идеи будущим поколениям. Величайшей трагедией этого человека стала невозможность воплотить научные открытия психоанализа в практике семейного воспитания и общественного управления [164].

Социальный психоанализ Гарри Салливана и Эриха Фромма

Уникальность каждого конкретного человека обусловлена влиянием на него множества людей.

Г. Салливан

В 1940-х годах Гарри Салливан, Клара Томпсон, Карен Хорни и Эрик Фромм составили группу американских исследователей, продолживших дело, начатое Фрейдом. Ими был предложен ряд идей, революционных для своего времени и ставших привычными аксиомами для нас. В историю психологии данное движение вошло под названием неофрейдизма, предпринявшего попытку интеграции нескольких научных направлений: психиатрии, психоанализа, психологии, социологии, философии и культурологии.

Выдающий американский психиатр, психотерапевт и психолог Гарри Салливан считается основателем трансперсонального психоанализа.

Гарри Стек Салливан родился 21 февраля 1892 года в Норвиче, небольшом городке в штате Нью-Йорк (умер 14 января 1949 года). Его бабушка и дедушка эмигрировали из Ирландии. Гарри был единственным ребенком, выжившим в семье бедных ирландских фермеров, все его братья и сестры умерли еще в младенческом возрасте. По признанию Салливана, мать давала мальчику мало тепла, он всегда ощущал заброшенность и одиночество. Доверительные отношения с отцом

возникли достаточно поздно, когда Салливан был уже взрослым. Настоящих товарищей по играм у Гарри не было, и когда он пошел в школу, то чувствовал себя посторонним и не мог приспособиться к группе.

Уже в раннем возрасте Гарри проявил способности к физике, а затем решил заняться медициной. Салливан получил докторскую степень 1917 году в Чикагском колледже медицины и хирургии. В больнице Святой Елизаветы в Вашингтоне он работал под руководством Уильяма Алансона Уайта, признанного одним из первых последователей психоанализа в Соединенных Штатах Америки. В это же время Салливан уговорил коллегу — Клару Томпсон — поехать в Европу для прохождения анализа, чтобы впоследствии она смогла проанализировать самого Салливана.

В 1923 году Салливан получил должность психиатра в больнице Шеппарда и Пратта в Балтиморе. В 1925 году он был назначен руководителем клинических исследований и с тех пор стал интенсивно заниматься изучением шизофренических расстройств. В ходе клинических исследований Салливан пришел к убеждению, что для понимания психопатологии недостаточно изучения самого индивида. Он выявил решающее значение социокультурных факторов в формировании психических расстройств. Салливан рассматривал развитие как результат взаимодействия природных задатков, созревания и переживаний, возникавших в общении с эмоционально значимыми людьми. Эта ключевая идея легла в основу теории интерперсональных отношений.

За свою жизнь Салливан не опубликовал ни одной книги. И хотя среди аналитиков распространилось несколько копий его работы «Личная психопатология», фактически эта книга была издана лишь сорок лет спустя (в 1971 году). Все остальные опубликованные под именем Салливана книги являются посмертными расшифровками магнитофонных записей его лекций или статей, которые при его жизни печатались в специальных журналах. Попытка добиться сближения между психиатрией и социальными науками является лейтмотивом интерперсональной теории Салливана. Особое влияние на нее оказали идеи Зигмунда Фрейда, Джорджа Герберта Мида, Джона Дьюи, Чарльза Кули, а также Рут Бенедикт и Эдварда Шапиро. Салливан признавал, что его теория ближе всего к концепции Мида и Кули, в основе которой лежит представление о развитии Я через усвоение социальных оценок и ролей

Психологическая теория интерперсональных отношений Гарри Салливана основывается на теории развития, ориентируется на теорию поля и использует принципы операционализма. Салливан рассматривал человека как сложную биосоциальную систему — как живой организм, включенный в механизм социальных отношений и выстраивающий отношения с внешней средой. Ведущей характеристикой такой системы выступает *динамизм* — относительно устойчивый паттерн трансформации энергии.

Согласно интерперсональной теории, каждый человек обладает по отношению к другим людям определенным набором индивидуальных способов реагирования, непосредственно связанных с важными событиями, происшедшими в ходе собственного развития. Салливан рассматривает развитие как *непрерывный процесс обмена между личностью и окружающим миром*. Потребность в контактах с другими людьми рассматривается как элементарная биологическая потребность, ко-

торая становится эмоционально ощутимой в состоянии одиночества. Изоляция от основного потока человеческой жизни равносильна психическому нарушению.

Таким образом, Салливан рассматривал личность в контексте ее социальных взаимоотношений. Он писал: «*Личность — это относительно устойчивый паттерн повторяющихся интерперсональных ситуаций, которые характеризуют человеческую жизнь*» [99. С. 123].

Личные качества, по мнению Салливана, проявляются лишь в интерперсональном взаимодействии. Личность включает такую важную подсистему, как *самость*. Понятие самости у Салливана близко к понятию Я в эго-психологии. Самость понимается как содержание сознания в рамках социализации и направленности на определенные цели. Также самость можно определить как часть личности, которая в момент тревоги воспринимается в качестве центральной. В целом самость — это система, направленная на снижение тревоги.

В интерперсональной теории тревога рассматривается как преимущественно психологический феномен. Салливан разделяет два переживания: 1) биологически обусловленный «нормальный» страх при восприятии реальной угрозы и 2) приобретенную тревогу, не связанную с реальными опасностями, вызывающую дезорганизующее напряжение. Тревога, по мнению Салливана, приобретается человеком в процессе общения с тревожными родителями, другими людьми или даже тревожной атмосферой в обществе, она патогенно воздействует на все формы разумной коммуникации. По мнению Салливана, она всегда деструктивна, поскольку делает невозможным доверие, препятствует творческому мышлению и является причиной серьезных нарушений интеграции личности. Она уменьшает уважение человека к себе. В соответствии с этим нарушения поведения и психического здоровья рассматриваются как результат окрашенных тревогой переживаний, возникавших в процессе развития в общении со значимыми для индивида людьми. Психические нарушения выступают здесь как формы жизни, не адекватные по отношению к поведению других людей.

Нежное поведение матери, оказывающее благотворное влияние на младенца, предполагает наличие в отношениях между ними атмосферы, которая в целом характеризуется отсутствием тревоги. Согласно этой модели, соответствующие потребности матери и ребенка взаимно подкрепляются и образуют функционирующую коммуникативную систему. Если все складывается нормально, то в результате развивается благоприятная цепная реакция. Ребенок выражает свои потребности; у матери в ответ пробуждаются соответствующие реакции, и благодаря своей способности удовлетворять потребности ребенка она испытывает чувство нежности. В свою очередь, ребенок переживает чувство расслабленности и благополучия, благодаря чему возникает *кооперация*. Без сомнения, функционирование этой самой ранней системы межличностных отношений во многом определяет все последующие интерперсональные связи. По существу, речь идет о развитии доверия в отношениях, характеризующихся все более возрастающим равноправием, другими словами, это умение «давать» и «брать».

Салливан рассматривает существование человека как континуум, простирающийся от колыбели до смертного одра. Для каждого человеческого переживания имеется оптимальный момент, а каждый слишком рано или слишком поздно приобретенный опыт порождает проблемы в развитии. При этом каждая фаза раз-

вития, начиная с самого раннего младенческого возраста, имеет большое значение для межличностных отношений.

Особенно важной является фаза предподросткового возраста, которая в западных культурах относится примерно к восьмому — одиннадцатому году жизни. В этой фазе пока еще существует возможность компенсировать ранние травматические переживания появлением интимных переживаний. В силу их абсолютной зависимости и неспособности выбирать объект любви дети предподросткового возраста рассматриваются как неспособные любить. И только попытки видеть себя объективно, словно глазами близкого друга, создают основу для соответствующего развития и интимности.

Салливан отвергает детскую сексуальность в качестве фактора, определяющего развитие. По его мнению, сексуальность является биологическим процессом, который до пубертата не проявляется. Сексуальное удовольствие как таковое можно испытать только по достижении физиологической зрелости. В своей концепции одиночества Салливан говорит о *врожденной потребности в общении*, которая во многом напоминает инстинкт. Салливан считает чувство одиночества врожденным качеством человеческого организма, которое по-разному проявляется в разных фазах развития. Вначале оно выражается как потребность в тактильных контактах — потребность ребенка оказаться на руках матери; далее как потребность в признательной публике, в товарищах по играм, в друзьях разного пола, в сотрудничестве, интимности. Данное положение Салливана хорошо объясняет различные групповые эффекты. По сути, Гарри Салливан расширил границы личности за пределы ее телесно-индивидуального контура. Он распространил личность на сферу значимых межличностных взаимоотношений и социальных феноменов. Личность включает не только привычные паттерны взаимоотношений с близкими людьми, но и более общие социальные паттерны — социальные стереотипы, культурные нормы, этнические модели поведения и др. Салливан писал: «*История жизни человека — это в первую очередь процесс приспособления к передаваемым из поколения в поколение моделям и стандартам общества, в котором он живет*» [99. С. 53].

К моменту овладения речью ребенок, по мнению Салливана, уже является носителем всех атрибутов социальной жизни, поскольку непрерывно осваивает социальные запреты, ценности, культурные символы. В мифах и сновидениях людей отражаются неразрешимые противоречия человеческой жизни. В них данные проблемы затрагивают сразу многих людей. В мифах содержатся наиболее яркие и глубокие переживания, они представляют собой попытку символического овладения проблемой и ее разрешения. Таким образом, народные мифы транслируют от одного поколения к другому ведущие ценности, а также паттерны разрешения проблемных ситуаций. Наряду с общими мифами Салливан выделял *личные мифы*. Это те истории, которые человек рассказывает о себе на протяжении всей жизни. Они также отражают основные паттерны взаимоотношений данного человека и его личности в целом. Одновременно личные мифы играют защитную роль. Во время сна отдельного человека происходит обоснование и символическое разрешение его актуальной ситуации. Таким образом, сны и мифы играют важную роль в психической жизни человека. Если в силу каких-либо причин человек не может справиться с возникшими жизненными трудностями и защи-

титься от невыносимой тревоги, он полностью уходит в сновидения и мифы. Это состояние характерно для шизофрении. В норме же сновидения и мифологемы играют положительную роль. Мифы являются одним из основных условий жизнестойкости традиций.

Салливан занимался многими проблемами — от отдельных аспектов психологии Я до объектных отношений. Его взгляды на психическую жизнь человека являются реализацией столь популярного в настоящее время системного, или нарративного, подхода. Салливан был также одним из первых, кто обратил внимание на значение лингвистики и коммуникации для развития личности. Это был ум, намного опередивший свое время. Известный современный семейный психотерапевт Натан Аккерман отметил, что разработка Салливаном принципов групповой и семейной терапии является классической и принципиально важной. Салливан последовательно выступал за сближение социальных наук и психоанализа. В целом интерперсональная теория представляет большие возможности для психологического анализа широкого круга социальных феноменов.

***

Радикальный критический разум лишь тогда бывает плодотворным, когда он выступает в единстве с бесценным человеческим даром, имя которому — любовь к жизни.

Э. Фромм

Другим исследователем, оставившим заметный след в исследовании социальных феноменов, является Эрих Фромм. Он родился 23 марта 1900 года во Франкфуртена-Майне. Мать Эриха — Роза Краузе — происходила из семьи русских эмигрантов. Эрих получил хорошее начальное образование — в гимназии он не только имел возможность освоить несколько языков, но и развил интерес к ветхозаветным текстам. С раннего возраста Фромм испытывал неприязнь к любым проявлениям человеческой враждебности: борьбе, войнам, жестокости. В 1918 году Фромм начал изучать психологию, философию и социологию во Франкфуртском университете. Его учителями были Макс Вебер, Карл Ясперс и другие величайшие мыслители. Фромм рано познакомился с работами Карла Маркса, которые привлекли его своим гуманизмом [164].

В возрасте двадцати двух лет Фромм защитил диплом по философии в Университете города Гейдельберг. Затем он обучался в Мюнхенском университете, а после этого переехал в Берлин, где стал сотрудником Психоаналитического института. В 1931 году Фромм прошел в этом институте учебный анализ у Ганса Захса. Вскоре после этого совместно с Фридой Фромм-Райхманн (первая жена Фромма) он основал Психоаналитический институт во Франкфурте-на-Майне. Много лет судьба Фромма была связана с Франкфуртским институтом социальных исследований, где совместно с Максом Хоркхаймером он изучал *феномен авторитарности*. Эмпирические исследования среди рабочих и служащих позволили Фромму уже в 1932 году сделать вывод о том, что рабочие не окажут сопротивления диктаторскому режиму Гитлера.

В 1933 году по приглашению Франца Александера Фромм переезжает в Соединенные Штаты Америки для работы в Чикагском психоаналитическом

институте, где он занимается подготовкой специалистов в области психоанализа. Его лекции и работы (Фромм всегда много печатался) отличаются выраженным междисциплинарным подходом, соединяющим в общую систему данные клинической практики, социальных исследований и научных теорий. В 1950-е годы Фромм отходит от теории Фрейда и создает свою собственную концепцию. После окончания Второй мировой войны Фромм работает в Мехико, где организует Мексиканский институт психоанализа. Последние одиннадцать лет (вплоть до своей смерти в 1980 году) Фромм провел в Швейцарии.

Фроммом было опубликовано более двадцати книг и множество научных статей. Его первая книга «Бегство от свободы» (1941 год), написанная под впечатлением прихода к власти фашистов, стала классическим произведением. В ней автор предостерегает от соблазнительной псевдобезопасности *тоталитарного государства*. Почему тоталитаризм стал отличительной особенностью XX века? Согласно Фромму, перед современным человеком стоит главная экзистенциональная дилемма — *индивидуальная свобода или отказ от нее*. Свобода привлекательна, но опасна, поскольку требует высокой степени ответственности и грозит одиночеством [145].

Фромм анализирует несколько *механизмов «бегства от свободы»*, с помощью которых современный человек преодолевает свое противостояние миру, чувство одиночества и бессилия. Первый механизм Фромм обозначил как *авторитарный характер*. Авторитарная личность стремится восстановить утраченное единство с миром через отказ от собственного Я и выстраивание отношений господства-подчинения. Садомазохизм является крайней формой проявления авторитаризма. Наиболее полно этот тип бегства проявляется в тоталитарных государствах, где массы имеют возможность симбиотического слияния и подчинения авторитету лидера. Второй механизм бегства Фромм назвал *автоматизирующим конформизмом* и признал его характерным для большинства нормальных индивидов в современном западном обществе. При этом человек утрачивает индивидуальность и полностью усваивает тип личности, навязываемый ему общепринятым шаблоном. В итоге стираются различия между Я и остальным миром, формируется невротическое Я. Третий путь — это *деструктивность*. В отличие от садизма деструктивность не стремится к господству. Она направлена на разрушение собственного отчуждения, на превращение всего живого в мертвое и простое. Фромм определил деструктивность как «*результат непрожитой жизни*», подчеркивая социально-психологическое, а не биологическое ее происхождение. Во всех трех случаях человек становится рабом кого-либо/чего-либо из-за отказа от своей индивидуальной свободы [145].

Механизмы бегства противостоят *позитивной свободе — подлинной связи с миром*. Человек может стать творческим и продуктивным, жить в гармонии и любви с другими людьми, делиться с ними плодами своего труда, развивать самоуважение. В этом случае он выступает в качестве индивидуально действующего человека, уважающего самого себя и самого себя реализующего, способствующего возникновению более прогрессивного общества.

В современном обществе, по мнению Фромма, отношения между людьми характеризуются *конкуренцией*, *эксплуатацией*, *паразитизмом* и *враждебностью*. Хотя современный человек относительно свободен, он лишен корней, испытывает

одиночество и со всех сторон чувствует для себя угрозу. Фромм пишет: «*В массовом обществе человек чувствует себя изолированным и одиноким, даже будучи частью массы; у него нет убеждений, которыми бы он мог поделиться с другими людьми, их заменяют лозунги и идеологические штампы, которые он черпает из средств массовой информации*» [144. С. 101].

Драматические события Второй мировой войны побудили Фромма вплотную заняться изучением такого феномена, как *деструктивность*. Человечество, по его мнению, должно сделать выбор между *биофилией*, любовью к жизни, и *некрофилией*, любовью к смерти или к разрушению. Эти понятия не совпадают с фрейдовскими влечением к жизни и влечением к смерти, поскольку рассматриваемые феномены не являются врожденными и носят экзистенциональный характер.

В рамках анализа деструктивности Фромм выделил два различных вида агрессии:

1) *оборонительная, или доброкачественная, агрессия*, по мнению Фромма, — «*это филогенетически заложенный импульс к атаке или бегству в ситуации, когда возникает угроза жизни*», такая агрессия служит самосохранению и выживанию вида;
2) *злокачественная агрессия* — «*это деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку <...> они не имеют филогенетической программы, не служат биологическому приспособлению и не имеют никакой цели*» [144. С. 22].

Доброкачественная агрессия (псевдоагрессия) имеет множество проявлений, — это игровая агрессия, оборона, самоутверждение, конформистская агрессия (например, выполнение приказа), инструментальная агрессия (для достижения иной цели). Злокачественная агрессия, в свою очередь, проявляется в двух основных видах — *садизме*, или страстном влечении к неограниченной власти над другим существом, и *некрофилии* — страсти к разрушению жизни, привязанности ко всему мертвому, неживому, механическому. Деструктивность и жестокость, по Фромму, скрываются не в инстинктах и влечениях человека, а в его характере. Фромм называет их *влечениями характера*, или *страстями*. Фромм приходит к парадоксальному выводу: деструктивность не характерна ни для животных, ни для примитивных народов, она является следствием культурного и технического развития человечества.

Фромм анализирует неутешительную статистику неуклонного повышения числа войн в Европе от века к веку — за последние пятьсот лет их количество увеличилось более чем в десять раз [144]. Вторая мировая война продемонстрировала практически беспредельное стремление людей к самоуничтожению. Среди причин усиления деструктивности Фромм называет: отчуждение человека от природных корней, рост городов и скученность проживания, повсеместное вытеснение человека машинами, мужское господство и эксплуатацию мужчинами женщин, власть символов, несправедливость социальной жизни, преклонение перед авторитетом.

Фромм указывает, что *деструктивность возникает как результат противоречия между социальными условиями и экзистенциальными потребностями людей*. К экзистенциональным потребностям он относит: потребность в привязанности

и своих исторических корнях, стремление к единению с другими людьми, творческие тенденции, потребность в возбуждении и переживаниях, потребность в формировании характера. Под характером исследователь понимает структуры, связывающие воедино человека с природным и социальным миром. Фромм делил характеры людей на две большие группы — *продуктивные* и *непродуктивные*. Первая группа определяется такими качествами, как способность любить, креативность, поиск истины, духовность, индивидуация, разум и утверждение жизни. Вторая ориентация предполагает другие свойства: накопительство, рецептивность, меркантильность, садизм и некрофилию. Одновременно выделяются и разновидности непродуктивных характеров — меркантильный, рецептивный, накопительский, садомазохистический, конформистский, авторитарный.

Страсть к разрушению или садизм, по мнению Фромма, коренятся не во влечениях, а в структуре характера. Они являются одним из способов компенсации фрустрированных экзистенциональных потребностей. В качестве исторического примера выраженного садистического характера Фромм приводит личность Сталина. Его поведение может служить «настоящим пособием» для изучения несексуального садизма. Непредсказуемость, демонстрация беспредельной власти, изощренные интриги, массовые убийства — убедительные признаки садизма. Фромм подчеркивает, что сущностью садизма является стремление к всемогуществу — абсолютной, ничем не ограниченной власти над живым существом. Для садистического характера все живое должно быть под контролем. Другая черта: садиста стимулирует всегда слабое существо и никогда сильное. Но одновременно с этим садист стремится и к подчинению. Отмечая тесную связь между садизмом и мазохизмом, Фромм подчеркивает, что правильнее говорить о садомазохистском характере. В данном случае он совпадает с авторитарным характером.

Другой пример — *анально-накопительский характер*. Фромм разбирает его на примере Генриха Гиммлера. Мы видим портрет педантичного бездушного бюрократа, готового всецело подчиняться авторитету. Корни такого характера Фромм видит в чрезмерной детской зависимости от матери и в жестком авторитете отца.

В книге «Анатомия человеческой деструктивности» (1973 год) Фромм также представил детальный психобиографический анализ характера Гитлера как наиболее яркого *представителя некрофилии* (одновременно с этим анального характера). Он пишет: «*Некрофилию в характерологическом смысле можно определить как страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения, а также исключительный интерес ко всему чисто механическому*» [144. С. 285].

Фромм описывает мать Гитлера как женщину, которая безумно любила своего сына и оберегала его. Тем не менее Фромм предполагает, что *фиксация на матери* у Гитлера не характеризовалась ни любовью, ни теплыми чувствами. Гитлер рано потерял родителей. Смерть отца, когда Гитлеру было четырнадцать лет, не произвела на него особого впечатления. Через четыре года от рака умерла мать, но по мнению Фромма, Гитлер не испытывал к ней глубоких чувств.

Придя к власти, Гитлер в полной мере продемонстрировал свою деструктивность. Для Гитлера объектами разрушения были города и люди. Многие его действия, начиная с уничтожения миллионов евреев, русских и поляков и заканчивая рас-

поряжениями, обрекавшими на уничтожение немцев, не были вызваны стратегической целесообразностью. Военные преступления обнажили некрофилию Гитлера. Фромм указывает, что имеются и другие, косвенные доказательства злокачественной агрессии и вытесненной деструктивности — *рационализация* (всякое действие нацистов имело объяснение и было подведено под мощную идеологическую основу) и *реактивные образования* (в форме вегетарианства Гитлера, его стойкого нежелания посещать фронт, нежелания видеть мертвых). Так страсть к разрушению маскировала самое себя.

Одним из источников авторитарного характера Гитлера, по мнению Фромма, был его крайний *нарциссизм*. Гитлер интересовался исключительно собой, окружающие люди были инструментом для выполнения его фантастических планов, а внешний мир был для него реальным лишь в той мере, в какой он являлся объектом его замыслов. Очевидцы свидетельствуют о почти мистической уверенности Гитлера в собственной непогрешимости как вождя нации и военачальника.

Взгляд Фромма на будущее человека и будущее психоанализа не является оптимистическим. Он озабочен прежде всего выхолащиванием человеческих ценностей. Фромм видит угрожающую опасность в том, что деструктивность может взять верх над нормальной агрессией, поскольку деструктивным стало само общество. По его мнению, современное общество потеряло свою душу и превратилось в управляемый компьютером автомат. Вырваться из цепких объятий «психически больного общества» способен лишь тот, кто любит жизнь и правду, кто обладает известной степенью героизма, но не жаждет удовлетворить свое тщеславие или стремление к личной власти [144].

***

Проведенное исследование работ Фрейда и его не менее выдающихся последователей убедительно показывает, что на протяжении всей своей истории психоанализ применялся не только и не столько в медицинских целях, сколько для решения более глубокой задачи — понимания общества в целом во всех его проявлениях: в культуре, искусстве, воспитании, историческом процессе или политической власти. Постепенно на ниве глубинной психологии выросло относительно самостоятельное направление, специально занимающееся вопросами культуры и социума, получившее название *прикладного психоанализа* (актуальным вопросам которого посвящена третья часть книги).

ЧАСТЬ 2

Теория и практика клинического психоанализа

ГЛАВА 3

Современные школы психоанализа

Психоанализ как развивающаяся система

Пророчества о быстрой смерти психоанализа не сбылись. Психоанализ существовал и продолжает существовать по сей день. Это живой обновляющийся организм.

Петер Куттер

Более чем за сто лет своего существования психоанализ прошел большой путь от монотеории Зигмунда Фрейда к психоаналитическому плюрализму. Выйдя за рамки простого метода лечения, он «не оторвался от своей материнской почвы» и остается верен изначальным канонам. Одновременно с этим классические положения подвергаются критическому пересмотру и дополняются как оригинальными теоретическими идеями, так и техническими новшествами.

Современный психоанализ представляет собой научно-практическую систему, имеющую несколько уровней и множество направлений. В вертикальной перспективе выделяются три взаимосвязанных аспекта: 1) теоретические концепции (метапсихология, или глубинная психология); 2) исследование культурных процессов и социальных институтов (прикладной психоанализ); 3) практическая деятельность по оказанию психологической помощи индивидам и семьям (клинический психоанализ). В горизонтальном измерении: на каждом из выделенных уровней развиваются отдельные психоаналитические школы и направления. На теоретическом пространстве это: метапсихология З. Фрейда; юнгианский подход; теория объектных отношений; эго-психология; структурный психоанализ Ж. Лакана и др. В прикладном аспекте различаются культурологический анализ; социальный психоанализ; психоанализ власти; психоаналитическая педагогика и проч. В отношении психотерапевтической практики соответственно выделяются: классическая техника психоанализа; психоаналитическая терапия; психоаналитическая семейная терапия; групп-анализ. Вопрос о направлениях психоанализа и взаимоотношениях между ними остается открытым.

Не представляется возможным назвать и описать все ныне существующие модификации психоанализа. В данной главе представлены наиболее признанные современниками психоаналитические школы, внесшие или продолжающие вносить значительный вклад в развитие психоаналитического движения на «постфрей-

довском» пространстве: *кляйнианское направление; теория объектных отношений; школа Анны Фрейд; эго-психология*.

Несмотря на сохраняющиеся разногласия по ряду теоретических аспектов и технических вопросов, между отдельными аналитическими группами существует общая платформа, объединяющая различные течения в систему. *К специфическим особенностям современных психоаналитических школ можно отнести следующее:*

- наблюдается устойчивое последовательное развитие фрейдовских идей и базовой техники психоанализа с учетом новых научных данных и изменившейся социальной среды;
- для психоанализа в целом характерна тесная связь теории и практики, в ходе чего теоретические изыскания приводят к техническим новшествам, а богатейший терапевтический материал дает почву для дальнейшего развития концепций психоанализа;
- на фоне чрезмерного увлечения клинической практикой ощущается явный дефицит прикладных и экспериментальных исследований в области психоанализа, что усугубляется отсутствием соответствующей научной специальности и диссертационных советов по психоанализу;
- сохраняется традиция длительной и основательной подготовки психоаналитически ориентированных специалистов, которая наряду с теоретическим обучением включает продолжительный тренинговый анализ (личную психотерапию самого обучающегося у сертифицированного аналитика), а также систему групповых и индивидуальных супервизий (разбора случаев) под руководством опытных специалистов;
- продолжается расширение области применения психоанализа и его выход за рамки медицинского использования — современный психоанализ ориентирован на работу с различными проблемами и пациентами;
- несмотря на то что в целом аналитическая психотерапия остается достаточно продолжительной процедурой, наметилась тенденция на сокращение сроков лечения, а также использование методов краткосрочной терапии;
- в фокусе внимания современных психоаналитиков находятся терапевтические отношения как сложная система взаимовлияния личности пациента и аналитика, с взаимодействующими интрапсихическими конфликтами, защитами, переносами и сопротивлениями, при этом процессам переноса, сопротивления и контрпереноса придается приоритетное значение.

Современный психоанализ представляет собой непрерывно развивающуюся систему. Любая историческая эпоха фокусирует свое внимание на концепциях, отражающих насущные потребности общества. Если в период творчества Фрейда были особенно популярны его теория влечений и концепция инфантильной сексуальности, то в настоящее время несомненными лидерами в области психоаналитических идей следует признать *теорию объектных отношений* и *эго-психологию*. Данные направления достигли таких широких масштабов, что начали ассоциироваться с современным психоанализом в целом. Одновременно с этим отмечается трудность в дифференциации современных школ психоанализа. Так, например, в ряде научных изданий кляйнианский подход и эго-психология рассматрива-

ются в рамках теории объектных отношений как разновидности последней [58, 103]. Еще более сложной задачей является отнесение конкретной теории (автора) к той или иной школе психоанализа. Например, Мелани Кляйн в равной степени может быть признана наследницей теории влечений Фрейда и родоначальницей объектного подхода; Эрик Эриксон обозначается как неофрейдист и как представитель эго-психологии, а Маргарет Малер в равной степени идентифицируется с эго-психологией и с теорией объектных отношений.

Для прояснения выявленных разногласий полезно обратиться к истории понятий, лежащих в основе различных теоретических систем, прежде всего ставших столь важными в наши дни терминов — «объектные отношения» и «Эго».

З. Фрейд выдвинул *понятие объекта* в «Трех очерках по теории сексуальности» (1905 год), хотя и в узком значении, как «средство для удовлетворения влечений и скорейшее ослабление напряжения» [140]. В других работах Фрейд указывал, что восприятие значимости других людей в раннем детстве и неудачи в отношениях с ними определяют психическую структуру индивида. В начале жизни внешний объект (материнская грудь, мать, другие значимые люди) воспринимается в связи с либидным удовлетворением. Ребенок становится зависимым от тех объектов, которые обеспечивают разрядку влечений. Объект не обязательно является чем-то посторонним для субъекта, он может быть эквивалентным части его тела. В *топографической модели* Фрейд подчеркнул патологическое влияние травматического опыта в отношениях с объектом. Там же он показал, как бессознательные желания и фантазии могут превращать нейтральные отношения с объектом в негативные, оставляя тревожные и разрушительные воспоминания [122]. В *структурной теории* Фрейд отмечал, что идентификация с объектом является главным моментом в формировании структур Эго и Супер-Эго [143].

Фрейд сделал важное дополнение к вопросу об объектных отношениях, когда пересматривал теорию тревоги. Поскольку детское Эго беспомощно, регулятором тревоги становится внешний объект. Фрейд полагал, что недостаток эго-функции в более позднем возрасте обусловлен одновременно силой инстинктивных импульсов и слабостью внешних объектов, регулировавших состояние ребенка. Он установил соответствие между тревогой, связанной с объектами, и фантазиями, характерными для определенной фазы психосексуального развития индивида: страх потери объекта, страх потери любви объекта, страх кастрации и страх наказания со стороны Супер-Эго. По мнению Фрейда, беспомощность и зависимость ребенка вызывают детское ощущение опасности и потребность быть любимым, которые ребенок проносит через всю свою жизнь [138].

Несмотря на то что Фрейд сформулировал ряд важных идей в области объектных отношений, он не предпринял попытки их развития в единую теорию. Кроме того, внимание Фрейда было приковано прежде всего к эдипову комплексу, вследствие чего природа ранних (доэдипальных) отношений осталась за границей его исследования.

Рассмотренные ограничения были успешно преодолены психоаналитиками последующих поколений.

Начиная с 1930-х годов объектные отношения стали изучаться более пристально. Работы М. Кляйн, А. Фрейд, Р. Спитца, Дж. Боулби, Д. Винникотта, М. Балинта, М. Маллер и других исследователей позволили совершить прорыв

в изучении данного вопроса и предопределили развитие психоанализа в последующие годы.

Начиная с 1940-х годов понятие *«объект»* стало одним из ключевых в психоанализе. При использовании данного термина разные авторы придерживаются различных значений. В психоанализе данное понятие рассматривается с трех основных точек зрения. В традиционном (философском) значении объект соотносится с познающим субъектом как то, что имеет устойчивые и постоянные признаки. В психоаналитическом же контексте термин «объект» используется либо в значении «объект влечения», либо — «объект любви». *Объект влечений* — это человек, предмет или образ, с помощью которого инстинкт может достичь своей цели и удовлетворения. Объект влечений не обязательно должен быть реальным и целым, он также может быть воображаемым (фантазийным) и частичным. *Объект любви* (притяжения) — это объект отношения личности (позитивного или негативного) в целом к чему-либо или кому-либо, это отношение целостного Я. В качестве объекта любви (ненависти) также могут выступать разные вещи: человек, инстанция Я, идеал, сущность [60].

Последнее значение термина «объект» используется в современном психоанализе наиболее часто. Репрезентация реального или фантазийного объекта в психической реальности человека обозначается как *внутренний объект*. Установка и поведение индивида по отношению к своему объекту (внутреннему, внешнему) называются *объектными отношениями* [30, 60, 84].

Изучение объектных отношений началось с систематических наблюдений за маленькими детьми и их матерями. Клинические наблюдения за младенцами Мелани Кляйн и работа в Хэмпстедском детском доме Анны Фрейд стали основными источниками данных для новых идей в области объектных отношений и эго-психологии.

Отличительной особенностью современного психоанализа является его тесная связь с практикой; теории разрабатываются на основе клинических наблюдений и одновременно служат обоснованием для конкретных терапевтических принципов и методических новшеств. Предлагаемый далее обзор основных научных школ современного психоанализа убедительно свидетельствует о том, что теоретические идеи и практические изыскания психоаналитиков взаимно обусловливают и гармонично дополняют друг друга, продолжая традицию Фрейда и сохраняя уникальность психоаналитического подхода.

Кляйнианское направление

На протяжении всей своей работы я придавала фундаментальное значение первым объектным отношениям младенца — отношениям с материнской грудью и с матерью.

М. Кляйн

Мелани Кляйн (1882–1960) по праву можно назвать одной из наиболее влиятельных фигур в психоанализе. Кляйн не только основала собственную научную школу, ее исследования в области раннего развития ребенка предопределили появление того, что мы сегодня называем теорией объектных отношений. Ее смелые

идеи о переживаниях младенцев и оригинальные подходы к анализу пациентов, страдающих серьезными психическими расстройствами, продолжают вызывать бурные дискуссии на протяжении многих десятилетий.

Мелани Кляйн (урожденная Райцес) родилась в Вене. Она мечтала получить медицинское образование, однако замужество в юном возрасте и рождение троих детей воспрепятствовали этому. Поселившись в 1910 году в Будапеште, Мелани заинтересовалась психоанализом, примкнув к кружку Шандора Ференци и пройдя у него личный анализ. В 1917 году она познакомилась с Фрейдом, а в 1919 вступила в Венгерское психоаналитическое общество, представив доклад «О развитии одного ребенка». В 1920 году произошла встреча Мелани Кляйн с Карлом Абрахамом, у которого впоследствии она проходила личный анализ и идеи которого оказали наибольшее влияние на ее психоаналитические воззрения. В 1921 году Кляйн начала свою психоаналитическую практику со взрослыми и детьми в Берлине, а в 1926 году по приглашению Эрнста Джонса переехала в Великобританию, где ее клиническая и теоретическая работа достигли своего расцвета. Одновременно с этим в 1940-е годы она подверглась жесточайшей критике со стороны последователей ортодоксального психоанализа, вступив в непримиримое соперничество с Анной Фрейд. Все это привело к сохраняющемуся до сих пор расколу Британского психоаналитического общества на группы последователей Мелани Кляйн и Анны Фрейд, а также нейтральную группу, занимающую промежуточное положение [84, 105, 164].

Мелани Кляйн была первой из психоаналитиков, кто сосредоточился на ранних отношениях младенца с матерью как главном факторе развития его личности. Одним из базовых положений кляйнианского психоанализа стал *конфликт между инстинктами жизни и смерти*. Первый порождает либидонозные влечения и способность к любви; второй — деструктивные импульсы и агрессию. Данный конфликт актуализируется в момент рождения и определяет всю последующую психическую жизнь индивида. «*Борьба между инстинктами жизни и смерти и производный от нее страх уничтожения себя и объекта собственными деструктивными импульсами являются основополагающими факторами в первоначальном отношении младенца к матери*» [45. С. 17].

Новорожденный ребенок страдает от тревоги преследования, которая актуализируется *травмой рождения* и утратой внутриутробного состояния. Затянувшиеся или чем-то осложненные роды усиливают тревогу. Другой источник опасности — фрустрирующие внешние условия и поведение матери. Таким образом, с самого начала жизни конституциональные факторы тесно взаимодействуют с внешними условиями, такими как опыт рождения и ситуации, связанные с кормлением и уходом [48].

Для объяснения динамики психического развития индивида Кляйн использовала понятие *внутренних объектов — интрапсихических репрезентантов отношений с другими людьми*. В процессе лечения маленьких детей она обнаружила, что пациенты переносят на аналитика не столько отношения к реальным, сколько к внутренним, воображаемым родителям. Кляйн сделала акцент на значении для развития ребенка ранних внутренних объектов, решающую роль в происхождении которых играют *бессознательные фантазии* о родителях на первом году жизни. «*Картина объекта, внешнего и переведенного во внутренний план, в психике*

ребенка искажена фантазиями, тесно связанными с проецированием его импульсов на объект» [46. С. 290].

При этом Кляйн рассматривала фантазию не как компромисс между импульсами и защитными механизмами, но как прямое выражение инстинкта — его мысленную репрезентацию. Любой инстинктивный импульс, по мнению Кляйн, переживается через фантазию, и функция фантазии заключается в обслуживании влечений. Наряду с бессознательными фантазиями чрезвычайно важную функцию выполняют *механизмы символизации* — замены реальных объектов их символами [45].

Кляйн предположила, что объектные отношения существуют с самого начала жизни. Первым объектом (одновременно символом матери) является *материнская грудь* (частичный объект), которая в силу страха преследования воспринимается как враждебная. Младенец защитно расщепляет грудь на «хорошую» (удовлетворяющую) и «плохую» (фрустрирующую), вследствие чего уже в младенческом возрасте ребенок испытывает любовь и ненависть. Отношение к первичному объекту состоит в проекции на него данных чувств, а также в интроекции (поглощении) качеств самого объекта. Например, «плохая» материнская грудь высвобождает орально-садистические и анально-садистические импульсы и ребенок фантазирует об атаках на нее. Вследствие деструктивных импульсов у младенца возникает страх преследования, который, в свою очередь, вызывает к жизни различные защитные механизмы [48]. «*Отрицание, идеализация, расщепление и контроль над внешними и внутренними объектами используются Эго для противодействия тревоге преследования*» [48. С. 307].

Таким образом, по мнению Кляйн, ранние объектные отношения не протекают безоблачно для ребенка — с первых минут жизни они наполнены тревогой, агрессией, а также и попыткой защититься от них.

Поскольку ребенок постоянно воспринимает мать с новой позиции или другим способом, Кляйн использовала слово «*позиция*» для описания того, что другие аналитики называют стадией развития. Термин «позиция» подразумевает специфическое сочетание объектных отношений, тревоги и защиты, проявляющееся на протяжении всей жизни индивида [210]. «*Я предпочитаю термин “позиция” <...> из-за того, что определенные группировки тревог и защит хотя и появляются впервые на самых ранних стадиях, но не ограничиваются их пределами, а снова и снова возникают в течение первых лет детства и, при определенных обстоятельствах, в ходе всей позднейшей жизни*» [46. С. 341].

Кляйн выделила две ранние позиции (фазы) развития: параноидно-шизоидную и депрессивную. Первая позиция, от рождения до трех месяцев, обозначается как *параноидно-шизоидная*. Именно в это время под влиянием влечения к смерти у ребенка проявляется сильный *персекуторный страх* (страх преследования) со стороны внешнего объекта (груди). Под влиянием параноидного страха ребенок пытается уничтожить грудь как объект, с этой целью интроецируя ее вовнутрь. В итоге: ненавистная и угрожающая часть себя (интроецированная грудь) расщепляется и вновь проецируется на мать. Этот процесс ведет к *частичной идентификации* (бессознательному уподоблению плохим частям матери), которая устанавливает прототип агрессивных объектных отношений [45].

Если страх, порождаемый образом «плохой матери» на первых трех месяцах жизни, будет слишком силен, то это в совокупности с другими причинами не по-

зволит ребенку преодолеть параноидно-шизоидную позицию, что может вызвать нарушения в его поведении. Например, источником многих пищевых проблем, по мнению Мелани Кляйн, является страх «быть съеденным» или «отравленным» «плохой» материнской грудью. Страх, в свою очередь, вызывается фантазиями младенца о пожирающей и отравляющей груди. Страхи усиливаются под воздействием неблагоприятных объективных факторов, таких как, например, недостаток нежной заботы со стороны матери или ее физическое отсутствие [46, 47].

Сильный страх также может негативно сказаться на прохождении следующей стадии, определяющей депрессивную точку фиксации личности. Если же развитие проходит благоприятно, и в частности происходит идентификация с «хорошей» грудью, ребенок становится более терпимым к инстинкту смерти и все реже прибегает к расщеплению и проекции, одновременно уменьшая параноидальные чувства. «*На протяжении всей своей работы я придавала фундаментальное значение первым объектным отношениям младенца — отношениям с материнской грудью и с матерью — и сделала заключение, что если этот первичный объект, который интроецируется, укореняется в Эго с достаточной стабильностью, то закладывается основа для удовлетворительного развития*» [45].

В возрасте приблизительно трех месяцев ребенок переходит на *депрессивную позицию* (четыре — девять месяцев). Данной позиции приписывается центральная роль в раннем развитии, поскольку на этой фазе осуществляется *интроекция целостных объектов* — синтез любимых и ненавидимых аспектов объекта. Иными словами, ребенок начинает воспринимать «плохую» и «хорошую» части матери как единое целое.

Это, в свою очередь, порождает *чувство вины* (Супер-Эго) и скорби. Теперь тревога ребенка связана со страхом, что он разрушит или повредит объект своей любви. В результате младенец начинает искать возможность интроецировать мать орально, как бы защищая ее от своей деструктивности. Оральное всемогущество, однако, ведет к страху, что «хороший» внешний и внутренний объект каким-либо способом могут быть поглощены и уничтожены, и, таким образом, даже попытки сохранить объект переживаются как деструктивные. Для этой фазы в целом характерны депрессивные чувства страха и безнадежности [45. С. 16]. «*Депрессивная тревога связана с переживанием собственной враждебности по отношению к хорошей матери, а следовательно, с чувством вины*» [48. С. 364].

Последующее развитие Супер-Эго и эдипов комплекс углубляют депрессию. На пике орально-садистической фазы (в возрасте около восьми — девяти месяцев) под влиянием страха преследования и депрессивного аффекта и мальчики и девочки отворачиваются от матери и ее груди к отцу как к новому объекту орального желания [208]. Эго пытается преодолеть депрессивную позицию путем интеграции, а также повышения познавательного интереса и общей активности.

Таким образом, *страх преследования и депрессивная тревога* — главные факторы психического развития младенца, которые хотя и снижаются по мере взросления, однако полностью не искореняются никогда. Чрезмерная тревога преследования или депрессивная тревога лежат в основе формирования психических расстройств.

Для описания ведущих защит от данных страхов Кляйн использовала такие термины, как «проекция», «проективная и интроективная идентификация». Суть проекции раскрывается посредством следующего замечания: «*Стремление проецировать* (*“отбрасывать”*), *изгнание “плохого” возрастает вместе со страхом внутренних преследователей*» [48. С. 300].

При *проективной идентификации* части Эго и внутренних объектов расщепляются до «хороших» и «плохих» и проецируются на внешний объект. Ее защитными целями являются слияние с внешним объектом, контроль над деструктивным («плохим») объектом, сохранение «хороших» частей Эго. Проективная идентификация доминирует в рамках параноидно-шизоидной позиции, но может сохраняться как ведущая в течение всей жизни. Термины «проекция» и «проективная идентификация» используются в кляйнианском анализе фактически как синонимы, но с одним различием: в первом случае подразумевается только защитный механизм, во втором — также воображаемые объектные отношения.

Интроективная идентификация представляет собой противоположный процесс. Она включает фантазии об оральной инкорпорации (поглощении) объекта и идентификации (уподобления) с ним. Ребенок инкорпорирует то, что он идентифицировал как «хорошее», и соответственно отщепляет и проецирует вовне «плохие» аспекты внутреннего объекта. Интроективная идентификация доминирует при депрессивной позиции, защищая ребенка от его собственных деструктивных импульсов и содействуя формированию целостного объекта. Интроективная идентификация также может выступать в роли защитного механизма в форме интернализации «плохого» внешнего объекта, для уменьшения тревоги или сохранения ценных свойств последнего. Напротив, если первичный объект интроецируется и укореняется в Эго с достаточной стабильностью, то закладывается прочная основа для нормального развития личности.

По мнению Мелани Кляйн, чередование проективной и интроективной идентификации представляет собой непрерывный процесс реконструирования внешних объектов и формирования внутреннего мира индивида [48].

Одним из наиболее дискуссионных моментов кляйнианской теории является положение, в соответствии с которым переживание тревоги, применение защитных механизмов, бессознательные фантазии, функции Эго, — все это присутствует в интрапсихической динамике с момента рождения ребенка.

Так же как и влечение к смерти, влечение к жизни, или либидо, связанно с грудью, с первым внешним объектом. Эта «хорошая» грудь также интернализуется, в результате чего борьба между влечением к смерти и влечением к жизни представляется как борьба между пожирающей и питающей грудью.

С этим связана и роль *зависти*, которая, по мнению Кляйн, относится к одной из наиболее примитивных и фундаментальных эмоций. Зависть существует с первых дней жизни младенца и проявляется в виде деструктивных импульсов. Так как идеальная грудь воспринимается как источник любви и доброты, Эго старается ей соответствовать. Если это не представляется возможным, ребенок стремится атаковать и разрушить «хорошую» грудь, чтобы избавиться от источника зависти. С этой целью он пытается расщепить болезненный аффект. Если данная попытка завершается успешно, благодарность, интроецированная в идеальную грудь, обогащает и усиливает Эго [45].

«*Вследствие сменяющих друг друга процессов дезинтеграции и интеграции постепенно развивается более интегрированное Эго, с возросшей способностью справляться с тревогой преследования*» [46. С. 302].

Несомненной заслугой М. Кляйн является то, что она обратила внимание психоаналитиков на важность доэдиповой стадии в развитии ребенка. Доэдипальные фантазии признавались Мелани Кляйн в качестве ведущей детерминанты развития ребенка, более важной, например, чем внешние стрессы. Понятия проекции, интроекции, проективной идентификации прочно вошли в психоаналитический лексикон и занимают центральное место в современной теории объектных отношений.

Обогатило психоаналитическую теорию развития также и выдвинутое Мелани Кляйн положение о том, что стадии психосексуального развития (по Фрейду, оральная, анальная, фаллическая/генитальная) не являются последовательно сменяющимися этапами, но присутствуют у каждого ребенка с самого рождения в качестве тенденций, а ранние проявления эдипова конфликта начинают переживаться младенцем еще при кормлении грудью.

Одновременно со всем сказанным выше ряд положений кляйнианской теории носит дискуссионный характер [84, 105, 164]. Утверждение, что фантазия доступна ребенку от рождения, не соответствует данным когнитивной психологии и нейрофизиологии. Вызывает критику и центральное положение теории Кляйн, что основной конфликт разворачивается между двумя врожденными влечениями, а не между разными психическими структурами. Большинство аналитиков считает, что Кляйн минимизирует роль внешних объектов, среды и индивидуального опыта, практически утверждая, что фантазии продуцируются изнутри с помощью активности импульсов. Наконец, хотя концепцию Кляйн нередко относят к теориям объектных отношений, для нее значимость объекта вторична по сравнению со значимостью влечений. Проявлению реальных качеств объекта и его роли в развитии ребенка уделяется явно недостаточное внимание.

С точки зрения практики психоанализа наиболее важным достижением Кляйн было *создание собственной техники работы с детьми* [164]. Кляйн обладала особым талантом раскрывать с помощью игровых техник бессознательные фантазии маленького ребенка. Вместо свободных ассоциаций «маленькая фрау», как ее называла одна из пациенток, применила метод свободной игры, инициатором которой является ребенок и которая, так же как вербальные ассоциации взрослого человека, становится способом выражения его желаний, фантазий и жизненного опыта. Кляйн определила, каково должно быть расписание психоаналитических сеансов при работе с детьми и как должна быть устроена игровая комната. Каждый ребенок, в частности, имел свой отдельный ящик с игрушками, причем особый акцент делался на том, чтобы игрушки были небольшими, что позволяло им выступать непосредственно в качестве *символов внутреннего мира ребенка*.

Для аналитической техники Кляйн характерны смелые и глубокие интерпретации с самого начала лечения, большое внимание к анализу негативных чувств вообще и негативного переноса в частности, использование в интерпретациях языка частичных объектов (груди, пениса, вагины, фекалий, «хорошей» и «плохой» матери и т. п.) и телесных функций (еды, выделений, сексуальности). Кляйнианская терапия в целом направлена на овладение страхом преследования и депрессивной тревогой через интеграцию отдельных частей раннего психического опыта ин-

дивида. «*Только в процессе анализа как негативного, так и позитивного переноса, в результате которого аналитик выступает попеременно то в роли хорошего, то в роли плохого объекта, то вызывая восторг пациента, то рождая в нем страх, пациенту удается проработать, а следовательно, и модифицировать ранние стадии тревог; уменьшается расщепление между плохими и хорошими фигурами, они становятся более интегрированными, то есть агрессия смягчается благодаря либидо*» [46. С. 337].

Благодаря своему оригинальному подходу Кляйн оказалась в числе тех психоаналитиков, которые существенно расширили спектр клинического применения психоанализа, включив в него аналитическую работу с тяжело нарушенными (психотическими) пациентами.

Мелани Кляйн была не только выдающимся теоретиком и клиницистом, она основала *собственную научную школу*, которая по праву занимает отдельное положение в психоанализе. Ее учениками стали такие известные психоаналитики, как Джоан Райвери, Сюзн Айзексе, Паула Хайманн, Вильфред Бион, Герберт Розенфельд, Ханна Сигал. Именно их усилиями были созданы работы, придавшие конкретные очертания концепциям депрессивной позиции, бессознательной фантазии, внутренних объектов [48].

М. Кляйн, С. Айзекс, П. Хайманн и Дж. Райвери организовали «Дискуссию о противоречиях» (с января 1943 до мая 1944), одним из результатов которой стал их совместный труд «Развитие в психоанализе» (1952 год).

Сюзн Айзекс (1885–1948) оказала неоценимую помощь М. Кляйн на ранних этапах ее деятельности и в период научных дискуссий с венскими психоаналитиками. Работы С. Айзекс пользуются большим авторитетом у специалистов в сфере аналитической терапии и педагогики (как и Кляйн, она не разграничивала эти области). Ее статьи представляют собой наиболее точное и строгое изложение базовых идей кляйнианской школы и прекрасно иллюстрированы клиническим материалом. Важнейшим научным вкладом Айзекс принято считать детальное изложение концепции бессознательной фантазии.

Паула Хайманн (1899–1982) занималась изучением медицины, а потом и психоанализа в Берлине. После эмиграции в Англию Хайманн продолжила психоаналитическую подготовку под руководством М. Кляйн. Вместе с Сюзн Айзекс Хайманн активно отстаивала позиции Кляйн в 1940-е годы, когда кляйнианская группа подверглась массированным атакам со стороны «венских» психоаналитиков.

Джоан Райвери (1883–1962) была членом Британского психоаналитического общества со времени его основания в 1919 году. Она проходила личный психоанализ вначале у Э. Джонса, а с 1922 года — у З. Фрейда. Выступление в защиту работы М. Кляйн резко обострило отношения Райвери с Фрейдом. В 1936 году в Венском психоаналитическом обществе она выступила с докладом о психическом конфликте в раннем младенчестве, который в переработанном виде вошел в книгу «Психоанализ в развитии». Райвери глубоко восприняла открытия Кляйн, и ее безусловной заслугой следует признать усилия по их систематизации и последовательному осмыслению.

Впоследствии научные пути Кляйн, Айзекс, Хайманн и Райвери разошлись. Вышедшие в начале 1930-х годов работы Кляйн, которые представляли собой но-

ваторский подход к проблемам психотических пациентов, привлекли на ее сторону группу врачей, имеющих не только высокий профессиональный уровень, но и безупречную научную репутацию. Многие из них стали проходить обучающий анализ у Кляйн. Среди них были У. К. М. Скотт, Дж. Боулби, Д. В. Винникотт. В ходе общения и сотрудничества с этими людьми Кляйн приобрела новые знания, необходимые для понимания шизоидных механизмов — расщепления, проекции, интроекции и проективной идентификации. Тем не менее большинство из этих новых последователей покинуло ее группу вскоре после прибытия в Лондон А. Фрейд.

После войны вокруг Кляйн собралась новая группа, состоявшая из недавно прибывших в Британию молодых врачей, практикующих психоанализ. Эту группу принято считать вторым поколением кляйнианских аналитиков, среди которых особенно ярко выделялись Ханна Сигал (р. 1919), Герберт Розенфельд (1910–1986) и Вильфред Бион (1897–1979). Именно они дали новый толчок развитию кляйнианской мысли, почти полностью базировавшийся на расширении и углублении концепции проективной идентификации.

Ближайшие последователи Кляйн продолжили разработку понятия проективной идентификации и придали ему позитивное значение. В. Бион предложил свое описание протекающего между матерью и ребенком процесса *контейнирования*, в котором проецируемые ребенком негативные аспекты самости превращаются в позитивные и приемлемые. Х. Сигал провела четкое различие между данным процессом и самой проективной идентификацией, происходящей при неудаче контейнирования. Можно сказать, что в целом данная линия исследований развивалась в направлении все большего учета влияния внешних объектных отношений на развитие ребенка.

Кляйнианский психоанализ оказал значительное влияние на психологию развития, психоаналитическую терапию, психодинамическую теорию групповых процессов. Со временем образ «кляйнианского психоаналитика» стал пользоваться широким и устойчивым авторитетом. В настоящее время находится все больше психоаналитиков, именующих себя «кляйнианцами», и еще больше тех, кто испытал влияние этого подхода. Но наиболее обнадеживающе, с нашей точки зрения, выглядит наметившаяся тенденция к интеграции идей Кляйн с другими направлениями психоаналитической мысли. Поскольку теория Мелани Кляйн располагается на границе между классической теорией влечений, эго-психологией и концепцией объектных отношений, она чрезвычайно актуальна в свете *современной тенденции, проявляющейся в интеграции расщепленных аспектов единого психоаналитического знания*.

Теория объектных отношений

Первыми объектами любви ребенка выступают его родители.

З. Фрейд

Идеи, предложенные Мелани Кляйн, способствовали формированию целого направления в психоанализе, которое получило название *теории объектных от-*

ношений. Поскольку большинство представителей нового подхода проживали в Великобритании, данная группа также обозначается как Британская школа. Другие, менее точные названия — «теории развития» и «детский психоанализ» — связаны с фокусом на процессе развития ребенка. Среди выдающихся представителей данного направления: Винникотт, Спитц, Боулби, Балинт, Фейрбейрн, Гантрип и др.

Акцентируя внимание на ранних объектных отношениях, эти аналитики в отличие от кляйнианцев и фрейдистов не считали, что влечения играют ведущую роль в формировании психических структур. В качестве главного фактора развития личности они рассматривали характер отношений ребенка с матерью и другими фигурами как главный фактор развития личности.

Концепция внутренней реальности Д. Винникотта

Меня интересует первичное обладание и промежуточная зона между субъективным и тем, что объективно постигается.

Д. Винникотт

Дональд Вудс Винникотт (1896–1971) считается одним из наиболее известных представителей теории объектных отношений. Изначально Винникотт был детским врачом, однако под влиянием идей Мелани Кляйн и других представителей Британского психологического общества, переживавшего бурный подъем в 1930-е годы, он оставил педиатрию и целиком сосредоточился на психоанализе. В течение длительного времени он проходил собственный анализ — сначала у Джеймса Стрейчи, а затем у Джоан Райвери.

Винникотт впервые выразил свои представления о личности в статье «Маниакальная защита», представленной им 4 декабря 1935 года на научном заседании Британского психоаналитического общества. Уже в этой работе Винникотт использовал ставшее ключевым для всего его творчества понятие *внутренней реальности*, противопоставив его фантазированию. Позднее Винникотт пояснял: «*Понятие "психическая реальность" не оставляет места для фантазий; понятие "внутренняя реальность" предполагает существование и внутреннего, и внешнего мира, а следовательно, также существование ограничивающей мембраны, которая относится к тому, что я сегодня называл бы психосомой*» [164. С. 226].

Винникотт выделил три процесса формирования внутренней реальности: интеграция, персонализация и реализация (восприятие времени, пространства и других качеств реальности). Он считал, что в самом начале личность является неинтегрированной. При неблагоприятных условиях индивид может возвратиться к данному состоянию *первичной неинтегрированности*. Если же интеграция является неполной или частичной, то во внутренней реальности возникают состояния диссоциации. Нормальное развитие, напротив, сопровождается усилением интеграции психических феноменов, достижением истиной самости и формированием чувства реальности.

В отличие от Ранка, Фрейда и Мелани Кляйн Винникотт считал, что травма рождения в большинстве случаев не имеет значения. Утверждения о врожденном

характере фантазий и интрапсихических структур младенца также вызывали у него большие сомнения. Отношения с реальным миром в лице матери — вот что действительно важно для того, чтобы новорожденный приобрел качество личности. В то время как Фрейд рассматривал Эго, борющееся с двумя тиранами — с влечениями, с одной стороны, и с внешней реальностью — с другой, Винникотт считал последнюю союзницей процессов созревания у младенца и исследовал то, каким образом внешний мир (мать) способствует преобразованию физиологического и психического потенциала ребенка в самость.

Отношения между матерью и ребенком стали центральной темой творчества Винникотта. Широко известно парадоксальное заявление, сделанное Винникоттом в ходе дискуссии на научном заседании Британского психоаналитического общества в 1940 году: «*Младенцы вообще не существуют. Под этим, разумеется, я имею в виду, что всякий раз, когда речь заходит о младенце, надо говорить и о материнской заботе — без материнской заботы не было бы и младенца*» [164. С. 245].

Роль матери, по утверждению Винникотта, начинается с первичной материнской озабоченности. Это особое психическое состояние, возникающее до рождения ребенка и сохраняющееся вплоть до нескольких первых недель его жизни. Настраиваясь на ребенка, мать реагирует на потребности плода и обеспечивает ему оптимальные условия для «вхождения в мир». Напротив, если же она в силу объективных или субъективных причин не желает ребенка или не может настроиться на него, это является первым серьезным негативным фактором на пути нормального развития младенца.

После родов функция матери заключается в обеспечении заботы о ребенке. Забота проявляется в конкретных действиях и способностях матери, а именно в постоянном присутствии, понимании желаний ребенка и обеспечении его потребностей, умении успокоить младенца, стабильности собственных реакций, организации и регуляции внешних воздействий, позже — в свободной игре с использованием игрушек.

Способность матери войти в положение младенца и вместе с тем удовлетворить его потребности Винникотт назвал *первичной материнской заботой*. Сначала это телесные потребности, которые постепенно превращаются в потребности Я, в то время как в результате развития воображения формируются психологические потребности. Затем устанавливается контакт между Я матери и Я ребенка, от которого мать в конечном счете снова освобождается, а ребенок в надлежащий момент приходит к позитивному представлению о матери как человеке [17].

В связи с этим Винникотт ввел понятие *достаточно хорошей матери* как матери, понимающей потребности ребенка и обеспечивающей ему оптимальный комфорт. Такая мать первоначально отзывается на каждый призыв младенца, поддерживая его инфантильное чувство всемогущества. По мере роста ребенка и его возрастающих психических возможностей мать допускает все больше и больше фрустраций, с которыми здоровый ребенок учится справляться. Постепенно чувство всемогущества сменяется чувством реальности и здоровой самости, а потребность в матери снижается естественным образом. При этом мать не должна быть «идеальной» — исполняющей все желания взрослеющего чада, она должна исполнять только наиболее важные и истинные его потребности. Для психическо-

го развития ребенка оказываются одинаково опасными обе ситуации — и полное игнорирование потребностей ребенка матерью, и чрезмерное потакание им. «*Достаточно хорошая мать — это такая мать, которая активно приспособляется к потребностям младенца и активное приспособление которой уменьшается по мере роста способности младенца переносить фрустрацию*» [19. С. 385].

Таким образом, согласно Винникотту, младенец не может начать *существовать*, пока не наступят определенные условия. *Материнская забота* составляет суть этих условий. Она состоит в обеспечении потребностей зависимого ребенка, а также организации влияний внешнего мира. Забота (она же — поддержка) основывается не на интеллектуальном понимании, а на способности матери вчувствоваться в состояние ребенка. Такая забота формирует у ребенка ощущение безопасности. Ориентируясь на потребности ребенка, «отзеркаливая» его эмоциональные состояния, мать способствует развитию его истинной самости.

Для младенца является важным переживание его зависимости от заботы матери (внешнего мира). Винникотт разделяет зависимость младенца в фазе поддержки на три стадии:

1) *абсолютная зависимость* — в этом состоянии у младенца нет возможности что-либо знать о материнской заботе, которая в значительной мере является делом профилактики; он не может контролировать, что делается хорошо, а что плохо, — он лишь способен извлекать пользу или страдать от нарушений;
2) *относительная зависимость* — младенец может выражать потребность в проявлениях материнской заботы и устанавливать более четкую связь между заботой и своими импульсами (позднее, в ходе психоаналитического лечения, данный человек может репродуцировать такую зависимость при переносе);
3) *путь к независимости* — у младенца появляется возможность обходиться без реальной заботы, что достигается благодаря накоплению воспоминаний о заботе, проекции личных потребностей и интроекции конкретных проявлений заботы наряду с развитием доверия к внешнему миру, игры и творчества.

В процессе сепарации от первичного объекта (матери) ребенок находит ее заменители, которые Винникотт рассматривал как *переходные объекты*. Это может быть мягкая игрушка или уголок одеяла, которые используются ребенком при стрессе или засыпании когда мать недоступна. Возраст появления переходного объекта четыре — шесть — восемь — двенадцать месяцев. Переходный объект создает иллюзию комфорта, сравнимого с успокаивающей матерью. Он также означает первоначальный опыт обладания объектом — не-Я-обладание. С помощью переходного объекта младенец эволюционирует от тотального контроля к манипулятивному. В случае недостаточно хорошей матери переходные объекты не теряют своего значения и после трехлетнего возраста и могут принимать качество фетиша [19]. «*Переходные объекты и переходные явления относятся к области иллюзий, которая является основой для последующего опыта*» [19. С. 391].

Сам Винникотт отмечает, что переходный объект не является в строгом смысле вещью (платком или плюшевым мишкой), с которой обращается ребенок; он

является не столько использованным объектом, сколько *использованием объекта.* Данный объект находится *в переходной области* — между психической реальностью и внешним миром. В соответствии с данной теорией и произведения искусства имеют все качества переходного объекта, поскольку продолжают внутреннюю реальность индивида вовне. Таким образом, использование переходного объекта тесно связано с функцией символизации. «*Верно, что кусочек одеяла* (*или любой другой объект*) *является символом некоторого частичного объекта, такого как грудь. Однако главное при этом не его символическая ценность, а реальность. То, что это не грудь* (*и не мать*), *так же важно, как и то, что он заменяет грудь (или мать)*» [19. С. 380].

Винникотт описал особенности отношения ребенка к переходному объекту в книге «Игра и реальность» [16]. В определенном смысле ребенок отказывается по отношению к объекту от собственного всемогущества. К объекту проявляются нежные чувства. Он не должен изменяться, если только сам ребенок не пожелает этого. Он должен сносить страстную любовь точно так же, как ненависть и агрессию. В то же время переходный объект должен обеспечивать ребенка ощущением теплоты и создавать впечатление, что он является живым и обладает собственной реальностью. В то время как для взрослых объект относится к окружающему миру, для ребенка он не относится ни к внешнему, ни к внутреннему миру и не является галлюцинацией. Он служит цели постепенного ослабления либидного катексиса. С течением времени переходный объект теряет свое значение, поскольку ребенок выходит за пределы переходной области.

За сорок лет своей работы в детской больнице Педдингтон-грин и в Детском королевском госпитале Винникотту пришлось иметь дело почти с шестьюдесятью тысячами младенцев, детей, матерей, отцов, бабушек и дедушек. Это позволило ему оценить *роль силы воображения и игры* в переходной сфере, из которой черпают свои импульсы все подлинные, спонтанные проявления самореализации личности, — то, что Винникотт обозначил как истинную самость [235].

Истинная самость (true self) представляет собой одновременно психическую структуру и врожденный потенциал, составляющий суть ребенка [84]. Винникотт не формулирует конкретных признаков истиной самости, называя в качестве ведущего ее проявления спонтанную экспрессию. Первоначально влечения Оно являются внешними для Я, «как звук или удар грома». Постепенно Я младенца становится более сильным и вследствие этого достигает *состояния, в котором требования Оно воспринимаются как часть самости*, а не как нечто приходящее из внешнего мира. Когда начинается это развитие, удовлетворение Оно становится очень важным фактором усиления Я или истинной самости; однако импульсы Оно могут быть травматическими, если Я не способно еще их ассимилировать.

Ложная самость (fals self), также представляет собой стабильную обратимую структуру, но при этом выражается в ложном восприятии себя и реактивных проявлениях.

Вводя понятие ложной самости, Винникотт поставил под сомнение традиционную технику анализа защит, поскольку при этом ложная самость пациента может бесконечно долго сотрудничать с терапевтом, принимая его сторону. Эту «малопродуктивную работу», по мнению Винникотта, можно сократить, если аналитик

укажет на отсутствие какой-либо важной черты или неискренность пациента перед самим собой для освобождения пути коммуникации с истинной самостью.

В связи с этим Винникотт предположил, что фантазирование может стать постоянным способом сохранения структуры ложной самости у человека. Кроме того, он считал, что классическая психоаналитическая техника с ее увлечением интерпретациями бессознательных фантазий также может стать компаньоном ложной самости пациента и превратить его симптомы в хроническое состояние. Благодаря данной позиции Винникотту нередко удавалось изменить внутреннюю реальность пациента посредством осознания того, каким образом в нем проявлялась специфическая диссоциация (расщепление) истинной и ложной самости.

В своей работе с так называемыми делинквентными детьми Винникотт показал, что антисоциальные поступки были способом выражения их потребностей и предъявления требований к окружающей среде. Как известно, проявления антисоциальной тенденции включают в себя воровство и ложь, импульсивность и неспособность следовать правилам. Винникотт подчеркивал, что антисоциальная тенденция не является диагностическим термином. Ее нельзя непосредственно сопоставлять с другими диагностическими категориями, такими как невроз или психоз. Антисоциальная тенденция может быть присуща нормальному индивиду, как, впрочем, и тем, кто является невротиком или психотиком.

По мнению Винникотта, антисоциальности предшествует *настоящая депривация* (а не просто дефицит), когда происходит потеря чего-то позитивного и важного. Депривация включает в себя и ранние события, и более поздние, как относящуюся к определенному моменту травму, так и хроническое травматическое состояние. В антисоциальной тенденции детей всегда имеются два основных направления (что-то может быть более выражено) — воровство и деструктивность. В первом случае ребенок ищет чего-то где-то (поиск объекта), и если он не может этого найти, то ищет в другом месте, пока сохраняется надежда. Во втором варианте индивид стремится к той степени стабильности окружения, когда оно будет способно выносить его импульсивное поведение. И первое и второе являются поиском исчезнувших условий во внешней среде — человеческого отношения, на которое можно положиться и которое, следовательно, предоставляет индивиду свободу действий и эмоциональных проявлений.

Винникотт сравнивал клиническую ситуацию и свое отношение к регрессировавшему пациенту с тем, как «обычная способная к самоотдаче мать» заботится о своем младенце и маленьком ребенке. Мать благодаря своему пониманию потребностей маленького ребенка помогает ему творческим образом находить объекты. Она способствует творческому использованию мира. Если это не удается, ребенок теряет контакт с объектами; он теряет способность находить что-либо творческим образом.

Винникотт неоднократно подчеркивал важность парадокса и игры для успеха терапевтического вмешательства. Игра у Винникотта приравнивается к творческому процессу. Свободная игра расширяет возможности диалога между матерью и ребенком, воплощаясь в средство выражения его истиной самости. Винникотт установил, что оказавшийся в трудной ситуации пациент не способен формулировать то, в чем он *нуждается*, — не из-за своего сопротивления, а из-за неспособности включаться в *игру*, которую мы называем свободным ассоциированием. Поэтому аналитик должен это понять, пойти навстречу пациенту, осознав его потребности и ответив на них.

По свидетельствам современников, Винникотт виртуозно использовал эти идеи в аналитической ситуации. Он создавал атмосферу «особого рода интимной близости», с ее спонтанностью слов и действий во время игры с ребенком (например, в каракули) или в ходе терапевтического сеанса со взрослым пациентом, когда поддерживал его регресс на ступень детской зависимости. «*Психотерапия осуществляется там, где пересекаются две сферы игры: сфера игры пациента и сфера игры терапевта. Из этого следует, что работа терапевта там, где игра невозможна, направлена на то, чтобы из состояния, в котором пациент не может играть, привести его в состояние, в котором он играть может*» [164. С. 238].

Таким образом, Винникотт постепенно пришел к пониманию связей, существующих между материнской заботой, способностью младенца пользоваться воображением и переходными феноменами, истиной самостью, а также способностью взрослого человека творчески использовать культурные завоевания.

Клинико-экспериментальные исследования Рене Спитца

Дети, лишенные любви, превращаются во взрослых, исполненных ненависти.

Р. Спитц

Рене Спитц (1887–1974), австро-американский психоаналитик, был пионером в экспериментальных исследованиях значения ранних отношений (в русскоязычной литературе фамилия Спитц часто пишется как Шпиц). Вскоре после Второй мировой войны он провел ряд наблюдений за младенцами в детских домах и приютах, где малыши получали достаточно много физической заботы от постоянного персонала, но мало внимания и любви (1947 год). Спитц документально (с помощью видеозаписи и экспериментальных протоколов) зафиксировал разнообразные эмоциональные расстройства у младенцев, лишенных общения с матерью. Наряду с этим он выявил нарушения в инстинктивной жизни, Эго, в когнитивном и моторном развитии детей и показал, что в экстремальных случаях лишение матери приводит к смерти ребенка [105, 158].

Признавая важную роль наследственных особенностей (предрасположенности, созревания) и условий жизни, Спитц выделял в качестве ведущего фактора развития ребенка *объектные отношения*, нарушения которых рассматривались им как причина психогенных расстройств: «*Я считаю, что ранние психогенные расстройства у младенцев порождают предрасположенность к дальнейшему развитию патологии*» [158. С. 287].

Спитц не соглашался с тем, что рождение носит травматический характер и влияет на последующее развитие из-за его биологической предопределенности.

Разрабатывая *концепцию взаимности матери и младенца* (1962 год), Спитц пришел к выводу, что аффективная взаимность матери и младенца стимулирует младенца и позволяет ему исследовать окружающий мир, способствуя развитию моторной активности, когнитивных процессов и мышления, интеграции Эго и формированию навыков. Он понимал взаимность матери и младенца как

сложный многозначный невербальный процесс, оказывающий влияние на обоих и включающий эмоциональный диалог, который является чем-то большим, чем простая привязанность: «*Взаимная обратная связь между матерью и ребенком представляет непрерывный поток. Тем не менее в основе своей диада остается асимметричной — вклад матери в эти отношения совершенно отличается от вклада ребенка. Каждый дополняет другого: если мать предоставляет ребенку то, в чем нуждается он, то ребенок, в свою очередь, дает матери то, в чем нуждается она*» [158. С. 103].

Доминирующий характер чувств матери к ребенку Спитц называет *эмоциональным климатом*, создающим благоприятные или неблагоприятные условия для развития младенца. Хороший эмоциональный контакт делает возможной идентификацию ребенка с матерью, которая, в свою очередь, вызывает подражание, обеспечивающее научение и развитие. В результате экспериментальных исследований Спитц выявил *патогенные паттерны материнского поведения*:

1) первичное открытое отвержение ребенка;
2) первичное тревожное попустительство;
3) враждебность под маской тревоги;
4) колебания между баловством и враждебностью;
5) циклическая смена настроения матери;
6) сознательно компенсированная враждебность [168].

Спитц предпринял попытку раскрыть связь между качеством нарушений объектных отношений и типом расстройств у ребенка. Так, первичное открытое отвержение коррелирует с комой новорожденных; тревожное попустительство — с коликой; тревожная враждебность — с экземой; колебания баловства и враждебности — с гиперподвижностью (раскачиванием); циклическая смена настроения — с игрой с фекалиями; сознательно компенсированная враждебность — с агрессивной тенденцией. Например: «*Экспериментальное исследование выявило, что матери детей с экземой были инфантильными личностями, скрывавшими враждебность под маской тревоги за ребенка; они не любили прикасаться к своему малышу или о нем заботиться, систематически лишая ребенка кожного контакта. У таких детей отмечалась врожденная предрасположенность к повышенной кожной реакции, приводящая к повышенному катексису психических репрезентаций кожной перцепции*» [158. С. 228].

Количественный фактор, по мнению Спитца, проявляется в том, что при частичной эмоциональной депривации, связанной с утратой матери, развивается *анаклитическая («зависимая от другого») депрессия младенца*, а при полной эмоциональной депривации — «*маразм*».

Спитц ставил перед собой задачу описания генезиса и стадий объектных отношений как в норме, так и при расстройствах, возникающих на первом году жизни. Он выделил три стадии формирования либидного объекта (объекта любви), в роли которого первоначально выступает мать:

1) дообъектная, или безобъектная, стадия, предшествующая психологическим отношениям (первичного нарциссического состояния);
2) стадия предтечи объектов, начинающаяся с социальной улыбки в два или три месяца и связанная с началом психологических отношений;

3) стадия собственно либидинозного объекта [158].

Спитц отмечал, что в возрасте шести — восьми месяцев в поведении ребенка по отношению к другим людям происходят кардинальные изменения благодаря изменившимся перцептивным способностям. Теперь ребенок отличает «своих» и «других». Он реагирует выраженным страхом (тревогой) на незнакомых людей. Первоначально ребенок располагает двумя объектами: «плохим» (на который направлена его агрессия) и «хорошим», к которому обращено его либидо. Но примерно на шестом месяце происходит их синтез — «появляется единая мать, то есть либидинозный объект в собственном смысле этого слова» [158. С. 170]. Это также стадия достижения ребенком первого уровня организации Я, первой его интегрированной структуры.

Для развития ребенка важно, чтобы мать удовлетворяла в равной степени разные влечения ребенка и одновременно с этим развивала у ребенка способность откладывать удовлетворение влечений, терпеть отсрочку, чтобы получить удовлетворение позже.

Спитц тщательно исследовал особенности нормального и отклоняющегося развития объектных отношений на каждой из выделенных им стадий. В отличие от Мелани Кляйн он придерживался мнения о первоначальной недифференцированности ментальной жизни младенца с постепенным формированием психических структур и функций. В качестве главной причины психотических расстройств ребенка Спитц рассматривал специфические эмоциональные расстройства матери. В то время как большинство психоаналитических теорий носят умозрительный характер, отличительной особенностью подхода Спитца явилось широкое использование методов экспериментальной психологии для обоснования собственных идей.

В отношении психотерапии Спитц считал, что *терапевт должен предоставить пациенту то, чего ему не хватало в его объектных отношениях* [158. С. 288], при этом он предлагал диагносцировать проблемы пациента на основе определения его точек фиксации.

Теория эмоциональной привязанности Джона Боулби

Начиная с того времени, как я впервые изучал психиатрию в госпитале Модсли, мои интересы были сосредоточены на том вкладе, который вносит окружающая человека обстановка в его психическое развитие.

Д. Боулби

Джон Боулби (1907–1990) начал свою работу в Военном детском доме Анны Фрейд под одновременным влиянием идей Мелани Кляйн и этологических исследований. В настоящее время он известен как автор *теории привязанности и утраты*.

В отличие от предшествующих психоаналитиков, которые считали еду и сексуальное удовлетворение первичными влечениями, Боулби усомнился в ведущей роли кормления младенца, сделав акцент на *эмоциональной привязанности* (свя-

зи) как главной потребности индивида. В качестве основных аргументов Боулби использовал собственные наблюдения за детьми, а также этологические исследования Лоренца и эксперименты Харлоу. В частности, Конрад Лоренц установил, что у некоторых птиц развивается привязанность к матери в первые дни жизни без какой-либо связи с пищей, а просто потому, что птенец знакомится с данной фигурой. Данный феномен был обозначен как *импритинг* — врожденное запечатление. Одновременно с этим Гарри Харлоу (1958 год) опубликовал результаты своих исследований детенышей обезьян-резусов, которых растили «суррогатные матери» (манекены, обтянутые шкурой). Харлоу обнаружил, что молодая обезьяна будет оставаться привязанной к суррогатной матери, которая ее не кормит, при условии, что эта мать мягкая и с ней уютно [13].

На основе полученных данных Боулби пришел к выводу, что привязанность — это врожденная инстинктивная система реакций и главный мотиватор поведения людей. К возрасту семи или восьми месяцев на основе обратной связи младенец развивает сильную эмоционально окрашенную привязанность к матери. При этом «*привязанность понимается как любая форма поведения, которая приводит в результате к тому, что человек добивается или сохраняет близость к каким-либо выделенным и предпочитаемым им индивидам*» [13. С. 61].

Ненарушенная привязанность младенца к матери — главное условие нормального развития индивида. Нормальная привязанность предполагает нежную заботу, любовь и поддержку в развитии. Нарушенная привязанность сопровождается высокой тревогой и может проявляться в таких наиболее типичных формах, как «удушающая любовь» или эмоциональное отчуждение.

Младенцы крайне чувствительны к тому, кто и как за ними ухаживает, но в еще большей степени они нуждаются в сохранении сформировавшейся привязанности. Длительная разлука с матерью в раннем детстве сопровождается трудно переносимой сепарационной тревогой. Реальная утрата матери, например вследствие отказа от ребенка или ее смерти, переживается младенцем как острое горе с типичными для него фазами: протеста, отчаяния и отчуждения [183].

Близкие к этому реакции наблюдаются в случае сохранения объекта привязанности, но утраты его любви. «*Отвержение, потеря любви (возможно, по причине рождения нового ребенка или депрессии матери), отчуждение одного родителя от другого и сходные ситуации, все они имеют в качестве общего фактора утрату ребенком родителя для любви и привязанности*» [13. С. 94].

Таким образом, стабильная нежная привязанность в детстве является главным условием нормального развития личности.

Боулби подчеркивает наличие тесной связи между утратой материнской заботы в ранние годы жизни и нарушенным развитием личности. У разлученных с родителями детей он выявил две формы нарушения эмоциональной привязанности. Первой формой расстройства являлось эмоциональное отчуждение; вторая форма нарушения заключалась в непреклонном требовании ребенка находиться рядом с матерью. «*Оказывается, продуктивно рассматривать многие психоневротические и личностные расстройства людей как отражение нарушенной способности формирования привязанностей*» [13. С. 81].

Разрушение эмоциональных связей в детстве наиболее ярко проявляется при таких расстройствах, как социопатия со склонностью к правонарушениям и депрессия с тенденцией к суицидам.

Цель оказания помощи пациенту с нарушенной привязанностью заключается в том, чтобы восстановить скрытое страстное желание близости и печаль по утраченной матери, а также гнев из-за ее ухода. Для этого необходимо вернуться к первой фазе траура со всей ее амбивалентностью чувств, которые во время утраты были либо исключены, либо слишком быстротечны. Для психоаналитика важно установить с пациентом безопасные, надежные и доверительные взаимоотношения. По большей части аналитики были согласны с результатами наблюдений Боулби о способности младенцев к привязанности, однако его возражения против теории инстинктов, его концептуализация связи с матерью и утверждение, что младенец переживает горе и страдание так же, как взрослый, вызвали значительную критику [105].

Теория сепарации-индивидуации Маргарет Малер

Разделение — это процесс, в ходе которого младенец постепенно формирует внутрипсихическую репрезентацию себя, отличную и отдельную от репрезентации матери.

М. Малер

В то время как другие аналитики исследовали привязанность к матери, Маргарет Малер (1897–1985) — венский педиатр и детский психоаналитик — сосредоточилась на процессах развития диадных отношений, и прежде всего отделения ребенка и формирования его индивидуальности. Профессиональные воззрения Малер формировались в 1950-е годы в ходе работы с маленькими детьми с психотическими расстройствами и аутизмом. Ее метод непосредственного наблюдения за общением матери и ребенка в естественной обстановке, несмотря на критику современников, внес весомый вклад в психоанализ.

Малер сфокусировала свое внимание на том, что именно влияет на формирование интрапсихических структур ребенка, которые в одних случаях позволяют ему нормально функционировать независимо от объекта, в других вызывают патологические изменения. Под влиянием работ Хартманна и Якобсон Малер считала, что *психические репрезентации Я и объекта являются базовыми для психического развития индивида*. Она полагала, что, хотя младенец и может распознавать различные аспекты внешнего мира, лишь постепенно он формирует целостную психическую репрезентацию матери, а также уникальный, стабильный образ самого себя, отличный от своего первичного объекта любви [216].

Изучая эмоциональные связи между младенцем и матерью, Малер рассматривала диадные отношения как динамическое единство противоположных стремлений. С одной стороны, ребенок испытывает тесную (в том числе и телесную) привязанность к матери, но с другой — прилагает усилия по установлению четких разделений и границ своего Я. Этот интерактивный процесс, разворачивающийся как более или менее удачное преодоление *конфликта* разнонаправленных тенденций развития, получил название процесса *сепарации-индивидуации* [219].

Термином *сепарация*, или *разделение*, Малер обозначает процесс, в ходе которого младенец постепенно формирует внутрипсихическую репрезентацию самого себя, отличную и отделенную от репрезентации его матери. Речь идет не о физическом, пространственном отделении от родителей или о разрыве межличностных отношений, а о развитии внутреннего чувства возможности нормального и полноценного психического функционирования независимо от матери. *Индивидуация* означает усилия маленького ребенка по построению собственной уникальной идентичности, восприятию своих индивидуальных характеристик, восприятию самого себя как отличающегося от всех других людей. В оптимальном варианте отношения сепарации и индивидуации разворачиваются одновременно, но могут и расходиться в силу задержки или ускорения развития какого-либо его аспекта.

В контексте теории сепарации-индивидуации Маргарет Малер выделила конкретные *фазы развития объектных отношений* [219].

1. *Аутистическая фаза* начинается с биологического рождения и длится приблизительно три-четыре недели. В это время, по мнению Малер, младенец представляет собой закрытую систему, не осознает наличия внешнего мира и других людей вокруг себя, не дифференцирует Я и не-Я. Поскольку «другой» (мать) для него безличен, ребенок не испытывает в нем нужды и в этом смысле *аутистичен*. «Другой» функционален, поскольку необходим для снижения внутреннего напряжения. Предназначение матери на данном этапе состоит в том, чтобы создать для него полностью комфортную и безопасную среду, избегая фрустрации и сверхстимуляции. Для этого мать должна быть всегда доступной и заботливой, она обязана прислушиваться к нуждам младенца, проявляя бесконечное терпение и не навязывая себя. Одновременно с этим мать и ребенок на фазе аутизма пребывают в глубоком психофизическом единении друг с другом.

Если период аутизма проходит достаточно спокойно, мать создает положительный образец отношений для интернализации объекта и дифференциации репрезентаций Я и объекта.

2. Приблизительно со второго по шестой месяц и мать и ребенок переходят на стадию *нормального симбиоза*. «Другой» (мать) пока еще не отделим от младенческих ощущений телесного тепла, комфорта и физиологического удовлетворения. Малер считает, что на данной преобъектной фазе, когда целостный и конкретно-индивидуальный образ матери отсутствует, он соединен с чувственностью обоих. Постепенно у младенца начинает активизироваться потребность в интерактивном общении, когда он начинает эмоционально реагировать на материнскую улыбку, звук материнского голоса, прикосновения и различные манипуляции с его телом. Это, в свою очередь, содействует развитию дифференцированной и целостной схемы тела младенца и целостного телесного ощущения единства с матерью. Таким образом, интерпсихические коммуникативные структуры переходят в интрапсихические репрезентации Я и значимых других. Напротив, в случае разрушения тесных эмоциональных связей между матерью и ребенком возникает риск развития психотических и психосоматических расстройств.

Малер описывала нормальный симбиоз как «иллюзорное переживание общих границ», в патологии доходящее до «галлюцинаторного, соматопсихического, основанного на всемогуществе, слиянии без границ». Улыбка в ответ на появле-

ние материнского лица или плач при ее исчезновении знаменуют собой начало процесса сепарации, хотя, по мнению Малер, последняя выступает скорее как цель будущего, поскольку на данном этапе образ матери составляет всего лишь часть общего интерперсонального пространства «мать—дитя».

Отмечая значение фазы нормального симбиоза Малер пишет: «*Специфическая бессознательная потребность матери состоит в том, чтобы из многообразия потенциальных возможностей ребенка выбрать такие, которые отражают ее собственные уникальные и индивидуальные потребности <...> Материнские послания, передающиеся всевозможными неисчислимыми способами, создают что-то вроде "зеркальной системы эталонов", к которой примитивное Я ребенка автоматически подстраивается*» [219. С. 410].

В начале развития, когда младенец еще не созрел для отдельного существования, симбиоз необходим для выживания. В то же время «продлевающийся» симбиоз, отвечающий уже не столько нуждам младенца, сколько личностной незрелости самой матери, способен превратиться в «злокачественный» и насильственный, фиксирующий зависимость и препятствующий психологическому рождению человеческой индивидуальности.

Описанные фазы подготавливают диаду к процессу сепарации-дифференциации, который в полной мере разворачивается только на втором полугодии жизни ребенка.

3. *Фаза сепарации-индивидуации* знаменует собой шаг на пути достижения независимости в диаде. Малер считала, что процесс сепарации-индивидуации начинается в возрасте четырех — шести месяцев и включает в себя четыре фазы развития: 1) дифференциация; 2) практика; 3) воссоединение; 4) постоянство объекта.

Подфаза *дифференциации* (4–6 — 10 месяцев) связана с ростом способности к сенсорному различению и перцептивному восприятию, благодаря чему ребенок начинает выделять материнское лицо, реагируя на него чередованием улыбки и плача. Еще одно открытие ребенка — различие между миром, доступным ему и недосягаемым для него.

Подфаза практики (10–11 месяцев — 18 месяцев) сопровождается открытиями, совершаемыми благодаря активному освоению пространства посредством ползания и первых шагов. Этот период М. Малер называет началом «психологического рождения» ребенка. Впервые ребенок способен по собственному желанию отдаляться и возвращаться к матери, за счет этого пространство их взаимодействия существенно расширяется. Переживая яркие чувства, ребенок экспериментирует с физической дистанцией, а мать, в свою очередь, получает бóльшую свободу перемещения. Малыш начинает также более активно вовлекаться в игры с другими детьми, однако поглядывая в сторону мамы или периодически возвращаясь к ней.

Решающим моментом, определяющим будущее психическое здоровье ребенка, по мнению Маллер, выступает подфаза *сближения* (*воссоединения*) (15–18 месяцев — 24 месяца). Здесь к локомоторной свободе добавляется овладение речью, что создает возможность для символизации отношений. Диадические отношения трансформируются, включая третьих лиц, особую роль среди которых играет отец. В результате этих изменений усиливается чувство уверенности в себе и желание

существовать «отдельно». По мере усиления желания, способности к независимости обостряется страх потери матери — потребность в сохранении положительной эмоциональной связи с ней. В связи с этим мать должна обеспечить ребенку одновременно реализацию обеих потребностей: и инициацию автономии, и оказание поддержки даже в те моменты, когда ребенок отталкивает ее или плачет от разочарования.

Малер подчеркивает важность либидного (любовного), а не отталкивающе-агрессивного материнского отношения для сохранения веры в постоянно «хороший» объект. Если же мать окажется не готовой принять ребенка с его непоследовательными реакциями, это с большой вероятностью может привести к развитию дефицитарного или нарциссически уязвимого образа Я. «*Если первичная забота матери о своем ребенке, ее функция “отзеркаливания” оказывается непредсказуемой, нестабильной, тревожной или враждебной, тогда процесс индивидуации ребенка протекает без надежной и прочной точки опоры для перцептивной и эмоциональной проверки. Результатом этого станет нарушение примитивного чувства Я*» [220].

Таким образом, способность матери выдерживать груз собственных и детских амбивалентных чувств в ситуациях агрессии, прилипания или негативизма ребенка является гарантией нормального развития диады в целом и каждого участника в отдельности.

По мере образования внутреннего стабильного и позитивного образа (репрезентации) самого себя и позитивного образа (репрезентации) матери в их отдельности ребенок вступает в фазу *постоянства либидного объекта* (между 24 и 30 месяцами жизни).

При условии, что эта важная задача развития успешно реализуется, ребенок оказывается способным переносить физическое отсутствие матери, «не теряя ее», внутренне ощущая ее поддерживающее отношение, следовательно, сохраняя устойчивый и поддерживающий образ самого себя и паттерн стабильных надежных поддерживающих человеческих отношений.

Достижение *либидной константности* означает также, что достигнута интеграция позитивных и негативных материнских интроектов. В противном случае, если интеграция не полностью завершилась, велика вероятность, что взрослеющий ребенок сохраняет (иногда до взрослости) два прямо противоположных и чередующихся паттерна отношения к себе и другим — либо чрезмерно зависимый, нереалистический, идеализированный, либо столь же нереалистический, но враждебно-отвергающий, порицающий и карающий. Подобные паттерны — Я и объект репрезентаций, — фиксируясь, ведут к серьезным нарушениям объектных отношений во взрослом возрасте и увеличивают риск личностной психопатологии [216, 217].

Многие современные концепции генезиса и терапии личностных расстройств в своих базовых положениях опираются на теорию М. Малер, создающую основы для работы с так называемыми трудными пациентами с пограничной и нарциссической патологией. Концепция М. Малер наряду с межличностной теорией шизофрении Г. Салливана заложила теоретические основы для современных систем психотерапии объектных отношений (Х. Кохут и О. Кернберг, Дж. Мастерсон и др.).

Идеи, предложенные М. Малер, способствовали появлению современной системной семейной психотерапии, коммуникативной концепции шизофрении

и модели патогенной «шизофреногенной матери». Пересмотр теории развития психопатологии повлек за собой и изменение организации психотерапевтического процесса, в центре которого оказался не изолированный от естественного окружения «пациент на кушетке», а семья как целое.

***

Мы проанализировали теории объектных отношений, оказавшие наибольшее влияние на современный психоанализ. К настоящему времени *теория объектных отношений* представляет собой систему психологических взглядов, основанных на постулате, что психическая жизни индивида происходит из элементов взаимодействия с реальными объектами (значимыми людьми). Благодаря интернализации отдельных свойств или целостных объектов формируется индивидуальный мир внутренних объектов и отношений. Поскольку психическая реальность целостна в своем проявлении, а выделение отдельных ее аспектов оправдано лишь в целях научного познания, постольку задача отнесения отдельных теорий к той или иной школе психоанализа является сложной, а зачастую и просто невыполнимой. Творчество Анны Фрейд представляет собой еще один убедительный аргумент в пользу данного тезиса.

Школа Анны Фрейд

Наше знание об Эго начинается с его защитных функций, которое раскрыла нам Анна Фрейд.

Х. Хартманн

Анна Фрейд (1895–1982) родилась в Вене, она была шестым, младшим, ребенком Зигмунда Фрейда. В качестве первой профессии Анна выбрала педагогику, но вскоре, оставив учительство, она посвятила себя психоанализу, став секретарем и самой преданной последовательницей своего великого отца. С 1926 года она непрерывно, вплоть до последних лет жизни, занимала ответственные посты в психоаналитической организации. Ни один человек в психоаналитическом движении не определял судьбу официального психоанализа на протяжении столь долгого времени, как она. Этот факт является, пожалуй, не только свидетельством ее особого стремления сохранить дух учения Фрейда, но и того особого признания, которое психоаналитики выражали Анне за ее научную работу и как дочери Зигмунда Фрейда. В 1938 году, спасаясь от преследования нацистов, Анна вместе с семьей переезжает в Англию, где на протяжении всей последующей жизни она принимает активное участие в психоаналитическом движении и организует собственную психоаналитическую деятельность.

Основными работами, отражающими психоаналитическую деятельность Анны Фрейд, являются книги «Введение в технику детского анализа» (1927 год), «Введение в психоанализ для педагогов» (1930), «Я и защитные механизмы» (1936), «Маленькие дети в военное время: год работы в детдоме» (1942), «Младенцы без семей: случай за и против детского дома» (1943) и «Норма и патология в детстве. Оценка развития» (1965 год).

В современном психоанализе имя Анны Фрейд ассоциируется преимущественно с *эго-психологией* и *детским психоанализом*.

Вклад Анны Фрейд в эго-психологию прежде всего связан с развитием ею *психоаналитической теории защит*. Анна Фрейд подчеркивала, что основной функцией Эго является защита от тревоги, которая возникает в случае давления влечений, критики Супер-Эго или внешней угрозы. Защитные механизмы работают бессознательно, по отдельности или одновременно, и становятся частью индивидуального стиля борьбы с трудностями. В том же случае, если защиты не справляются со своими задачами, формируются неврозы и психические расстройства: «*Само существование невротических симптомов указывает на то, что Я потерпело поражение, а каждый возврат вытесненных импульсов показывает, что какой-то план защиты не удался и Я было побеждено*» [115. С. 139].

Книга «Я и защитные механизмы» вышла в свет в 1936 году в Международном психоаналитическом издательстве. В этой важной работе четко и обстоятельно описываются роль защиты и ее психоаналитическая проработка, что значительно углубляет понимание способа функционирования психического аппарата. Термин «защита» впервые появился в 1894 году в работе Фрейда «Защитные нейропсихозы» и был использован в ряде его последующих работ для описания борьбы Я против болезненных мыслей и аффектов. Позже этот термин был оставлен и впоследствии заменен понятием «вытеснение». Отношения между двумя понятиями, однако, остались непроясненными. В 1926 году, вернувшись к этому вопросу и расширив понятие защит «до всех техник, которые Эго использует в конфликте и которые могут привести к неврозу», Фрейд показывает тесную связь между конкретными формами защиты и отдельными заболеваниями. Например, для истерии это вытеснение; для невроза навязчивых состояний — регрессия, реактивное образование, изоляция и уничтожение сделанного [138].

К девяти способам защиты, которые широко используются на практике (*регрессия*, *вытеснение*, *формирование реакции*, *изоляция*, *уничтожение*, *проекция*, *интроекция*, *борьба Я с самим собой* и *обращение*), Анна Фрейд добавляет десятый — сублимацию (смещение инстинктивных целей), замечая, что последнее имеет отношение скорее к норме, чем к неврозу. Одновременно с этим она выдвигает тезис о приоритетном значении *анализа защит*. По мнению Фрейд, только анализ бессознательной защитной деятельности Я позволяет понять судьбу влечений-желаний и фантазий. Таким образом, путь к Оно через проработку защит является для Анны Фрейд альтернативой непосредственному проникновению в Оно с помощью символической интерпретации, за которую ратовала Мелани Кляйн.

Далее Анна Фрейд описывает защиту от страха перед силой влечения на примере пубертатного возраста. Она использует понятия пубертатного аскетизма и интеллектуализации, чтобы объяснить меры, предпринимаемые для борьбы с возрастающей силой влечений. Непостоянство объектных связей в пубертате также можно объяснить возвратом к способам поведения самого раннего детства.

Анна Фрейд описывает многообразие и сложность понятия защиты, демонстрирует границы тогдашнего знания и указывает на необходимость дальнейших исследований.

Основной заслугой Анны Фрейд по праву считают развитие детского психоанализа. Взгляды Анны на нормальное и нарушенное развитие детей во многом сформировались на основе ее наблюдений за младенцами и маленькими детьми. В декабре 1940 года под руководством Анны Фрейд и Дороти Барлингем был организован детский дом, известный под названием Хэмпстедский детский дом, включавший дом для младенцев, дневной детский сад и интернат для эвакуированных лондонских детей в возрасте от трех до шести лет.

Для Анны Фрейд и сотрудников, в число которых входили в основном эмигрировавшие врачи, психологи и воспитатели, работа в Хэмпстедском детском доме явилась продолжением возникшей еще в Вене и частично реализованной идеи создания прикладного, ориентированного на воспитание детского психоанализа. Кроме того, подопечные дети являлись также подходящим объектом для психоаналитического исследования, позволявшего понять формы поведения детей в экстремальных ситуациях и тем самым способствовавшего углублению психоаналитических знаний. Позднее Анна Фрейд во многих публикациях отмечала большое значение для нее этого периода работы, причем она постоянно подчеркивала характерную для всего психоанализа взаимосвязь практических и теоретических вопросов.

В 1947 году Анна Фрейд организовала первые учебные курсы для подготовки детских аналитиков, известные под названием «Хэмпстедские курсы», где впервые начали обучать детской психотерапии независимо от анализа взрослых.

Хэмпстедские курсы и клинику детской терапии следует рассматривать как дело всей жизни Анны Фрейд. Здесь она сумела донести до других свои психоаналитические идеи и свое понимание психоанализа. Со времени основания клиники и до сегодняшнего дня работа в ней проводится по четырем основным направлениям. Во-первых, существует собственно клиническое направление. В число сотрудников входят двадцать шесть обученных психоанализу психотерапевтов, два социальных работника, два психолога и тридцать девять психоаналитиков. Основной задачей является анализ детей, который проводят как обученные аналитики, так и студенты под контролем опытных аналитиков. Обычно анализ проходят шестьдесят — семьдесят детей. Результаты этой работы обсуждаются на еженедельных конференциях.

Вторым главным направлением в клинике является превентивная и педагогическая работа. Для этого существует детский сад, в который принимают детей в возрасте от трех до пяти лет. В основном в него попадают дети из неблагополучных семей. Развитие этих детей обсуждается на регулярных конференциях.

Третьим главным направлением в Хэмпстедской клинике являются различные исследовательские проекты. С этой целью систематизируется клинический материал, полученный аналитиками, и обобщаются наблюдения за отдельными детьми, собранными в группах.

Последним основным направлением в Хэмпстеде является взаимодействие с представителями других научных дисциплин, также занимающимися проблемами ребенка. Так, например, Анна Фрейд руководила группой детских врачей, в которой обсуждались повседневные проблемы практики.

Деятельность Хэмпстедских курсов и клиники детской терапии показывает, какая огромная работа была проделана в детском анализе под руководством Анны Фрейд. Примерное представление о масштабе общего труда можно получить из

огромного количества публикаций сотрудников этой клиники за десять лет — почти восемьдесят статей.

Фрейд считала, что младенцы в первые несколько месяцев жизни всецело зависят от своих физических нужд, так что основная функция матери в этот период — удовлетворение физиологических потребностей ребенка. Она указывала, однако, что малыши, разлученные со своими матерями, уже на этой ранней стадии развития обнаруживают признаки расстройства, отчасти объяснимые нарушением порядка жизни и отчасти — утратой специфической близости с матерью.

Во втором полугодии жизни отношения с матерью выходят за рамки, определяемые физическими потребностями. Позже Анна Фрейд охарактеризовала этот этап как *стадию постоянства объекта*, когда мать уже является стабильным либидным объектом и либидное отношение ребенка к ней не зависит от степени его удовлетворения (1965 год). Она полагала, что на втором году жизни привязанность между матерью и ребенком достигает полноты развития, приобретая силу и многообразие зрелой человеческой любви, и все инстинктивные желания ребенка сосредоточиваются на матери (1942 год). Она отметила также, что затем эти безоблачные отношения ослабевают и омрачаются чувствами *амбивалентности*, а позже и соперничества.

На следующей стадии, между тремя и пятью годами, неизбежные разочарования эдипова периода и переживание утраты любви родителей, усиленно стремящихся социализировать ребенка, делают его раздражительным и гневливым. Эпизодические яростные желания смерти родителей вызывают огромное чувство вины и сильнейшее страдание. В Хэмпстедском детском доме Анна Фрейд видела, как это страдание примешивается к радости ребенка от встречи с родителями, когда такая встреча бывает возможна. По мнению А. Фрейд, интенсивность страдания, связанного с разлукой, может серьезно повлиять на будущую адаптацию.

Уже в своей первой книге «Введение в технику детского анализа» Анна Фрейд обсуждает аналитический метод при работе с детьми. По ее мнению, необходимо разграничение между детским и взрослым анализом, поскольку взрослый анализ проводится с гораздо более зрелой и независимой личностью, тогда как ребенок пока еще является незрелым и несамостоятельным. Различия между аналитическими средствами при анализе взрослых и детей относятся прежде всего к свободным ассоциациям и переносу. Вначале *свободное ассоциирование у ребенка полностью отсутствует* (хотя могут возникать спонтанные ассоциации), поскольку ребенок не может сознательно исключать критику и сообщать обо всех возникающих мыслях. С другой стороны, согласно Анне Фрейд, *у ребенка не формируется невроз переноса*, хотя феномены переноса могут присутствовать. Это происходит по двум причинам. Первая связана со структурой психики самого ребенка, с тем, что его первоначальные объекты, родители, все еще реальны, а не присутствуют, как у взрослого невротика, в виде фантазийных объектов любви. Вторая причина отсутствия переноса связана со вступительной стадией детского анализа. После нее аналитик становится слишком четко очерченной фигурой, и это делает его плохим объектом для переноса [164].

Самое существенное, пожалуй, различие между детским анализом и анализом взрослых Анна Фрейд усматривает в *использовании появляющегося материала*. Если при анализе взрослых существенное значение имеет сформированное

Сверх-Я, то вследствие незрелости детского Сверх-Я его функцию исполняют реальные родители. Это означает, что бессознательный материал, выявленный в ходе анализа, передается не Сверх-Я, а инстанциям, формирующим Сверх-Я, то есть родителям, которые, изменив свои педагогические требования, становятся способными вылечить ребенка от невроза. Но такой путь Анне Фрейд не кажется доступным, поскольку, с одной стороны, именно родители и вызывают невроз своими чрезмерными требованиями к ребенку; с другой стороны, выздоровление предполагает изменение их прежних педагогических требований, что затруднено. Выход из этого тупика заключается в том, что аналитик берет на себя функции родителей и, таким образом, на протяжении всего анализа выступает в качестве детского Я-идеала. Предпосылкой этого является то, что аналитик обладает соответствующим авторитетом для ребенка и что ребенок принимает его в качестве Я-идеала. Подобной констелляции можно достичь лишь благодаря вступительной фазе анализа. Поскольку при этом аналитик оказывается в позиции воспитателя, он должен также обладать теоретическим и практическим знанием педагогики.

На протяжении всей своей аналитической деятельности Анна Фрейд полемизировала с другой выдающейся представительницей детского психоанализа — Мелани Кляйн. Основные расхождения во взглядах на технические вопросы касались свободных ассоциаций и переноса. Хотя Анна Фрейд считала незаменимым игровой метод Мелани Кляйн для знакомства с неразвитым в речевом отношении ребенком, она все же высказывала сомнения, можно ли считать этот подход полным эквивалентом метода свободных ассоциаций. В то время как Анна Фрейд отрицала наличие переноса у маленьких детей, Мелани Кляйн активно использовала его в своей практике, считая, что детский невроз переноса совершенно не отличается от невроза переноса у взрослых.

Обсуждая основные различия в детском анализе между двумя школами, пожалуй, следует остановиться на их причинах. Важным моментом, по-видимому, явилось то, что Мелани Кляйн и Анна Фрейд начали работать в новой области детского анализа совершенно независимо друг от друга. Связь между школами в Вене и в Берлине отсутствовала, и не было никого, кто мог бы выступить в качестве посредника между ними. Основное отличие заключалось, однако, в том, что Анна Фрейд первое время применяла анализ к детям латентного периода, тогда как Мелани Кляйн с самого начала проводила ранний анализ, который уже сам по себе из-за недостаточного речевого развития детей требовал иных технических методов. И наоборот, можно сказать, что представление Мелани Кляйн о психозоподобных фазах развития предполагало проведение анализа с детьми в возрасте двух-трех лет, тогда как Анна Фрейд считала речь обязательным условием аналитической работы.

Со временем воззрения Анны Фрейд претерпели различные изменения. В 1945 году она вводит собственное техническое новшество, пытаясь *интерпретировать сновидения, грезы, фантазии, рисунки, чувства к аналитику и родителям, — короче говоря, все то, что может вызывать вытеснение, смещение и прочие защитные механизмы, и выявлять скрывающиеся за ними бессознательные содержания*. Однако она подчеркивает, что этот новый метод можно применять лишь с детьми, которые уже владеют речью. Этот новый *метод анализа защит* стал возможным, с одной стороны, благодаря теоретической работе «Я и защитные механизмы» самой Анны Фрейд, с другой — благодаря техническому новшеству, пред-

ложенному Бертой Борнштайн в 1945 году, из-за которого вступительная фаза в детском анализе, по существу, стала ненужной.

В результате этих изменений в новом свете предстает также и перенос. Если ранее феномены переноса и неврозы переноса у детей полностью отвергались, то к 1945 году вопрос ставится лишь о том, является ли перенос в детском анализе таким же, как при анализе взрослых, и может ли аналитик фокусироваться на неврозе переноса.

В 1965 году Анна Фрейд пишет: «*То, что у детей развиваются отдельные реакции, характерные для переноса, но полный невроз переноса не возникает, является представлением, которое после отказа от вступительной фазы и замены ее анализом защит уже не может считаться верным. Но это не означает, что, основываясь на своем нынешнем опыте, я убеждена в тождественности детского невроза переноса и невроза переноса у взрослых*» [164].

Анна Фрейд подчеркивает, что только детский невроз можно считать показанием к анализу. Анализ детей, где ставится цель оказать помощь в воспитании и развитии, подобный тому, который проводила, например, Мелани Кляйн, ставится Анной Фрейд под сомнение, поскольку в таком случае выполняется задача, которую обычно приписывают Я ребенка и внешнему миру. Нельзя также и любое отклонение в психическом развитии ребенка считать показанием, поскольку ребенок и сам стремится к тому, чтобы развиваться, а потому такие нарушения могут исчезать спонтанно. Сложность постановки диагноза заключается в том, чтобы распознавать подобные случаи и отличать их от нарушений развития, вызванных детским неврозом, где действительно нужен анализ.

Анна Фрейд уделяла большое внимание психоаналитическому просвещению. Она видела задачу психоаналитической педагогики в нахождении среднего пути между запретами и разрешениями. Этот путь особенно важен на ранних стадиях детского развития, поскольку по мере взросления, и особенно в латентный период, ребенок испытывает не столь сильное напряжение, обусловленное конфликтами, и более доступен воспитанию. Из этого автор делает вывод, что задачи воспитателей детских садов являются гораздо более важными, чем задачи, стоящие перед педагогами детей старшего возраста

Надежды, которые Анна Фрейд вначале возлагала на психоаналитическую педагогику, в дальнейшем большей частью не оправдались. Тогдашний оптимизм в этих вопросах проистекал, пожалуй, из чрезмерного акцента на внешних факторах развития и позднее потух, когда стала известна сила неизбежных внутренних конфликтов индивида. В 1965 году Анна Фрейд обобщает приобретенные ею знания, относящиеся к данной проблеме: «*Психоаналитический опыт показывает, что неврозы — это цена, которую платит человечество за культурное развитие. Оно, Я и Сверх-Я как психические инстанции имеют свое собственное происхождение, свой собственный смысл, свои собственные намерения и свои собственные методы действия. То, что они находятся в противоречии друг с другом, столь же естественно и столь же неизбежно, как и последствия, которые осознаются индивидом в форме внутренних конфликтов. Свобода от конфликтов и целостность личности являются, следовательно, недостижимыми идеалами для культурных людей*» [164].

Тем не менее Анна Фрейд всегда стремилась обратить приобретенные в психоанализе знания в практические рекомендации для педагогов и всех людей, которые имеют дело с детьми.

Представляют интерес также непосредственные наблюдения, сделанные Анной Фрейд, в период ее работы с детьми, ставшими жертвами военных событий. Было отмечено, что в удовлетворении потребностей находящегося в детдоме ребенка (потерявшего мать) особую роль играет аутоэротическое поведение. При этом особую роль играют сосание, ритмическое раскачивание, удары по голове и мастурбация. В условиях детского дома развитие Сверх-Я, то есть интернализация требований и запретов воспитателя, происходит удовлетворительным образом только тогда, когда у ребенка возникает сильная связь со взрослым человеком из его окружения. Поскольку отсутствие объектных отношений в детдоме не обеспечивает в полной мере подобной интернализации, то это может стать причиной неудачи воспитания и грубых дефектов в формировании характера.

То, что наблюдаемая в детских домах психическая регрессия вследствие тяжелой утраты объекта лишь в редких случаях вызывает невротическое развитие, которое следовало бы ожидать от подобного защитного процесса, Анна Фрейд объясняет тем, что в данном случае у детей происходит тотальная регрессия, затрагивающая Я и Сверх-Я. В результате конфликтная ситуация, необходимая для невротического развития, не может возникнуть, а потому психическое нарушение не является стойким. Анна Фрейд приходит к выводу, что существуют замещающие механизмы, которые, по меньшей мере частично, могут препятствовать возникновению тяжелых стойких дефектов психического развития при дефиците наиболее ранних отношений с матерью.

В 1965 году выходит большая книга Анны Фрейд под названием «Норма и патология в детстве. Оценка развития», которая считается ее важнейшим трудом. В этой работе объединены данные, полученные многочисленными аналитиками и самим автором при непосредственном наблюдении за детьми и в ходе их аналитического лечения. Представлена законченная теория детской психологии со всеми диагностическими и терапевтическими выводами. Одновременно показано развитие детского психоанализа от проявления интереса аналитиков к чисто терапевтическим аспектам болезненных расстройств до их обращения к нормальному детскому развитию — то «расширение диапазона психоанализа», которое привело к построению общей метапсихологической теории развития. Данный труд отображает позицию Анны Фрейд, продолжающую традицию классической теории Зигмунда Фрейда [164].

Проведенный обзор показывает, что творчество Анны Фрейд является примером диалектического развития классической теории психоанализа. Учитывая потребности своего времени, Анна Фрейд сфокусировала научное внимание на создании основ детского психоанализа и исследовании закономерностей развития Эго.

Эго-психология

Там, где было Оно, должно стать Я.

З. Фрейд

Появление структурной теории Фрейда пробудило интерес к вопросам формирования такой важной инстанции, как Я (Эго). В своих ранних работах Фрейд использовал термин «Я» для обозначения всей личности или наиболее органи-

зованных идей, которые могут быть допущены в сознание. Те же представления, которые являются неприемлемыми для Я, не проникают в сознание благодаря действию защит, например вытеснению. В более поздней, структурной теории Фрейд использовал понятие «Я» как название одной из трех частей психического аппарата (Оно, Эго и Супер-Эго). Это новое Я получило иное осмысление и было наполнено как сознательными, так и бессознательными элементами. В дальнейшем психологическая теория защит Эго была развита Анной Фрейд, которая, по мнению ряда исследователей, может считаться одной из основоположниц современной эго-психологии.

В дополнение к этому теории объектных отношений, выросшие на почве наблюдений за младенцами и маленькими детьми, выступили дополнительным стимулом для исследования динамики развития собственного Я, или Эго.

В настоящее время применительно к изучению Эго используется несколько близких по значению терминов: Я (Эго), самость, ощущение Я, идентичность, чувство идентичности, самосознание, самоощущение и др. Первые два понятия являются ключевыми. Термин «Эго» используется преимущественно в контексте структурной теории и означает *совокупность психических функций, обеспечивающих приспособление индивида одновременно к требованиям внешней среды, давлению Оно и критике Супер-Эго*. По мнению Б. Мура и Б. Файна, «*раннее значение понятия Я в настоящее время заменено термином “самость”*» [84. С. 261].

Сегодня с эго-психологией идентифицируют себя множество психоаналитиков и аналитических групп. Среди исследователей, чьи концепции оказали наибольшее влияние на современное состояние данного направления: Э. Эриксон, Х. Хартманн, Х. Кохут, О. Кернберг, А. Крис, Р. Левенштейн, Д. Рапапорт и др.

Эпигенетическая теория Эрика Эриксона

В то время как психоанализ и по сей день разграничивает психосексуальное и психосоциальное, я попытался связать мостом эти два берега.

Э. Эриксон

Эрик Хомбургер Эриксон (1902–1994) по праву считается одним из выдающихся последователей психоанализа и представителей эго-психологии. Его родители, датчане по происхождению, разошлись еще до рождения сына. В три года его приемным отцом стал детский доктор Хомбургер, давший Эрику заботу и свое имя. Детство Эрика прошло в немецком городе Карлсруэ, где он окончил школу и гимназию. После непродолжительного путешествия Эриксон учился в местной художественной школе. Другого формального образования он больше не получал. В 1925 году благодаря знакомству с доктором Петером Блосом Эриксон начал преподавать в Вене в детской школе, педагогический коллектив которой имел психоаналитическую подготовку. В руководстве школой принимала участие Анна Фрейд, у которой впоследствии Эриксон проходил личный анализ. Эриксону представился счастливый случай заниматься клинической работой при участии Августа Айхорна, Эдварда Бибринга, Хелен Дойч, Хайнца Гартмана, Эрнста

Криса и других психоаналитиков, объединившихся вокруг Зигмунда Фрейда. Предметом его пристального изучения становится процесс развития детей, а также необходимые для этого социальные условия. В 1933 году, после женитьбы на молодой американке Джоан Серсон, Эриксон переехал в Америку, где большую часть жизни был профессором Гарвардского университета.

Заслуга Эриксона состояла в том, что он, располагая психоаналитическими сведениями, разработал целостную теорию развития индивида, впервые распространив ее далеко за пределы эдиповой фазы развития. Эриксон предположил, что наряду с описанными Фрейдом стадиями психосексуального развития (оральной, анальной, фаллической и генитальной), в ходе которого меняется направленность влечения (от аутоэротизма к внешнему объекту), существуют и психологические стадии развития Я, когда индивид устанавливает основные ориентиры по отношению к себе и своей социальной среде. *Становление личности не заканчивается в подростковом возрасте, а распространяется на весь жизненный цикл*. Индивид развивается непрерывно на протяжении всей жизни по некоему «основному плану», при этом относительно стабильные фазы развития сменяются кризисными периодами, во время которых происходит «консолидация» всех психических функций. Процесс развития происходит в так называемой ядерной семье, на которую существенно влияют социальные тенденции и кризисы культуры.

Для подтверждения собственных гипотез Эриксон использовал богатейший клинический опыт, длительные наблюдения за детьми, а также сравнительные исследования современной и традиционной культуры (преимущественно на примере индейских племен).

Э. Эриксон внес неоценимый вклад в развитие такого важного понятия, как *идентичность*. В настоящее время этот термин широко используется в научно-психологической и социальной среде. В то же время идентичность не была четко определена З. Фрейдом и до сих пор не имеет единого значения. Эриксон указывал, что впервые данное понятие было целенаправленно применено и исследовано во время Второй мировой войны в клинике реабилитации ветеранов на горе Сион. Попав в экстремальные условия войны, люди потеряли ощущение тождественности личности и непрерывности времени. Они утратили контроль Эго. Поэтому Эриксон предложил обозначать данный феномен как *идентичность Я*, или *Эго-идентичность*, а состояние утраты идентичности — как *кризис идентичности*. Эриксон писал: «*За двадцать лет, прошедшие с тех пор, как этот термин впервые был употреблен <...> он приобрел столько значений, что, казалось бы, пришло время расширить границы его употребления*» [168. С. 26].

В разное время данный термин использовался в различных значениях. Изначально все же доминировало понимание идентичности как *тождественности человека самому себе*. В современном психоанализе *идентичность* определяется как «*относительно продолжительное, но не обязательно стабильное восприятие себя как уникального, когерентного, единого во времени*» [84. С. 78].

Понятие идентичности перекликается с несколькими близкими понятиями. Так, например, *самость* — целостная личностная организация; *Я-концепция* — «самообъяснение», включающее преимущественно осознаваемые аспекты самости; *идентичность* — субъективное переживание себя как постоянного во времени и отличного от других индивида. В то время как идентичность обозначает твердо усвоенный и

личностно принимаемый *образ себя* во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильности собственного Я (независимо от изменений Я и ситуации) — это то, что обеспечивает способность полноценного решения задач, возникающих перед личностью на каждом этапе ее развития.

Чувство идентичности возникает с осознанием ребенком того, что он существует как индивид в мире других объектов, но обладает и собственными желаниями, мыслями внешним видом, отличными от других. Чувство идентичности достигает определенной стабильности лишь по завершении подросткового периода, когда разрешаются проблемы бисексуальной идентификации. Идентичность — это показатель зрелой (взрослой) личности; Я проявляется в воззрениях индивида, идеалах, нормах, в поведении и роли в обществе. В настоящее время понятие идентичности используется в самых разнообразных аспектах: персональная идентичность, групповая (расовая, национальная, семейная, профессиональная) гендерная (половая) профессиональная и пр.

Э. Эриксон считал идентичность главной характеристикой, применимой к постепенному *становлению личности* посредством специфических для разных фаз *психосоциальных кризисов*. Он построил оригинальную схему развития человека на протяжении всей жизни, положив в основу *эпигенетический принцип*, вследствие чего его периодизация жизненного пути и получила одноименное название. Термин был заимствован из биологического учения о зародышевом развитии организма Харви Уильяма Гарвея, где под эпигенезом понимался процесс, осуществляемый путем последовательных новообразований.

В 1950 году увидел свет главный труд Эриксона — «Детство и общество», где исследователь существенно расширил традиционное понимание стадий психосексуального развития. По его мнению, на каждой ступени развития появляются новые модусы, или способы, организации целостного поведения человека. Например, на первой, оральной, стадии это модус поглощения, на второй — удержания — высвобождения и т. д. Эриксон особо подчеркивал важность для развития *взаимности* индивидуальных факторов и общества в целом, поскольку даже отношение матери к новорожденному ребенку во многом определяется господствующими в культуре социальными предписаниями.

Стадии развития одновременно являются и стадиями формирования психосоциальной идентичности. Всего Эриксон выделил *восемь ступеней жизни*.

На первой стадии (0–18 месяцев), которую Эриксон, следуя за психоанализом, называет *орально-сенсорной* (или инкорпоративной, вбирающей), младенец решает фундаментальный вопрос всей своей последующей жизни: *доверяет он окружающему его миру или не доверяет*? Естественно, вопрос о базовом доверии к миру решается не в дискурсивно-логическом плане, а в общении ребенка со взрослым и контакте со средой своего обитания через впитывание звуков, цветов, света, тепла и холода, пищи, улыбок и жестов и т. д. Эриксон указывает на ключевую роль матери в формировании базового доверия к миру. При этом критерием сформированности доверия к миру он считает способность ребенка спокойно переносить исчезновение матери из поля зрения.

Прогрессирующая автономность младенца (способность передвигаться, развитие речи, манипулятивных способностей) позволяет ребенку перейти на вторую — *мышечно-анальную* стадию (18 месяцев — 4 года). На этом этапе по-

являются два новых модуса — удерживание и высвобождение. Соответственно второй жизненно важной задачей становится *обретение автономии в противовес стыду и сомнению*. Если взрослые сверхтребовательны к ребенку или, напротив, спешат сделать за него то, что ему под силу сделать самому, то у него развиваются стыдливость и нерешительность. Когда ребенка ругают за испачканные штаны или разбитую чашку, то это также «вклад в развитие» *чувства стыда* и неуверенности в себе. В этом возрасте ребенок интериоризирует то, что названо Эриксоном глазами мира, что определяет его последующее отношение к принципам правопорядка.

Третья стадия (4 года — 6 лет) названа *локомоторно-генитальной*. В классическом психоанализе эта фаза называется эдиповой. Здесь ребенок стремится проникать, завоевывать и преодолевать. В этом возрасте расширяется пространство жизнедеятельности ребенка, он начинает сам себе ставить цели, придумывать занятия, проявлять изобретательность в речи, фантазировать о собственной грандиозности. Эта стадия проникнута духом состязания, которое может привести к появлению чувства поражения и кастрированности. С этого момента ребенка уже никогда не покинет ощущение внутреннего разлада. Результатом этого периода жизни является одновременно горькое чувство вины и сладкое чувство обладания собственной инициативой.

Четвертая стадия (6–11 лет) — *латентная*, отличается от предыдущих, поскольку в ней нет нового источника внутреннего разлада. Она связана с овладением ребенком различными умениями, с обучением. Ребенок активно осваивает культурные символы. Этот возраст — оптимальное время для учения и приобщения к дисциплине. Теперь ребенок должен научиться добиваться признания благодаря действительным достижениям. Школа становится выразителем требований общества в целом. Основная опасность заключается в том, что ребенок может приобрести здесь устойчивое чувство неполноценности — некомпетентности. Чтобы устранить последствия предыдущих фаз и преодолеть чувство неполноценности, многие дети проявляют чрезмерное прилежание, которое впоследствии может перейти в автоматический конформизм.

Пятая стадия (11–20 лет) — *подростковый возраст* и *ранняя юность* — ключевая для приобретения чувства идентичности. В это время подросток колеблется между положительным полюсом идентификации Я и отрицательным полюсом путаницы ролей. Перед подростком стоит задача объединения всего, что он знает о себе самом как сыне/дочери, школьнике, спортсмене, друге и т. д. Все это он должен интегрировать в единое целое, осмыслить, связать с прошлым и спроецировать на будущее. При удачном протекании кризиса подросткового возраста у юношей и девушек формируется чувство идентичности, при неблагоприятном — *спутанная* (*диффузная*) *идентичность*, сопряженная с мучительными сомнениями относительно себя, своего места в группе, в обществе, с неясностью жизненной перспективы.

В связи с этим Эриксон вводит термин *психологический мораторий*, которым обозначает кризисный период между юностью и взрослостью, в течение которого в личности происходят многомерные сложные процессы обретения взрослой идентичности и нового отношения к миру. Не преодоленный кризис вызывает состояние диффузии идентичности, которая составляет основу специфической патологии юношеского возраста. При неблагоприятных условиях психический

мораторий может принимать затяжной характер и длиться годами, что характерно для наиболее одаренных людей.

Шестая стадия (21 год — 25 лет) — *ранняя взрослость,* — по Эриксону, знаменует переход к решению уже собственно взрослых задач на базе сформировавшейся психосоциальной идентичности. Теперь, когда у молодого человека сформировалось достаточно сильное чувство самоотождествленности, он готов соединить свою идентичность с идентичностью других людей. Молодые люди вступают в дружеские отношения, в брак, появляются дети. Только теперь может проявиться истинная генитальность. Эриксон существенно расширяет понятие генитальности, включая в нее помимо обоюдности оргазма ряд психосексуальных характеристик: отношения с партнером, с которым человек хочет и может испытывать взаимное доверие, хочет и может привести в гармонию жизненные сферы и произвести потомство, которому обеспечит все стадии удовлетворительного развития.

Таким образом, главное условие для гармоничных половых отношений — это *способность к интимности*. В том случае, если она не достаточно развита, человек стремится к изоляции, в свою очередь, порождающей депрессию, психопатологию характера или психические нарушения. Изоляция не обязательно означает одинокое проживание взрослого человека. Она подразумевает отсутствие психологической близости и обмена идентичностями даже при наличии брака, когда отношения можно охарактеризовать как «одиночество вдвоем». Таким образом, интрапсихическое содержание данной стадии можно обозначить как *близость против изоляции*.

Седьмая стадия (25–50 — 60 лет) — *взрослость* — связана с противоречием между способностью человека к развитию и личностным застоем, регрессом личности в процессе обыденной жизни, что Эриксон обозначает как *генеративность против стагнации*. Наградой за овладение способностью к саморазвитию является формирование человеческой индивидуальности, неповторимости. Человек обретает способность быть самим собой. Важным новообразованием также является готовность производить потомство и отдавать себя и свою жизнь другому человеку.

Восьмая стадия (после 60 лет) — *зрелость* — завершает жизненный путь. Здесь, пожиная плоды прожитой жизни, человек либо обретает покой и уравновешенность как следствие целостности своей личности, либо оказывается обреченным на безысходное отчаяние как итог спутанной жизни. Решается вопрос: что одержит верх — целостность или отчаяние? Смысл данной стадии — в интеграции всех частей личности, результатом которой являются чувство нравственного удовлетворения и ориентация на моральные ценности. С другой стороны, индивид, не сумевший активно удовлетворить свои потребности, становится заложником чувства отчаяния и бессмысленности прожитой жизни. Подчеркивая связь индивидуального и социального процесса, Эриксон пишет: «*Здоровые дети не будут бояться жизни, если окружающие старики обладают достаточной целостностью*» [167. С. 379].

Таким образом, человеческая личность развивается по ступеням в соответствии с индивидуальными программами. Общество старается обеспечить и стимулировать надлежащую скорость и последовательность их раскрытия. У каждой стадии развития есть свои сильные и слабые стороны и свои собственные эмоцио-

нальные кризисы. При этом неудача на одной стадии может негативно сказаться на прохождении последующей ступени или может быть исправлена последующими удачами.

Эриксон подчеркивает, насколько важно соотносить механизмы взаимной адаптации индивида и общества. В качестве примера он приводит процесс формирования *национальной идентич*ности, связывая поведение конкретных людей (например, американских матерей по отношению к своим детям) с историей народа. По мнению Эриксона, моральная и национальная идентичность имеет функцию *коллективного Эго*. Например, национальный характер американцев связан прежде всего с ценностью индивидуальной инициативы, которая стала следствием ряда обстоятельств: протестантизма, рациональной адаптации к опасным условиям жизни, индустриализации естественной среды, индивидуализма.

Последние главы работы Эриксона посвящены сложному, но содержательному анализу выдающихся личностей: политической карьере Гитлера на материале книги «Моя борьба» («Mein Kampf») и детства Максима Горького на примере советского фильма «Детство Горького». В случае с книгой Гитлера Эриксон обратил внимание на присущие ей качества мифа и легенды, в которых историческая правда и вымысел перемешаны так, что все выглядит правдоподобно. Анализируя феномен Гитлера, Эриксон приходит к выводу, что «коричневый дудочник» задел «нужные струны» немцев благодаря кризису национальной идентичности немцев в результате многочисленных исторических травм. Нацизм предложил реальные средства достижения чувства общей идентичности с помощью идеи расового превосходства, ненависти к евреям и мировой войны. Его целью было не только заставить немцев забыть о поражении Германии в Первой мировой войне, но и полностью очистить немецкую культуру от поразивших ее инородных ценностей. Вследствие этого стала возможна взаимная идентификация вождя с нацией и массовое поклонение своему фюреру: «*Самыми жестокими эксплуататорами борьбы нации за спасение идентичности были Адольф Гитлер и его сообщники, на протяжении десятилетия оказавшиеся бесспорными политическими и военными хозяевами великого, трудолюбивого и старательного народа*» [167. С. 457].

По мнению Эриксона, страх утратить идентичность доминирует в иррациональной мотивации любого человека, мобилизуя весь арсенал тревоги, выходящей из детства. В этом критическом состоянии массы склонны искать спасение в *псевдоидентичности*. Тотальное поражение народа, по мнению Эриксона, вызывает чувство *тотальной уникальности* и готовности подчиниться тому, кто может предложить чувство тотальной власти, сплоченности и новой идентичности, избавляющих от бессмысленного прошлого. История тоталитарных режимов является самым ярким тому доказательством.

Анализируя фильм «Детство Горького», Эриксон исследует качества легенды о детстве Максима и вытекающие из нее изменения идентичности русской молодежи. Он подчеркивает сходство между легендой Гитлера и Горького. Оба были своевольными мальчиками и развивались в ожесточенной борьбе с отцовской фигурой. Оба пережили в отрочестве психическое потрясение от бессмысленного существования и тщетности бунта. Оба были близки к крайнему отчаянию.

В кратком историческом экскурсе исследователь напоминает, что два великих русских царя — Иван Грозный и Петр Первый — убили своих сыновей (первый лично, второй — с помощью других людей). Благодаря исторической реальности царь в России стал символом *достойной сострадания автократии*. Подобное сочувствие к царям, жестоким отцам и дедам характерно для мазохистического подчинения.

В 1958 году Эриксон опубликовал работу «Молодой Лютер», соединяющую психоаналитическое и историческое исследования. Одна из центральных идей книги состоит в том, что кризис идентичности великого человека может стать причиной исторических перемен. Эриксон живо и убедительно описывает внутреннюю борьбу и душевную боль щедро одаренного человека, в которых отразилась проблема идентичности большей части немецкого народа. Внутреннее расщепление Лютера привело его к восстанию против собственного отца и усилению потребности в силе Бога. С помощью реформы церкви Лютер пытается сделать из догматов веры догматы разума. Он проповедовал, что Божий глас в душе — это собственная совесть. Тем самым верующий человек становится ответственным за свой выбор — во что верить и что делать.

В 1969 году Эриксон написал еще одну книгу о великом человеке — «Правда Ганди». Как и в предыдущем случае, его интересовал синтез сил (исторических, географических, социально-экономических, этических, индивидуальных), определяющих развитие выдающейся личности. Исследование жизни таких людей, как Мартин Лютер и Махатма Ганди, отражало глубокий интерес Эриксона к проблемам нравственности. В 1960 году он выступил с докладом о развитии человеческих добродетелей. В дополнение к семи христианским добродетелям он говорит о внутренней силе и активности, которые имеют большое значение для конкретной стадии развития. Каждая стадия порождает собственную добродетель:

Стадия	**Добродетель**
Доверие против базового недоверия	Надежда
Автономия против стыда	Воля
Инициатива против чувства вины	Целеустремленность
Продуктивность против чувства неполноценности	Умелость
Идентичность против неопределенности ролей	Преданность группе и ее ценностям
Интимность против изоляции	Любовь
Генеративность в противоположность стагнации	Забота
Интегрированность против отчаяния	Мудрость

Эрик Эриксон использовал привычные для всех понятия, чтобы показать, что именно укрепляет совокупность жизненных сил человека в рамках отношений людей между собой и с человечеством в целом. Гармоничное сочетание психодинамического метода с биографическим и историческим анализом позволило Эриксону выйти далеко за границы индивидуального развития человека и существенно расширить ви́дение психосоциальной реальности.

Эго-психология и проблема адаптации в творчестве Хайнца Хартманна

В то время как психология Ид была и остается «заповедником» психоанализа, эго-психология является его общей стыковочной площадкой с неаналитической психологией.

Х. Хартманн

Хайнц Хартманн (1894–1970) родился в Вене в семье историка и педагога. Хартманн получил медицинское образование; обучаясь в Венском университете, имел возможность слушать лекции З. Фрейда. После окончания Венского университета и получения в 1920 году ученой степени доктора медицины он более десяти лет работал ассистентом в психиатрическо-неврологической клинике у Ю. Вагнера-Яурегга. В 1927 году стал полноправным членом Венского психоаналитического общества. На протяжении 1926 года он проходил дальнейшее психоаналитическое обучение в Берлинском институте психоанализа, прошел учебный анализ у Ш. Радо, а с 1930 года начал читать лекции в Венском институте психоанализа. В 1933 году Хартманн стал вторым секретарем и членом правления Венского психоаналитического общества, в 1934 — обучающим аналитиком. С 1932 по 1941 год он был редактором «Международного журнала психоанализа». В 1938 году Хайнц Хартманн эмигрировал во Францию, работал в Парижском психоаналитическом институте. Позднее он переехал в Швейцарию, а в 1941 году эмигрировал в США, где начал работать в Нью-Йоркском психоаналитическом институте. В 1952–1954 годах Хартманн был президентом Нью-Йоркского психоаналитического общества, с 1951 по 1957 — президентом Международной психоаналитической ассоциации. На протяжении ряда лет в тесном сотрудничестве с Э. Крисом и Р. Левенштайном Хартманн разрабатывал основные идеи психологии Я, выдвинув наряду с динамической генетическую точку зрения на развитие психических процессов. В 1958 году ему была присуждена премия имени Меннингера.

Хартманна особенно интересовало развитие Эго (1939 год). Он обращал внимание на то обстоятельство, что, несмотря на активное развитие концепции влечений и теории объектных отношений, психоанализ плохо понимает те процессы и рабочие методы психического аппарата, которые ведут к адаптивным достижениям. Он не был согласен с представлением Фрейда, что Эго — это часть Ид, модифицированная воздействием внешнего мира, и что центральное место в развитии Эго занимает конфликт с родителями. Хартманн утверждал, что определенные функции Эго доступны с рождения, что они имеют «первичную самостоятельность», а не рождаются из конфликта и что они принадлежат *свободной от конфликта зоне*. Не каждая адаптация к окружающей среде, не каждый процесс развития являются конфликтом [148]. «*Я предлагаю принятие условного термина “свободная от конфликтов сфера Эго” за ансамблем тех функций, который в любое время осуществляет свое воздействия вне сферы психических конфликтов*» [147. С. 21].

Хартманн также предположил, что изначально все психические структуры недифференцированы, поскольку Эго в том смысле, в каком оно проявляется позд-

нее, вначале не наблюдается, так же как и Ид, поэтому вначале невозможно выделить функции, которые впоследствии будут служить Эго, и те, что будут отнесены к Ид [147].

Хартманн поставил перед собой важную задачу прояснения *понятия Эго*. Термин Фрейда «das Ich» (который был переведен как «Эго»), в немецком языке имеет два значения: 1) воспринимаемое Я, то есть чувство самого себя как отдельной личности с непрерывной идентичностью; 2) гипотетическая психическая инстанция, введенная Фрейдом в научный обиход в 1923 году. *Хартманн концептуально разграничил Я — как собственно личность (целостную личность) и Эго — как подсистему личности с определенными функциями* [203].

В связи с этим были внесены дополнения в концепцию нарциссизма. Вместо представления Фрейда о либидном вкладе в Я (личность) Хартманн предложил рассматривать нарциссизм в соответствии со структурной теорией как либидный вклад в репрезентацию Я. Хартманн, Якобсон и Сандлер рассматривали *развитие и сохранение репрезентаций Я и объекта* как базовые функции Эго и Супер-Эго. В результате разделения структурных концепций и теорий объектных отношений появились два вида теорий мотивации. Первый рассматривает мотивацию в связи с поиском инстинктивного удовлетворения, и объект считается вторичным по отношению к инстинктивному удовольствию. Во втором — первичным считается желание воспроизводить приятные взаимодействия с другими людьми [106].

Хартманна интересовал процесс развития и то, как отношения с другими людьми ведут к формированию стабильных, независимо функционирующих психических структур. Он критиковал упрощенные критерии, основанные на «плохой» и «хорошей» матери, в которых учитывается только один аспект процесса развития. Он указывал, что иногда позднее развитие Эго компенсирует «плохие» ранние объектные отношения, и наоборот, «хорошие» объектные отношения могут стать препятствием для развития, если ребенок не использует их для усиления Эго, а остается зависимым от объекта. Хартманн считал, что благоприятный конечный исход развития может объясняться эластичностью психики ребенка и опытом поздних стадий развития: он предполагал, что развитие Эго разными способами связано с объектными отношениями, например через достигнутую степень постоянства объекта.

Изучая адаптацию, Хартманн исследует ее факторы и механизмы. Он отмечает недостаточность *определения защит* в свете теории влечений, подчеркивая, что понятие «защита» должно также включать в себя ориентированные на реальность и ускоряющие адаптацию характеристики. Важно понять, каким образом и до какой степени защита регулируется теми эго-функциями, которые в данное время не вовлечены в конфликт. В конце концов, психическое развитие не является просто результатом борьбы Эго с двумя другими инстанциями. Например, передвижение, память, ассоциации и т. д. являются функциями, которые, видимо, не могут быть получены через взаимоотношения Эго с инстинктивными влечениями или объектами любви. Хартманн подчеркивает, что различия в интеллектуальном или моторном развитии влияют на способность ребенка справляться с конфликтами. А эта способность, в свою очередь, влияет на интеллектуальное и моторное развитие. «*Нашей задачей является исследование: как психологический конфликт и “мирное” внутреннее развитие взаимно содействуют и препятству-*

ют друг другу. Мы должны также исследовать взаимодействия между конфликтом и тем аспектом развития, с которым мы в основном знакомы по его связям с внешним миром» [147. С. 24].

Аналогичная ситуация сложилась с понятием «фантазия». По мнению Хартманна, фантазия является широкой и до некоторой степени неясной концепцией. В ряде теорий показана роль фантазии в происхождении психопатологии. Одновременно с этим Хартманн справедливо отмечает, что фантазия — чрезвычайно важная психическая функция, составляющая основу для детской игры, способности к предвидению, научного мышления и творчества, столь необходимых в нормальной адаптации индивида. «*Психическая жизнь здорового взрослого человека, вероятно, никогда не свободна вполне от отвержения и замены некоторой реальности фантазийным образованием*» [147. С. 33].

Таким образом, Хартманн концентрирует свое внимание на характеристиках, средствах, факторах и критериях процесса адаптации, отмечая: «*Мы называем человека хорошо адаптированным, если продуктивность его деятельности, его способность наслаждаться жизнью и его психическое равновесие остаются ненарушенными*» [147. С. 39].

Психология самости Хайнца Кохута

Если объекты самости в детстве не оправдывают ожиданий, то тогда возникающие в процессе этого дефициты или искажения остаются тяжелым бременем на всю жизнь.

Х. Кохут

Хайнц Кохут (1913–1981) родился в Вене, получил медицинское образование в Венском университете, проходил анализ у Огюста Айхорна. В 1940 году эмигрировал в Америку, где и посвятил психоанализу всю свою последующую жизнь. В конце 1960-х годов Кохут выступил как основатель нового направления в психоанализе и психотерапии, которое получило название *психологии самости*, или *селф-психологии*, основные положения которой сформулированы в трех опубликованных работах: «Анализ Я» (1971 год), «Восстановление самости» (1977); «Как лечит анализ?» (1984 год).

Теория самости базируется на нескольких ключевых понятиях. *Я* (*селф, самость*) — некое ядро личности, «независимый центр инициативы», развивающийся в процессе взаимодействия врожденных особенностей и взаимоотношений индивида. Следует отметить трудности перевода английского слова «self», которое разными авторами трактуется по-разному: Я, собственное Я, самолюбие, любовь к себе, объект самости и др. Данное обстоятельство отражает сложность и недостаточную проясненность введенного Кохутом понятия самости [52].

Объекты, которые оказывают на личность наиболее значительно воздействие, переживаются как часть нашего Я и обозначаются как *селф-объекты*. На субъективном уровне селф-объект переживается как присутствие Другого. Я (самость) взрослого человека может быть *зрелым* или *патологическим*. В случае зрелого Я доминируют здоровые амбиции, идеалы, таланты и навыки. При патологических состояниях Я проявляются такие феномены, как *архаическое Я* с доминировани-

ем психических струткур и особенностей раннего детства, *расщепленное* (*фрагментированное*) *Я* с нарушением связи между отдельными частями личности; *опустошенное Я* со снижением жизненной силы.

Теория самости развивалась Кохутом в контексте работы с пациентами, имевшими нарциссические расстройства. Это обстоятельство существенно повлияло и на содержание его концепции, и на особый интерес Кохута к проблематике нарциссизма. Кохут обнаружил, что основная проблема нарциссических пациентов заключается в глубокой неудовлетворенности потребности в уважении, одобрении и причастности к другим людям. В связи с этим Я стало рассматриваться как рефлексивная структура, выполняющая функцию самоотображения и самоотношения. Структура Я представляет собой напряженную биполярную конфигурацию, на одном полюсе которой находятся претензии Я (потребность в достижениях, признании, господстве), а на другом — идеализированный образ родителей [52].

В контексте теории самости Кохут разрабатывает *собственное ви́дение проблемы нарциссизма*. В серии статей и двух книгах Х. Кохут предложил совершенно особую метапсихологию, клинические объяснения и терапевтические процедуры для нарциссических расстройств личности. С его точки зрения, нарциссизм — не патологический феномен, но любое обращение к поддержанию переживаний Я. Детский нарциссизм со временем переходит в более зрелые формы — творчество, эмпатию, юмор, мудрость и многое другое. Зрелый нарциссизм требует для поддержания внутреннего баланса удовлетворения ряда потребностей: в признании своей грандиозности, в идеализации кого-то сильного и мудрого, в идентификации с кем-то похожим. Неудовлетворение нарциссических потребностей, напротив, ведет к различным проявлениям психопатологии. В связи с этим Кохут утверждает, что существует группа пациентов, чья психопатология занимает промежуточное место между психозами и пограничными условиями, с одной стороны, и психоневрозами и легкими расстройствами характера — с другой [54].

В своей ранней работе «Анализ Я» (1971 год) Х. Кохут оперирует фрейдовскими терминами «нарциссическое либидо» и «объектное либидо», понимая их иначе. Он предполагает, что нарциссическое либидо и объектное либидо имеют независимые источники энергии, независимые линии развития и трансформации и отражают различные виды опыта [52]. И нарциссическое и объектное либидо катектируют на объектах. Объектное либидо концентрируется на «истинных» объектах, отдельных от субъекта; нарциссическое либидо катектирует на Я-объектах, где объект переживается как продолжение Я. Сцепленное и сепаратное Я формируются в процессе трансформации нарциссического либидо. Это означает, что развитие Я происходит независимо от развития объектного либидо. Ранний нарциссический либидозный опыт присутствует в двух видах: грандиозных Я-конфигураций, связанных с «отзеркаливающими» Я-объектами, и Я-образов, слитных с архаическими идеализируемыми Я-объектами. Первое переживается как «Я совершенен, ты оцениваешь и отражаешь мое совершенство», второе — «Ты совершенен, и Я часть тебя».

Х. Кохут развивает *теорию дефицита*, которая отличается от фрейдовской теории конфликта по ряду моментов. Основной стадией развития в теории Ко-

хута признается доэдипальный период, основными взаимоотношениями — диада. Цель психотерапии состоит не в проработке конфликта, а в оказании помощи по формированию новой психической структуры пациента. При этом главным терапевтическим фактором вместо фрейдовского инсайта признается эмпатия, а главным терапевтическим действием вместо нейтральности/интерпретации постулируется *возмещение раннего дефицита*.

Х. Кохут описывает процесс здорового развития как постепенное отпадение наиболее грубых нереалистических аспектов Я-объектных образов с медленной интернализацией внешних взаимоотношений с Я-объектами в устойчивые психические структуры. Этот процесс называется *трансмутирующей интернализацией*, то есть «превращающей» интернализацией. Процесс «запускается» естественными и неизбежно увеличивающимися разочарованиями в самом себе и в идеализируемых Я-объектах с самого раннего детства. Если фрустрация, приводящая к разочарованию, соответствует фазе развития, это приводит к росту и зрелости. Грандиозное Я в течение первых нескольких лет жизни развивается в зрелое Эго, характеризующееся самоуважением, амбициями и способностью к удовольствию, процесс этот протекает главным образом во взаимоотношениях с матерью. *Идеализированное родительское имаго* развивается в возрасте четырех — шести лет в процессе взаимодействия с обоими родителями в идеализированное Супер-Эго, выполняющее функции, связанные с идеалами и целями. Однако если фрустрация желания слияния является разрушающей, то есть экстремальной и хронической (а не оптимальной), то происходит фрагментация личности, наблюдаемая при пограничной патологии, вплоть до разрушения личности при шизофрении. Средняя по интенсивности фрустрация ведет к задержке развития на уровне архаичных Я-структур, грандиозной и идеализируемой, образующих биполярную конфигурацию.

Х. Кохут вводит диагностические различия между *структурными неврозами* и *расстройствами Я*. Он считает, что объяснительный контекст теории влечений адекватен для структурных неврозов, когда Я уже сформировалось. Не конфронтируя прямо с классической теорией, Х. Кохут шаг за шагом переносит акценты с импульсов и конфликтов как движущих сил развития на межличностные отношения и «*отзеркаливание*» как матрицу взаимодействия мать—ребенок. Под «отзеркаливанием» понимается не только отражение грандиозности, но и надежность, забота, эмоциональная адекватность, эмпатическое отношение в целом. В клинических иллюстрациях Кохута обращается внимание на всю комплексность взаимоотношений ребенка с родителями, в своих теоретических формулировках он центрирует все межличностные категории вокруг понятия нарциссических потребностей.

Кохут подчеркивает ведущую роль эмпатии селф-объектов в развитии ребенка. Он пишет: «*Дефекты в самости возникают прежде всего в результате недостатка эмпатии со стороны объектов самости, обусловленного нарциссическими нарушениями последних <...> Серьезные реальные лишения (фрустрация влечений) в психологическом отношении не являются вредными, если психологическая среда реагирует на ребенка всем спектром неискаженных эмпатических ответов*» [54. С. 92].

По Х. Кохуту, пациенты с нарциссическими расстройствами личности подходят для психоанализа, если принимаются во внимание особенности их перено-

сов. Диагностировать нарциссическую личность в психоаналитической ситуации можно по двум типам трансфера (переноса) — *идеализирующему* и *зеркальному*. Первый связан со скрытой или явной идеализацией аналитика, второй — с ожиданием восхищения со стороны психотерапевта. В переносе выделяются три уровня. Наиболее архаичным является уровень слияния, где происходит распространение грандиозного Я на аналитика. Менее архаичной формой является уровень альтер-Эго, или двойника. Наименее архаичной формой является зеркальный трансфер в узком смысле.

По мнению Кохута, только благодаря материнскому «зеркалу любви», в котором малыш видит («нутром») свое преображенное любовью отражение, он приобретает способность к интериоризации образа идеализирующей и, в свою очередь, идеализируемой матери; результатом этого процесса становится образование идеализирующих (любящих) качеств Супер-Эго, обеспечивающего поддержку самоуважения изнутри, то есть посредством самоконтроля, самоподдержки, любви к самому себе.

Нарциссическую патологию Х. Кохут рассматривает как следствие травматической слабости материнской эмпатии и нарушения развития процессов идеализации. При проведении психотерапии, считает он, психоаналитик не должен мешать развитию нарциссической идеализации или разрушать ее интерпретацией. Это позволит постепенно развиться и зеркальному трансферу. Психоаналитик становится Я-объектом, обеспечивая процесс трансмутирующей интернализации. Психоаналитику следует быть эмпатичным, фокусироваться на нарциссических нуждах пациентов и на фрустрациях, а не на конфликтах, вызывающих нарциссическую фрустрацию.

Слабость эмпатии со стороны аналитика ведет к частичной фрагментации грандиозного Я, нарциссическому гневу, диффузной тревожности, ипохондризации и даже более тяжелым состояниям деперсонализации и патологической регрессии с холодной параноидной грандиозностью. В каждом таком случае аналитик вместе с пациентом исследуют, когда и как аналитик не проявил эмпатии и как это соотносится с травматическими ситуациями в прошлом.

Сторонники психотерапевтической линии Кохута обращают внимание на то, что частый негативный терапевтический результат при использовании стандартной техники анализа отражает недостаток психотерапевтической поддержки. Нарциссической гнев является защитой, позволяющей регулировать самоуважение. Конфронтация (обнаружение и указание) аналитика враждебности и зависти пациента только усиливает его первичное чувство «плохости». В этом случае проработка нарциссического гнева в переносе не ведет к интрапсихической интеграции, а лишь подтверждает «во всем плохость» пациента. В связи с этим Кохут приходит к выводу, что нарциссические пациенты способны принять только позитивную обратную связь, которая воспринимается ими как ответ на собственные усилия «быть хорошими».

Концепция самоуважения Х. Кохута и разработанные им принципы поддерживающей и восстанавливающей Я-терапии отчетливо демонстрируют современную тенденцию к интеграции идей психоаналитического и гуманистического направлений в психологии.

Интегрированный подход Отто Кернберга

Психоаналитическая техника, основанная на эго-психологии — теории объектных отношений, базируется на том положении, что аффекты занимают центральное место в психоаналитической ситуации.

О. Кернберг

Отто Ф. Кернберг (р. 1928) — один из наиболее авторитетных действующих психоаналитиков. Детство и юность Отто провел в Латинской Америке, затем переехал в США, где посвятил себя психиатрии. О. Кернберг проходил обучающий тренинг по психоанализу в Южной Америке, где ощущалось значительное влияние идей Мелани Кляйн. Он направил свои усилия на интеграцию существующих психоаналитических подходов. Ему всегда удавалось гармонично сочетать работу врача, психоаналитическую практику, преподавание, активную научную и общественную деятельность.

За многие годы Кернберг ассимилировал ряд идей и гипотез о психическом развитии, предложенных Кляйн, Малер и другими исследователями, соединив их в то, что он назвал *эго-психологией,* а по существу — в *интегрированную теорию объектных отношений с широкими возможностями ее применения к лечению психических расстройств*. Он также много сделал для внедрения теории объектных отношений британских психоаналитиков в основанные на эго-психологии теорию и практику американского психоанализа.

На основе классических и более поздних теорий Кернберг разработал *современную психоаналитическую модель личности в норме и патологии*. По мнению Кернберга, центральная роль в развитии и структуре личности принадлежит аффектам: «*Аффекты связывают ряды недифференцированных Я — и объект репрезентаций таким образом, что постепенно создается сложный мир интернализированных объектных отношений, окрашенных удовольствием или неудовольствием*» [39. С. 33].

Исследуя аффекты, Кернберг уделяет особое внимание психическим дериватам двух основных влечений — агрессивного и либидонозного. Он тщательно прослеживает различные проявления агрессии, деструктивности, ненависти и одновременно любви и сексуальности в норме и патологии. Кернберг пишет: «*Любовь и ненависть становятся стабильными интрапсихическими структурами, представляя собой две динамически детерминированные, внутренне согласованные, стабильные рамки организации психического опыта и поведенческого контроля в своей генетической преемственности на всех стадиях развития человека*» [39. С. 34].

В работе «Агрессия при расстройствах личности» Кернберг не только пересматривает психоаналитическую теорию аффектов, но и предлагает собственную классификацию и характеристику ряда психических расстройств с точки зрения их связи с агрессией. Подробными клиническими примерами Кернберг иллюстрирует основные принципы и методы работы с пациентами, имеющими нарушениями личности; отдельно останавливается на проблеме перверсий и их связи с различными уровнями организации личности [39].

В настоящее время Отто Кернберг известен как крупнейший специалист в области *тяжелых расстройств личности*, длительное время считавшихся недоступными психоаналитическому лечению. Важным достижением Кернберга явилось

формулирование структурных особенностей пациентов с тяжелыми расстройствами личности. Вследствие своей практической работы с нарциссическими расстройствами Кернберг посвятил специальное исследование вопросам *патологического нарциссизма*. Теоретически О. Кернберг относит нарциссических пациентов к подгруппе пациентов с пограничной личностной организацией, но практически он выделяет их в отдельную категорию, подчеркивая, что нарциссическим пациентам свойственно лучшее, чем у пограничных пациентов, социальное функционирование, у них более выражен контроль импульсивности и выше толерантность к тревоге.

Исследуя патологический нарциссизм, Кернберг отграничивает его от других феноменов, выделяя три основные формы нарциссизма: *нормальный инфантильный*, *нормальный взрослый* и *собственно патологический*. В свою очередь, патологический нарциссизм, по его мнению, бывает двух видов: с нарциссическим выбором объекта при гомосексуальности и с выраженностью патологического грандиозного Я.

То, что специфично для нарциссических пациентов и отличает их от пограничных, — это необычно «раздутое» представление о себе и огромная потребность в восхищении и одобрении. При прекращении внешнего нарциссического обеспечения (подпитки самоуважения восхищением) они чувствуют беспокойство и скуку. Нарциссические пациенты идеализируют тех, от кого ожидают нарциссического удовлетворения, обесценивают и презирают остальных. В силу специфических особенностей нарциссические личности отрицают нормальную зависимость от внешних объектов. «Зависеть» означает для них завидовать, ненавидеть и иметь риск эксплуатации [39].

При патологическом нарциссизме не происходит нормальной интеграции Супер-Эго; интернализуются лишь чрезмерно высокие родительские требования, которые в своем примитивном агрессивном качестве не интегрируются с любящими аспектами Супер-Эго. Глубинный образ Я нарциссических пациентов О. Кернберг описывает как голодное, пустое Я, полное гнева из-за фрустраций и обнаруживающее себя в мире, полном ненависти и мести. При этом Кернберг постулирует, что нарциссическая личность обычно имеет интегрированный Я-образ (в отличие от пограничной личности), но этот Я-образ является патологическим и грандиозным. Однако нарциссическая личность демонстрирует недостаточную интеграцию образа значимых других [42].

Особое внимание в своих работах О. Кернберг уделяет *агрессии у нарциссических личностей*. По его мнению, некоторые нарциссические личности, функционирующие на более высоком уровне, могут проявить сублиматорную интеграцию агрессии с относительно адаптивными эго-функциями, достигая амбициозных целей. По отношению *к* остальным могут быть обнаружены три варианта: 1) пограничное функционирование нарциссических личностей с выраженной импульсивностью, склонностью к параноидному развитию и нарциссическому гневу; 2) манифестация садистических перверзных фантазий; 3) злокачественный нарциссизм с прямой инфильтрацией патологического грандиозного Я примитивной агрессией. В последнем, наиболее тяжелом случае пациент достигает триумфа над страхом и болью, вызывая страх и причиняя боль другому [39].

О. Кернберг использует термин «структурный анализ» для описания отношений между структурными характеристиками объектных отношений и различны-

ми уровнями организации психического функционирования. Кернберг разделяет ту точку зрения, что существуют *три структурные организации личности*: 1) *невротическая*; 2) *пограничная*; 3) *психотическая*. Основными структурными критериями уровня личностной организации являются: уровень интеграции идентичности, уровень защитных операций, способность к тестированию реальности.

Особое внимание Кернберг уделяет определению пограничной структуры или организации личности, которая, по его мнению, имеет ряд специфических признаков. *К признакам пограничной личностной организации относятся*:

1) диффузная (или размытая) идентичность — наличие частичных и противоречивых образов себя;
2) преимущественное использование примитивных защитных механизмов (расщепления, проективной идентификации, примитивных идеализации и обесценивания, отрицания и т. п.);
3) достаточная способность к тестированию (оценке) реальности и дифференциации собственных переживаний и внешних событий [41].

Первые два критерия объединяют пограничную организацию личности, по Кернбергу, с более тяжелыми психотическими расстройствами. Третий — с более легкими невротическими расстройствами и нормой.

Диффузия идентичности определяется недостаточной интеграцией Я-концепции или концепции значимых других. Это обнаруживается в переживании пациентом хронической пустоты, в противоречивых самовосприятиях, нелогичном поведении, в обедненных и противоречивых восприятиях других и в неспособности выражать свои переживания и описывать значимые взаимодействия с другими в беседе с интервьюером (который, в свою очередь, испытывает трудности эмпатического контакта с такими пациентами).

По контрасту с невротической личностной организацией, где защитная организация пациента базируется на подавлении и других развитых или высокоуровневых защитных операциях, пограничный и психотический уровни организации демонстрируют преимущественно *примитивные защиты*, основанные на механизме расщепления. Расщепление и другие связанные с ним механизмы (примитивная идеализация, проективная идентификация, отрицание, всемогущий контроль и обесценивание) защищают Эго от конфликта диссоциированных противоречивых переживаний себя и значимых других. Наличие расщепления и сопутствующих им защитных механизмов может быть выявлено при анализе личности пациента как отражающееся во взаимодействиях одновременно и со значимыми другими, и с интервьюером.

И на невротическом, и на пограничном уровне личностной организации в отличие от психотического уровня *способность к тестированию реальности* сохраняется. Для невротической личностной организации характерна более реалистическая и глубокая оценка себя и других, для пограничной личностной организации — переменчивость, неустойчивость оценок реальности.

Пограничная личностная организация также обнаруживает себя во вторичных структурных характеристиках, таких как неспецифические проявления слабости Эго (отсутствие контроля импульса, низкая толерантность к тревоге и отсутствие развитых каналов сублимации), патология Супер-Эго (инфантильная или амо-

ральная система ценностей, противоречивые внутренние моральные требования, даже антисоциальные черты), и в хаотичных объектных отношениях.

Для постановки структурного диагноза О. Кернберг в сотрудничестве с М. Стоуном разработал *структурное интервью* (приложение 2). Постановка диагноза опирается на интерпретацию вербального и невербального взаимодействия пациента и интервьюера. Особое внимание обращается на такие критерии, как доступность понимания пациентом психоаналитических процедур, отношение к пробным интерпретациям защитных механизмов и манипулятивных трансакций, уровень защит, степень интеграции самоидентичности и качество тестирования реальности [42]. «*При таком подходе внимание направлено на симптомы, конфликты и сложности, характерные для данного пациента, и особенно на то, как они проявляются “здесь и сейчас” во взаимодействии с терапевтом. Мы предполагаем, что концентрация внимания на основных конфликтах пациента создает необходимое напряжение, которое позволяет проявиться его основной защитной и структурной организации психических функций*» [42. С. 18].

Понятие «пограничная личностная организация» рядом авторов считается диагностически неспецифичным на том основании, что структурный диагноз пограничной личностной организации, по Кернбергу, эквивалентен клиническому диагнозу любого из личностных расстройств. О разногласиях, существующих между аналитическими теоретиками в вопросе о том, должен ли термин «пограничный» обозначать «уровень личностной организации» или «тип личности», пишет и Н. Маквильямс (1998 год). Она считает возможным придерживаться представлений О. Кернберга, поскольку «его модель имеет большее влияние на клиническую практику» [68].

Экспрессивная психотерапия, разработанная Кернбергом, расширила возможности психоаналитиков за счет изменения некоторых параметров классической техники. Первой особенностью техники экспрессивной психотерапии является акцент аналитика на интерпретациях «здесь и сейчас», то есть анализ взаимоотношений пациента и аналитика и тех примитивных частичных объектных отношений, которые возникают между ними в ситуации лечения и отражают Я — и объект репрезентации пациента и связывающие их аффекты: «*На практике мой подход требует в начале каждой сессии воздерживаться от интервенции до тех пор, пока вербальные коммуникации пациента и его невербальное поведение, общая эмоциональная атмосфера и мой контрперенос не наведут меня на доминирующую аффективную тему*» [39. С. 112].

Вторая отличительная особенность состоит в сознательном отступлении Кернберга от принципа технической нейтральности в форме расспросов, объяснений, запретов, советов, введения условий продолжения терапии, раскрытия контрпереноса и т. п. Переход к «классической» психоаналитической технике в работе с такими пациентами возможен, по мнению Кернберга, лишь на поздних этапах лечения, когда структура их личности становится преимущественно невротической. Лишь тогда терапевт может обратиться к анализу невротических, эдиповых, конфликтов пациента и интерпретациям «там и тогда», касающимся текущей жизни пациента и его прошлого, и более твердому соблюдению технической нейтральности.

На начальной стадии анализа нарциссических личностей выраженность нарциссической идеализации и неспособность пациента абсорбировать интерпретации требует от аналитика «холдинговой» функции, корреспондирующей с фазой

«кокона» в анализе, поэтому дозированное и постепенное использование интерпретации на начальных фазах терапии становится центральной тактикой, на смену которой приходит этап более активных интерпретаций. О. Кернберг настаивает на интерпретации проявлений грандиозного Я в позитивном и негативном трансферах как на основном принципе психотерапии нарциссических пациентов. Сочетание двух стратегий — толерантности аналитика и его настойчивой интерпретации патологических личностных механизмов — позволяет пациенту интегрировать позитивные и негативные аспекты в трансфере — идеализацию и доверие с гневом, презрением и параноидным недоверием.

Работы Отто Кернберга позволяют сформировать наиболее полное представление о теории и практике психоанализа в наши дни.

***

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые *выводы о тенденциях развития современного психоанализа*. Поскольку большинство из вновь появляющихся теорий интегрируют в себе различные идеи и концепции, можно говорить о том, что психоанализ успешно миновал этап дифференциации в форме появления конкурирующих идей, вступив в стадию *интеграции накопленных психоаналитических знаний*. Поздние работы Фрейда инициировали появление двух концептуальных направлений — теории объектных отношений и эго-психологии, которые в настоящее время вышли на передние рубежи психоаналитической науки. Одновременно с этим сохраняется достаточное количество психоаналитиков, исповедующих как классический подход Фрейда, так и учения его ближайших последователей.

Еще одной важной особенностью психоанализа является неразрывная связь психоаналитической теории и практики. Описывая современные школы психоанализа, мы столкнулись с трудностью разделения их концептуальных и клинических аспектов. И хотя психоанализу как методу лечения специально посвящена следующая глава, в данном разделе практика психоанализа была уже достаточно широко представлена в виде описания работы отдельных, наиболее ярких психоаналитиков.

ГЛАВА 4

Психоаналитическая психотерапия

Психоанализ как метод лечения неврозов

Психоанализ — инструмент, дающий возможность Я добиваться поступательной победы над Ид.

З. Фрейд

Обзор психоаналитических теорий дает общее представление о психоанализе как научном знании, но оставляет открытым вопрос о том, в чем заключается работа психоаналитика. Данная глава посвящена обсуждению методических аспектов психоанализа. При описании психоаналитической техники мы опирались прежде всего на труды З. Фрейда, Е. Гловера, О. Фенихеля, Р. Гринсона, Х. Томэ и Х. Кэхеле, О. Кернберга, М. М. Решетникова, А. И. Куликова, а также личный опыт тренингового анализа (обучающего анализа у сертифицированных аналитиков) и собственную многолетнюю практику психоаналитически ориентированной психотерапии.

Психоанализ по праву можно отнести к одному из наиболее технологичных направлений современной психологии, поскольку вопрос о методе лечения всегда был и продолжает оставаться его центральной темой. Организованная в 1957 году в Париже (в рамках XX конгресса Международной психоаналитической ассоциации) дискуссия «Разновидности классической психоаналитической техники» убедительно продемонстрировала многообразие точек зрения в отношении терапевтических процедур, используемых психоаналитиками [23]. В настоящее время термин «психоанализ» применяется к разным методам, нередко основанным на личных предпочтениях их авторов.

В связи с существующими различиями в современном психоанализе выделяются два основных варианта — *классическая техника* и *психоаналитическая терапия*, — к которым примыкают динамическая психиатрия и психодинамическая психотерапия. В отношениях между отдельными группами отмечаются выраженная фракционность, закрытость вплоть до взаимного неприятия. Аналитики не склонны к открытому обсуждению своей практической деятельности в силу разных причин, в том числе вследствие сугубо конфиденциальных терапевтических отношений с пациентом и сложных контрпереносных (возникающих в ответ на

реакции пациента) чувств самого терапевта. И хотя необходимая консолидация психоаналитического сообщества пока еще не достигнута, между перечисленными подходами изначально существует *общая рабочая платформа*, основные положения которой рассматриваются далее на примере *классического психоанализа* и *психоаналитической терапии*.

Психоанализ появился как метод изучения и лечения неврозов. В предыдущих разделах было показано, что в соответствии со структурной теорией *психоневрозы* базируются на невротическом конфликте — столкновении между импульсами Ид, стремящимся к разрядке, и защитами Эго, предотвращающими одновременно и нежелательные действия, и доступ болезненного материала к сознанию. Внешний мир также играет важную роль в формировании невроза, но для того, чтобы возник невротический конфликт, он должен переживаться как внутреннее противоречие между производными Эго и Ид. Супер-Эго выполняет более сложную задачу. Эта инстанция делает инстинктивные импульсы и социально неодобряемые действия запретными для Эго, вызывая болезненное чувство вины даже за символическую разрядку. Эго вынуждено постоянно тратить энергию на то, чтобы не дать опасным тенденциям пробиться к сознанию. Эго становится все менее способным справляться с усиливающимися напряжениями и в итоге оказывается переполненным ими, переходя в состояние «запруженности». Непроизвольные разрядки переживаются личностью как снижение сознательного контроля, а клинически — как симптомы психоневроза. Термин «невротический конфликт» используется в единственном числе, хотя у каждого пациента на каждом этапе жизни имеется более чем один конфликт [162].

В процессе накопления клинических данных Фрейд неоднократно вносил изменения в собственный метод лечения неврозов. На самых первых порах он ограничивался использованием общепринятых терапевтических процедур того времени — электростимуляцией, водолечением, массажем и т. д. Не удовлетворенный результатами, в 1887 году Фрейд начал использовать гипноз, обучившись этому у Жана-Мартена Шарко.

Своим возникновением в том виде, в котором мы его знаем, психоанализ обязан *катартическому методу Йозефа Брейера*, основанному на открытии, что истерический симптом исчезал всякий раз, когда пациент мог вспомнить о событии, которым этот симптом был спровоцирован. Терапевт гипнотизировал пациента и пытался заставить его вспомнить травматическое событие, чтобы вызвать исцеляющий катарсис (очищение). У Анны О., которую Брейер лечил в 1880–1882 годах, бывали спонтанные гипнотические трансы, во время которых она переживала вновь прошлые травматические события, вследствие чего наступало частичное исцеление. Таким образом, опыт Анны О. проложил путь для метода катартической терапии, сама она называла это «лечение разговором», или «прочисткой труб» [25].

В случае Эммы фон Н. (1889 год) Фрейд впервые использовал гипноз с целью достижения катарсиса. Его терапевтический подход состоял в следующем: он гипнотизировал пациентку и приказывал ей рассказать о происхождении каждого из ее симптомов. Он спрашивал, что испугало ее, что вызвало рвоту или опечалило ее, когда происходили те события, и т. д. Пациентка отвечала серией воспоминаний, что часто сопровождалось сильным аффектом. В конце сеанса Фрейд внушал пациентке, чтобы она забыла расстраивающие ее воспоминания.

К 1892 году Фрейд осознал, что его способность гипнотизировать пациентов ограничена. Он вспомнил, как Бернхейм продемонстрировал, что пациентов можно побудить вспомнить забытые события просто путем внушения в бодрствующем состоянии. Фрейд пришел к предположению, что пациенты знают все, что имело для них патогенное значение, и вопрос только в том, чтобы побудить их сообщить это. Он предлагал пациентам лечь, закрыть глаза и сконцентрироваться. Он надавливал на лоб и настойчиво говорил, что воспоминания должны появиться. Элизабет фон Р. (1892 год) была первой пациенткой, которую Фрейд вылечил внушением в бодрствующем состоянии. К 1896 году он совершенно отказался от гипноза в пользу внушения наяву [23, 25, 162].

Не совсем ясно, когда Фрейд отошел от использования внушения в качестве основного терапевтического инструмента. Вследствие работы со сновидениями Фрейд получил возможность все более и более полагаться на *свободные ассоциации* — спонтанное продуцирование материала пациентом. Э. Джонс описывает случай, когда Фрейд настойчиво расспрашивал Элизабет фон Р. и она упрекнула его в том, что он прерывает ход ее мыслей. Позже Фрейд последовал ее совету, что означало отказ от метода внушения и переход к технике свободных ассоциаций. Сам Фрейд так описывал открытую им процедуру: «*Не оказывая какого-либо давления, аналитик предлагает пациенту лечь удобно на софе, тогда как сам он сидит на стуле за ним, вне поля зрения пациента* <...> *Для того чтобы добиться идей и ассоциаций, аналитик просит пациента “позволить себе войти” в такое состояние, “как если бы они беседовали бесцельно, бессвязно, наугад”*» [23. С. 27].

В 1896 году в статье «Об этиологии неврозов» Фрейд ввел в научный обиход понятие «психоанализ». В ходе дальнейшей работы он сформулировал основные принципы и положения метода, который мы сегодня называем *классический психоанализ*, или просто *анализ* [64].

Процедура свободной ассоциации составляет основное правило психоанализа, которое заключается в том, что пациент должен говорить все, что приходит ему в голову (без стыда, страха негативной оценки или стремления произвести хорошее впечатление). Это единственный метод коммуникации для пациентов в ходе психоаналитического лечения. Со стороны же аналитика наиболее важным инструментом со времен Фрейда и до наших дней продолжает оставаться *интерпретация*. Эти две технические процедуры — свободные ассоциации и интерпретация — выделяют психоаналитическую терапию на фоне множества иных методов. Другие способы взаимодействия используются как вспомогательные средства, но не являются основными и типичными для классического психоанализа.

Одним из теоретических «столпов психоанализа» является положение, в соответствии с которым невротический конфликт берет свое начало в раннем периоде жизни индивидуума, вследствие чего для его разрешения требуется движение назад. В связи с этим феномен регрессии имеет для терапии особое значение. Согласно современным взглядам, *под регрессией понимается возврат к менее зрелому уровню психического развития* [84. С. 182]. Иными словами, это появление того способа функционирования, который был характерен для психической деятельности индивида на ранних этапах его развития. Многие формы регрессии появляются только временно и являются обратимыми.

Фрейд ввел понятие регрессии в своем исследовании сновидений в связи со сформулированной им топологической моделью психического аппарата: «*Мы говорим о регрессии, если в сновидении представление снова преобразуется в чувственный образ, из которого оно когда-то возникло*» [137].

Что касается психоаналитических методов лечения, то в 1914 году Фрейд писал о том, как открытие психического процесса, который он позже назвал регрессией, существенно видоизменило развитие аналитической техники. «*Мы направляли внимание больного непосредственно на травматизирующее событие, во время которого впервые появился данный симптом, старались разгадать в нем психический конфликт и освободить подавленный аффект*» [162].

Другой важный технический момент состоит в том, что отношения между пациентом и врачом признаются главным терапевтическим фактором в процессе психоаналитической терапии. Фрейд отмечал: «*Первой целью лечения остается задача расположить его [пациента] к лечению и к личности врача. Для этого нельзя сделать ничего иного, как только предоставить пациенту достаточное количество времени. Если к пациенту выказывают серьезный интерес, тщательно устраняют появляющиеся в начале лечения различные проявления сопротивления и избегают явных промахов, такое расположение появляется у него само собой; в своем воображении он причисляет врача к тем лицам, в которых он привык видеть проявления любви*» [8].

Еще более важным психоаналитическим понятием и одновременно терапевтическим фактором является *рабочий альянс*. Р. Гринсон характеризует рабочий альянс как относительно неневротический, рациональный прямой контакт между пациентом и его аналитиком. Эта разумная часть эмоций пациента, направленных на аналитика, создает рабочий союз, отличный от невроза переноса. Фактическое проявление рабочего альянса состоит в готовности пациента выполнять различные процедуры психотерапии, в способности работать аналитически с теми инсайтами, которые вызваны регрессией или причиняют страдание [23].

Для успешного прохождения анализа отношения между терапевтом и пациентом должны преобразоваться в рабочий альянс. Альянс формируется между сознательным Эго пациента и анализирующим Эго аналитика. Это важное условие успешного анализа, поскольку рациональные установки позволяют пациенту доверять терапевту и сотрудничать с ним, несмотря на дезорганизующее влияние интенсивных «иррациональных» реакций переноса. Важной вехой прогресса в развитии отношений рабочего альянса является временная и частичная идентификация пациента с отношением аналитика и его методами работы, которые пациент начинает применять во время терапевтических сессий. Р. Гринсон подчеркивает, что способность пациента формировать относительно мягкие, то есть десексуализированные и лишенные агрессии, отношения зависит от наличия в его прошлом опыте паттернов подобного рода [23]. Сказанное не означает, что в рабочем альянсе должны отстутствовать любые негативные чувства. Угрозу для анализа представляют не чувства вообще, но трудноконтролируемый прорыв влечений, не поддающихся компромиссу, не терпящих фрустрации и стремящихся утвердиться в анализе, вытесняя, таким образом, осознанные цели терапии, подменяя их собой [103].

Фрейд признавал, что при определенных условиях отношение пациента к врачу может нарушаться, создавая *сопротивление* — «наихудшее препятствие» для

терапии. Это может произойти, если пациент почувствует к себе пренебрежение, станет сексуально зависимым или *перенесет* на фигуру врача переживания из своего прошлого. Проявления сопротивления и переноса следует выводить на сознательный уровень, после чего необходимо побуждать пациента к общению, несмотря на его противоречивые чувства. Таким образом, Фрейд открыл явления сопротивления и переноса, рассматривая их как помехи в терапевтической работе. На начальных этапах своего развития психоанализ был нацелен на восстановление травматических воспоминаний с последующим отреагированием болезненных переживаний и достижением катарсиса, в связи с чем реакции переноса и сопротивления следовало обойти или преодолеть.

Постепенно Фрейд перешел от симптоматической терапии к комплексному анализу невроза. Он более не старался прояснить каждый симптом, а предлагал пациенту самому выбирать тему сессии, начиная терапевтическую работу с очевидных проявлений бессознательного в данный момент. Новый акцент был теперь сделан на том, чтобы бессознательное стало сознательным, на устранении амнезии и восстановлении вытесненных воспоминаний. Сопротивление было соотнесено с теми силами, которые вызывают вытеснение. Гипноза и внушения следует избегать, поскольку последние маскируют сопротивления и мешают выявить психические силы, действующие в пациенте. В случае игнорирования сопротивления можно получить лишь неполную информацию и достичь временного терапевтического успеха. Аналитик должен использовать искусство интерпретации для того, чтобы преодолеть сопротивление и устранить вытеснение.

В 1905 году Фрейд впервые подчеркнул решающую роль переноса. «*Перенос, которому, кажется, предопределено было быть самой большой помехой психоанализу, становится его самым могучим союзником, если каждый раз его присутствие может быть обнаружено и объяснено пациенту*» [23. С. 31].

С 1912 года последовательный анализ переноса и сопротивления стал центральным элементом терапевтического процесса. Фрейд предостерегал против удовлетворения переноса (отход аналитика от терапевтических отношений посредством его вовлечения в привычные для пациента переносные отношения), для чего он предлагал терапевту быть непроницаемым и сохранять свою анонимность. В «Лекциях по введению в психоанализ» Фрейд предпринял попытку раскрыть взаимосвязь отыгрывания, переноса и сопротивления, показывая, что перечисленные терапевтические процессы возникают в обход сознания пациента (автоматически) как результат *навязчивого повторения* [84].

Фрейд использовал термин «невроз переноса» для обозначения того, что во время психоанализа пациент проецирует свои прежние конфликты и переживания на личность аналитика, разыгрывая привычные для него сценарии отношений. Этот процесс становится возможен благодаря тому, что пациент мало знает о терапевте, который занимает относительно нейтральную и анонимную позицию. В результате анонимности терапевта и склонности к навязчивому повторению пациента у последнего формируется невроз переноса — своеобразное повторение детского невроза [84].

Фрейд признавал, что при анализе переноса становится возможной перестройка Я. Таким образом, в ходе развития психоаналитического метода отреагирова-

ние перестало быть главной задачей терапии и внимание аналитика переместилось на область переноса и сопротивления. Конечной целью психоанализа стало увеличение относительной силы Эго по отношению к Супер-Эго, Ид и внешнему миру [120].

Описывая технику психоанализа, Р. Гринсон использует два основных понятия — *техническая процедура* и *терапевтический процесс*. Под технической процедурой понимаются: приемы, инструменты, действия и средства, используемые терапевтом или пациентом в целях содействия терапевтическому процессу. Гипноз, внушение, свободная ассоциация, интерпретация — примеры технических процедур, применяемых Фрейдом на начальных этапах психоанализа. Термин «терапевтический (аналитический) процесс» используется применительно к взаимосвязанным событиям, происходящим внутри пациента в ходе терапии. Регресс, отреагирование, восстановление вытесненного материала, инсайт — терапевтические процессы [23].

От других методов психотерапии анализ отличается специфическими требованиями и ограничениями. *Аналитическая ситуация* определяется тем, что терапия происходит в заданных условиях, в определенное время и с определенной частотой (в классическом варианте 4–5 раз в неделю). Такие условия стимулируют *аналитический процесс*, способствующий возникновению у пациента временной регрессии, при которой пробуждаются прежде бессознательные (вытесненные) воспоминания, запретные детские желания и фантазии.

Проведение терапии в условиях, когда пациент находится в положении лежа и максимально расслаблен, а воздействие внешних раздражителей сведено к минимуму, лучше всего подходит для того, чтобы направить внимание пациента на его внутреннее состояние, на внутреннее пространство его переживания. Располагаясь за пределами поля зрения пациента, терапевт облегчает развитие уже заключенных в нем фантазий переноса, обращенных к личности терапевта, не препятствуя им своим реальным присутствием. Благодаря такому расположению внимание обоих участников аналитического процесса направляется на внутренний мир пациента. Такое расположение также означает исключение невербальной коммуникации (мимики и жестов), что нередко становится предметом критических замечаний оппонентов психоанализа [8].

Наряду с обстановкой для понимания скрытого материала служит заключение терапевтического контракта, состоящее в достижении четкого соглашения относительно реальных условий, в которых проводится лечение. Так, в начале терапии должны быть оговорены предполагаемая длительность лечения, периодичность и продолжительность сеансов, вид финансирования, специальные финансовые вопросы (оплата сессии в случае пропуска встречи без предварительного предупреждения), границы дозволенного и другое.

Необходимое для терапевта соблюдение *правила воздержания* (*абстиненции*) означает, что он, в свою очередь, отказывается от удовлетворения желаний пациента, например в личной информации о терапевте или более близких отношениях с ним. Нейтральная позиция терапевта позволяет снизить проявления отыгрывания (повторения прежних паттернов поведения), выявить перенос и вербализовать фантазии и переживания пациента. Нейтральность психоаналитика требует от него усилий, особенно на первых этапах терапии, когда пациент учится при-

нимать ее правила и ограничения, невольно пытаясь побудить терапевта действовать по своим «правилам».

Х. Томе и К. Кехеле, отмечая дискуссионный характер вопроса, разделяют современные терапевтические методы на специфические и неспецифические средства. Примерами специфических аналитических средств, по мнению авторов, являются: инсайт, интерпретация переноса и сопротивления, конфронтация, прояснение, реконструкция личности через вопоминание прошлых переживаний. Одновременно с этим авторы анализируют многочисленные «неспецифические подходы», в том числе терапию, основанную на эмоциональном опыте (Ференци, Ранк, Кохут), в рамках которых упор делается на удовлетворение нарциссических потребностей пациента и компенсацию дефицитов в его объектных отношениях. Авторы приходят к выводу, что между перечисленными средствами не существует антагонизма, что они взаимно дополняют друг друга, а их применение зависит от ситуации [107].

По мнению Р. Гринсона, техники работы можно разделить на аналитические, неаналитические и антианалитические [23].

В анализе используются *четыре основные аналитические процедуры*: *конфронтация, прояснение, интерпретация* и *проработка*. При этом различные авторы единодушно признают интерпретацию самой важной технической процедурой психоанализа, обеспечивающей достижение главной его цели — повышения способности пациента понимать самого себя.

Конфронтация обычно составляет первый шаг анализа. Конфронтация имеет место всякий раз, когда терапевт помогает пациенту обнаружить какой-либо факт (феномен), который впоследствии должен стать осознанным. Например, терапевт может обратить внимание пациента на избегание им какой-либо темы, или опоздания, или конкретные противоречия в его рассказе, или повторяющиеся события в его жизни. Постепенно пациент перестает отрицать очевидные факты, определяя для себя прежде неосознаваемые конфликтные зоны.

После того как избегаемый феномен становится «видимым», можно перейти к *прояснению* значимых деталей: в каких ситуациях проявляется то или иное действие, к чему приводит, как именно это происходит, как реагируют окружающие и т. д. Данная техническая процедура требует терпения и деликатности от аналитика, который не должен спешить и всякий раз должен идти за пациентом, используя каждый удобный случай для прояснения важных деталей. После того как конфронтация и прояснение были осуществлены в достаточной для пациента мере (при условии достигнутого к этому моменту терапевтического альянса и контролируемого сопротивления), пациент оказывается подготовленным к главной процедуре анализа — *интерпретации*. Р. Гринсон подчеркивал: «*Интерпретировать означает делать бессознательный феномен сознательным. Более точно это означает делать осознанным бессознательное значение, источник, историю, форму или причину данного психического события. Это обычно требует не одного, а нескольких вмешательств*» [23. С. 57].

Интерпретация может предлагаться в форме предположения, утверждения, вопроса или метафоры. В психоанализе используют три основных вида интерпретации: *генетическую*, *символическую* и *структурную*. В первом случае явление анализируется в контексте инфантильного опыта клиента. Например, обсуждая ситуации, когда пациент утрачивает контроль над употреблением алкоголя, тера-

певт может предположить: «Похоже, что у вас появляется трудноконтролируемое желание выпить всякий раз, когда вы испытываете чувство отвержения, подобно тому как в детстве вы прятались в шкаф и ели конфеты, когда родители оставляли вас одного». При символической интерпретации обсуждается скрытое значение симптома или иного феномена, например: «На символическом уровне алкоголь становится для вас объектом, который идеально заботится о вас — успокаивает, поддерживает, согревает». В свою очередь, структурная интерпретация предполагает анализ явления сквозь призму взаимодействия трех психических инстанций. Это может выглядеть, например, так: «Алкоголь становится единственной мерой, с помощью которой можно снизить тревогу и примирить вашу агрессию к близким людям и чувство вины перед ними».

Для интерпретации аналитик использует собственное бессознательное, свои эмпатию и интуицию, а также глубокие теоретические знания. Интерпретация порождает инсайт — мгновенное «озарение», догадку, новое ви́дение, которое соединяет бессознательные проявления и осознанные факты в одно целое. Благодаря систематическим инсайтам происходят искомое понимание и интеграция различных частей Эго пациента.

Четвертый шаг при анализировании — *проработка*. Это та аналитическая работа, которая направлена на углубление понимания и создание условий для реальных изменений. Проработка прежде всего связана с детальным исследованием сопротивлений — того, что препятствует достижению желательных изменений. Она также предполагает углубленное исследование интрапсихического конфликта, тревоги, защит и переносных реакций. Часть работы выполняется пациентом вне сессий. Проработка требует наибольшего времени по сравнению с другими процедурами психоанализа. Инсайт не приводит к моментальным изменениям в поведении. Быстрые изменения обычно непродолжительны. Как правило, требуется много времени, чтобы преодолеть значительные силы, которые сопротивляются изменению, и создать прочные структурные сдвиги. Перечисленные процедуры могут следовать одна за другой в любом порядке в зависимости от особенностей пациента и его способности воспринимать интерпретации.

Неаналитические процедуры также используются в анализе, например на начальных этапах или в качестве предварительных мер для решения основных задач. Так, в ходе отреагирования, в соответствии с другой терминологией — «отыгрывания вовне» (повторения в терапии привычных непродуктивных паттернов поведения), пациент достигает некоторой разрядки влечений, частично освобождая Эго и «расчищая дорогу» для последующего инсайта.

Антианалитическими процедурами являются те, которые блокируют или уменьшают способности к инсайту и пониманию. В качестве подобных действий можно назвать назначение некоторых медикаментов и интоксикантов, советы, быстрое и легкое утешение, некоторые виды удовлетворения переноса пациента, отвлечение внимания и т. д. [23].

Возникающее в терапии неудовольствие анализируемый может выносить только тогда, когда его отношения к аналитику окрашены положительно, то есть когда он заново переживает в аналитике ранний объект, от которого он, по Фрейду, «привык получать любовь». Другими словами, должны возникнуть отношения достаточного доверия между ним и психоаналитиком, чтобы осу-

ществились отношения ожидания целительного изменения. Без такой надежды анализируемый не сможет полностью включиться в довольно трудоемкий психоаналитический процесс и достичь ожидаемого успеха в решении поставленных задач.

Поскольку аналитическая работа определяется конкретными аналитическими целями, постольку анализ не может быть «бесконечным». По мере разрешения симптомов становится возможным окончание лечения. Завершение анализа является непростым делом. Х. Томе и Х. Кехеле указывают на различные драматические коллизии, подстерегающие аналитика и пациента на финальной фазе терапии. К числу негативных проявлений относятся: прерывание терапии пациентом без достижения взаимного согласия; разочарование в работе с одной или обеих сторон и обесценивание ее результатов; невозможность пациента сепарироваться от терапевта; стремление терапевта к слишком длительному лечению для «полного» разрешения невроза переноса и другие [108].

В наиболее благоприятном варианте вопрос о завершении терапии должен быть результатом взаимного согласия. В работе 1937 года «Конечный и бесконечный анализ» Фрейд сформулировал два основных условия, необходимых для завершения анализа: «*Первое, пациент не должен больше страдать от своих симптомов и должен преодолеть свои тревоги и торможения; и второе, аналитик должен прийти к заключению, что так много вытесненного материала дошло до сознания, так много из того, что было неразборчивым, теперь объяснено и так много внутреннего сопротивления побеждено, что нет необходимости опасаться повторения связанных с этим патологических процессов*» [125].

Признавая важность замечаний Фрейда, различные авторы ориентируются на разные критерии завершения лечения. К последним относятся: структурные изменения, возникшие благодаря глубокой проработке бессознательных конфликтов; повышение способности пациента к самоанализу; умение справляться с тревогой; способность понимать себя и достигать необходимых изменений; повышение способности ориентироваться на требования реальности; разрешение невроза переноса [8, 23, 108, 110, 111, 198].

Таким образом, в наиболее общем виде *цель психоанализа* определяется как повышение сознательного контроля пациента над его собственной психической жизнью. Невроз переноса, возникающий в аналитическом процессе, позволяет аналитику понять, какие установки, чувства, конфликты и компромиссные образования пациента проявляются как остатки вытесненных впечатлений, отношений и травм. Аналитик интерпретирует представленный материал, доводя его тем самым до сознания пациента, вызывая его инсайты. В ходе длительного лечения (от года до пяти — семи лет) выявленная бессознательная продукция подвергается проработке, достигается интеграция прошлого с настоящим, устраняя ограничения (симптомы), вызванные бессознательными конфликтами. Аналитическая ситуация предполагает некую стабильную систему, внутри которой пациент и аналитик взаимно мобилизуют интрапсихические процессы, побуждающие пациента к изменению, по мере того как возникающее в нем напряжение отслеживается и интерпретируется аналитиком.

К основным терапевтическим факторам, обеспечивающим успех терапии, относятся: терапевтические отношения и ограничения, свободные ассоциации

и анализ сновидений, интерпретации аналитика и инсайты пациента, анализ переноса и сопротивления, нейтральность терапевта и повышение чувства реальности пациента. Достижение анализируемым все более высокого уровня зрелости Эго посредством формирования невроза переноса и его проработки в аналитической ситуации может рассматриваться как суть анализа.

Перенос, сопротивление и контрперенос

Преодоление сопротивлений является той частью нашей работы, которая требует наибольших затрат времени и усилий. Однако она стоит этого, так как ведет к благоприятному изменению Я.

З. Фрейд.

Понятия «перенос», «сопротивление» и «контрперенос» составляют главную теоретико-методическую базу для проведения психоаналитической терапии и требуют дополнительного обсуждения.

Как отмечалось выше, *под переносом (трансфером*) в психоанализе понимают «*перемещение чувств, мыслей и поведения, первоначально относившихся к значимым людям из детства, на человека, включенного в текущие межличностные отношения*» [84. С. 138]. Другими словами, это воспроизведение в аналитической ситуации значимых (положительных, негативных или травматичных) отношений из прошлого опыта, и прежде всего с родительскими фигурами. Данный феномен носит преимущественно бессознательный характер и определяет сущность аналитической ситуации. Явными признаками переноса считают неадекватность чувств пациента по отношению к действиям аналитика и аналитической ситуации, чрезмерную интенсивность переживаний пациента, явное сходство актуальных психических проявлений с чувствами, мыслями и действиями в прошлом.

По преобладающим в переносе переживаниям различают *позитивный перенос* с доминированием положительных чувств пациента, *эротизированный* — наполненный явными сексуальными фантазиями и переживанями, *негативный* — с преобладанием агрессивно-деструктивных влечений и аффектов. На практике часто имеют место различные варианты и сочетания перечисленных форм: сложные смешанные, амбивалентные, или чередующиеся, паттерны переноса. Очевидно, что подобная классификация является упрощенной, тем не менее она общепринята [56].

Р. Гринсон, так же как А. Фрейд, предлагает соотносить паттерны переноса со стадиями психосексуального развития: «*Это означает, что мы можем распределить по категориям реакции пациента на его аналитика с точки зрения инстинктивных целей, инстинктивных зон и тревог, отношений и ценностей в соответствии с этими инстинктивными компонентами*» [23. С. 198].

Например, оральный перенос будет проявлять себя преувеличенным вниманием к каждому слову и взгляду аналитика, стремлением как можно больше «впитать», ненасыщаемостью, страхом отделения, страхом быть брошенным, ревностью к другим пациентам (а также родственникам и другим занятиям терапев-

та). При этом у пациента ярко проявляются чувства любви и ненависти, доверия и недоверия, а также такие оральные защиты, как интроекция, расщепление, проективная идентификация, отыгрывание вовне привычных паттернов поведения.

Другими основаниями классификации трансфера могут стать соотнесение последнего со структурами Оно, Я и Сверх-Я. В этой связи особые трудности в анализе доставляет перенос по типу «карающего Супер-Эго», при котором пациент проецирует на аналитика враждебность и страх, которые он переживал по отношению к родительским фигурам до того, как они были четко отделены от его Я. Эти переживания оживают в переносе благодаря недостаточно сформированным границам Я — Другой, вследствие действия примитивных механизмов расщепления и проективной идентификации [23].

Во всех перечисленных случаях успех терапии зависит от способности терапевта не вовлекаться в переносные отношения, удерживаясь от того, чтобы отвечать на проекции пациента. Аналитик должен стремиться сохранять доброжелательные рабочие отношения. Способность сохраняться, несмотря на производимые пациентом разрушения, составляет основу техники контейниирования (В. Бион), применение которой позволяет возвратить пациенту все то, что он «изверг» из себя на терапевта, но в значительно смягченном, очищенном виде, не вызывая излишней тревоги [180].

Таким образом, реакции переноса представляют собой оживление бессознательных конфликтов прошлого в ситуации анализа. Повторение инфантильных импульсов и защит во взаимоотношениях с аналитиком способствует проявлению актуального содержания невроза и других психопатологических черт. Это обстоятельство позволяет считать перенос центральным аналитическим процессом и специфической особенностью психоанализа. Терапевтический эффект достигается по мере выявления переноса, постепенного осознания пациентом собственных переносных реакций, их проработки в ходе терапии вплоть до достижения частичного или полного освобождения от его власти.

Другим ключевым понятием и одновременно аналитическим процессом выступает *сопротивление*, или все то, что препятствует аналитической работе. В «Лекциях по введению в психоанализ» З. Фрейд писал: «*Если мы стремимся вылечить больного, освободить его от болезненных симптомов, то он оказывает нам ожесточенное, упорное сопротивление, длящееся в течение всего лечения*» [120. С. 182].

Обзор литературы по психоанализу, опубликованной со времени Фрейда, показывает, что понятие сопротивления в психоанализе в значительной степени осталось неизменным. Однако формы, которые может принять сопротивление, чрезвычайно многообразны [56].

Вопрос о происхождении сопротивления не был до конца ясен Фрейду. Он считал, что основным источником сопротивления является стремление Эго (Я) избежать тревоги. Помимо сопротивления Эго препятствие терапии также исходит из некоего глубинного сопротивления Ид, о сущности которого Фрейд высказывал различные гипотезы, подчеркивая, однако, его несводимость к психозащитам.

В работе «Торможение, симптом и страх» (1926 год) Фрейд назвал пять форм сопротивления. Три из них связаны с Я: сопротивление-вытеснение, сопротив-

ление переносу и феномен вторичной выгоды от болезни. Две другие формы: сопротивление-Ид и сопротивление сверх-Я [138].

1. *Сопротивление-вытеснение* связано с потребностью индивида защитить себя от импульсов, воспоминаний и ощущений, которые в случае проникновения их в сознание, вызвали бы болезненное состояние или, по крайней мере, угрозу его появления.

2. *Сопротивление-перенос* (трансферентное сопротивление) отражает борьбу против инфантильных импульсов, которые возникли в прямой или модифицированной форме как реакция пациента на личность аналитика.

Сначала Фрейд описал перенос как сопротивление и главную помеху терапии. Впоследствии понимание переноса изменилось от представления о нем как о препятствии работе к положению о том, что он является самым мощным терапевтическим инструментом до тех пор, пока не превращается в негативный или излишне позитивный либо эротизированный перенос. Эти две формы переноса, как говорил Фрейд, становятся сопротивлением, когда препятствуют процессу воспоминания.

В целом же в понятие трансферентного сопротивления входят сопротивление осознанию переноса, сопротивление в форме трансферентной любви или негативного переноса и сопротивление разрешению переноса. Сопротивление-перенос включает в себя и сознательное утаивание пациентом мыслей об аналитике, а также бессознательные трансферные мысли, от которых его психика стремится защититься.

Р. Гринсон выделяет следующие *варианты сопротивления-переноса* [23]. В первую очередь это *поиск удовлетворения переноса*. Самые простые и наиболее часто встречающиеся источники сопротивления переноса имеют место, когда пациент развивает сильные эмоциональные и инстинктивные побуждения по отношению к аналитику и стремится к их удовлетворению больше, чем к выполнению аналитической работы. Для многих пациентов источником сопротивления является желание быть любимыми. Это желание может блокировать и вытеснять терапевтические цели. Страх потери любви и уважения со стороны терапевта является всегда источником сопротивления работе. Существуют также пациенты с сильными разрушительными импульсами, которые бессознательно стремятся уничтожить аналитика и анализ, вместо того чтобы анализировать свои конфликты. Другим вариантом сопротивления переносу являются *защитные реакции*, которые проявляются в виде привычных форм поведения в затруднительных ситуациях, например рационализация, сексуализация или проекция. Защитные реакции переноса связаны со страхом какого-либо инстинктивного побуждения или аффекта, например депрессии или чувства вины. *Генерализованные реакции переноса* — еще одна форма сопротивления. В данном случае пациент реагирует на аналитика так, как реагирует на многих или большинство людей своей жизни. Такое поведение типично и привычно. Это поведение было названо Райхом «характерным переносом» [90]. Гринсон же полагает, что определение таких реакций переноса, как «генерализованные реакции переноса», является более точным, поскольку термин «характерный» имеет и другие значения. *Отыгрывание вовне реакций переноса* — четвертый вариант сопротивления переносу — проявляется под влиянием навязчивого стремления к повторению. В данном случае препятствием

могут выступать: сильные переживания из прошлого, симптоматическое поведение (например, употребление алкоголя), отыгрывание сексуальных желаний за пределами терапии.

Х. Томэ и Х. Кэхеле указывают, что конкретные формы, которые принимают различные элементы сопротивления переноса, зависят от особенностей пациента и от интерпретаций аналитика. Например, параноидный пациент быстро развивает негативный перенос, а нимфоманка — эротизированный. Интенсивность этих форм переноса делает их сопротивлением. Между переносом, полезным для лечения, и переносом, разрушающим его, располагается широкий спектр, и внутри него аналитик решает, какие формы поведения интерпретировать как сопротивление [107].

3. *Сопротивление как результат вторичных преимуществ болезни* также широко распространено. Симптом является компромиссным образованием, которое снижает тревогу, обеспечивая тем самым *первичный выигрыш* от болезни. *Вторичный выигрыш* заключается в возможности повлиять на других или управлять ими с помощью болезни. Например, первичным выигрышем при агорафобии (страх открытых пространств с отказом выходить на улицу) является отвлечение (освобождение) от тревоги, связанной с амбивалентностью к родительским фигурам, а вторичной выгодой — возможность избежать неприятных обязанностей или заставить других повсюду сопровождать себя. Родственники пациентов фактически осознают вторичные выигрыши невроза, но остаются в неведении от его первоначальных источников [56].

Типичными проявлениями подобных вторичных преимуществ являются польза, извлекаемая из болезни, — преимущество находиться в положении больного и быть предметом забот и жалости окружающих, а также удовлетворение агрессивных и мстительных импульсов, возникающих по отношению к тем, кто вынужден разделять страдания больного. Вторичные преимущества могут также ощущаться пациентом как удовлетворение его потребности к наказанию или скрытых мазохистских тенденций. В некоторых случаях это может быть стремление получать льготы и пособия, гарантированные обществом в случае болезни. Трудность расставания с этими вторичными преимуществами своей болезни составляет особую форму сопротивления.

4. *Сопротивление-Ид* — это сопротивление инстинктивных импульсов любым изменениям в их способе и форме выражения. Трудности возникают, когда инстинктивный процесс, в течение десятилетий протекавший по определенной схеме, вдруг пытаются заставить пойти по совершенно новому пути. Для устранения этой формы сопротивления необходимо то, что Фрейд называл *проработкой*. Сандлер считает, что данный вид сопротивления может рассматриваться как следствие более общего психологического сопротивления отказу от приобретенных ранее привычных паттернов функционирования. В этой связи одним из аспектов проработки, может быть процесс обучения новым паттернам функционирования и способам подавлять, сдерживать старые, более устойчивые поведенческие схемы [100].

5. *Сопротивление Супер-Эго* проистекает из чувства вины пациента или его потребности в наказании. Фрейд считает, что этот вид сопротивления труднее всего обнаружить и труднее всего с ним справиться. Так, пациент, который пере-

живает бессознательное чувство вины по поводу каких-то сексуальных желаний, может отреагировать сильным сопротивлением ситуации раскрытия и освобождения этих желаний в ходе аналитической терапии. Как наиболее интенсивную форму сопротивления Супер-Эго можно рассматривать так называемую негативную терапевтическую реакцию (ухудшение состояния пациента в ходе лечения).

Сандлер считает важным делать различие между внутренним психическим состоянием сопротивления и наблюдаемыми признаками сопротивления, которые обычно и называют «сопротивлением» [100]. Гловер (1955 год) описывает «грубые» (очевидные) и «слабо проявляющиеся» сопротивления. Очевидные сопротивления включают в себя срывы лечения, опоздания и пропуски, молчание, уход от прямых вопросов терапевта, автоматическое неприятие всего, что говорит аналитик, демонстрацию непонимания, рассеянности и засыпания. Менее ярко проявляющиеся сопротивления скрываются за фасадом внешнего принятия требований терапии. Это может выражаться в форме формального согласия со всем, что говорит аналитик, в охотном предоставлении необходимого материала (например, описании сновидений), к которому, как представляется пациенту, аналитик проявляет интерес, и во многих других формах [195].

Большое клиническое значение имеет выделение Эго-синтонного и Эго-дистонного сопротивлений. Эго-дистонные сопротивления переживаются пациентом как препятствующие успеху терапии. Эго-синтонные ощущаются не как сопротивления, а как некие нормальные проявления. Как правило, в начале анализа работают с чуждыми Эго сопротивлениями, после этой предварительной работы и формирования терапевтического альянса становится возможен переход к работе с Эго-синтонными сопротивлениями [56].

Обсуждая общие факторы сопротивления, Х. Томэ и Х. Кехеле отмечают следующее:

- сопротивление относится к сознательно желаемому изменению, которое бессознательно страшит;
- сопротивление проявляется не столько в оговорках, ошибках и другой бессознательной продукции, сколько в отношениях между терапевтом и пациентом;
- терапия страдает, если сопротивление превышает определенный уровень интенсивности, что может отразиться в широком круге явлений (интенсификация переноса до степени безрассудной страсти так же опасна, как и чрезмерная рационализация в терапии);
- в оценке сопротивления необходимо использовать количественно-качественные критерии, например положительный или отрицательный перенос становится сопротивлением, если достигает интенсивности, блокирующей интеллектуальное сотрудничество [108].

Игнорирование сопротивления пациента в любой его форме разрушает терапию. Несмотря на то что интерпретация признается главной аналитической процедурой, она не всегда доступна и полезна для пациента. Для того чтобы избавить пациента от вытеснения, недостаточно рассказать о смысле его симптомов, но в первую очередь нужно преодолеть его сопротивление. Фрейд подчеркивал, что

в связи с этим *главными особенностями аналитической техники являются истолкование переноса и сопротивления*.

Чтобы эта работа была успешна, необходимо соблюдать определенные правила. О. Фенихель дает следующие рекомендации: 1) всегда начинать интерпретацию с поверхности; 2) предоставлять пациенту самому определять тему сессии; 3) интерпретировать сопротивление до интерпретации содержания; 4) избегать как слишком грубых, так и слишком поверхностных интерпретаций. Типичными ошибками, усиливающими сопротивление, могут быть: преждевременная (поспешная) интерпретация; интерпретация материала без учета особенностей пациента; несистематическая интерпретация переноса; противоречивые интерпретации [56].

Р. Гринсон предлагает следующую *логику анализирования сопротивления*:

1) осознать сопротивление;
2) продемонстрировать его пациенту в случае появления (конфронтация);
3) прояснить мотивы и формы сопротивления (какой специфический болезненный аффект заставляет пациента сопротивляться; какое специфическое инстинктивное побуждение является причиной болезненного аффекта; какую конкретную форму и способ использует пациент для выражения своего сопротивления);
4) интерпретировать сопротивление (с точки зрения фантазий или воспоминаний, стоящих за ним, с точки зрения истории отношений пациента в прошлом и настоящем);
5) интерпретировать форму сопротивления (анализировать формы в настоящем и прошлом; проследить историю и бессознательные цели этой деятельности);
6) тщательно проработать (повторение и углубление шагов 4 и 5) [23].

Успех преодоления сопротивления зависит от умения терапевта работать с сопротивлением и его способности укреплять терапевтический альянс. Для того чтобы пациент смог доверять аналитику и не сомневался в успехе анализа, аналитик должен транслировать достаточные теплоту, искренность и эмпатию [110]. Эмпатия является главным источником терапевтически точных и полезных интерпретаций.

Для выполнения данных задач аналитик должен осознавать свои собственные эмоциональные реакции и бессознательные процессы, возникающие в процессе терапии. В их основе, как правило, лежит *контрперенос — «ситуация, при которой чувства и установки аналитика по отношению к пациенту являются дериватами прежних ситуаций жизни аналитика, перемещенных на пациента»* [84. С. 98].

М. Кан предлагает различать четыре вида контрпереносных чувств терапевта: 1) реалистические, свободные от конфликта реакции терапевта на чувства и поведение пациента внутри и вне сессии; 2) реалистические реакции терапевта на собственные превратности судьбы; 3) чувства, являющиеся результатом стимуляции пациентом неразрешенных конфликтов терапевта; 4) чувства, являющиеся результатом интенсивных и регрессивных переносных реакций пациента и его примитивных защит [56].

К последнему виду относятся и контрпереносные чувства, «вкладываемые» пациентом в терапевта в процессе проективной идентификации. Вслед за П. Хайманн (1950 год), утверждавшей, что такие контрпереносные чувства создаются пациентом и являются частью личности пациента, большинство авторов склонны видеть в них инструмент исследования бессознательного пациента. При этом, во-первых, привлекается внимание к проблеме распознавания такого вида контрпереносных чувств, к необходимости супервизий либо «внутренней супервизии» для прояснения их природы. Во-вторых, обсуждаются вопросы повышения эффективности использования «вложенных» контрпереносных чувств в диагностических и терапевтических целях. В-третьих, рассматриваются особо интенсивные контрпереносные чувства, возникающие в процессе взаимодействия с пациентом с личностным расстройством [166].

Таким образом, эмпатия терапевта к собственным чувствам и его способность к «самосупервизии» в терапевтической ситуации позволяют различать и использовать контрпереносные чувства для углубленного понимания трудно выразимых в словах смутных чувств и неясных, неоформленных переживаний пациента.

Эффективность использования контрпереносных чувств на пользу терапии зависит от целого ряда факторов, среди которых: восприимчивость психотерапевта к воздействию, оказываемому на него пациентом в процессе проективной идентификации; способность психотерапевта к адекватному обращению с проецированной на него частью Я пациента; умение психотерапевта реконструировать послания пациента и другое.

По сути, решающее значение восприимчивости психотерапевта как фактору, обеспечивающему продвижение лечения, придавал уже З. Фрейд, когда подчеркивал, что ни один психоаналитик не продвинется дальше, чем позволяют его собственные конфликты и внутренние сопротивления.

Восприимчивость психотерапевта к бессознательной коммуникации пациента проявляется, с точки зрения П. Кейсмента, в его резонансе на интерактивное давление. Подобная реакция возникает в результате совпадения того, что относится к личности психотерапевта, и материала, исходящего от пациента. Для того чтобы стать более восприимчивым к пациенту, психотерапевту необходимо получить доступ к бессознательным резонансам в пределах как можно более широкого диапазона чувств. Психотерапевту следует стремиться к расширению диапазона эмпатического резонанса и особенно к открытию «инаковости» другого человека. Чем более свободно, по мнению П. Кейсмента, резонирует психотерапевт на незнакомые «ключи», или диссонирующие «гармонии», других, тем сильнее это будет повышать чувствительность к тому, что бессознательно передается пациентом в процессе проективной идентификации [36].

Адекватное обращение с контрпереносными чувствами предполагает, что, с одной стороны, они не должны отыгрываться вовне, а с другой — могут свободно выражаться, если это способствует прогрессу в лечении. Х. Томэ и Х. Кехеле обращают внимание на тот существенный, по их мнению, момент, когда сообщения о чувствах следует давать с точки зрения комплиментарности, то есть с позиции наблюдения и реалистического опыта, доступной терапевту, но не достающей пациенту [107].

Само понятие «комплиментарная позиция» было введено в употребление Э. Дейч (1926 год); различать же комплиментарные (дополнительные) и конкордантные (согласующиеся) контрпереносные чувства предложил Дж. Ракер (1957 год), основываясь при этом на кляйнианских представлениях о проективной и интроективной идентификации. О. Кернберг (1989 год) подчеркивал, что конкордантная идентификация помогает тонкому эмпатическому пониманию пациента, а комплиментарная — значимого Другого. В то же время, отмечает О. Кернберг, конкордантная идентификация несет в себе риск сверхидентификации, а комплиментарная — снижения эмпатии к текущему центральному переживанию пациента. Такие риски следует учитывать при реконструкции взаимодействия с опорой на контрпереносные чувства [166].

Одной из попыток расшифровки метакоммуникативных требований является их формулирование на языке ролевой теории. Дж. Сандлер (1977 год) констатирует, что важную часть отношений с объектом составляют манипуляции, с помощью которых пациент старается склонить аналитика вести себя желательным для него образом. Сандлер отмечает, что осознавание навязываемой роли позволяет проследить взаимодействие до интрапсихических ролевых отношений. По существу, в терминах ролей обсуждается, от кого к кому адресовано метакоммуникативное (скрытое) требование.

Способности психотерапевта к адекватному обращению с контрпереносными чувствами и к расшифровке метакоммуникативного (скрытого) требования хорошо тестируются во взаимодействии с пациентом, страдающим личностным расстройством. Особенности контрпереноса на пациента, страдающего личностным расстройством, обсуждаются в работах О. Кернберга (1989 год), Р. Урсано и др. (1992), Р. Чессика (1993), В. Мейсснера (1993 год) и других авторов, привлекающих внимание к интенсивности, некоторой хаотичности контрпереносных чувств и необходимости их «утилизации». Для такого пациента типично использование примитивных защитных механизмов, в том числе проективной идентификации [166].

О. Кернберг считает, что в процессе проективной идентификации на психотерапевта проецируется часть Я, от которой следует защищаться (вину за «плохость» которой пациент стремится разделить с терапевтом). Пациент при этом выискивает в Другом признаки поведения, подтверждающие, что тот находится под влиянием спроецированной части. Пациент бессознательно пытается спровоцировать терапевта на воплощение патологических проекций. В этих условиях терапевту следует быть особенно внимательным, не допуская ни отрицания, ни отреагирования вовне «вложенной» в него «плохости» [42].

О. Кернберг придает решающее значение супервизии, в процессе которой становится возможным использовать контрпереносные чувства для лучшего понимания пациента, в том числе и его метакоммуникативных требований. Он особо подчеркивает, что стремление уйти от профессиональной экспертизы, отказ от записей и обсуждения случая следует рассматривать в качестве признаков выраженного контртрансфера. В целом Кернберг считает, что контрпереносные чувства являются «окнами» во внутренний опыт пациента. Аналогичной точки зрения придерживаются большинство современных исследователей контрпереносных чувств, полагая, что последние выполняют «критическую сигнальную функцию» [23, 36, 51, 56, 94, 107, 166].

Организация и техника психоаналитической психотерапии

Цель наших усилий мы можем сформулировать по-разному: осознание бессознательного, уничтожение вытеснений, восполнение амнестических пробелов — все это одно и то же.

З. Фрейд

Под влиянием определенных исторических и социальных обстоятельств клинический психоанализ разделился на два тесно взаимосвязанных направления — классический психоанализ и психоаналитическую терапию. Традиционный подход фокусируется на оказании помощи определенной группе людей, имеющих невротическую симптоматику, развитую способность к рефлексии, к формированию переноса. Других пациентов, например с нарциссическими расстройствами, Фрейд считал недостаточно подходящими для психоанализа. В отличие от своих предшественников современные психоаналитики успешно работают с широким кругом пациентов и самым разнообразным спектром ситуаций, включая психологические проблемы, неврозы, психосоматические и пограничные расстройства, психозы. При сохранении общей цели и методологии психоаналитическая техника может подвергаться большей или меньшей модификации и становится психоаналитической психотерапией [5, 41, 42, 54, 104].

Под психоаналитической терапией понимают психологическую работу, основанную на теории и принципах психоанализа, но допускающую использование условий и техник, отличных от тех, что применяются в классическом психоанализе. В общем смысле целью психоаналитической терапии является обнаружение и снижение бессознательных ограничений. В то время как в ортодоксальной парадигме пациент «подбирается под метод», не предполагающий изменений существующих правил, в современной психотерапии используются более гибкие подходы и разнообразные условия.

Психоаналитическая терапия отличается от анализа по организации, технике и процессу. В случае психоаналитической терапии пациент может не ложиться на кушетку, а сеансы могут быть не столь частыми. Не всегда используются основное правило и метод свободных ассоциаций. В большей степени поощряется свобода общения. Между пациентом и терапевтом устанавливается доверительный альянс, при этом аналитик может избегать невроза переноса. Терапевт в аналитической терапии более активен в выборе методических приемов; помимо интерпретации (или вместо нее) он может использовать методы организации среды, указания, разъяснения, оценку реальности и другое. Аналитическая терапия в большей степени направлена на реальные и непосредственные переживания пациента. Обычно она короче психоанализа и имеет своей целью не реорганизацию структуры личности или характера, а снятие симптомов и разрешение специфических затруднений индивида. Аналитическая терапия может широко варьировать — от приближенной к классическому варианту до поддерживающей. В целом аналитическая терапия рассматривается специалистами как важный метод, применимый при лечении пациентов, которые не могут или не желают подвергаться психоанализу [8, 84, 107].

Обобщенную схему аналитической работы составляют следующие моменты:

- установление терапевтических отношений, большое значение в которых придается *сеттингу* — условиям, целям и правилам аналитической работы;
- диагностика типа и уровня нарушений пациента, в результате чего определяется терапевтическая стратегия (например, невротическим пациентам предлагается анализ или аналитическая терапия, пограничным пациентам рекомендуется аналитическая или психодинамическая психотерапия, психотическим — поддерживающая и т. д.);
- исследование симптомов и истории их появления;
- обнаружение и проработка повторяющихся бессознательных паттернов поведения; установление их происхождения; выявление травматических событий в личной истории пациента и определение точек фиксации на конкретных переживаниях, фантазиях, стадиях развития;
- обнаружение реакций сопротивления терапии; интерпертация и проработка сопротивления;
- активизация эмоциональных реакций переноса пациента; обнаружение и интерпретация переноса при готовности к этому пациента; прояснение значений проявившегося в переносе бессознательного материала; проработка паттернов переноса на примере отношений со значимыми другими в настоящем и прошлом пациента; интерпретация переноса как препятствия (сопротивления) терапии; проработка переноса;
- периодические возвраты к наиболее значимым интерпретациям на разных этапах терапии; достижение инсайта, раскрывающего связь переноса с интрапсихическим конфликтом, составляющим питательную среду болезненных симптомов; разрешение переноса;
- идентификация типичных конфликтов личности и индивидуальных защит от тревоги;
- фокусировка на старых болезненно-инфантильных защитах и попытка обнаружить возникшие в ходе терапии новые, более конструктивные и творческие способы жизни и т. д. [103].

В каждом отдельном случае могут использоваться все или несколько из перечисленных задач. На практике они, безусловно, подвергаются разнообразной модификации.

Психоаналитическая терапия представляет собой достаточно структурированный процесс, в котором выделяются следующие этапы: первичное интервью и пробные встречи, начало терапии; средний этап; окончание терапии. Дополнительно к этому некоторые аналитики (Х. Томэ, Х. Кехеле) рассматривают в качестве важной задачи сопровождение пациента в постаналитический период, в то время как другие (Э. Тихо) настаивают на том, что для повышения уверенности в своих силах пациент не должен рассчитывать на помощь терапевта и стараться впоследствии справляться с трудностями самостоятельно [107].

Для каждого из выделенных этапов терапии описываются специфические особенности сопротивления, переноса и контрпереноса, характерные для данной стадии работы, а также типичные терапевтические дилеммы. Данная тенденция

наиболее наглядно представлена в работе М. М. Решетникова «Трудности и типичные ошибки начала терапии» [94].

Психоаналитическая терапия, как и любой другой метод психологической помощи, имеет свои показания и противопоказания. В связи с этим Р. Гринсон подчеркивает: «*Первый и наиболее важный вопрос, на который мы должны ответить: доступен ли пациент психоанализу? Второй вопрос зависит от обстоятельств: будет ли психоаналитическое лечение наилучшим для пациента?*» [23. С. 68].

Современные знания позволяют не только ответить на данные вопросы, но и на основе диагностики подобрать адекватные методы работы с пациентами, не подходящими для традиционного анализа. Изменение терапевтической стратегии зависит от характера проблемы, с которой обратился пациент, и уровня его функционирования. Современные психоаналитики придают большое значение психоаналитической диагностике с целью определения уровня нарушенности пациента и структуры его личности (характера). Наиболее принято выделение трех уровней психической организации — невротического, пограничного и психотического. Данная классификация позволяет дифференцировать пациентов в соответствии с диагностически значимыми критериями, что облегчает их понимание и повышает эффективность работы. В каждом из перечисленных случаев определяется соответствующий терапевтический подход [41].

Одновременно с этим предпринимаются активные попытки классифицировать пациентов по типу их характера или личностной структуры на основе различий в интрапсихических конфликтах, фиксациях и защитах [26, 41, 42, 68]. Так, например, обсуждая проблему психоаналитической диагностики, Н. Маквильямс выделяет такие типы организации характера, как психопатический, нарциссический, шизоидный, параноидный, депрессивный — маниакальный, мазохистический, обсессивно-компульсивный, истерический и диссоциативный. Каждый тип описывается по следующим критериям: конституция и типичные аффекты, защитные и адаптивные процессы, объектные отношения, особенности переноса и контрпереноса, критерии для дифференциальной диагностики и терапевтические стратегии [68].

Стивен М. Джонсон интегрирует общепринятую классификацию с анализом объектных отношений, предлагая следующие типы характера: шизоидный характер — ребенок, которого ненавидели; оральный характер — брошенный ребенок; симбиотический — присвоенный; нарциссический — ребенок, которого использовали; мазохистический — покоренный ребенок; истерический (истрионический) — совращенный; навязчиво-компульсивный — дисциплинированный [26].

Аналогично тому, что происходит в психоанализе, в психоаналитической терапии должны быть раскрыты ставшие неосознаваемыми конфликты и противоречащие друг другу тенденции. Продолжать работу в условиях собственного сильного сопротивления пациенту помогают терапевтические отношения, основанные на взаимном доверии и общих целях. Благодаря распознанию защит и снятию сопротивления вытесненный материал проникает в сознание в форме неожиданных идей (инсайт), обеспечивая все большую интеграцию психического функционирования.

Современная психоаналитическая терапия испытала значительное влияние двух современных концепций — теории объектных отношений и эго-психологии,

интегрировав их с классическими взглядами. По мнению Р. Гринсона, благодаря возникновению рабочего союза пациент становится способен к образованию особой формы объектного отношения [23].

Экспрессивная психотерапия Кернберга является одним из наиболее ярких примеров интегрированного подхода, ориентированного на оказание помощи широкой группе пациентов, в том числе с пограничной патологией, для которых не подходит классический анализ. Метод Кернберга имеет ряд отличительных особенностей, а именно — более четкую формулировку целей терапии, более свободное выражений эмоций пациента и терапевта, акцент не столько на прошлых отношениях пациента, сколько на терапевтических отношениях между пациентом и терапевтом, отступление от принципа нейтральности терапевта и принятие им на себя более активной роли, большую искренность и честность терапевта, в том числе в раскрытии собственных переносных чувств.

Переход к классической психоаналитической технике в работе с такими пациентами возможен, по мнению Кернберга, лишь на поздних этапах лечения, когда структура их личности становится преимущественно невротической. Лишь тогда терапевт может обратиться к анализу невротических, эдиповых конфликтов пациента и интерпретациям «там и тогда», касающимся текущей жизни пациента и его прошлого, и более твердому соблюдению технической нейтральности.

Настаивая на принципиальной важности интерпретации как основного инструмента анализа, Кернберг придерживается мнения, что при тяжелых формах самодеструктивности нужна *поддерживающая психотерапия* с проработкой защитных механизмов «неинтерпретативным» способом. Поддерживающая психотерапия позволяет улучшить понимание отношений с другими, сформировать более реалистические притязания, увеличить толерантность к переживаниям пустоты и скуки.

О. Кернберг подчеркивает важность ограничений при проведении сессий с пограничными пациентами. Ограничения в звонках по телефону, запрет на отреагирование агрессии вовне, запрет частой критики психотерапевта пациентом являются важными условиями при проведении психотерапии с пограничным пациентом. Только в том случае, когда в терапевтических отношениях сочетается эмоциональная поддержка с ясными правилами, клиенты могут начать осознавать и реинтегрировать ранее расщепленные части своего Я. Напротив, без упорядочивания терапевтического процесса, без определения безопасных границ терапии расщепленные части Я и объектов могут нести угрозу дезинтеграции как интраиндивидуальных, так и терапевтических отношений [42].

Термин «проработка» был введен в психоаналитический обиход Фрейдом в отношении особенных усилий, которые успешны при повторяющихся попытках терапевта изменить создаваемое пациентом сопротивление. С сегодняшней точки зрения речь идет об аналитической работе со всеми сопротивлениями и прочими факторами, которые препятствуют тому, чтобы приобретенные в ходе терапии инсайты оказывали влияние на структурные изменения. Проработку в психоаналитической терапии можно обозначить как работу по примирению.

В то время как психоанализ Фрейда был сугубо индивидуальным и строго стандартизированным методом лечения, аналитическая психотерапия имеет различные формы и модификации. По объекту аналитической работы различают ин-

дивидуальную, групповую и семейную аналитическую терапию. Два последних направления представляют собой относительно новые подходы, гармонично интегрирующие психоаналитическую теорию и методы с практикой групповой работы.

Психоаналитическая семейная терапия

Любое общение с людьми — непрерывный процесс обучения и изменений.

Д. Фримен

Супружество и семья представляют собой ту социальную реальность, в которую включены большинство современных людей. На психологическом уровне семья ассоциируется с личными отношениями, любовью и привязанностью. Данные темы доминируют в материале большинства пациентов. Все, кто приходит в аналитический кабинет, так или иначе испытывают фрустрацию, связанную с любовью («любовный голод») в прошлом или настоящем, к себе или другим. Психоаналитическая терапия, подобно лучу прожектора, фокусируется на сфере бессознательных интрапсихических конфликтов, примиряя человека с его собственной психической реальностью.

Положительные результаты индивидуальной работы нередко растворяются, как только пациент возвращается в дисфункциональную семейную среду. Вопреки терапевтическим усилиям прогресс в лечении может не наблюдаться, поскольку семья пациента, оставшаяся за пределами аналитической ситуации, бессознательно препятствует любым изменениям. С другой стороны, имеют место случаи, когда в ходе индивидуальной терапии ухудшаются парные и семейные отношения. Психоаналитическая кушетка формирует доверительный альянс пациента с психотерапевтом, некий «психоаналитический брак», а благодаря эротическому переносу — в ряде случаев и скрытый любовный роман. Супруги, оставшиеся по ту сторону терапевтического кабинета, испытывают брошенность, зависть, ревность или освобождение от близости, означающие кризис супружеской интимности [28].

Неудивительно, что по мере становления психоанализа как метода оказания психологической помощи обнаружились его явные ограничения в работе с семьей и другими социальными группами. В связи с этим Сальвадор Минухин (1989 год) писал: «*Мы поняли, что вырванный из социального контекста индивид — это мифическое чудовище, иллюзия, созданная нашими психодинамическими представлениями*» [73. С. 358].

Семейная терапия появилась в 1940–1950-х годах. Десятки людей могут претендовать на роль ее основателей. Родоначальники семейной терапии по большей части были психиатрами, искавшими новые подходы к диагностике и лечению шизофрении, депрессии и других психических расстройств. Многие из инициаторов семейной терапии, такие как Натан Аккерман, Ян Алгер, Мюррей Боуэн, Лайман Уинн, Теодор Лидз, Израэл Цверлинг, Айвен Божормений-Неги, Карл Витакер, Дон Джексон и Сальвадор Минухин, имели предварительную психоаналитическую подготовку. Будучи увлеченными новаторами, они отказались от

парадигмы психодинамики и обратились к новой динамике систем; некоторые из них, например Джексон и Минухин, довольно далеко отошли от своих психоаналитических истоков, другие, подобно Боуэну, Лидзу и Уинну, сохранили в своих работах явное влияние психоанализа [73].

В качестве исторических предпосылок семейной терапии выступили три, к тому времени уже достаточно развитые системы: *психоанализ*, *кибернетическая теория систем* и *практика групповой работы*. Подобно другим социальным практикам, семейная терапия прошла непростой путь, который с определенной долей условности может быть разделен на несколько исторических этапов.

1. Подготовительно-исследовательский этап, отказ от индивидуальной парадигмы (начало XX века — 1940-е годы).
2. Рождение семейной терапии и создание основных идей (1950-е годы).
3. Этап «взросления» и распространения, появление сотен семейных терапевтов (1960-е годы).
4. «Золотой век», или время расцвета школ семейной терапии, триумф харизматических личностей (1970–1980-е годы).
5. Время критического пересмотра идей, возвращение к признанию важности роли индивидуальных изменений (1990-е годы).
6. Этап интеграции идей и методов (настоящее время).

За годы своего существования семейный подход оформился в относительно самостоятельную научно-практическую систему. В настоящее время *под семейной терапией понимают совокупность теорий и методов, основанных на понимании людей в семейном контексте* [28]. В формате психотерапии семья рассматривается как *единая психологическая реальность*, интерперсональная система, функционирующая по принципу круговой связи. Если обычный психотерапевт работает с индивидом (его переживаниями, фантазиями, прошлым опытом), то семейный терапевт фокусирует свое внимание на семье как на целостном образовании и отношениях. Семейная реальность описывается через системные характеристики, такие как структура семьи (состав, иерархия, подсистемы, коалиции); внутренние и внешние границы; стиль коммуникации; семейные роли; история брака и семьи; ценности; мифы и ритуалы; скрытая динамика отношений.

В зависимости от того, на какой семейной характеристике фокусируется внимание терапевта, выделяются *различные виды семейной терапии*: структурная (в фокусе внимания — структура и границы); интеракционная (коммуникация и роли); когнитивно-поведенческая (убеждения, навыки и умения); гуманистическая (смыслы и ценности); психоаналитическая (скрытая индивидуальная и групповая динамика). В силу определенных исторических причин в России наибольшее распространение получила *системная семейная психотерапия*, рассматривающая семью как живую систему в совокупности ее целостных характеристик (параметров семейной системы).

Семейный подход предполагает участие в терапевтической работе двух и более членов семьи. В зависимости от того, кто является объектом воздействия, выделяют три основные формы психотерапии: 1) парная (супружеская); 2) детско-родительская; 3) собственно семейная. Семейная терапия может быть самостоятельной формой психологической помощи, а также дополнительным методом

работы, сопровождающим индивидуальную терапию. Она может проводиться в различных формах: например, один терапевт работает с парой или семьей одновременно; два терапевта работают параллельно с каждым из супругов (бифокальная терапия); один терапевт работает с несколькими семьями в рамках одной сессии (семейные группы) и т. д.

Примерно с начала 1990-х годов семейные терапевты вновь обратились к психоанализу. Возрождение интереса к психоаналитическому мышлению было связано с привлекательными для семейных терапевтов изменениями, когда на передние рубежи психоаналитического движения вышли теория объектных отношений и эго-психология, уделявшие принципиально иное внимание человеческим взаимоотношениям. Возвращению к психоанализу также способствовали изменения в самой семейной терапии, особенно растущая неудовлетворенность механистическими элементами кибернетической модели. Новые психодинамические подходы нашли множество сторонников, поскольку многие считали, что, хотя семейные терапевты открыли глубокие истины системных отношений, они необоснованно игнорировали факты глубинной психологии.

Главная проблема всегда заключалась в объективном противоречии между психоанализом и семейным подходом: если психоанализ — это теория и терапия отдельных личностей, а семейная терапия — это теория и терапия социальных систем, то возможно ли их объединение? На наш взгляд, вся история психоаналитической семейной терапии является попыткой более или менее успешного разрешения данной дилеммы [28].

Как объект исследования семья не интересовала Фрейда. В своих работах он рассматривал последнюю как среду, где люди в прошлом приобрели свои невротические конфликты. Описывая семейные отношения (например, в случае страдающего фобией маленького Ганса), Фрейд прежде всего интересовался анализом эдипова комплекса ребенка, но отнюдь не семейной динамикой [117].

В результате того, что в метапсихологии Фрейда не нашлось места для семейной теории, в первые годы семейной терапии психоаналитический подход признавался бесполезным. Семейная терапия находилась под властью кибернетического взгляда на семью как систему. Тем не менее деятельность психоаналитически ориентированных семейных терапевтов с самого начала вызывала всеобщее обсуждение.

Исторической базой психоаналитической семейной терапии по праву считается Тэвисток (Англия). В 1940-х годах Генри Дикс организовал в Тэвистокской клинике отделение семейной психиатрии, в котором группы социальных психиатров пытались примирить семейные пары, направленные туда по решению суда о разводе. К началу 1960-х годов Дикс уже применял теорию объектных отношений к исследованию и решению супружеских конфликтов. Также работая в Тэвистоке, Джон Боулби считал совместные семейные интервью важным дополнением к индивидуальной психотерапии [73].

В 1950–1960-х годах в американском психоанализе доминировала эго-психология (которая сосредоточена на интрапсихических структурах), в то время как теория объектных отношений (концентрирующаяся на интерперсональном анализе) господствовала за океаном в Британии. Эдит Джекобсон и Гарри Стэк Салливан были самыми влиятельными учеными, которые способствовали переходу американской психиатрии на интерперсональные позиции.

Натан Аккерман основал Институт семьи в Нью-Йорке, теперь носящий его имя. Его книга «Психодинамика семейной жизни», опубликованная в 1958 году, была первой работой, посвященной диагностике и лечению семей. Аккерман исходил из того, что поскольку люди живут вместе, их и лечить следует совместно. Свой метод Аккерман называл «щекотанием защит», подчеркивая важность вскрытия секретов и деструктивных защит [102].

Божормений-Неги создал центр семейной терапии в Психиатрическом институте Восточной Пенсильвании в 1957 году. Не менее важными для развития семейной терапии стали исследования семей шизофреников, проведенные в Национальном институте психического здоровья (Ирвинг Рикофф, Роберт Кохен, Джулиана Дэй, Лайман Уинн, а затем Родни Шапиро и Джон Циннер). В 1950–1960-х годах для описания патологических паттернов семейного взаимодействия были опубликованы серьезные работы, в которых вводились такие понятия, как псевдовзаимность, стереотипизация ролей, оперирование диссоциациями, делинеация. Но, вероятно, самым важным клиническим вкладом было применение концепции проективной идентификации (М. Кляйн, У. Бион) к семье как к группе.

В 1960-х годах Рикофф и Уинн ввели курс семейной динамики в Вашингтонской школе психиатрии, который привел к появлению программы обучения семейной терапии. К ним присоединились Шапиро, Циннер и Роберт Винер, а в 1975 году были также приглашены Джил Сэвидж (ныне Шарфф) и Дэвид Шарфф. К середине 1980-х годов Вашингтонская школа психиатрии под руководством Дэвида Шарффа стала одним из ведущих центров психоаналитической семейной терапии. В 1994 году супруги Шарфф покинули ее и основали собственный институт. Характерной особенностью их работы является четкая ориентация на объектные отношения и психоаналитический подход к семье [156, 157].

В настоящее время семейная терапия активно развивается, приобретая все более разнообразный опыт и собственную идентичность. В России большая часть семейных терапевтов продолжает придерживаться системного подхода, психоаналитическая семейная терапия пока еще не получила широкого распространения. Существуют проблемы как в профессиональной подготовке психоаналитически ориентированных семейных терапевтов, так и в процессе формирования профессионального сообщества. В последнее время наметились обнадеживающие тенденции. С 2005 года на базе Восточно-Европейского института психоанализа (Санкт-Петербург) организован и систематически проводится цикл переподготовки для врачей и психологов по направлению «Системно-динамическая семейная психотерапия», а также цикл усовершенствования по психоаналитически ориентированной парной терапии. Опыт обучения семейных терапевтов свидетельствует о повышении интереса специалистов к этому направлению, а также о возрастающем социальном спросе на данный вид психологической помощи.

По аналогии с индивидуальным анализом в рамках семейного подхода различают *психоаналитическую* и *психодинамическую терапию*. Первая основана на классической или современной психоаналитической теории, вторая — на ее дочерних модификациях, например трансактном анализе Эрика Берна или адлерианской семейной психотерапии.

С точки зрения организации *психоаналитическая семейная терапия реализуется в трех основных формах:* 1) терапия диадных отношений мать—дитя, осно-

ванная на теориях объектных отношений (например, в рамках теории сепарации — дифференциации М. Маллер); 2) групповая семейная терапия, основанная на классической теории, теории объектных отношений и эго-психологии (например, терапия «щекотанием защит» Натана Аккермана); 3) супружеская (парная) психоаналитическая терапия, базирующаяся на теории объектных отношений (например, терапия объектных отношений Шарфф).

Предметом психоаналитического исследования выступает *семейное бессознательное*, или скрытые аспекты семейной жизни. В соответствии с психоаналитическими представлениями истоки брачно-семейных отношений лежат в иррациональных процессах. Многое из того, чему мы ежедневно становимся свидетелями, непросто объяснить: как происходит выбор брачного партнера, почему влюбленность проходит, а идеализация партнера непременно сменяется его обесцениванием, почему люди оказываются вместе и почему для них становится невозможным быть вместе, почему в одних случаях дети в точности повторяют судьбу родителей, а в других — существенно отклоняются от родительского образца?

Бессознательные процессы (фантазии, защиты, конфликты) доминируют над сознательным контролем. Удачливы те, кому удается найти партнера с идентичными сознательными представлениями и бессознательными фантазиями о браке. По точному замечанию Генри Дикса, «*мы вступаем в брак не с конкретным человеком, но с бессознательными фантазиями о нем*» [73]. Если представления и ожидания супругов не совпадают, то возникают конфликты и непреодолимые трудности.

Работающие с семейными парами психоаналитики фокусируют свои исследования в следующих направлениях:

1) скрытая индивидуальная динамика — уровень семейной тревоги; переносы; доминирующие аффекты; фантазии; страхи; преобладающие защиты; повторяющиеся паттерны поведения; интрапсихические конфликты; симптоматическое поведение; жизненные сценарии;
2) история этих переживаний — личная и семейная;
3) то, как партнер вызывает эти переживания, — проективная идентификация;
4) скрытая групповая динамика — мотивация вступления в брак; семейная история (история брака); межпоколенное наследование какого-либо события или проблемы (развод в трех поколениях, синдром годовщины); «треугольники»; семейные мифы; семейные ритуалы;
5) то, как обстановка сеанса терапии и участие терапевта могут способствовать происходящему в семье — сопротивление терапии; реакции переноса; реакции контрпереноса; динамика терапии;
6) характер отношений в семье и терапии — тип отношений; степень конструктивности — деструктивности отношений; стиль коммуникации; способы выражения любви и агрессии; способы разрешения конфликтов; роли; сплоченность; сферы конфликтов и зоны, свободные от конфликтов.

В рамках семейного подхода также рассматривается вопрос об отношениях в норме и патологии.

Психоаналитическая модель нормального развития семьи содержит концепции, взятые из теории Фрейда, теории объектных отношений, эго-психологии. Согласно моделям Фрейда, психологическое благополучие зависит от: а) удовлетворения инстинктов; б) реалистичного контроля примитивных влечений; в) координации психических структур. Согласно теории объектных отношений, ключом к психологической согласованности являются достижение и сохранение психической целостности посредством установления достаточно хороших объектных отношений.

С точки зрения теории объектных отношений брак — это диалог внутренних (*воображаемых*) *объектов* [28]. Режиссерами брачных отношений выступают не столько сами супруги, сколько их значимые другие из далекого и ближайшего прошлого. Точнее, не реальные люди из прошлого, но их воображаемые фигуры — частично неосознаваемые образы, или *фантазмы*. Последние предопределяют и выбор супруга, и сценарий развития отношений.

В «Очерках по теории сексуальности» З. Фрейд писал, что выбор объекта любви осуществляется по двум механизмам: по опорному типу мы выбираем партнера, напоминающего нам любящую (кормящую) мать или заботливого (поддерживающего) отца; по нарциссическому типу мы выбираем партнера, как мы сами или часть нас — какими мы были, есть или хотели бы стать [140]. Современные семейные терапевты внесли коррективы: выбор супруга происходит на основе не реальных родителей, но их фантазийных репрезентаций по двум основным принципам: 1) *зеркальности* — совпадения внутренних объектов и бессознательных фантазий; 2) *комплиментарности* — их полярности и взаимодополняемости. Примеры зеркальной позиции реальных отношений: у обоих супругов зависимые родители; оба единственные дети в семье; оба отвергались матерью и имеют плохой внутренний объект. Примеры комплиментарности реальных отношений: он — младший ребенок в семье, она — старший; у нее — зависимый от алкоголя отец, у него — подчеркнуто дистантный и независимый. Примеры зеркальности внутренних объектов: у обоих «злая преследующая мать»; оба имеют эдипальную фантазию о любви родителя противоположного пола. Примеры комплиментарности внутренних объектов: у нее — отвергающая холодная мать; у него — заботливая и жертвенная.

В 1921 году З. Фрейд указывал, что, когда мы влюбляемся, переоценка объекта любви заставляет нас делать неправильные суждения, основанные на *идеализации*. Кульминация влюбленности отражает избыток нарциссического либидо, так что объект нашей любви становится заменителем нашего недостижимого Эго-идеала, в результате чего наша идентичность начинает светиться в отраженном свете идеализированного спутника [126].

Влияние родительских фигур и отношений с ними (к ним) наиболее полно изучено в психоанализе. В то же время работа с супружескими парами показывает, что на отношения супругов в такой же степени могут оказывать воздействие и другие персонажи из их биографии. Например, женщины, вступая в повторный брак, нередко ищут не оптимально подходящего мужа для себя, а нового отца своему ребенку, что становится главной детерминантой удовлетворенности браком и его стабильности. Другой момент: если в первом браке отыгрываются в полной мере главные конфликты детско-родительских отношений, то повторные браки

нередко заключаются под влиянием предыдущих браков для отыгрывания их неразрешенных супружеских конфликтов.

В последнее время чаще говорят о частичном совпадении и взаимозависимости бессознательных фантазий и осознаваемых представлений. Некоторые авторы называют это *взаимной проективной идентификацией*, другие — невротической комплементарностью, супружеским сговором, взаимной адаптацией, сознательными и бессознательными контрактами.

Важной причиной проблем взаимоотношений в семье является формирование у людей искаженных представлений друг о друге за счет приписывания одному человеку качеств, которыми обладал в прошлом значимый Другой (перенос). Наиболее часто мы проецируем на членов семьи качества первичных объектов — матери, отца, бабушки. Также нередко имеет место сиблинговый перенос.

На разных этапах брака активизируются различные бессознательные механизмы и защиты. Так, выбор брачного партнера осуществляется под влиянием расщепления образа значимых фигур на плохие и хорошие качества с последующей фиксацией на плюсах. При влюбленности воспроизводятся расщепление и идеализация (фиксация на положительных качествах и их переоценка). При длительном формировании отношений проявляются расщепление образа партнера, фиксация на минусах, проективная идентификация (побуждение партнера делать то, что делали ранее значимые Другие с тобой). Механизм расщепления целостного объекта на отдельные свойства с последующей фиксацией на каком-либо из них является ведущим как в позитивных процессах идеализации, идентификации супругов, так и в мучительных конфликтах и разочарованиях. Расщепление переживается как конфликт амбивалентности (сомнения, раздражение, двойственное отношение). В итоге именно оно оказывается повинно и в неудачном выборе партнера, и в пресловутых «иллюзиях» партнеров, и в хронической неудовлетворенности браком, и в иррациональной любовной зависимости.

В результате перечисленных закономерностей интрапсихической динамики в браке с фатальным постоянством воспроизводятся прошлые конфликты супругов, привычные отношения и фиксированные сценарии.

На основе своей работы с шизоидными пациентами (1952 год) Фербейн разработал *концепцию расщепления* (сплиттинга). Его взгляд на расщепление заключается в том, что Эго индивида подразделяется *на структуры*, которые содержат: а) часть Эго; б) часть объекта; в) аффект, связанный с взаимоотношениями. Пример простейшей Эго-структуры: недовольство матери (внутренний объект) — ощущение собственной (часть Эго) плохости — тревога и вина (аффект).

Реальный (внешний) объект (супруг, родитель, ребенок) воспринимается одним из трех способов: как идеальный объект, дающий удовлетворение; как отвергающий объект, который вызывает негативный аффект (гнев); как возбуждающий объект, который вызывает сексуальное влечение.

В нормальной ситуации любящие родители являются объектами избирательной и частичной идентификации, при которой усваиваются только те черты, которые гармонируют с образом Я. Как отмечает О. Кернберг, «*на самом деле главным источником эмоциональной глубины и благополучия является обогащение личной жизни путем избирательных, частичных идентификаций с людьми, которых мы*

любим и которыми восхищаемся в реальности без необходимости интериоризировать весь их опыт» [40].

Неудачная попытка ребенка сформировать цельное Эго и дифференцированную идентичность вызывает длительную и крайне эмоциональную привязанность к семье (симбиотические отношения). Эта зависимая привязанность препятствует способности человека сформировать собственную социальную и семейную жизнь. Это, говоря языком объектных отношений, объясняет *спутанность*, характерную для многих симптоматийных семей. В целом продиктованное страхом внутренних объектов *стремление уйти от реальных отношений* считается сейчас самой глубокой причиной психологических проблем в семье. При этом важно понимать, что объектные отношения изменяются в течение жизни. Иногда юношеская любовная травма определяет стиль последующих сексуальных отношений. С другой стороны, отыгрывание прежних объектных отношений с другими людьми может снижать остроту интрапсихического конфликта, достигая спонтанного самоисцеления.

Еще одним фактором, осложняющим выбор супруга и супружескую жизнь, является то, что люди обучены *скрывать свои реальные потребности и чувства*. Возникает ощущение фальши и обмана. Дональд Винникотт [18] назвал это явление *фальшивым Я* — дети ведут себя как настоящие ангелы, притворяясь теми, кем они в действительности не являются. Во время процесса ухаживания оба партнера полны желания угодить друг другу и поэтому выставляют себя в наилучшем свете. Мощные потребности в зависимости, нарциссизм и непокорные импульсы могут отойти на второй план до свадьбы, но чужую роль трудно и невозможно играть долго. Постоянное пребывание друг с другом приводит к тому, что супруги проявляются в истинном свете с последующим неизбежным разочарованием.

Как и отдельные личности, семьи могут проходить от одной стадии к другой, не решив полностью проблем предыдущего периода. Поэтому во время одной или нескольких стадий жизненного цикла в семьях могут существовать разнородные связи (фиксации). Во время стресса семья не только повторно переживает старые конфликты, но и возвращается к старым моделям их разрешения.

Интересна трактовка супружеских соглашений, предложенная Сагером (1981 год): брак как контракт. В его интерпретации каждый контракт имеет три уровня осознания: 1) сформулированный, хотя и не всегда услышанный; 2) осознаваемый, но не сформулированный, обычно из-за опасений гнева или неприятия, и 3) бессознательный. Каждый ведет себя так, будто его партер должен знать все условия контракта, и испытывает горечь и гнев, если другой не живет согласно этим принципам [73].

Семейные мифы выполняют ту же функцию в семье, упрощая и искажая реальность. Мифы защищают членов семьи от определенных болезненных истин и служат для того, чтобы помешать раскрыть неприятные факты. Типичным является миф о хорошей семье (все делают вид идеальной ситуации, тщательно скрывая от себя и от окружающих людей истинные проблемы).

В наиболее общем виде *целью психоаналитической семейной терапии* является освобождение членов семьи от бессознательных ограничений, которые мешают им развиваться и получать удовлетворение от совместной жизни. Другие варианты: обнаружение деструктивных защит и их преобразование (Аккерман); сепарация — дифференциация (Маллер); достижение безопасной близости (Боуэн);

баланс между способностью отдавать и принимать (Божормений-Неги); нейтрализация и интеграция агрессивных и либидозных потребностей (Надельсон).

К более конкретным задачам (*и одновременно этапам*) *терапии можно отнести*:

1) снятие тревоги и связанного с ней сопротивления;
2) определение наиболее конфликтных зон;
3) выявление и проработку деструктивных паттернов поведения супругов;
4) освобождение подавленных аффектов;
5) обнаружение примитивных и укрепление зрелых защитных реакций (особенно проективной идентификации);
6) вскрытие и выражение подавленных потребностей и влечений;
7) исследование и понимание бессознательных фантазий супругов и их переносов;
8) восстановление границ (установление оптимальной интенсивности взаимодействия);
9) достижение более дифференцированных и зрелых форм функционирования.

Показаниями для терапии выступают: трудно контролируемые супружеские и семейные конфликты; повторяющиеся негативные события (например, измены); невротические расстройства и психосоматические расстройства у детей или у супругов, если они появились в ходе семейной жизни; симптоматическое поведение, например пищевые аддикции или химические зависимости, поддерживаемые созависимым поведением членов семьи.

Противопоказаниями для аналитической работы с семьей или парой являются: негативное отношение к психотерапии одного или нескольких участников; отсутствие мотивации к развитию отношений (например, один или оба приняли решение расстаться и выстраивать новые отношения); насилие в семье; психозы; глубокий жизненный кризис; острое горе в связи с потерей близкого человека; химические зависимости в остром периоде.

К семьям, переживающим жизненный кризис, подходят с пониманием и поддержкой, первоначально создавая условия для разрешения кризисной ситуации. Как только кризис оказывается преодоленным, психоаналитик стремится провести с семьей долговременную глубинную психотерапию. Однако многие семьи в большей степени ориентированы на краткосрочную терапию (5–10 встреч). Если члены семьи настроены на непродолжительную работу — терапия направляется на ослабление конкретного симптома или актуальной проблемы в отношениях. Терапевт также должен поддержать решение семьи о завершении процесса терапии (чтобы ее члены не почувствовали себя неудачниками), но предупредить о возможных негативных последствиях преждевременного завершения работы.

В психоаналитической индивидуальной терапии принято выделять три этапа: начало терапии, средний этап и завершение терапии. Данное разделение может быть применимо и к семейной терапии в целом. Многолетний опыт работы с семьями позволяет нам говорить о следующих организационных этапах семейной терапии [28].

1. *Диагностический этап* (1–5 встреч):
   – первый контакт (договор о встрече);
   – первичное интервью, заключение терапевтического контракта;
   – пробно-диагностические встречи.
2. *Этап терапевтического вмешательства* (10–30 встреч):
   – начало терапии;
   – средний этап;
   – окончание терапии.
3. *Посттерапевтическое сопровождение семьи или пары* (по договоренности):
   – контрольно-диагностические встречи;
   – посттерапевтическая поддержка;
   – индивидуальная терапия наиболее дисфункциональных членов семьи.

Большинство психоаналитически-ориентированных клиницистов предпочитают уделять внимание взрослому ядру семьи, потому что это согласуется с их вербальным и интеллектуальным уровнями. В связи с этим психоаналитическая семейная терапия чаще проводится с супругами, актуальный конфликт между которыми является отправной точкой для изучения интрапсихической и интерперсональной психодинамики.

Современные семейные аналитики также уделяют существенное внимание вопросу о *критериях и признаках «здоровых семей»*.

Относительно семьи в целом выделяются следующие критерии психического здоровья: 1) функциональность семьи (успешное совместное решение жизненно важных задач); 2) гармоничность отношений (взаимная удовлетворенность); 3) отсутствие симптомов психосоматических, поведенческих и психических расстройств; 4) хорошая социальная адаптация членов семьи; 5) конструктивное разрешение конфликтов; 6) зрелые защиты; 7) развитая способность тестировать реальность; 8) прогрессивное развитие семьи.

В литературе выделяют перечень психологических *факторов успешного брака*:

1) психофизиологическая совместимость — эротическое влечение; общая сенсорная доминанта; совместимость ритмов; сходство чувственности; комплементарность эротических фантазий;
2) сплоченность и парная идентичность — желание быть вместе; преданность; эмоциональное принятие друг друга; идентификация — ощущение сходства; чувство «мы»;
3) ценностное единство — общие ценности, интересы и предпочтения;
4) ролевая согласованность — взаимодополняемость ролей;
5) достижение безопасной близости — оптимальная для обоих психологическая дистанция; баланс сепарации — интеграции, совпадение в этом; сепарация без угрозы распада;
6) гибкость и стрессоустойчивость;
7) синхронное развитие.

Дэвид Шарфф приводит одно из наиболее интересных определений здорового супружества: «*Брак — это психосоматическое партнерство*» [157].

Р. Валлерштейн с коллегами проводили специально организованное исследование счастливых супружеских пар. Критериями гармоничности брака выступали: стабильность отношений (длительность брака более десяти лет); наличие здоровых детей с успешной социальной адаптацией; взаимная удовлетворенность браком (оба супруга должны были считать свой брак счастливым). Не подтвердилась гипотеза о том, что у счастливых супругов имеются собственные хорошие отношения с родителями и положительный пример родительской семьи. В изучаемых семьях с той же частотой, что и в контрольных (несчастливых), встречались и смерть родителей, и насилие, и разводы [233].

В то же время исследователями были выявлены *психологические особенности счастливого брака*, к которым относятся:

- одинаковая ценность брака для обоих;
- разделяемая фантазия о том, что этот брак наилучший для них; представление, что они лучше всего подходят друг другу;
- желание быть вместе;
- концентрация на достоинствах друг друга; отношение к браку как к прогрессирующей работе, требующей внимания в течение всей жизни;
- удовлетворительные сексуальные отношения;
- уверенность, что связь на стороне разрушит брак;
- уверенность, что брак требует внимания, усилий и развития.

Для достижения гармоничного супружества, по мнению Р. Валлерштейн, супруги должны решить ряд важных *задач*.

1. Эмоциональное отделение от родительских семей (во втором браке — от предыдущего партнера и призраков первого брака).
2. Достижение психологической интимности (разделяемой близости и ощущения общности).
3. Создание полноценных и приносящих радость сексуальных отношений и их защита от неблагоприятных воздействий среды (работы, детей, родственников, конкурентов).
4. Сохранение близости при рождении ребенка.
5. Умение противостоять внешним стрессорам и преодолевать кризисы жизни.
6. Создание безопасного пространства внутри семьи для выражения разногласий и разрешения конфликтов.
7. Использование смеха и юмора при выяснении истинного положения вещей, а также чтобы избежать скуки и отчуждения.
8. Обеспечение условий ухода и комфорта в отношении партнера, а также удовлетворение постоянной потребности партнера в получении эмоциональной и иных типов поддержки.
9. Сохранение романтических отношений и идеализированного образа друг друга.

Идеальные супружеские отношения скорее редкость, чем распространенная практика. На деле большинство супругов переживают временные кризисы или хронические трудности в парных отношениях, на которые оказывают существенное влияние проблемы в отношениях с детьми и собственными родителями.

Семейная терапия выступает современным методом повышения качества жизни семьи, своеобразным камнем преткновения при этом является вопрос о том, *кого приглашать на первую встречу и с кем должен работать психотерапевт*. В отличие от представителей системного подхода, выдвигающих требование одновременной работы со всей семьей, психоаналитически ориентированные семейные терапевты предпочитают сочетать индивидуальные и совместные встречи.

Существует четыре основных метода психоаналитической терапии: слушание, эмпатия, интерпретация и аналитическая нейтральность. В случае работы с семьей индивидуальные методы работы гармонично дополняются *техниками работы с группой*, такими как организация людей в пространстве, организация диалога, работа с правилами, сплочение, техники конструктивного разрешения конфликтов и другие. Особую роль в работе с семьей играют *специальные методы семейной терапии*: генограмма, семейные метафоры, циркулярное интервью, техники гашения семейной тревоги и агрессии, способы стимулирования изменений.

Психоаналитическая терапия действует *посредством инсайта* (*понимания*), но идея, что инсайт исцеляет, является обманчивым упрощением. Инсайты должны быть *проработаны* — преобразованы в продуктивные способы поведения и реагирования. Большинство терапевтов работают в обоих направлениях — поощряют инсайт и способствуют выражению сдерживаемых импульсов.

Сеансы обычно начинаются с того, что терапевт приглашает членов семьи обсудить имеющуюся ситуацию, чувства и мысли. Последующие встречи он может начать либо молча, либо спрашивая: «Что вы хотите обсудить сегодня?» Затем он позволяет клиентам говорить, минимально направляя их и вмешиваясь в разговор. Когда первоначальные ассоциации и спонтанные взаимодействия прекращаются, терапевт организует диалог, выясняя мысли, чувства и опасения людей. Количество интерпретаций ограничивается.

Явные взаимодействия членов семьи считаются замаскированными версиями скрытого за ними латентного содержания. Неаналитические терапевты принимают значение очевидных взаимодействий членов семьи; аналитические терапевты пытаются вскрыть другой материал, особенно тот, который спрятан, не осознается или находится в прошлом. Это очень болезненная работа, которая не может происходить без постоянной поддержки компетентного терапевта. В связи с этим Майкл Николс подчеркивает необходимость в эмпатии для создания «климата контроля» для всей семьи [73].

Это означает, что терапевт должен слушать, и не вмешиваться, а члены семьи должны научиться воспринимать жалобы друг друга скорее как заявления о чувствах и стремлении к изменениям, чем как нападения, угрожающие целостности их Эго. Психоаналитический терапевт должен преодолеть свое желание успокаивать членов семьи, давать им оценки и советы. Вместо того чтобы попытаться разрешить спор, терапевт-аналитик скорее вмешается и задаст ряд вопросов о тех страхах и желаниях, которые лежат в его основе: почему они так рассердились; что

они хотят этим сказать друг другу; чего они ждут друг от друга; откуда берутся эти чувства или ожидания? Вместо того чтобы фокусировать внимание на том, кто кому что сделал, аналитические терапевты сосредоточиваются на *сильном чувстве* и используют его в качестве отправной точки для тщательного исследования его истоков: что вы чувствовали; когда вы раньше испытывали такое же чувство; возникало ли оно еще раньше; что вы помните?

Особое внимание семейные терапевты уделяют механизмам защиты и проективной идентификации, специально проясняя, какие конкретные действия одного вызывают нежелательные реакции другого (что в ваших действиях вызывает данную реакцию партнера?).

В целом при работе с семьей *тревога* и *сопротивление* проявляются более интенсивно, чем при индивидуальной терапии (по крайней мере, в ходе первых встреч). Люди боятся открываться, раскрывать свои тайны, они не верят в улучшение, склонны критиковать и обвинять друг друга. В результате — семейная терапия реже принимается семьей, чем индивидуальное лечение кого-либо из ее членов.

В рамках семейной работы труднее отслеживать *негативные переносы* (если они вообще развиваются в семейном формате). Супруги либо нападают друг на друга, либо объединяются друг с другом в борьбе против терапевта. *Семьи втягивают специалистов в выполнение недостающих функций*, например ожидая того, что терапевт дисциплинирует детей или окажет поддержку супругу. Быстро образуются психологические альянсы и треугольники. Терапевты могут нарушать нейтральность, вовлекаясь в альянс с одним из членов семьи, чьи бессознательные проекции наиболее благоприятны для идентификации с ним терапевта.

Описанные особенности семейной терапии объясняют высокий риск *негативного контрпереноса* (трудно контролируемых ответных чувств аналитика), который может быть более интенсивным, чем при индивидуальной работе. Столкнувшись с высокой тревогой и упорным сопротивлением семьи, терапевты склонны испытывать растерянность и беспомощность, подталкивающую их к преждевременному завершению работы. В то же время, защищаясь от тревоги, члены семьи, прежде ведущие войну друг с другом, в ряде случаев объединяются против терапевта, активно нападая на него и обесценивая его усилия. Закономерно, что контрпереносные чувства терапевта в этом случае окрашиваются справедливым гневом и бессильной яростью. В такой ситуации, по мнению Натана Аккермана, «*терапевт обязан выбрать средний курс между полюсами тяжело переносимой близости и вспышек рискованной ярости, ведущих к дезорганизации и отчаянию*» [102].

Негативные чувства пациентов не следует рассматривать как неустранимое препятствие или доказательство неэффективности терапии — они являются основным, а нередко и единственным рычагом формирования мотивации позитивных изменений. Негативные переживания терапевта также очень важны. При правильном обращении они выступают источником информации о скрытой семейной динамике и динамике терапии. В отличие от индивидуальной терапии в семейном варианте поощряется более открытое выражение чувств терапевта. Также рекомендуется более активная работа с семейным сопротивлением, которое следует интерпретировать при первых же его проявлениях.

В результате перечисленных трудностей семейная терапия чаще прерывается, имеет меньшую продолжительность и сопровождается большей организующей активностью терапевта. По ироничному замечанию Майкла Николса, «*психотерапия стоит дорого, отнимает много времени и вызывает стресс, поэтому семьи стараются поскорее ее завершить*» [73].

***

Несмотря на имеющиеся проблемы, семейная терапия является наиболее адекватным и эффективным методом улучшения межличностных отношений. Будучи «терапией отношений», семейный поход гармонично сочетает преимущества индивидуальной и групповой работы. Последнее направление базируется на понимании динамики социальных процессов, анализу которых посвящена следующая часть.

ЧАСТЬ 3

Прикладной психоанализ

ГЛАВА 5

Психоанализ больших и малых групп

Основные понятия прикладного психоанализа

Использование анализа для лечения неврозов — лишь одно из его применений; будущее, возможно, покажет, что не самое важное.

З. Фрейд

В широком значении психоанализ — это особый культурный феномен, который выступает одновременно в нескольких ипостасях: наука о бессознательном; метод познания человека и его культуры; метод психотерапии; форма мировоззрения. В течение последнего столетия психоаналитические теория и практика претерпели существенные изменения. Многие положения пересмотрены или творчески доработаны. Ситуация изменилась настолько, что сейчас под общим названием *глубинная психология* сосуществует множество различных психологических моделей.

Исторически сложилось деление психоанализа, а точнее говоря — психоанализов, на три направления — *метапсихологическое*, *клиническое* и *прикладное*. Распространено мнение, что психоанализ зарождался как новый метод лечения неврозов, а основные открытия Фрейда и его соратников были сделаны в процессе клинической работы с пациентами. В результате за психоанализом прочно закрепилась слава метода лечения неврозов. Но факты свидетельствуют скорее об обратном: идеи психоанализа вырастали на культурологической почве. В одной из своих ранних книг «Толкование сновидений» (1900 год) Фрейд опирался не столько на клинические случаи, сколько на собственные сновидения и познания в области мифологии. В 1906 году Фрейд приступает к написанию первой официальной работы по прикладному психоанализу «Бред и сновидения в “Градиве” Иенсена», где литературная классика целенаправленно используется им для обоснования психоаналитических идей.

Споры о том, что изначально — клинический или культурологический психоанализ, не утихают до сих пор. Сегодня уже трудно сказать, чему в большей степени обязан своим происхождением эдипов комплекс — врачебной практике

Фрейда или его знанию мифологии. Как будто предчувствуя подобную путаницу, Зигмунд Фрейд писал в 1926 году: «*По практическим соображениям и для наших публикаций мы приобрели привычку отделять клинический психоанализ от других приложений анализа. Но это некорректно. В реальности граница проходит между научным психоанализом и его применениями (в медицинской и немедицинской областях)*» [134. С. 154].

Фрейд подчеркивал важное значение *немедицинского анализа*, основы которого были заложены им совместно с К. Юнгом, О. Ранком, К. Абрахамом. «Первооткрыватели» предложили несколько ключевых идей для последующего рассмотрения культурных процессов. Во-первых, они обратили внимание на то, что ранняя история целого народа аналогична истории детства отдельного человека. Например, по мнению Фрейда, эдипов комплекс является основополагающей структурой межличностных отношений и имеет особое значение для культурного развития народов. Во-вторых, если и существует коллективное бессознательное, то оно действует по тем же законам, что и индивидуальное бессознательное. Например, продукты народной фантазии — мифы и сказки — аналогичны сновидениям отдельного человека. В них, так же как и во снах, в символической форме проявляются скрытые желания, требующие удовлетворения. Наиболее важные культурные феномены, такие как религия, нравственность, мифология, представляют собой попытку компенсации недостаточного удовлетворения влечений. В-третьих, психопатология может наблюдаться не только у индивидов, но и у социальных групп или даже у целых народов. Некоторые исторические события напоминают невротические и даже психотические расстройства отдельной личности. Например, признаки такого заболевания, как паранойя (систематизированный бред), достаточно отчетливо проявляются в форме массового психоза, неоднократно встречающегося на протяжении истории человечества в форме так называемой охоты на ведьм.

С течением времени стало появляться все больше и больше работ, не имеющих непосредственного отношения к врачебной практике и ориентированных на психологический анализ культурных феноменов. Постепенно выяснилось, что психоанализ применим практически ко всем сферам культурной жизни: истории, искусству, педагогике, политике, рекламе.

Обобщая результаты собственной психотерапевтической, а также аналитической деятельности, М. М. Решетников писал: «*Я многократно убеждался, что терапевтический подход к анализу социальной реальности оказывается в ряде случаев чрезвычайно эффективным*» [95. С. 105].

Одновременно следует признать, что культурное направление не получило нужного самостоятельного развития и во многом сохраняет положение «бедного родственника» клинического психоанализа. Фрейд проявлял обеспокоенность нарастающим «медикоцентризмом», особенно со стороны американских врачей-психоаналитиков. Этот печальный факт отражен уже в самом определении прикладного психоанализа, который чаще всего понимается как «*использование идей и концепций, вытекающих из клинического психоанализа, для достижения более глубокого понимания различных аспектов человеческой природы, культуры и общества*» [84. С. 149].

История психоанализа свидетельствует, что такое определение не совсем справедливо, поскольку некоторые открытия сделаны именно в прикладных иссле-

дованиях, а затем уже экстраполированы на клинические ситуации. Подобным примером является известное исследование Фрейдом паранойи, основанное на автобиографии Даниеля Пауля Шребера (1911 год). Как бы там ни было, с 1920-х годов термин «прикладной психоанализ» широко используется в значении «немедицинский анализ». В настоящее время уже невозможно рассматривать прикладной психоанализ как приложение к психотерапии или ее следствие. Прикладной психоанализ имеет свой собственный предмет изучения, следовательно, должны быть и собственные оригинальные теории и методы, вытекающие из психоаналитической методологии. В связи с этим современные исследователи пытаются внести коррективы как в само название данного направления, так и в его содержание.

В. А. Медведев справедливо указывает, что для избежания терминологической путаницы целесообразно использовать хотя и не совсем удачный, но привычный термин — «прикладной психоанализ», понимая под этим *«теорию и практику психоанализа культурной среды»* [72. С. 499]. Культурная среда рассматривается автором как совокупность проекций на внешний мир содержания индивидуальной психики в символико-мифологической форме.

В настоящей работе представлен более широкий подход. *Под прикладным психоанализом мы понимаем совокупность теорий и методов, раскрывающих глубинные (бессознательные) аспекты общественных феноменов на основе психоаналитической методологии* [30]. Очевидно, что общей целью данного направления является повышение уровня организации и качества социальной жизни посредством научных открытий в области бессознательных процессов. Ввиду чрезвычайной сложности культурной жизни, выступающей объектом прикладного психоанализа, напрашивается его разделение еще на два направления — культурологический и социальный психоанализ.

Культурологический психоанализ можно также назвать лингвистико-символическим, поскольку *предметом* его изучения выступают разнообразные культурные символы. Данное направление представляет собой приложение психоаналитических идей к таким феноменам, как искусство, литература, религия, исторический процесс, народное творчество, творческая деятельность. *Цель* культурологического психоанализа можно сформулировать как выявление и структурирование коллективного психического содержания (и вытесненного и манифестного). *Основным методом* исследования культурных феноменов выступает психоаналитическое толкование культурных символов, которое в современном варианте обозначается как *символическая интерпретация*. Символическая интерпретация представляет собой процесс последовательного обнаружения и объяснения скрытого психологического содержания на основе имеющихся символов и намеков [30].

Приведем пример символической интерпретации такого яркого исторического события, как русская революция начала XX века. Для этого необходимо вспомнить, что институт царской власти на Руси начал формироваться еще в XIV веке, когда Василий III, отец Ивана Грозного, предпринял попытку объединения удельных княжеств под началом московского князя. К середине того же века образовалась сословно-представительная монархия — государство приобрело единую территориальную структуру и четкую систему управления. Династия Рюрико-

вичей после семисотлетнего господства уступила русский престол Романовым, правящим последующие 330 лет. Нетрудно подсчитать, что не менее тысячи лет русский народ жил под княжеско-царским началом. Образ царя-батюшки, вызывающего одновременно страх, любовь и жалость, стал по сути своей архетипическим для русского менталитета. Иррациональная связь русских людей с царем-отцом была слишком сильной и длительной, чтобы бесконфликтно выдержать усиливающиеся либеральные тенденции того времени. Очевидно, что свержение самодержавия в России — это не просто политический акт, это массовый процесс, направляемый бессознательными конфликтами коллективной души, вышедшей из-под отцовского контроля. На символическом уровне русскую революцию можно интерпретировать как разрешение эдипова комплекса в народном — сыновнем бунте и отцеубийстве с последующим раскаянием и готовностью подчиниться новому тирану-отцу (Ленину, Троцкому, Сталину и прочим).

Таким образом, психоанализ предлагает в наше распоряжение карт-бланш для глубинного исследования различных культурных феноменов. Следует отметить, что культурологическому направлению достаточно повезло — основная часть классических и современных работ в области прикладного психоанализа посвящена главным образом проблемам литературы, искусства и истории. Напротив, психоанализу социальных групп (далее мы будем называть его социальным психоанализом) посчастливилось меньше. Во-первых, непонятно, что должно считаться предметом *социального психоанализа* — отношения людей в группе, групповые ритуалы, групповые фантазии или что-то другое? Во-вторых, возникает множество вопросов относительно цели социального психоанализа и его методов.

В работе «Тотем и табу» Зигмунд Фрейд называет *социальными явлениями* все те, которые не связаны с выбором объекта как сексуального [139]. На основе этого мы можем выделить три различные сферы общественных феноменов:

1) либидинозные системы (семья, любовные отношения, дружеские связи);
2) символические системы (искусство, религия, наука);
3) социальные системы (большие и малые группы, организации).

Социальные системы подразумевают вертикальные и горизонтальные взаимоотношения людей, выходящие за рамки сексуальных целей. Следовательно, *предметом направления, которое мы обозначили как социальный психоанализ, являются неосознаваемые аспекты внутри- и межгрупповых отношений* [30].

В самом общем виде *цель социального психоанализа* может быть сформулирована как повышение эффективности управления социальными группами посредством осознания и структурирования групповых процессов. Более радикально настроенные «прикладники» видят цель в управлении людьми, в изменении их поведения и даже манипулировании массовым сознанием на основе психоаналитической методологии. Как бы там ни было, общая цель «прикладывается» к конкретным социальным феноменам и группам. В связи с этим в рамках социального психоанализа выделяют *психоаналитическую педагогику*, *психоанализ власти* (*политического лидерства*), *организационный психоанализ*, *психоанализ управления* и т. д.

Время поставило перед психоанализом ряд непростых вопросов о процессах, происходящих в обществе. Эти вопросы касаются трех различных видов групп.

В самом простом случае — это *малая группа*, состоящая из небольшого количества людей, которые непосредственно взаимодействуют. Например, отдел в организации или маленькая фирма. *Большие по численности группы* имеют другие характеристики и иную психологию. Большая группа может быть стихийной (например, болельщики на стадионе), а также номинальной (например, «миллионная армия телезрителей»), где люди лишены возможности диалога и личного взаимодействия. С другой стороны, большая группа может быть хорошо «организованной». В этом случае она будет иметь общие для всех участников цели, структуру и распределение ролей. Примером больших организованных групп выступают политические партии, армия, школа, коммерческая или производственная организация. Наряду с малыми и большими группами существуют *массовые объединения*. В данном случае речь идет о таких этнических объединениях, как народы и государства. При возрастании численности группы уменьшается роль межличностного взаимодействия и реальных отношений. Напротив, возрастает значение специфически групповых процессов — целей, структуры группы, лидерства, групповой культуры [30].

Разные группы требуют различных подходов. Например, законы внутрисемейных отношений нередко воспроизводятся в маленькой организации. Руководителю коллектива, состоящего из нескольких человек, рекомендуется занять отцовскую позицию, проводить с подчиненными праздники и поощрять домашнюю атмосферу. Теплые отношения в небольшой группе являются главным мотивирующим стимулом для большинства сотрудников, особенно для женщин. Этот мотив в ряде случаев оказывается сильнее даже материальных интересов. Однако по мере роста организации «семейственность» начинает препятствовать производственным целям и требует коррекции. На смену «инфантильной зависимости» приходят новые отношения «конкурирующего братства»: отделы соревнуются друг с другом, достижения становятся важнее отношений, а руководитель поднимается на недосягаемую высоту. В этом случае работает правило: чем дальше руководитель от «народа», чем меньше его знают подчиненные, тем лучше для организации в целом. Руководитель изымается из реальных отношений, он становится символом организации, ее «чревовещателем». Иное дело, когда речь идет о главе целого государства. Здесь вступают в силу законы массовой психологии, совсем непонятной простому человеку, временами попросту переходящие в мистику. Глава государства — это уже не реальный человек, а абсолютный символ нации, живая легенда и «стопроцентный имидж».

Психоанализ раскрывает «подводные» групповые процессы. В первой части было показано, что социальный психоанализ начинался с классических работ Фрейда («Психология масс и анализ Я» и «Недовольство культурой»). В сравнении с клиническими исследованиями он изначально был менее представлен в творчестве Фрейда. Впоследствии психоанализ общества не получил такого развития, как культурологическое или клиническое направление.

Среди возможных причин такого положения дел есть два обстоятельства. Первое — это чрезмерное увлечение идеей, что общественные процессы суть отражение индивидуальной психики (данный тезис является «перевертышем» известного закона Геккеля «онтогенез есть краткое повторение филогенеза»). Признавая важность индивидуального вклада, необходимо признать, что групповые процес-

сы не сводятся к простой сумме психологических особенностей их участников. Любая группа наряду с индивидуальными проявлениями имеет *специфические групповые качества*. Это наблюдается в самых разнообразных явлениях. Так, в каждом коллективе свой устойчивый психологический климат, свои мифы и ритуалы, несмотря на различные характеры отдельных людей. С другой стороны, несмотря на постоянство личностных проявлений, один и тот же человек ведет себя по-разному в различных группах. Группы, как люди, имеют свое бессознательное и свой характер. Мы несомненно проигрываем, когда редуцируем психологию группы к психологии индивида [30].

Второй причиной, затрудняющей развитие социального психоанализа, является чрезмерное увлечение *психопатологическими метафорами*. Экстраполяция клинического подхода на социальную реальность сопровождается навешиванием ярлыков. Описание психоаналитиками того или иного общества как «деструктивного, параноидного или депрессивного» наносит нарциссическую травму его представителям, усиливая сопротивление психоанализу и в конечном итоге повышая социальное напряжение. Использование психопатологического подхода за пределами психотерапии может быть неоправданным и рискованным.

Настоящее исследование представляет собой попытку применения психоаналитических идей к современным групповым процессам. Основными аспектами психологического изучения больших и малых групп выступают следующие феномены: *групповые интеракции*; *групповая идентичность*; *групповая культура*; *лидерство и власть*; *межгрупповое взаимодействие*; *социальная перцепция и публичный имидж*; *массовые коммуникации и реклама*. Мы рассматриваем перечисленные формы как сложные феномены, имеющие несколько уровней функционирования, в том числе неосознаваемый. В настоящей работе основное внимание уделяется бессознательным процессам и скрытым мотивам функционирования групп.

Бессознательная душа группы функционирует на нескольких уровнях. Это:

- индивидуальные особенности участников группы — *индивидуальное бессознательное*;
- скрытые процессы межличностного взаимодействия и адаптации друг к другу участников группы — *скрытые неосознаваемые интеракции*;
- неосознаваемые качества группы в целом, являющиеся результатом истории не отдельных людей, а целой группы, — *собственно групповое, или коллективное, бессознательное*.

В соответствии с логикой классического психоанализа групповое бессознательное питается влечениями. Это неосознаваемые либидонозные и агрессивные силы, которые появляются при соединении людей и «выбросе» при этом «свободной» энергии. Групповые влечения концентрируют в себе энергию, обеспечивающую активность группы. В самом общем смысле либидонозные влечения проявляются в устойчивом стремлении индивидов слиться в единое целое, отделившись от других групп, в то время как агрессивные тенденции обусловливают конкуренцию внутри группы и одновременно с этим враждебность по отношению к внешним объединениям. Данные силы определяют наиболее важные групповые цели — сохранение группы, ее сплоченность, защита от внутренней агрессии и внешних стрессоров, адаптация к окружающему миру, развитие. Групповые

влечения надежно укрыты в глубине коллективной души. Они не осознаются, но активно действуют, порождая разнообразные *бессознательные представления*. Представления, разделяемые большинством участников группы, составляют ядро коллективного бессознательного, его *содержание*. Это своеобразный сплав образов, ассоциативных цепочек, аффектов и поведенческих схем [30].

Само групповое бессознательное динамично и не структурировано. Неуловимые бессознательные образы принимают формы вполне осязаемых групповых феноменов. Группа пытается стихийно контролировать не только окружающую ее внешнюю среду, но и собственную субъективную реальность. Иначе говоря, групповое Я всячески старается обуздать собственные бессознательные процессы посредством структурирования их внешних проявлений. Перед группой стоит сложнейшая задача — *внести хоть какой-то порядок в иррациональный хаос*.

При этом основными внешне проявляемыми (манифестными) структурами группового бессознательного выступают ритуалы, групповые символы, отражающие общие ценности и идеалы, групповая идентичность, групповые мифы, характер группы. Именно эти структуры «связывают» групповое бессознательное, одновременно определяя уникальность группы. Приведем характеристику каждого из перечисленных групповых феноменов. Прежде всего это *повторяющиеся паттерны межличностного взаимодействия и групповые ритуалы*. Правила, запреты и праздники — главные элементы групповой души. Чем более развиты эти характеристики, тем сильнее и жизнеспособнее группа. Эти моменты не всегда прописываются на бумаге или повторяются вслух. Они передаются от бессознательного к бессознательному по механизму групповой индукции. В целом это то, что образует *традиции* — порядок, принятый в группе, повторяющийся независимо от ее состава. В то время как люди в группе сменяются, традиции остаются неизменными. Следовательно, не люди, а традиции образуют сущность конкретной группы, обеспечивая ее своеобразие и устойчивость во времени. Ритуализация групповой жизни — один из самых важных механизмов массобразования.

Традиции важны для любой группы независимо от ее размера. Например, для русского народа как большой этнической общности длительное время функцию традиционности выполняло православие. Именно оно было основным источником правил, табу и праздничных обрядов. Советская власть установила новые порядки и ритуалы — коммунистические субботники, военные парады, пионерские и партийные собрания, первомайские шествия. При всей неоднозначности советского режима проявления коллективного бессознательного были хорошо структурированы и защищены государством. Это давало людям ощущение комфорта и общей силы, по которым сейчас у многих проявляется естественная ностальгия. Чувства людей, стократно усиленные идеологическим рупором, были приближены к оргастическому ликованию первобытной толпы. Мы находим наглядное подтверждение данному факту в произведениях искусства и массовой культуры того времени. Советские песни наверняка войдут в историю как шедевры коллективного творчества, отражающие беспредельную сексуальную энергию людей, объединенных в массу. В качестве примера можно привести строки из праздничной первомайской песни, оживляющие архетипические образы и пробуждающие глубокие, фактически телесные, переживания:

Утро красит нежным светом стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом вся Советская земля.
Ветерок бежит за ворот, шум на улицах сильней,
С добрым утром, милый город — сердце родины моей.
Кипучая, могучая, никем непобедимая, страна моя,
Москва моя — ты самая любимая!

С началом перестройки советские ритуалы были обесценены как пережитки тоталитарной идеологии, в то время как другие традиции не были созданы, что неизбежно привело к дестабилизации массового сознания.

Групповая символика выступает следующей важной формой выражения коллективного бессознательного. Символы — это все то, что служит для обозначения общих смыслов, а также для объединения группы. Различают два основных вида групповых символов: 1) *символы-идеи*, отражающие групповые ценности, и 2) *символы-знаки*, подчеркивающие принадлежность к группе. Например, образы героев-революционеров помогали воспитывать советского человека в духе преданности коммунистическим идеалам. Красный флаг, пятиконечная звезда, серп и молот — все эти символы-знаки закрепляли социалистические ценности и способствовали формированию идентичности «мы — советские люди».

Любая группа реализует вполне конкретные ценности независимо от степени их осознания. Символы в экономичной и образной форме отражают идеалы группы. Символы также обеспечивают передачу ценностей от одного поколения к другому. Выбирая тот или иной символ, группа конкретизирует свою направленность и свои приоритеты. При смене ценностей или лидеров механизмы формирования группы остаются прежними. Вновь создаваемые группы, например партии или организации, прилагают специальные усилия к созданию своей культуры: разрабатывают идеи, подбирают объединяющее имя и логотип, вводят единую форму, изготовляют нагрудные значки и т. д. Все это позволяет достигать особого группового переживания, или «чувства мы». Участники группы начинают отождествлять себя с ней. Формируется групповая идентичность. В отличие от персональной *групповая идентичность* — это переживание сопричастности к жизни реальной или условной социальной группы. Главным признаком групповой идентичности является выраженное чувство «мы». Сформированная групповая идентичность означает, что личность принимает группу как «свою» — значимую (референтную) для себя, идентичную индивидуальным ценностям и установкам, одновременно отличную от других групп.

Другим элементом образования групп выступают *коллективные мифы*. Это полуфантастические образы или истории, отражающие наиболее глубинные и общие желания людей. Они разделяются большей частью группы и часто некритично воспринимаются как единственно возможная истина. Одновременно эти, спонтанно появляющиеся групповые образы или фантастические истории выполняют защитную и идеологическую функцию. Подобно невидимым нитям, мифы соединяют прошлое, настоящее и будущее группы. Всякое государство имеет собственные идеологические мифы, поддерживающие существующий режим. В этом отношении нет хороших или плохих мифов — все они одинаково преданно работают на свою социальную систему. Например, советский режим опирался на такие базовые мифы, как коммунический рай, всеобщее равенство и братство, бесчело-

вечная сущность капитализма, жестокая эксплуатация буржуазией пролетариата. При этом мир, противостоящий Советской России, использовал контр-мифы коммунистической чумы, империи зла, совершенства западной демократии. Изменения в групповой мифологии отражают серьезные изменения в обществе. Так, уже в годы так называемого застоя, который объективно был одним из наиболее спокойных периодов советской истории, наметилась тенденция, прямо противоположная официальной идеологии. На фоне массового обесценивания идей социализма начали доминировать явно преувеличенные представления о свободном Западе.

Групповые мифы делятся на две основные группы — *внутренние* (*о себе*) и *внешние* (*об остальных*). Независимо от своего содержания внутренние мифы структурируют бессознательные процессы, снижая тревогу группы и укрепляя ее идентичность. Внешние мифы обычно имеют более негативную форму, поскольку играют выраженную защитную роль. Они представляют собой проекцию основных страхов группы на потенциальных и реальных внешних врагов. Таким образом, какими бы ни были группа или общество, они стремятся относиться к своей жизни как более правильной, а к жизни соседа — по меньшей мере как вызывающей подозрения. Договориться сложно по двум основным причинам:

- «идеального общества» не существует — все известные социальные системы (демократия, диктатура пролетариата, конституционная монархия, тоталитарный режим) имеют свои плюсы и минусы;
- межгрупповые споры зачастую основаны не на объективных неустранимых противоречиях, а на бессознательных конфликтах и фантазиях участников.

Мифы господствуют не только в психологии народов, но и в любой другой социальной общности. Например, такая маленькая группа, как семья, буквально пронизана системными фантазиями: «закрытая семья» поддерживает свою целостность мифами (мы — очень дружная семья; мир жесток и полон опасностей; ни на кого, кроме семьи, нельзя положиться; нельзя выносить сор из избы; идти вразрез семейным традициям — значит быть предателем); «героическая семья» объединяет людей, разделяющих несколько иные представления (у нас в роду все были сильными; мы не можем проявлять слабость; мы должны помогать людям; мы должны быть самыми лучшими). Таким образом, мифология больших и малых групп выполняет группообразующую функцию. Мифы могут вредить отдельным людям, снижая степень их реалистичности и порождая проблемы в поведении. Но они, безусловно, содействуют созданию и сохранению группы как единого организма.

Наряду с уже перечисленными характеристиками особым качеством группы выступает ее *характер*. Группа, как и отдельный индивид, может иметь свой неповторимый характер, нормальный или отклоняющийся от общественных образцов. Наиболее очевидным его проявлением является эмоциональная атмосфера группы. В одной группе может доминировать атмосфера страха преследования, в другой — депрессии и виновности, а в третьей — сексуального возбуждения.

В общем смысле характер представляет собой привычный способ мышления, чувствования и поведения. Ранее было показано, что в психоаналитическом понимании характер определяется как *привычный способ разрешения интра-*

психических конфликтов, а также привычный способ контроля влечений. В этом отношении данное образование является следствием преимущественно бессознательных процессов. Характер отдельного человека слагается из определенных целостных образований, обозначаемых как *черты*. Каждая черта характера, в свою очередь, состоит из комплекса связанных между собой составляющих — психологических защит, устойчивых паттернов мыслей, аффектов и действий. Черты характера, как и невротические симптомы, являются *компромиссными образованиями Я*, стремящегося примирить три силы: бессознательные влечения, требования внешней среды и совесть. Однако черты характера более устойчивы, нежели симптомы, они способны лучше связывать тревогу и переживаются субъектом как часть самости.

В психоанализе также используется понятие «организация характера». Это целостное единство, недоступный наблюдению синтез черт, о котором, однако, вполне можно судить по поведенческим проявлениям. Наряду с этим говорят о характерологических типах. *Типы характера* — это произвольные единицы, необходимые для описания и сравнения характеров. В основе существующих типологий лежит один из четырех критериев: доминирующий тип эротики; преобладающие защитные механизмы; типичные поведенческие проявления; доминирующие симптомы и нарушения [84].

Каждому критерию, в свою очередь, соответствуют специфические типы характера.

Психоаналитические типологии характеров

Критерий	**Возможные типы характера**
Доминирующий тип эротики	Оральный, анальный, уретральный, фаллическо-нарциссический, генитальный
Преобладающие защитные механизмы	Изолирующийся, диссоциативный, рациональный, морализаторский, реактивный, творческий и др.
Типичные поведенческие проявления	Маскулинно-агрессивный, пассивно-женственный, конформный, садистический, мазохистический, деструктивный, авторитарно-тоталитарный
Доминирующие симптомы и нарушения	Психопатический, шизоидный, параноидный, обсессивно-компульсивный, депрессивный, маниакальный, истерический, психотический, пограничный, невротический

В качестве иллюстрации приведем краткую характеристику типов характера по психосексуальному типу с описанием соответствующей символики [30].

Люди с *оральным характером* могут проявлять оптимизм либо депрессию в зависимости от того, удовлетворены или фрустрированы их оральные потребности. Своим пассивным поведением они могут побуждать других заботиться о них или, напротив, проявлять агрессивную ненасытность. Они также могут быть великодушными и благородными, отождествляя себя с кормящей матерью, но могут быть жадными и малодушными, идентифицируясь с фрустрирующей матерью.

Доминирующими чертами оральной эротики выступают вербальная агрессия, чрезмерный оптимизм или пессимизм, жадность или чрезмерная щедрость, зависимость, требовательность, нетерпеливость, беспокойство, любопытство. Примеры оральной символики: рот, губы, язык, женская грудь, соска, бутылка, посуда, еда, жевание, кусание.

Если черты орального характера удается определить с помощью соответствующих потребностей, то проявления характера анального типа существенно определяются такими защитными паттернами, как реактивные образования. Признаками *анального характера* считаются педантичность, упрямство, навязчивости, бережливость, скупость, прямолинейность, садомазохистские тенденции. Анальная символика включает: сдерживание, опорожнение, фекалии, грязь, стерильность. Лица с *уретральным характером* описываются как честолюбивые, постоянно соперничающие, склонные к стыдливости и перфекционизму. Уретральная символика: струящаяся вода, высота. Лица с *фаллически-нарциссическим характером* очень похожи на предыдущую группу. Они склонны к безрассудству, самоуверенности и демонстративности. Другие нарциссические характеристики: сила, настойчивость, агрессивность, высокая потенция, мужественность, честолюбие, высокомерие, склонность к соперничеству. Нарциссическая символика: фаллос, обнаженное тело, вытянутые предметы, ружья, ножи, автомобили, дети. *Генитальный характер* соответствует зрелому уровню психосексуального развития — уровню доминирования взрослой генитальности и способности к объектной любви. Его характеристики: продуктивность, сексуальность, способность к разрядке, способность к сублимации. Генитальная символика: объектная любовь, оргазм, удовольствие, движение, творчество.

Предполагается, что в психической структуре отдельного народа также может доминировать определенный тип характера. Этот феномен определяется историей народа, его травмами и ключевыми переживаниями. Например, современную северную европейскую культуру с ее стремлением к порядку, экономии и контролю можно описать через характеристики анального характера. Россия, очевидно, попадает в группу с преобладанием оральности, Америка — нарциссизма. В целом современный западный мир (Европа, Северная Америка, а с недавнего времени еще и Россия) пронизан нарциссическими проявлениями. Стоит признаться, что мы живем в эпоху нарциссизма. Развитие индивидуалистических ценностей в западной культуре привело к смене психологических ориентиров. Подобно тому как русская интеллигенция XIX века стремилась «принести пользу обществу», современный человек озабочен личным комфортом и успехом. «Полюбить самого себя» — таков девиз нового времени.

Америка с ее стремлением к мировому первенству представляет собой некий эталон нарциссической культуры. Как известно, эта страна началась с мечты о лучшей жизни. Она собрала людей различных национальностей, но с общей верой в совершенную жизнь. Переселенцы, их первые и последующие поколения, несомненно, обладали ценными психологическими качествами. Это мужество, выносливость, целеустремленность, открытость новому опыту. Но главное, что могло определить развитие американского народа, — они видели себя спасителями страждущих всей Европы. Бессознательные фантазии первых переселенцев, а также их осознаваемые мечты навеки запечатлены на статуе Свободы:

Приведи ко мне всех усталых, всех бедных,
Всех скученных в стада, желающих дышать воздухом свободы,
Всех несчастных изгоев твоих многолюдных берегов,
Приведи ко мне бездомных, заброшенных сюда бурей.
Я поднимаю свой светильник над золотой дверью.

Миф о райском саде и нарциссическая фантазия о совершенстве перевоплотились в национальную идею о мировом господстве. Как известно, главной особенностью нарциссизма является *ощущение собственной грандиозности*. По причине «несовершенства» остальных государств Соединенные Штаты выполняют почетную миссию управления. Они великодушно бросаются на защиту интересов национальных меньшинств, по-детски забывая о собственном геноциде индейцев, вину за который они как будто бы еще полностью не осознали. Рискуя собственным народом, они борются с мировым терроризмом, отрицая собственную агрессию. Насилие, даже если оно прикрыто знаменем борьбы за демократию, порождает еще большее насилие. Трагедия 11 сентября 2001 года, когда террористы-смертники направили самолеты в башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, унесла жизни более трех тысяч человек девяносто одной национальности. Мир понес невосполнимую потерю. Если оценивать действия исламских террористов с точки зрения бессознательной динамики, то их вполне можно интерпретировать как «символическую кастрацию» американского нарциссизма. Башни как фаллические символы американской мощи были садистически «срезаны» двумя самолетами. Средства массовой информации свидетельствовали, что весь исламский мир переживал нарциссический триумф.

На конкретных примерах мы убеждаемся, что преобладание тех или иных влечений может определять судьбу малой группы или целого народа. Одновременно группы существенно различаются *по типу доминирующих защит*. В связи с этим можно предложить еще одну классификацию, углубляющую наши представления о характерах групп [30].

Враждебная группа постоянно ощущает угрозу. Люди проецируют на внешний мир и отдельных участников группы собственные деструктивные и неприемлемые качества. Для такой группы характерна атмосфера страха, подозрительности и закрытости.

Соглашательская группа, напротив, преуменьшает опасность, отрицает проблемы и уходит от их решения. Проблемы замалчиваются, чувства не выражаются. В этом случае наблюдается стагнация развития или регресс.

Компульсивная группа отыгрывает тревогу во внешних действиях. Такая группа отличается бурными конфликтами, суетой и гиперактивностью ее членов.

В рационально-механистической группе преобладают рационализация, строгое следование принятым формальным правилам и алгоритмам действия. Для нее типичны устоявшийся порядок, спокойная атмосфера и преобладание логики над чувствами.

Креативная группа характеризуется доминированием механизма сублимации. Такому характеру присущи развитое чувство юмора, творчество и продуктивность.

Таким образом, на определенном этапе своего развития группа или даже целое общество может демонстрировать доминирование черт того или иного характера.

В свою очередь, тип характера проецируется на различные культурные и общественные феномены.

Мы рассмотрели основные составляющие коллективной души. Это ритуалы, символы, мифы, групповая идентичность, характер группы (групповые аффекты, типичные защиты и повторяющиеся паттерны взаимоотношений). Другой важный вопрос: каким образом группа влияет на отдельных ее членов — каковы механизмы функционирования группового бессознательного? Психоанализ открыл нам два основных механизма массобразования: *идентификацию участников группы друг с другом* и *их зависимость от лидера* [126]. Это означает, что люди в группе объединяются двумя основными способами — через установление сходства друг с другом и через подчинение лидеру. Ранее отмечалось, что люди испытывают максимальный комфорт, когда находятся среди равных себе людей, а также ощущают постоянную заботу со стороны сильного и авторитетного лидера. Отклонения от этого правила приводят к конфликтам и распаду группы.

Другим важным механизмом функционирования группы является *расщепление*. В то время как маленький ребенок делит все объекты на «хорошие» и «плохие», взрослый человек усложняет этот процесс введением новых дихотомий, таких как добро — зло, грех — добродетель, справедливость — беззаконие. Рождение социальной группы означает одновременное разделение мира на две части — *мы* и *они*. Образуется устойчивая ассоциативная цепочка «мы — свои — хорошие — заслуживающие доверия», и «они — чужие — плохие — заслуживающие ненависти». Таким образом формируется *образ врага*, который порождает большинство межгрупповых конфликтов, в том числе войны. При этом чем менее участники группы знакомы с представителями другой группы, чем острее ощущаются различия, тем сильнее может быть выражена внешняя агрессия. Напротив, враждебность снижается при личном знакомстве, совместной деятельности, углублении знаний друг о друге и акцентировании внимания на общих интересах.

Деление на «своих» и «чужих» («хороших» — «плохих») характерно для всех социальных объединений. Любая группа невольно ищет внешних врагов, окружая их сплетнями и мифами, приписывая им негативные характеристики. С одной стороны, это способствует формированию групповой идентичности, с другой — усиливает напряжение и агрессию, которые могут причинить вред как самой группе, так и обществу. Опытные руководители стараются управлять данным процессом в конструктивных целях, предлагая группе адекватные интерпретации событий и преобразуя агрессивные импульсы в позитивную активность. Но возможны и другие варианты. Например, правила «черного» PR предписывают лидеру обязательный поиск внешних врагов (конкуренты, налоговая инспекция, кризис). Если внешний враг отсутствует, группа может проецировать негативные переживания на кого-то из своих членов, в том числе и на руководителя. Зная это, некоторые лидеры целенаправленно берут себе в замы «непопулярных» в коллективе людей, выполняющих роль их «тени» — контейнера групповой агрессии. Такому человеку официальный лидер негласно делегирует собственные негативные качества, наделяя его ролью преследователя, мучителя или скандалиста. На фоне такого заместителя имидж руководителя действительно выигрывает, а ситуация остается под контролем. Следует признать, что в целом атмосфера в коллективе будет напряженной, но зато агрессия будет смещена с руководителя на «специ-

ально отведенные для этого объекты». Аналогичный эффект достигается при выдвижении самой группой так называемых козлов отпущения — непопулярных членов группы, на которых проецируются агрессивные чувства и фантазии [30].

При объяснении групповых процессов также необходимо иметь в виду особую предрасположенность людей, находящихся в группе, к *психическому заражению*. Групповые процессы очень подвижны, они подобны ядерному взрыву — настроение начальника моментально передается всему коллективу, а слухи (разновидность групповых мифов) распространяются с небывалой скоростью. В целом люди в группе более склонны к подражанию, некритичному и рискованному поведению, чем за ее пределами.

Феномен групповой культуры

Мы видим манифестации культуры, но никогда не видим саму культуру.

Д. Мацумото

Анализируя глубинные характеристики больших и малых групп, мы не можем обойтись без термина «культура». В наиболее общем представлении культура — это все, что создано руками и интеллектом человека. Это также исторически определенный уровень развития общества. Данное понятие имеет два основных аспекта: 1) *духовная культура* как форма общественного сознания (скрытая составляющая, которая нередко ассоциируется с культурой в целом); 2) *материальная культура* как совокупность физических процессов и объектов, созданных человеческими руками (внешняя составляющая).

В целом культура относится к самым разнообразным граням групповой жизни, но саму ее нельзя ни увидеть, ни попробовать на вкус. Культура — это некая абстракция. Мы видим ее проявления, но никогда не видим саму культуру. Главными параметрами групповой культуры являются: хронологические изменения в жизни людей — *история группы*; ведущие представления и ценности — *духовность группы*; слова и символы — *язык группы*; межгрупповые различия в поведении людей — *самобытность группы*.

Мы можем наблюдать непрерывный процесс трансформации внешних проявлений культуры при сохранении и трансляции ее глубинных составляющих. Культура больших и малых групп начинается со всемирной истории. Понять душу конкретного народа означает в первую очередь исследовать его историю, выделяя повторяющиеся события и травматические переживания. Как отмечалось выше, душа группы подобна многослойному пирогу, на поверхности которого располагаются наблюдаемые и осознаваемые актуальные события, чуть глубже — скрытые процессы и история конкретной группы, в центре — иррациональные аспекты истории народа, а в самой глубине — полностью бессознательные архетипы и отголоски древней истории человечества.

Данные антропологии свидетельствуют, что процесс происхождения и развития человека длится уже не менее миллиона лет. Миллион лет люди объединяются в группы и используют орудия труда. Примерно 200–300 тысяч лет назад,

в эпоху среднего палеолита, появляются первые свидетельства знаковой деятельности и культовых обрядов (погребения людей, изображения животных), а значит, и первые доказательства существования коллективной души. Итак, возраст коллективного бессознательного исчисляется тысячелетиями. Столь длительный период существования позволяет выделить некоторые закономерности его развития.

Культурная история человечества начинается в наиболее благоприятных частях планеты (долинах рек Нила, Тигра и Евфрата, Инда, Хуанхэ) около семи тысяч лет назад. К этому времени люди объединяются в государства, у них развиты ремесла, и, что особенно важно, около трех тысяч лет до нашей эры появляется письменность. В целом, как указывает Карл Ясперс (1949 год), культурная история, располагающая документальными данными, длится примерно пять тысяч лет. Следовательно, таков возраст более или менее сознательной жизни человечества. У Карла Ясперса также есть понятие *осевого времени*. По его мнению, это период, примерно с VIII по II век до нашей эры, когда отдельные культурные очаги, существовавшие до этого, объединились в цивилизацию. Это эпоха духовного объединения человечества. Именно в это время появился человек такого типа, который в основных своих чертах сохраняется и по сей день [30].

Античность (европейская древность) в существенной мере определила менталитет современных людей (III–II тысячелетие до нашей эры). В эллинах (греках) и римлянах европейцы видят своих исторических предков. Отсюда начинается линия культурной преемственности эпох: Античность — Средние века — Новое время — Новейшее время — Постмодернизм. По существу, две поэмы слепого поэта Гомера «Илиада» и «Одиссея», сформировали наше представление об эпохе героев и олимпийских богов. Образы последних стали важной составляющей коллективного бессознательного европейских народов. Античное время также связывают с выделением самосознания европейцев.

Золотое время античности историки противопоставляют темному периоду (V–XV века) Средневековья. *Средние века*, по мнению ряда исследователей, представляли собой исторический компромисс между язычеством и христианством. В целом для менталитета этого времени были характерны сверхчувствительность, поляризованность эмоциональной сферы, нерасчлененность интеллектуальной и эмоциональной сфер. В сфере групповых отношений доминировали конформизм по отношению к «своим» и выраженная агрессия по отношению к «чужим». В это время также наблюдаются процессы *усиления сознательного контроля над влечениями*. Охота на ведьм как одна из проекций сексуальных импульсов сопровождалась усилением «страха Господня», аналогом совести современного человека.

Предприимчивость и рационализм стали главным содержанием Нового времени. Для психодинамики данной эпохи характерны, с одной стороны, усиление давления общественной морали, с другой — разрешение интрапсихических конфликтов в открытой форме революционной борьбы. Европейские революции продемонстрировали не только явно возросшее стремление человека к свободе, но и разгул влечений; XX век по праву можно назвать веком утопических доктрин и тоталитарных режимов (советский режим, фашизм). Тоталитарный контроль, пришедший на смену авторитарного правления, стал той репрессивно-идеологической машиной, которая довела до абсурда отношения между государством и индиви-

дом. Проведенный анализ показывает, что история балансирует между двумя полюсами — *прорыв бессознательных влечений масс сменяется ужесточением контроля со стороны государства*.

Маркером XXI века стало стремительное распространение *массовой культуры*. Благодаря высоким технологиям реальные отношения людей все более вытесняются их дистанцированно символическими вариантами и виртуальными образами (телевидение, телекоммуникации, Интернет). Массовая культура сопровождается обесцениванием реальных межличностных отношений и ростом аутодеструктивных тенденций [30].

Не только большие народы, но и более мелкие социальные группы различаются по своей культуре. *В настоящее время приобретает все большее значение вопрос о сущности организационной культуры*. Как известно, организация (государственная, коммерческая, общественная) — это структура, созданная людьми для достижения определенных целей. Одним из ведущих свойств организации выступает ее культура. *Организационная культура* — сравнительно новое понятие. Впервые оно было описано в литературе в 1979 году и стало общеупотребительным в 1980–1990-х годах. В настоящее время этот термин используется в двух основных значениях: в широком смысле *организационная культура* понимается как организация в целом; в более узком понимании (на наш взгляд, более корректном) — это особый социально-психологический конструкт, отличающий конкретную организацию от других и определяющий ее уникальность. Далее мы будем придерживаться последнего значения.

Организационная культура определяется по крайней мере четырьмя факторами: особенностями национального менталитета; формой и содержанием конкретной деятельности; личностью руководителя и индивидуальными особенностями сотрудников. В отличие от других характеристик организации, например целей и ее структуры, культура группы трудно поддается анализу и часто выступает в роли плохо контролируемой переменной. В то же время современные исследования подтверждают особое ее значение для жизни организации и эффективности.

Существует множество определений организационной культуры. Р. Дафт рассматривает организационную культуру как набор ценностей, убеждений и способов мышления и понимания окружающего мира, который является общим для всех членов организации и преподается новым членам как правильный [30]. Д. Мацумото понимает организационную культуру как *динамическую систему правил, разделяемых членами организации* [72]. Организационная культура, таким образом, представляет собой нечто большее, чем просто повседневные формы поведения. Она имеет отношение к глубоко укорененным ценностям и убеждениям, значимым для организации в целом. Это динамичный конструкт, существующий на трех уровнях: индивидуальном, межличностном и внешнеорганизационном.

По мнению ряда авторов, например Эдгара Шейна, культура группы может быть определена как *паттерн коллективных базовых представлений*, формирующихся в процессе адаптации к внешней среде и внутренней интеграции. Любая организация существует в непростой, а иногда и выраженно агрессивной внешней среде. Необходим «хороший раствор», который бы накрепко соединил участников группы и придал им силы для выживания в любых условиях. Функции такого «цемента» и выполняет организационная культура [72].

Культура организации обычно описывается через *внешне наблюдаемые* и *скрытые элементы*. К основным характеристикам организационной культуры относятся: направленность организации (история, традиции, философия, провозглашаемые ценности и цели); язык и символы; стиль руководства; фирменные стандарты (эстетика внутреннего пространства и стиль одежды, правила поведения, ритуалы и церемонии); манера общения и психологический климат (эмоциональная атмосфера); профессиональный опыт и технологии; имидж организации и отдельных сотрудников; неосознаваемые представления и установки (групповые ассоциации, повторяющиеся паттерны поведения, мифы, защиты).

Считается, что фундаментом культуры организации выступают *ценности*, разделяемые участниками группы. Ценности — это то, что провозглашается группой как «правильное и хорошее» в жизни. Они определяют организационные цели, групповые стандарты и правила. Например, к современным групповым ценностям относятся: преданность организации, умение работать в команде, высокий профессионализм, личная инициатива, ответственность, способность к риску, открытость новому опыту и новой информации, гибкость и адаптивность. Групповые идеалы могут не совпадать с ценностями отдельных сотрудников. В этом случае с большой вероятностью будут иметь место скрытый или явный конфликт конкретного человека с членами группы, его сопротивление требованиям руководства и низкая мотивированность.

Организационные ценности тесно связаны с историей народа и его культурой, в том числе с религиозной традицией. Так, небывалый промышленный успех в XX веке ряда азиатских стран, так называемых пяти драконов, — Японии, Гонконга, Кореи, Тайваня и Китая, многие исследователи объясняют влиянием конфуцианства. Конфуцианские принципы и идеи были экстраполированы на производственные ценности. Например, следующие положения: четкая статусная иерархия повышает стабильность в обществе; семья выступает прототипом всех социальных организаций; постоянное учение, напряженный труд, стойкость и скромность являются высшими жизненными добродетелями. Аналогично исследователи западной культуры проводят параллели между протестантской этикой и характером производственных отношений. Для сравнения приведем перечень культурных ценностей американских бизнесменов, проявляющихся в переговорных процессах. Это: время, личный контроль над ситуацией, профессиональная специализация, прагматизм, демократия, равные возможности, независимость и конкуренция [71].

Базовые ценности носят преимущественно латентный характер и проявляются косвенно, в то время как *ритуалы* служат средством наглядной демонстрации ценностных ориентаций организации. Они призваны напоминать сотрудникам о стандартах поведения, нормах взаимоотношений в коллективе, которые от них ожидаются компанией. Например, *ритуалы поощрения* направлены на то, чтобы выразить одобрение конкретных достижений или действий, утверждающих корпоративные ценности. Это могут быть вечеринки по поводу успешного завершения работы, традиционные обеды в честь «заслуженных» сотрудников, церемонии награждения. *Ритуалы порицания*, напротив, выражают неодобрение в отношении человека, ведущего себя вразрез с установленными нормами. Официальными ритуалами порицания являются увольнение, понижение в должности, снижение заработка. Неформальными проявлениями неодобрения выступают игнорирование сотрудника, например его «неприглашение» на регулярное мероприятие, где собирается весь

коллектив. *Ритуалы интеграции* предполагают действия, способствующие формированию групповой идентичности и достижению большей согласованности действий. Это: процедуры посвящения новичков в члены группы, празднование дня основания организации, чествование ветеранов, корпоративные вечеринки, совместные поездки на отдых и занятия спортом.

Ритуалы посвящения новичков оказывают наиболее мощное влияние на их последующую солидарность с группой. Подобные ритуалы стихийно складываются во многих группах, и особенно в тех, которые находятся в опасных или сложных условиях (например, в армии или местах лишения свободы). Но и в обычных условиях обряд посвящения (или братания) способствует формированию четкой групповой идентичности. Он уходит своими корнями в глубокую древность, когда инициация (посвящение мальчиков в мужчины) носила обязательный и довольно жестокий характер. Этнографические исследования показали, что племена, проводящие самые жестокие церемонии инициации, отличались наибольшей сплоченностью и преданностью группе [71].

Основные ценности и убеждения находят выражение не только в ритуалах, но также в программных документах, кодексах чести, книгах о внутрифирменных стандартах по ведению бизнеса, а также в *девизах и лозунгах*. Являясь одним из элементов корпоративной культуры, девизы в емкой и лаконичной форме подчеркивают наиболее сильные, значимые стороны той или иной компании. Другой культурный феномен, отражающий групповые ценности, — это организационная *символика*. Символика существует в форме логотипов, фирменных эмблем, фирменной одежды и т. д.

Важными составляющими развитой организационной культуры являются *мифы* и *легенды*. Они существуют, как правило, в виде ярких, метафорических историй или анекдотов, циркулирующих в организации и передающихся от одного поколения к другому. Обычно они связаны с созданием фирмы, жизнью ее «отцов-основателей», яркими страницами в ее истории. Значительное место в мифологии организации занимают ее прошлые и настоящие «герои», принесшие организации наибольший успех. Мифы нередко дополняются произведениями устного творчества, такими как песни, стихи, эпиграммы, афоризмы, анекдоты, слухи, тосты, «фирменные» шутки.

Для того чтобы описать влияние культуры на эмоциональное самочувствие отдельных сотрудников и характер их взаимоотношений, используется понятие *психологического климата*. Данный термин распространен в отечественной психологии, но редко встречается у зарубежных авторов. В то же время в зарубежных исследованиях широко применяется близкое понятие — *организационный климат*. Д. Мацумото отмечает, что первые статьи по поводу организационного климата были написаны еще в 1939 году, в то время как понятие организационной культуры является относительно новым. Д. Мацумото проводит различие между двумя терминами: «*Если культура — это система правил, разделяемых членами организации, то организационный климат имеет отношение к общему восприятию того, как идут дела в целом. Если климату свойственны менее длительные временны́е рамки, то культура — это долгосрочный, медленно меняющийся стержневой атрибут организации*» [72. С. 365].

Культура включает в себя базовые ценности и согласованные представления о разных вещах, а в понятие климата входит их индивидуальное восприятие (чув-

ства, отношения), которое изменяется вместе с изменением ситуации. Показателями *здорового психологического климата* считаются: высокая удовлетворенность сотрудников своей работой и организацией, лояльность сотрудников к решениям руководства, низкий уровень конфликтности, быстрое и конструктивное разрешение конфликтов, низкая текучесть кадров, общение сотрудников вне работы [34, 71].

Рассмотренные элементы являются составными частями любой организационной культуры. Организации, имеющие прочие сходные характеристики (размер, сфера деятельности, цели), могут существенно различаются по своим культурам. В зависимости от степени выраженности отдельных элементов и доминирования каких-либо из них выделяют разные *типы организационных культур*. Например, учитывая характер власти, контроля и распределения ролей, С. Хэнди выделил четыре типа культур. *Культура власти* («паутина») отличается доминированием личной власти лидера. *Культура роли* («пантеон греческих богов») ориентирована на структуру. *Культура задачи* («сеть») акцентирует внимание на результате и характере выполнения работы. *Культура личности* («созвездие») представляет собой объединение свободных личностей, проявляющих творческую инициативу и реализующих как общие, так и индивидуальные цели [30].

К. Камерон и Р. Куинн использовали иные критерии: 1) ориентация группы на интеграцию или дифференциацию; 2) изменяемость или стабильность. В результате ими были получены четыре типа культуры: клановая, адхократическая, иерархическая, рыночная. *Клановая культура* представляет собой довольно дружественное место работы, организация похожа на большую семью; руководители воспринимаются как воспитатели и даже как родители; особо ценятся традиции и преданность организации, большое значение придается сплоченности коллектива, групповой работе и комфортному моральному климату; успех определяется добрым отношением к потребителям/партнерам и заботой о людях. *Адхократическую культуру* (от лат. *ad hoc* — по случаю) можно описать как динамичное предпринимательское и творческое место работы; лидеры считаются людьми, готовыми рисковать; связующей сущностью организации является стремление к экспериментированию и новаторству; в долгосрочной перспективе организация делает акцент на росте и обретении новых ресурсов; успех интерпретируется как лидерство на рынке продукции или услуг; организация поощряет личную инициативу и свободу сотрудников. *Иерархическая культура* — это, в свою очередь, очень формализованная и структурированная среда, где господствуют процедуры и предписания; лидеры гордятся тем, что они рационально мыслящие координаторы и организаторы; организацию объединяют формальные правила и официальная политика; руководство озабочено гарантией занятости и обеспечением долгосрочной предсказуемости. *Рыночная культура* ориентирована на результаты работы и выполнение поставленной задачи, люди целеустремленны и соперничают между собой; лидеры — твердые руководители и суровые конкуренты, они непоколебимы и требовательны; организацию связывает воедино акцент на стремлении побеждать; репутация и успех являются общей заботой; стиль организации — жестко проводимая линия на конкурентоспособность [34]. Таким образом, прослеживается тенденция выделения типов организационных культур преимущественно на основе таких критериев, как *направленность организации* и *стиль управления*.

В общем виде бессознательными компонентами организационной культуры выступают скрытые групповые представления и фантазии, а также повторяющиеся паттерны взаимоотношений и поведения членов группы. По мере развития организации формируются некие *обобщенные образы*, которые автоматически передаются от одного участника группы к другому. Таким образом, создается *единое образно-семантическое поле*, которое позволяет людям понимать друг друга без слов. Сотрудники вырабатывают общее ви́дение и эмоциональное отношение к значимым для организации вещам — к успеху, руководству, работе, конкурентам, организации. Это, в свою очередь, порождает чувство общности и групповой идентичности.

Мы должны признать, что в организации действуют скрытые психологические силы, которые хотя и трудно контролировать, но нельзя игнорировать. Они должны пониматься и приниматься к сведению. Не претендуя на полноту взгляда, мы выделили *несколько глубинных факторов, определяющих культуру организации*: интеграция — индивидуация (коллективизм — индивидуализм); маскулинность — феминность культуры; сила власти (близость — дистанцированность, эталонность, толерантность, реалистичность); доминирующие групповые влечения; преобладающие психологические защиты; четкая — диффузная групповая идентичность [30].

Человеческая природа отличается двойственностью своих проявлений. Одна из наиболее драматичных дилемм личностного бытия определяется как столкновение двух мощных влечений: слиться с людьми или освободиться от их влияния. Каждый человек находит свой собственный ответ на этот сложный вопрос. Люди, выбирающие свободу и независимость, зовутся индивидуалистами, а те, кто, убегая от одиночества, предпочитает близость и объединение с людьми, обозначаются как коллективисты.

Подобно индивидам, организации также различаются по стремлению к интеграции. Под коллективизмом понимается характеристика группы, отражающая доминирование общих интересов над личными. В коллективистских организациях люди имеют более тесную связь с коллективом. В таких группах люди больше проводят времени в общении друг с другом, они более открыты и зависимы от группы, поскольку выживание в целом существенно зависит от успеха всей группы. Напротив, в группе с индивидуалистической направленностью люди мотивированы преимущественно личными целями. Они любят самостоятельную работу, более разобщены и независимы, а выживание определяется индивидуальным успехом.

Стремление к объединению зависит не только от особенностей конкретной организации, но и от такой глобальной характеристики, как национальный менталитет. В одних культурах поощряют коллективистские тенденции, а в других — индивидуалистические. Считается, что западная культура в целом является более индивидуалистически настроенной. Великобритания, Соединенные Штаты, Австралия и Канада демонстрируют самые высокие показатели по индивидуализму. Одновременно это значит, что в организациях данных стран больше ценятся независимость сотрудников, их инициатива и самостоятельность, индивидуальные решения, личные достижения. В организациях же других государств, например Перу, Пакистана, Колумбии, напротив, большее значение придается дисциплине,

групповым решениям, отношениям в группе, ответственности друг перед другом, заслугам перед организацией [71].

К сожалению, пока не ясно, какая из двух характеристик гарантирует организации больший успех. Однако известно, что они по-разному влияют на решение различных задач. Так, коллективизм повышает удовлетворенность сотрудников от своей работы и организации в целом. Он также позволяет группе эффективнее действовать в кризисных ситуациях. Кроме того, замечено, что женщины чувствуют себя комфортнее именно в коллективистских организациях. Жители слаборазвитых стран также более ориентированы на коллективизм, возможно, из-за того, что в группе проще преодолевать экономические и жизненные трудности. Одновременно с этим индивидуалистическая культура способствует более полному самовыражению сотрудников и повышению личных достижений. Такую атмосферу предпочитают творческие личности, а также жители стран с высоким уровнем жизни.

Наряду с вопросами коллективизма и индивидуализма применительно к организации возникают различные *вопросы, связанные с гендером* (психологическими характеристиками пола). Например: каковы принципиальные различия в женской и мужской психологии; что привносят в организацию женщины, а что мужчины; чем отличается женская организация от мужской?

Благодаря психоанализу мы знаем, что в своей психологической сущности человек бисексуален. Это означает, что каждый из нас является носителем как мужских, так и женских качеств. При этом женственность (феминность) ассоциируется с пассивностью, принятием и слабостью, а мужественность (маскулинность) — с активностью, проникновением и силой. Представление, что мужчины и женщины являются носителями строго определенных качеств, обозначается как гендерные стереотипы.

В области кросс-культурного изучения гендерных стереотипов наибольшую известность получило исследование Уильяма и Бреста (1982 год), в ходе которого был проведен опрос почти трех тысяч жителей тридцати стран. Полученные результаты свидетельствуют о стабильности стереотипов в различных странах. В соответствии с типичным образом мужчины воспринимаются как активные, сильные, самостоятельные, критически настроенные, доминирующие, независимые, агрессивные, демонстративные, настойчивые и стремящиеся к достижениям. Напротив, женщины априорно оцениваются как более пассивные, слабые, эмоциональные, заботливые, адаптивные, подчиняющиеся, признающие авторитеты и стремящиеся к объединению. Социальные стереотипы предписывают строго определенное поведение в соответствии с полом, в то время как в случае каждого конкретного человека наблюдается индивидуально-уникальное сочетание перечисленных качеств далеко не всегда в пользу биологического пола [71].

Подобно тому как психологический пол человека определяется соотношением в нем женских и мужских тенденций, в организации могут доминировать признаки маскулинности или феминности. В организационных культурах с высокими показателями маскулинности более выражены ценности личных достижений, независимости и карьеры. Здесь обычно меньше женщин на квалифицированных и хорошо оплачиваемых работах и выше общий уровень агрессии. Напротив, при высоких показателях феминности доминируют «женские» ценности: стабильность, хорошие отношения и комфорт. На степень маскулинности — феминности

организации влияют национальный менталитет, установки лидеров, а также размер организации. В небольших организациях более выражен феминный компонент, который при росте численности уступает первенство маскулинности.

Одновременно культуры различаются по степени и категоричности дифференциации людей по полу. При высокой половой дифференциации однозначно выделяются женские и мужские роли, например женщина должна быть домохозяйкой, а мужчина — добытчиком и лидером. В такой ситуации женщину с трудом воспринимают в роли руководителя, а в правительстве работают исключительно мужчины. Установку на жесткую гендерную дифференциацию мы можем наблюдать в таких странах, как Япония, Италия, Россия. При низкой половой дифференциации, напротив, роли не закрепляются за полом, а различия между женщинами и мужчинами сводятся до минимума. Дания, Нидерланды, Норвегия и Швеция демонстрируют минимальные гендерные различия.

Культура организации проявляется не только в готовности сотрудников к объединению или соотношении маскулинности — феминности, но и в *особенностях власти*: *ее близости к «народу»*, *эталонности*, *толерантности* и *реалистичности*. Одной из глубинных особенностей управления организации выступает так называемая *близость власти*. Имеется в виду та психологическая дистанция, которую негласно устанавливает руководство в отношениях с сотрудниками. При увеличении дистанции усиливается активность бессознательных фантазий с обеих сторон, проявляясь в форме усиления страхов и слухов. При усилении дистанции власти нередко также увеличивается дифференциация сотрудников по степени их статусности. Это означает, что в организации, где имеет место большой разрыв между властью и подчиненными, будет наблюдаться резкий контраст в правах и привилегиях сотрудников, занимающих разное положение на организационной лестнице. При небольшой дистанции имеют место противоположные явления: руководство советуется с подчиненными при принятии решений и чаще принимает участие в совместных мероприятиях, работники меньше боятся выражать свое мнение и проявляют большую готовность к кооперации, сотрудники более уверенны и самостоятельны, различия между сотрудниками минимальны. На дистанцию, которую выстраивает власть в отношениях с подчиненными, влияют и национальные особенности. Например, высокие показатели дистантности власти в организациях наблюдаются в таких странах, как Мексика, Венесуэла, Индия, а низкие — в Дании, Израиле, Австрии.

Наряду с близостью власти для организации важна такая ее характеристика, как *эталонность*. Последняя означает степень соответствия реального руководителя идеалам сотрудников. Ожидается, что руководитель будет *сильным, справедливым* и *заботливым*. Например, в Индии и Японии от руководителей традиционно ждут отеческой заботы, вследствие чего нередки случаи, когда начальник подыскивает жену сотруднику и контролирует его жизнь вне работы [71]. Кроме того, руководитель должен соответствовать ведущим профессиональным требованиям той отрасли, к которой относится организация. Так, от директора академического института ожидают высокого интеллекта и научных заслуг, а от руководителя банка — выраженных аналитических способностей. Иначе говоря, «хороший» руководитель должен воплощать идеал Я сотрудников организации. Чем ближе руководитель к эталону, тем выше его авторитет — сотрудники уважают руково-

дителя, гордятся им. Они готовы подражать руководителю и безоговорочно ему подчиняться.

Другим важным проявлением силы руководства выступает так называемая *аффективная толерантность*, или способность переносить амбивалентность отношений. Руководитель как родительская фигура вызывает у подчиненных разнообразные чувства — от любви до ненависти. Даже очень «хороший» начальник обречен на периодически возникающие негативные аффекты по отношению к нему, такие как обида, протест, зависть, злость. Важно, чтобы руководитель умел контейнировать (принимать) негативные чувства своих подчиненных. Это означает, что он должен позволять людям «выпускать пар» в приемлемой форме, расценивая это как норму и воспринимая естественные чувства подчиненных без ярости и преследования. Для этого возможно введение специального ритуала; например, в Японии директора фирм совершают регулярные «обходы» сотрудников для получения обратной связи и выражения чувств, другим японским вариантом является манекен руководителя, с которым сотрудники могут делать все что им заблагорассудится — высказывать свои обиды или бить надувной битой. Как правило, после выражения негативных чувств по отношению к начальнику у подчиненного усиливаются чувство вины и желание его загладить. В результате достигается желаемая идиллия. Напротив, полный запрет на проявление негативных чувств по отношению к руководству повышает психологическое напряжение и подрывает организацию изнутри [30].

Еще одной скрытой характеристикой власти, влияющей на культуру и эффективность организации, выступает *степень ее реалистичности*. Здесь возможны несколько вариантов. В идеальном случае руководитель должен обладать способностью трезво оценивать людей и события. На деле же восприятие руководителей в меньшей или большей степени искажается субъективными представлениями и аффектами. Руководство, находящееся под властью бессознательных фантазий, вовлекает в игру всю организацию в целом. Например, руководитель с фантазией о враждебности людей будет проецировать свое недоверие на сотрудников, подозревая их в нелояльности и преследуя за малейшую провинность. Он будет давать негативные интерпретации действиям людей, каковыми бы ни были их истинные мотивы. Такой руководитель невольно навязывает группе враждебность как во внутренних, так и во внешних отношениях. Чем более выражены негативные бессознательные фантазии власти, тем менее прозрачной будет ее политика. В лучшем случае руководство будет придерживаться двойных стандартов — оставлять правду для себя и своей свиты, предлагая мифы для всех остальных, в худшем — лидер полностью утратит способность различать реальность и собственные фантазии. Напротив, руководитель с позитивными установками будет способствовать формированию более открытых и конструктивных отношений, в конечном итоге повышающих эффективность организации.

Таким образом, содержание бессознательных процессов отдельных лидеров определяет характер организационной культуры в целом. Проблемные руководители дорого обходятся организации. В связи с этим неуклонно повышается осознание значения коучинга — персонального психологического тренинга для руководителя.

Может показаться маловероятным, но в организациях, как и в душе отдельного человека, доминируют вполне определенные *влечения*. То, какие влечения будут

преобладать, зависит от нескольких причин, в том числе от жизненного цикла организации и характера ее деятельности. Групповые влечения выдают себя прежде всего через организационную стратегию. *Влечения самосохранения* проявляются в стратегии выживания и минимизации риска, которые более очевидны в случае молодых и небольших организаций. *Нарциссические влечения* (*самоутверждения*) выражаются в стратегии превосходства или совершенства, они могут доминировать в интеллектуально-творческих организациях или организациях, лидирующих на своем сегменте рынка. *Сексуальные влечения* (в широком смысле этого понятия) дают о себе знать в форме стратегии, ориентированной на результат и создание качественного продукта, они отчетливо проявляются в деятельности успешной коммерческой или другой организации. *Агрессивно-позитивные влечения* воплощаются в стратегии лидерства, доминирования или поглощения конкурентов. Это особенно характерно для крупных коммерческих организаций, политических партий и силовых структур. *Агрессивно-деструктивные влечения* определяют стратегию разрушения, подавления и тотального контроля. Они доминируют в случае военных и силовых организаций, а также криминальных структур. Наконец, *влечения роста* проявляются в таких стратегиях, как развитие, повышение качества жизни и служение людям. Это могут позволить себе далеко не все организации, а, например, крупные и надежно стоящие на ногах коммерческие компании. Таким образом, любая организация может быть отнесена к одной или нескольким перечисленным категориям по своей направленности [30].

Поскольку организация представляет собой арену постоянной борьбы разнонаправленных сил, постольку в ней вырабатываются наиболее характерные *психологические защиты* — способы снижения тревоги устранения болезненных переживаний. Организация с доминированием процессов проекции будет склонна приписывать окружающему миру всевозможные негативные намерения. Такая организация будет выглядеть враждебно настроенной и агрессивно действующей. Группа, в которой доминируют вытеснение и отрицание проблем, рискует прийти к стагнации или краху. Организация, в которой чрезмерно выражена сексуализация (реализация сексуальных влечений в деловых отношениях), будет отличаться нарушением границ и отношений деловой субординации, затяжными межличностными конфликтами.

Некоторые защиты можно считать более предпочтительными для организаций, поскольку они успешно устраняют стресс и способствуют повышению эффективности деятельности. Среди них *сублимация, юмор, рационализация, интеллектуализация, реактивное образование*. Сублимация представляет собой смещение энергии сексуальных и агрессивных влечений на творчество или продуктивную деятельность. Поскольку сублимация напрямую связана с целями организации, запрет на сексуальные отношения на рабочем месте кажется весьма оправданным. Юмор эффективно снижает эмоциональное напряжение, а ирония способствует безопасному выражению негативных чувств и агрессии. Реактивные образования (превращение негативных аффектов в их противоположность) также выполняют положительную роль, поскольку способствуют преобразованию болезненных аффектов в более конструктивные, например агрессии в заботу и помощь. Если добавить к приведенному перечню такие защиты, как интеллектуализация и рационализация, мы получим портрет вполне жизнеспособной и стрессоустойчивой организации.

Организационная идентичность является еще одной из значимых характеристик. В случае сформированной групповой идентичности люди идентифицируют себя с организационными ценностями и друг с другом. Это означает, что члены организации разделяют ее ценности и цели; ощущают себя ее неотъемлемой частью; думают и говорят про организацию, используя местоимение «мы»; воспринимают сослуживцев как «своих», похожих на себя; понимают, чем их организация отличается от иных; ощущают свою ценность для организации; готовы привносить свой вклад в общее дело; удовлетворены организацией и хотят работать в ней и дальше.

Групповая идентичность формируется в процессе совместной деятельности, которая делает людей зависимыми друг от друга. Она укрепляется благодаря целенаправленным действиям руководства по осознанию сотрудниками организационных целей, ценностей, приобщению к истории организации и ее традициям. Публичное признание личного вклада каждого отдельного сотрудника является одним из наиболее эффективных приемов формирования групповой идентичности. В связи с этим в Японии, например, принята специальная процедура «ринжи». Суть ее состоит в том, что перед принятием управленческого решения собираются мнения каждого сотрудника независимо от ранга, чьи интересы могут быть так или иначе затронуты. Предложения, не получившие общего одобрения, отклоняются. Подобные процедуры дают сотрудникам ценное ощущение включенности в жизнь организации.

В то же время нельзя игнорировать то обстоятельство, что чувство группового единства может иметь и негативные последствия. Слияние людей порождает феномен «группового единообразия», при котором групповые стереотипы начинают явно доминировать, а индивидуальные мнения нивелируются. Такая группа при определенных условиях может перерасти в массобразование, ощущающее себя сверхсильным и неуязвимым организмом, противостоящим целям организации.

В настоящее время организационную культуру рассматривают как один из наиболее важных инструментов создания эффективной организации. Наряду с очевидными характеристиками ее «подводные течения» требуют серьезного и деликатного подхода. Например, любые действия и нововведения руководства, не соответствующие глубинным психологическим параметрам организации, в лучшем случае вызывают длительное сопротивление коллектива, в худшем — полный провал. Это также проявляется при попытке администрации использовать новые технологии, в том числе новый тренинг по обучению и развитию персонала. Если процедура проводится без предварительного анализа и учета типа организационной культуры, не стоит ожидать от него положительных результатов.

Мифодизайн

> Миф — это фантастический образ, который порождается мощными бессознательными силами.
>
> *К. Юнг*

Групповые мифы можно назвать одним из ведущих проявлений скрытой групповой динамики и одновременно с этим одним из наиболее мощных инструментов

управления группой. В Толковом словаре Владимира Даля миф определяется как «сказочное, небывалое происшествие; иносказание в лицах, вошедшее в поверье». Другие значения — сказка, небыль, вымысел, легенда, выдумка, ложь, заблуждение. В психологии мифы рассматриваются как коллективные образы, которые не соответствуют действительности, но служат символическому удовлетворению бессознательных желаний людей.

Различают следующие *виды мифов*: древние мифы; мифологемы (народные сказания и сказки); исторические мифы (интерпретации исторических событий); политические (государственно-идеологические) мифы; групповые (в том числе организационные и семейные) мифы; личные мифы.

В психоанализе *миф — фантастический образ, который порождается мощными бессознательными силами*. Поскольку современному человеку отказано в удовлетворении деструктивных и сексуальных желаний, то взамен общество санкционирует (поощряет) их символическое исполнение, в том числе в форме мифа. «*Миф — это коллективная фантазия, служащая целям удовлетворения инстинктов, защиты и адаптации*» [84].

Мифы имеют древнюю историю. В них, как в волшебном зеркале, отражаются основные вехи человечества. Темы древних мифов касаются наиболее важных проблем жизни людей: рождения, смерти, отношений отца и детей, взаимоотношений полов, борьбы, победы. Одновременно это и образная форма значимого переживания, и универсальные способы действий людей в рамках конкретного этноса. Миф позволяет в образной форме выразить то, что чрезвычайно трудно или невозможно выразить в словах. Это могут быть внутриутробные или младенческие «досознательные» переживания. Это и трудновербализуемый телесный опыт, а также амбивалентные переживания и тайные желания. Наконец, это многочисленные внутренние конфликты, раздирающие человека, но недоступные его самонаблюдению и самоконтролю.

Значение мифов для психической реальности трудно переоценить. Они выполняют множество важных функций. Мифы в символической форме изображают общечеловеческие бессознательные представления и фантазии. Переживая содержание мифа, мы освобождаемся от переживаний и конфликтов, достигая катарсиса. Мифы наполнены поучительными примерами из истории человечества, вследствие чего они воспитывают и развивают нас. Мифы предостерегают от нежелательных действий и в то же время лечат от невыносимых переживаний. В целом мифы обладают могущественной силой воздействия на людей.

Первой особенностью мифов является то, что любой *миф является виртуальным* (*воображаемым*) *способом исполнения желания*. Желания, производные влечений, являются самыми мощными мотиваторами нашего поведения. По этому поводу существует меткий афоризм: «Не иметь денег не страшно, гораздо страшнее не иметь желаний». Отсутствие желаний равнозначно психологической смерти. Мифы «фантазийны» — они оживляют на экране нашего воображения бессознательные представления и побуждения. Мифы не только обнажают человеческие желания, но и выражают их в *образно-художественной форме*. А все красивое, необычное, интересное притягивает. В реальной жизни многие желания не могут осуществиться в силу разных причин, в том числе потому, что существует страх наказания со стороны общества и еще более сильный страх — своей соб-

ственной совести. *Символический язык мифа*, язык метафор и иносказаний, позволяет человеку избежать стыда или укоров совести. Символы усыпляют Супер-Эго, позволяя влечениям беспрепятственно выходить на арену Эго и достигать фантазийного удовлетворения [30].

Следующим источником силы мифа является его *массобразующий характер*. Например, за древнегреческими мифами стоит вся европейская цивилизация, за народными сказками — история отдельного этноса, за корпоративными мифами — история и традиции всей организации, наконец, семейные мифы олицетворяют семью как целое. Приобщение к мифу означает идентификацию с каким-то массобразованием, или, иначе говоря, — с общностью людей. Сливаясь с массой, мы впитываем ее поучительный опыт и ощущаем ее пророческую силу. Мы становимся частью чего-то огромного и могущественного, ощущая прилив энергии и сил.

В арабских сказаниях, собранных под названием «Тысяча и одна ночь», читаем: «*Поистине сказания о первых поколениях стали назиданием для последующих, чтобы видел человек, какие события произошли с другими, и поучался*» [49. С. 5].

При знакомстве с древними текстами потрясает тот факт, что тысячелетия не изменили сущности людей. Современные мужчины не менее арабского шаха боятся неверности супруги. Те же, кто стал жертвой женского коварства, по крайней мере в своем воображении, жаждут отмщенья и наказания. Сказка позволяет проделать это в своей фантазии. Таким образом, мифы предостерегают, поучают и очищают.

Сила мифа настолько велика, что в психологической практике уже давно используется *метод сказкотерапии*, заключающийся в том, что человек (возраст не играет роли) придумывает или прослушивает сказки, аналогичные своей личной истории. Сказкотерапия особенно эффективна в случае травматических переживаний. Мировая мифология содержит указание на психотерапевтические возможности сказок. В той же «Тысяче и одной ночи» мудрая дочь визиря Шахерезада спасает себя и других девушек от казни, рассказывая каждую ночь новую сказку шаху Шахрияру. Вместе с тем Шахерезада помогает справляться своему повелителю с невыносимыми воспоминаниями об измене его прежней жены и с навязчивым желанием убивать вновь и вновь взятую им женщину.

Таким образом, мифы раскрывают душу как отдельного народа, так и всего человечества. Перефразируя знаменитое высказывание Зигмунда Фрейда, можно сказать, что миф — королевская дорога в коллективное бессознательное.

Анализ повторяющихся мифов дает ценный материал. Разбирая наиболее жизнестойкие из них, можно выделить *универсальные мифологические идеи — мотивы*. Следуя тропами психоанализа, обратимся к древним греческим мифам, возраст которых превышает две с половиной тысячи лет.

Новые боги, которых древние греки представляли враждующими с поколением гигантов и чудовищ (горгоны, фурии, гиганты, титаны и т. д.), стали идеальным воплощением различных видов человеческой деятельности и добродетелей: знания и культуры.

Мы видим, что на экран космогонического мифа люди спроецировали мощные импульсы. Эти переживания под влиянием культуры преимущественно вытесни-

Миф о сотворении мира

Вначале был безграничный, темный Хаос. Не было Земли и Неба. Но прошли миллионы лет, и Небо (Уран) отделилось от Земли (Геи). Уран вступил в брак с Геей. От этого союза произошли титаны: Кронос (или Хронос, у римлян — Сатурн, Время), Океан (отец рек), Атлант (олицетворяющий горы) и Иапет (прародитель человеческого рода). Родились и другие дети — циклопы и сторукие великаны, но Уран вверг их обратно в недра земли.

Возмущенная этим, Гея подговорила своего сына Кроноса во главе с другими титанами восстать против отца. Кронос победил Урана, и кровь раненого, упавшая на землю, породила страшных фурий. Раненый Уран предсказал Кроносу, что он тоже будет побежден сыновьями.

Кронос вступил в брак с сестрой Реей. Озабоченный предсказанием, Кронос пожирал всех своих новорожденных детей. Рея, видя, какая судьба уготована ее детям, прибегла к хитрости. Когда родился Зевс (в римской мифологии — Юпитер), она спрятала ребенка, а вместо него отдала Кроносу завернутый в пеленки камень. Кронос проглотил его, не заметив обмана.

Рея спрятала своего сына на острове Крит, где нимфы кормили его медом, который приносили пчелы, и молоком козы Амалфеи. Чтобы крики сына не достигли ушей Кроноса и не открыли ему тайну, Рея заставила своих спутников — куретов — плясать вокруг Зевса, заглушая его крики ударами мечей о щиты. (Этим объясняется происхождение воинских плясок.)

Когда Зевс вырос, Рея дала Кроносу напиток, выпив который тот отрыгнул находящихся в нем детей: Геру, Посейдона, Деметру, Гестию и Аида (Плутона).

Соединившись с ними, Зевс низверг отца. Началась борьба титанов и новых богов. Себе на помощь Зевс вывел из недр земли (Тартара) циклопов и сторуких великанов. В конце концов победили боги. Они воссели на вершине горы Олимп, а титаны были низвергнуты в Тартар. Зевс стал богом богов. Посейдон — богом морей. Аид — богом подземного царства [27].

лись в область бессознательного. Они продолжают влиять на наше поведение, но в косвенной — видоизмененной форме. Так, миф о сотворении мира напоминает нам *о вечном кресте человека — его смертности* и такой же *неутолимой тоске по бессмертию*. Миф возводит в ранг вечной темы борьбу за власть и восстание сыновей против власти своего отца, связанные с природным ужасом перед отцом, «пожирающим своих детей». Мы видим, как слабость человека и его смертность породили мечту о совершенном отце и совершенном человеке — *мечту о боге*. Тысячелетия усложнили, но не изменили человека, заточив его сущность в форму мифа.

Другой древний миф связал воедино бога любви Эрота и земную царевну Психею.

Миф о Психее

У одного земного царя были три красавицы дочери. Красота младшей дочери Психеи не поддавалась никакому описанию. Увидев ее, люди преклоняли колени и воздавали ей такие почести, как будто перед ними была Афродита. Возмущенная Афродита, мучимая завистью к своей сопернице, попросила своего сына — Эрота — наказать обидчицу. Обе сестры Психеи вышли замуж за царей; одна Психея не находила себе супруга. Ее отец спросил у оракула, что является тому причиной, и в ответ получил приказание выставить дочь на горе, где она должна ожидать своего суженого. «Ее супругом будет бессмертный, у него крылья, как у хищной птицы, и, подобно этой птице, он жесток и коварен».

Повинуясь оракулу, отец отвел Психею на скалу и оставил ее там ожидать таинственного супруга. Дрожа от страха и ужаса, девушка заливалась слезами, как вдруг западный ветер Зефир нежно приподнял ее и понес на своих крыльях в прекрасную долину. Это Эрот, очарованный Психеей, упросил Зефира перенести красавицу в свои чертоги, куда бог являлся к ней в глубокой тьме. Психея попала в прекрасный дворец. По ночам ее посещал таинственный супруг, но она не видела его, только слышала нежный голос. Супруг попросил ее не стараться узнать, кто он. Лишь только она это узнает, сразу же наступит конец их блаженству.

Сестры из зависти убедили Психею зажечь светильник ночью и посмотреть на спящего супруга, уверяя, что это, наверное, какое-нибудь чудовище. Однажды Психея зажгла светильник и увидела на брачном ложе Эрота. Рука ее дрогнула, и капля горячего масла из светильника упала на плечо спящего. Эрот проснулся и, разгневанный, покинул испуганную царевну. В отчаянии Психея побежала за ним, но напрасно — за богом угнаться невозможно. Долго блуждала в поисках возлюбленного печальная Психея, и повсюду Афродита преследовала ее своей ненавистью. Как-то жестокая богиня послала Психею к владычице подземного царства Персефоне за волшебным ящиком, в котором якобы хранилась красота, запретив в него заглядывать. Психея, надеясь получить частичку красоты для себя, открыла заветный ящик. Но вместо красоты из него вырвались ядовитые испарения, и, вдохнув их, девушка погрузилась в глубокий сон. Однако Эрот разыскал любимую и поцелуем пробудил ее. Он велел ей скорее отнести ящик Афродите, а сам отправился к Зевсу и попросил его вступиться перед матерью за возлюбленную. Зевс, вняв просьбе сына Афродиты, даровал Психее бессмертие. Вознесенная на Олимп, она стала супругой Эрота. От союза Психеи с богом любви родилась дочь — Блаженство (Счастье).

В форме древнего мифа до нас дошло метафорическое изложение истории *человеческой любви*. Любовь приносит многочисленные страдания. Страшная пугающая сила лежит в ее основе. Этот страх любви приходится преодолевать во имя более могущественной силы. И, как бабочки к огню, люди стремятся к ней, направляемые слепой силой либидонозного влечения. Наряду с властью любовь выступает еще одним способом справиться со страхом и ощутить райское бессмертие.

На первичные мифы наслаиваются *мифологемы* последующих поколений. Последние имеют форму легенд, былин и сказок. Интересно, что мифологемы различных народов перекликаются или даже содержат повторения. Исследования подтверждают тот факт, что древние сказки китайцев, европейцев, индусов имеют много общего. Сюжеты современных сказок также многократно перекликаются. Например, современная диснеевская сказка «Красавица и Чудовище» в точности повторяет сюжет русской сказки об аленьком цветочке, изложенной Аксаковым, и обе — коллизии древнего мифа об Эроте и Психее. Возможно, верна гипотеза о заимствовании сказок, об их межкультурной трансляции путешественниками. Но кажется не менее правдоподобной версия о существовании единого коллективного бессознательного, определяющего сходство как в психологии народов, так и в их сказках.

Факты подтверждают существование универсального для человечества коллективного бессознательного, тождественного в ключевых своих моментах независимо от места проживания людей, их языка и образа жизни. Мифы передаются из поколения в поколение через произведения искусства, групповые ритуалы, игры, фольклор. Другой источник мифологического сознания — семейное воспитание и *народные сказки*, которыми родители наполняют раннее детство своего чада. Сказки способствуют разрешению инфантильных конфликтов. Например, одна из самых «детских» (ранних) русских сказок — «Курочка Ряба» — в символической форме воспроизводит травму рождения: «Дед бил-бил, не разбил, баба била-била, не разбила. Мышка побежала, хвостиком махнула — яичко покатилось и разбилось». Известно, что яйцо символизирует жизнь и ее начало.

Другая мифологема — «Колобок» может считаться фантазийной реализацией архаического страха быть проглоченным своими родителями (сородичами), а также болезненного процесса сепарации от матери: «Колобок-колобок, я тебя съем». Обращает на себя внимание тот факт, что в сказках для самых маленьких детей родители заменены фигурами бабушки и деда. В мифах, как в сновидениях, многое искажается и маскируется для снижения бдительности защит и болезненности переживаний.

Сказка «Волк и семеро козлят» наполнена родительскими фигурами и символами. Страшного, вселяющего ужас «плохого» отца олицетворяет коварный и жестокий волк. Одновременно с этим охотники выступают спасателями и персонификацией той части родителя, которую ребенок воспринимает как «хорошую». Таким образом, отцовский объект в субъективном мире ребенка оказывается расщепленным на две части, вызывающие противоречивые чувства. Многократное повторение сказки помогает ребенку соединить фантазийные половинки отцовского образа в целостный внутренний объект. Аналогичные процессы происходят с более значимым на первых годах жизни материнским объектом. Такой персонифицированный материнский объект, как коза, не только заботится о своих детях и защищает их, но и оставляет на съедение волку. Другой материнский символ — печка, в которой прячется и спасается маленький козленок, воспроизводит телесное ощущение материнской утробы, «материнского рая», дающего ощущение тепла и полной защищенности.

Исследуя исторические корни русских «волшебных» сказок, Владимир Пропп выделил несколько стойко повторяющихся мотивов. Среди них: чудесное рожде-

ние героя (рождение богатыря и др.); причинение какого-либо ущерба или вреда герою (похищение, изгнание и др.); желание иметь что-то (царь посылает сына за Жар-птицей); отправка героя из дома; встреча героя с дарителем, который дарит волшебное свойство или помощника; поединок с противником (змееборство и др.); возвращение; погоня; смерть (от рук братьев и др.); чудесное воскрешение; возвращение домой; испытание через трудные задачи; женитьба и воцарение. Данные мотивы-темы составляют структуру большинства русских сказок, наполняющих бессознательную душу маленьких детей [81. С. 336].

С возрастом изменяются содержание и характер инрапсихического конфликта личности. Социальные условия начинают играть все большую и большую роль в разрешении внутренних конфликтов. Детей школьного возраста гораздо в большей степени привлекают сказки не предков, а современников. Гарри Поттер, созданный фантазией английской писательницы Дж. Р. Ролинг, стал одним из любимейших персонажей миллионов ныне живущих детей. Эта новая сказка воспроизводит те же вечные бессознательные мотивы. На одиннадцатом году жизни Гарри Поттер, притесняемый в семье родственников, узнает, что на самом деле он осиротевший сын волшебников, погибших в борьбе со злыми силами. Более того, Гарри обнаруживает, что сам обладает магической силой и является волшебником. Выясняется, что еще младенцем Гарри попал к родственникам, которые тщательно скрывают тайну его происхождения. Ранние годы жизни юного волшебника у этих людей в точности напоминают ситуацию с Золушкой, правда, новая ситуация имеет несколько иной конец. Если Золушка символизирует мечту девочки о необыкновенном избраннике, то образ Поттера реализует нарциссическую фантазию каждого мальчишки о великих подвигах и необыкновенной силе. Так, в Хогвартской школе чародейства и волшебства Гарри Поттера ожидают самые невероятные приключения и опасные испытания. Следуя законам героического мифа, Поттер неизменно побеждает силы зла.

Как мы видим, мифологизированной оказывается не только культура народа, но и душа каждого отдельного человека. Перефразируя известное высказывание русского классика, можно сказать, что все мы родом из мифа. В душе отдельного человека миф снова и снова воссоздает универсальный бессознательный контекст — контекст раннего телесного и фантазийного опыта, сквозь призму которого человек воспринимает все последующие события своей жизни. Миф может быть не только общественным, но и личным, то есть относиться к истории конкретного человека. Как уже отмечалось выше, мифодизайн широко используется в современном имиджмейкерстве при конструировании публичных образов политиков, шоу-звезд и других «народных героев».

Под *мифодизайном* понимается построение мифологического контекста для чего-либо/кого-либо. Применительно к личному имиджу чаще всего говорят о построении личного мифа, то есть создании личной истории на основе мифологизированных образов и мотивов. Личная история может содержать реальные события жизни человека или выдуманные. В последнем случае обычно говорят о легенде. Для игровых сфер (например, шоу-бизнеса) это допустимо. Шоу-дивы активно «наговаривают» на себя для усиления интереса публики. Разводы, сексуальные девиации и другие пикантные детали с легкостью подаются жаждущей зрелищ публике.

Современные исследования зрительских симпатий показывают, что при восприятии телепередач чаще всего активизируются такие неосознаваемые образы, как *герой*; *антигерой* (*злодей*); *загадочная личность* [199]. Эти образы возникают из вечного стремления людей преодолеть опасности, достичь желаемого могущества и бессмертия. Практика показывает, что перечисленные бессознательные мотивы и образы могут быть переданы с помощью вполне осознаваемых средств: имени, сюжетной линии, внешнего вида, поведенческих особенностей и символов.

Мотив героя, несмотря на его неосознаваемый характер, проявляется в самых разнообразных сферах нашей жизни. Многие люди независимо от пола остро нуждаются в героических переживаниях. В условиях современной жизни данные аффекты могут быть реализованы несколькими способами: борьба за свой народ и служение народу; борьба за идею, готовность страдать за нее; служение другому человеку и совершение подвигов ради него; возвышение через политическую или профессиональную карьеру; преодоление опасностей в экстремальных видах деятельности или экстремальных профессиях.

Современные социальные мифы можно рассматривать как варианты интерпретации реального события в жизни группы или конкретного лица. Общественные события в отличие от физических явлений не могут иметь строго объективной оценки — их восприятие субъективно. В связи с этим все чаще говорят о том, что история представляет собой не совокупность фактов жизни народа, а их интерпретацию (мифологизацию) со стороны официальной власти или конкретного исторического лица.

Практика показывает, что при построении публичного образа чаще всего используется *универсальный миф о герое*. В данном случае понятие «герой» не идентично термину «главное действующее лицо». *Герой* — это особенный персонаж, имеющий специфические характеристики. Мотивы героического мифа заложены в основу великих образов мировой художественной культуры: Иисус, Геракл, Моисей, король Лир, Гамлет. В имиджах публичных людей также нередко воссоздается героический мотив.

Для принятия мифа о герое в качестве личного сценария важно понять *глубинную сущность данного образа*. Типичными чертами (мотивами) первичного мифа о герое являются благородное происхождение; угроза жизни при рождении; чудесное спасение со стороны животных или простых людей; серьезные жизненные трудности и испытания судьбы; подвиги (победа над драконом, чудовищем); месть обидчикам (например, братьям); героическая смерть; чудесное возрождение; заслуженное возвышение (наследование трона, получение почета, уважения) [30].

Герой выступает главным персонажем мифа, с которым мы идентифицируем себя, на которого проецируем наши скрытые стремления. Конечной *целью* мифа о герое является фантастическое удовлетворение скрытых желаний, при этом *главной задачей* самого героя является победа над самим собой (собственными страхами и страстями). Одновременно мотив героя объясняет иррациональную страсть людей к риску. Например, одной из наиболее опасных профессий остается профессия дрессировщика. Каждый день на арене цирка вновь и вновь оживают архаичные картины древней жизни человека. Смертельный риск сменяется укрощением необузданной силы зверя. Герой, побеждающий чудовище, побеждает зверя в себе самом. Профессиональные дрессировщики говорят, что после

неожиданного нападения хищника раненый человек жаждет поскорее вернуться и посмотреть ему в глаза. Посмотреть в глаза зверю означает посмотреть в глаза своему собственному страху и победить его. В данном случае героический сценарий реализуется в полной мере.

В целом же герой — это тот, кто проходит трудный жизненный путь; борется со злом/злодеями и побеждает их; совершает подвиги во имя простых людей. По мнению Карла Юнга, *фигура героя есть архетип, который существует с незапамятных времен* [171].

В современном обществе мифологизация широко используется как метод глубинного воздействия на широкие массы людей. При создании имиджа политика или делового человека чаще всего происходит опора на реальные события жизни прототипа. Но по большому счету, реальность мифа не имеет особого значения и зависит от сферы его применения. Главное то, чтобы личная история воспроизводила основные коллизии общечеловеческих историй — древних мифов, легенд, народных сказок. Миф воздействует тайно, он вызывает интерес и притягивает людей независимо от их воли и знака порождаемых чувств — положительного или отрицательного.

Как на практике можно осуществить мифологизацию образа конкретного человека (группы людей)? *Первый способ* заключается в повторении сюжетных линий наиболее известных мифов и сказок при пересказе личной истории. Возможные варианты: лейтмотив Золушки, путь Ивана-царевича, история Иванушки-дурачка. При этом история мифологического героя пересказывается без упоминания его имени с изменением второстепенных деталей — места, времени, конкретных ситуаций. Таким образом, главной целью создания личного мифа или личной легенды является воспроизведение судьбы мифологического персонажа, в результате чего окружающие начинают приписывать черты сказочного образа реальному человеку, проецируя на него собственные бессознательные фантазии.

Второй способ можно назвать персонализацией — воссозданием яркого мифологического образа посредством повторения типичных деталей его внешности и поведения. Мифология предлагает нам сотни архетипов, прочно обосновавшихся в самых глубинных уголках нашей души. Например, чудовище, мудрый старец, всемогущий властелин, добрая фея, герой, предсказатель, богатырь, коварный Черномор, колдунья, спаситель и т. д. Благодаря воспринимаемому сходству волшебные свойства сказочных героев в определенной степени приписываются человеку, играющему мифологизированную роль.

Третий способ мифологизации — создание мифологического контекста. Для этого, не затрагивая сути имиджа, в него привносятся отдельные детали известных легенд, сказок, популярных литературных произведений и фильмов. Возможные примеры: прическа Мерилин Монро, шляпа ковбоя «Мальборо», бакенбарды Элвиса Пресли, кожаное пальто Глеба Жеглова. Детали полюбившихся образов по ассоциации вызывают соответствующие чувства окружающих людей, которые с большой вероятностью будут перенесены на реального человека.

Одним из возможных вариантов групповых мифов выступают слухи. Слух — народная молва, непроверенные или неподтвержденные сведения о ком-либо или о чем-либо, которые передаются из уст в уста. Слухи существуют всегда и везде. В них, как в зеркале, отражаются скрытые желания и страхи людей. В соответ-

ствии с законами мифологического жанра главными персонажами слухов выступают современные герои, злодеи и загадочные персоны.

Тематика слухов касается таких извечных вопросов, как секс, деньги, борьба, злодеяния, добродетели, чрезвычайные происшествия. Например, в коммерческой организации регулярно циркулируют слухи на следующие темы: повышение/понижение зарплаты; гонорары отдельных сотрудников фирмы; предстоящие увольнения и сокращения; нововведения, кадровые перестановки; служебные романы; действия конкурентов.

Слухи появляются постольку, поскольку фрустрируются (не удовлетворяются в нужной мере) базовые потребности людей в информации, впечатлениях и безопасности. Дефицит информации, грозящие перемены, нарастание внешней угрозы или внутреннего, эмоционального напряжения — все эти причины способствуют появлению самых невероятных фантазий в большой или малой группе людей. Обычно слухи опираются на отдельные фактические данные, которые, однако, многократно искажаются, преувеличиваются, сокращаются и дополняются случайными ассоциациями. Слухи внезапно появляются и постепенно затухают с течением времени.

Динамика происхождения слухов хорошо отражена в известном анекдоте: папа римский прилетел в город N. Встречающие его журналисты задали ему среди прочих вопрос: «Как вы относитесь к публичным домам?» На что папа дипломатично ответил встречным вопросом: «А что, разве в вашем городе есть публичные дома?» На следующее утро все городские газеты пестрели пикантными заголовками: «Первый вопрос, который задал папа, ступив на нашу землю, был о том, есть ли в нашем городе публичный дом» [30].

Почему слухи так быстро и успешно распространяются? Потому что они содержат самую волнующую информацию. Одновременно с этим они просты, лаконичны и очень конкретны. Также важно, что слухи кажутся правдоподобными сведениями. Поскольку источник слухов анонимен — за них никто не несет ответственности. Благодаря перечисленным особенностям слухи повторяются из уст в уста, размножаясь с невероятной скоростью.

Одной из наиболее распространенных форм слухов являются *личные слухи*. В простонародье их называют сплетнями. Они представляют собой непроверенную, слегка или существенно искаженную информацию о каком-либо лице. Личные слухи затрагивают прежде всего тайные стороны жизни конкретного человека: семью, общественные связи, прошлое, личные отношения, скрытые пороки.

Особой популярностью пользуются слухи о «первых лицах» в организации или государстве. Вышестоящий руководитель независимо от своих личных качеств вызывает комплекс амбивалентных чувств подчиненных, включая страх, уважение, любовь, ненависть, презрение. Кроме того, человека, стоящего выше тебя, невольно хочется «опустить». Вследствие всего этого преобладают «негативные» слухи о начальниках. Проявляя внешне уважение и подчинение руководству, с помощью «грязных сплетен» люди пытаются освободиться от скрытых негативных чувств к нему. В этом смысле любой человек, облеченный славой или властью, должен быть готов вновь и вновь выслушивать самые невероятные и нелицеприятные истории о своей персоне. Часто это фантазии о служебных романах или сексуальной жизни.

Слухи могут быть «хорошими» (полезными для прототипа) и «плохими» (вредными для него). «Хорошие» слухи касаются прежних заслуг человека; его полезных связей с авторитетными и влиятельными людьми; теплых семейных отношений; героических поступков; любовных побед; благотворительной деятельности; предстоящего повышения и т. д.

Среди «плохих» слухов, серьезно компрометирующих руководителя, могут быть: подозрения его в нетрадиционной сексуальной ориентации; обвинения в воровстве или коррупции; информация о прошлых преступлениях; обвинения в использовании ресурсов организации или сотрудников в личных целях; некомпетентность как руководителя; низкий статус в обществе.

Для рядовых сотрудников опасной для делового имиджа является информация на тему: обвинение в нелояльности руководству; неуважение к организации — ее ценностям, правилам и людям; некомпетентность; сотрудничество или личные отношения с конкурентами; воровство; плохие отношения с руководством и предстоящее увольнение.

Таким образом, мифологизация как метод глубинного воздействия широко используется для решения самых разнообразных групповых и социальных задач.

Харизматический лидер

Харизматическая личность наделена властью — она оказывает мощнейшее влияние на мысли, чувства и действия других людей.

Н. Энкельманн

Ничто так не притягивает людей, как *власть* в широком смысле этого слова, а именно — *сила и право распоряжаться другими людьми*. Власть может быть достигнута с помощью различных ресурсов. Экономическая власть обеспечивается силой денег, военная — силой оружия, а политическая — силой закона. Власть также может быть достигнута с помощью высокой должности, информированности или популярности человека. В связи с этим различают два основных типа власти: 1) *легитимную* (официально принятую) и 2) *личную* (опирающуюся на личные качества и заслуги). Личная власть покоится на одном из трех китов: на физической силе, на авторитете, на харизме.

Связь между физической силой и властью имела место во все времена. Правил тот, кто был сильнее и решительнее. Одним из проявлений физической власти является господство мужчин в современном мире. Благодаря историческому разделению функций женщины постепенно накопили «отставание» от мужчин по ряду качеств: силе, ловкости, агрессивности, стремлению к риску. В то же время, по свидетельствам историков, исследующих период матриархата, женщина не всегда занимала такое положение в обществе. Современные психологические исследования свидетельствуют, что девочки вплоть до подросткового возраста явно опережают сверстников мужского пола по учебным и социальным способностям, а нередко и по физическим данным. Однако по мере формирования половой идентичности и полоролевого поведения женщины все более и более приобретают зависимо-подчиненное положение.

Другим реальным источником личной власти является *авторитет* — вид общественного признания, основанный на личных заслугах человека. Для авторитета важно, чтобы человек признавал социальные нормы/ценности и следовал им. По аналогии с типами власти М. Вебер (1919 год) предлагал различать *должностной*, *деловой* и *личный авторитет*. В любом случае авторитет выступает обязательным условием эффективности влияния человека на других людей [30].

В качестве еще одного источника влияния Вебер назвал *харизму*, тем самым введя этот термин в научный обиход. В Толковом словаре В. Даля термин «харизма» отсутствует. Значит ли это, что ранее не было такого явления? Или оно существовало под другим именем? Мы можем предположить, что данное слово получило широкий обиход в русском языке относительно недавно. В то же время мы находим слово «charisma» в других языках: в переводе с греческого языка оно обозначает не что иное, как «милость Божья, божественный дар», в древнегреческом языке это слово имеет еще одно значение — «притягивать к себе внимание». Это значение связывают со словом «хариты», которым в древнегреческой мифологии именовались три грации — богини красоты.

Войтек Замаровский дает следующее описание граций: «*Хариты — богини прелести и красоты, дочери Зевса и океаниды Эвриномы. Их происхождение не бесспорно. Иногда их называют дочерьми Диониса и Афродиты. Число харит у античных авторов также не совпадает. Чаще считается, что их было три: Аглая (Сияющая), Эфросина (Радующая сердце) и Талия (Цветущая). Число три не случайно. Оно перекликается с тремя видами благодеяния: дать, принять и вернуть*» [27. С. 358].

В разные времена в произведениях искусства художники изображали харит, вкладывая в них все новое и новое представление о женской красоте. Например, античные «Три грации из Помпей» (фреска около 40 года нашей эры) существенно отличаются от более поздних средневековых «Трех граций» Рубенса. Физическая красота не исчерпывала всех достоинств граций. Боги и люди любили харит за то, что они были необыкновенно милыми и ласковыми в обращении. Они пробуждали во всех сердцах радость и веселье. Хариты старались украсить жизнь людей, сделать ее более приятной. Таким образом, хариты выражали не только идеалы женской красоты, но и возвышенные душевные идеалы.

Таким образом, первоначальное происхождение слова «харизма» носит религиозный характер и означает «божью искру, божественный дар». В Древнем мире люди, обладавшие харизматическими качествами, считались образцами изящества, или *любимцами богов*, позволявшими добиваться им необыкновенных успехов. Тем самым подчеркивался преимущественно врожденный иррациональный характер харизмы.

Второе значение слова — «притягивать внимание» — несомненно, связано с замечательной способностью некоторых личностей оказывать положительное влияние на окружающих людей. Например, Авраам, Исаак, Моисей и другие библейские персонажи несут в себе колоссальный харизматический потенциал. Иисус, Будда, Мухаммед безусловно обладают неповторимой и непостижимой сверххаризматичностью.

Современное значение слова утратило как религиозный оттенок, так и свою четкую определенность. В философской энциклопедии читаем: «*Харизма — необыкновенно большие способности или исключительная одаренность*» [55. С. 501].

Следовательно, харизма — это исключительность человека, обладающего способностями выше среднего уровня, талантом к чему-либо.

В свою очередь, социальные науки предлагают еще несколько значений рассматриваемого нами понятия. М. Вебер связывал харизматические качества с завоеванием авторитета. Он противопоставлял их рациональной властной и бюрократической структуре. По мнению М. Вебера, харизма носит иррациональный характер и представляет собой главное требование к лидеру. В современном понимании харизмы преобладает следующая интерпретация: «*Харизма* — это *притягательная сила, излучаемая личностью, искусство завораживать других людей*» [30].

В дополнение к этому можно подчеркнуть, что харизма основана на природных и реальных качествах человека, она представляет собой одну из форм психоэмоционального воздействия личности на других людей. Это определенный устойчивый набор качеств, который является результатом всего предыдущего развития личности. Харизму нельзя «сделать», но можно открыть в человеке или усилить.

Диапазон осознаваемых харизматических качеств достаточно широк. Суммируя имеющиеся данные, мы получили следующий их перечень: желание успеха; желание влиять на людей и руководить ими; способность быстро и естественно устанавливать контакт с любым человеком; сильные чувства и эмоциональность; идеи и убежденность; воодушевление, демонстрация удовольствия от деятельности; цель, представление о конечном замечательном результате; сочетание аргументов с конкретными образами и повторением; щедрость в похвале, выражении признательности и благодарности; оптимизм; решительность; позитивное мышление; внушительная внешность.

По образному высказыванию Н. Энкельмана: «*Харизматические личности прочно стоят на земле, у них широкая уверенная походка, открытый дружелюбный взгляд, крепкое рукопожатие, глубокий и полнозвучный голос*» [161. С. 150].

Мы определили харизму как притягательную, завораживающую силу личности и убедились, что харизматические качества являются следствием множества факторов. Они трудно поддаются анализу и еще сложнее — сознательному контролю. Бесспорно, харизматическая личность обладает способностью оказывать сильное воздействие на людей на бессознательном уровне. В связи с этим можно выделить *ведущие глубинные характеристики харизматической личности*:

- выраженная либидинозная энергия, внешне проявляющаяся в силе, эмоциональности и энергичности;
- обладание выдающимися качествами, которые обеспечивают личности яркость и соответствуют идеалам большинства людей;
- способность оживлять архетипические образы, а также вызывать священный ужас или восторг;
- понимание и выражение бессознательных желаний людей;
- обращенность к людям, готовность принять на себя миссию или социально значимую роль.

Таким образом, харизматическая личность оживляет в людях наиболее древние образы и сильные переживания. Харизма является одним из феноменов коллективного бессознательного и представляет собой *магическую власть личности над другими людьми, уходящую корнями в глубокую древность*.

В зависимости от пропагандируемых ценностей харизматическая личность может иметь либо отчетливую положительную, либо выраженную отрицательную направленность. В первом случае мы имеем такие примеры, как Иисус, мать Тереза, Николай Рерих, Лев Толстой, во втором — царь Ирод, Калигула, Гитлер, Сталин. Таким образом, харизматические образы концентрируются на двух полюсах *хороший — плохой*.

По аналогии с архетипами и архетипическими образами можно говорить о *харизматических ролях*. Это те социальные функции, которые преимущественно выполняет конкретная личность. Также можно сказать, что это некий целостный эффект воздействия личности на окружающих людей, выраженный в *коллективном образе*. Харизматические роли: герой, победитель — злодей; спаситель — искуситель; вождь — тиран; добродетельная мать — неистовая фурия; целомудренная девственница — блудница; пленительная красавица — роковая женщина; благородный рыцарь — жестокий совратитель; справедливый отец — преследующее чудовище; гений — юродивый; чудо-ребенок — маленький тиран; мудрый старец — зловещий предсказатель; чудотворец — разрушитель [30].

Харизматические роли близки, но все же не идентичны архетипам и мифологизированным ролям. Они также не имеют половозрастной принадлежности, например роль героя может быть реализована и мужчинами и женщинами в любом возрасте. В истории можно найти немало примеров харизматических личностей. Это те персонажи, которые оставили наиболее яркий свет в памяти своего народа. Сквозь столетия и эпохи их образы продолжают оказывать свое магическое воздействие на жизнь каждого из нас. Образы харизматических личностей узнаваемы. Упоминания одного их имени достаточно, чтобы вызвать измененное состояние сознания: душевный подъем, возбуждение, благоговение, восторг или страх. Метахаризма таких образов, как Александр Македонский, Клеопатра, Наполеон, Петр I, не уменьшается, а усиливается с течением времени.

Справедливости ради следует отметить, что есть две разные харизмы — личности и ее исторического образа (имиджа). Имидж власти не менее важен, чем сама власть. Многие выдающиеся личности хорошо понимали это и предпринимали особые усилия для формирования своей «харизматичности» перед лицом будущих поколений. Так, Александр Македонский считал обязательным присутствие во всех своих завоевательных походах летописца. Наполеон сам писал мемуары.

Многие правители и герои живут в памяти людей благодаря своим запоминающимся именам: Эдвард — карающая десница, королева-девственница Елизавета I, король-солнце (Людовиг XIV), Ярослав Мудрый, Иван Грозный.

В чем же секрет вековой славы личности? Почему вошли в историю только некоторые имена, но большинство забылись? Например, из многочисленной династии Рюриковичей обычный человек знает всего лишь с десяток имен. Обращение к истории позволяет сделать некоторые выводы. *Легендарные личности* имеют следующие общие черты:

- громкие запоминающиеся имена;
- участие в судьбоносных событиях, повлиявших на дальнейший ход истории;

- миссия — личный вклад в историю своего народа или человечества в целом;
- харизматичность — яркость и влиятельность личности;
- наличие «летописца», оставляющего память о текущих событиях и данной личности для потомков.

Социальная миссия выступает одним из наиболее важных качеств харизмы. Образно выражаясь, харизматический лидер призывается своим народом (группой) для совершения наиболее важных для своего времени дел. Приведем наиболее показательные примеры. Александр Великий (356–323 гг. до нашей эры) собирал народы в единое государство и одновременно с этим привнес греческую культуру на Восток. Уильям Шекспир (1564–1616) сформулировал в своих трагедиях вечные ценности человеческой жизни: любовь и ненависть, добро и зло, справедливость и произвол. Вольтер (1694–1778) научил людей свободомыслию, подготовил почву для французской революции. Его современница русская императрица Екатерина Великая (1729–1796) продолжила Петровские реформы, способствовала просвещению России. Уинстон Черчилль (1874–1965) во время Второй мировой войны стал символом выдержки британского народа.

Проведенное нами исследование позволяет составить обобщенный *психологический портрет харизматического лидера*. Это человек, который имеет желание и способности влиять на людей не только на сознательном, но также и бессознательном уровне. Лидер вызывает реальные изменения в поведении и жизни людей. Он выступает носителем главных ценностей группы. Он интерпретирует происходящие события с точки зрения соответствия или несоответствия идеалам группы, при этом сам является воплощением этих идеалов. Лидер ведет группу по направлению к выбранной цели, вдохновляя людей на борьбу с препятствиями и внешними врагами. Он формирует групповую идентичность с помощью групповых символов и мифов, усиливая ощущение сходства участников группы друг с другом и их отличия ото всех остальных. Он обеспечивает преемственность традиций, также необходимых для формирования общей идентичности. Лидер устанавливает групповые правила и необходимые ограничения (запреты), ревностно заботясь об их выполнении и строго наказывая отступников. Идеальный лидер выступает в роли справедливого судьи в ситуациях разрешения конфликтов. Он защищает людей и заботится о них, как настоящий отец. Наконец, идеальный лидер как никто другой лучше понимает скрытые мотивы. По сути, его миссия заключается в том, чтобы *понимать, структурировать и выражать тайные и явные желания людей*, доверивших ему свою судьбу [30].

Мотивационный анализ

Любовь и голод правят миром.
Ф. Шиллер

Мы рассмотрели самый глубинный слой групповых процессов — уровень коллективного бессознательного. Гораздо ближе к поверхности нашего сознания

располагается *уровень межличностного взаимодействия*. В психологии выделяются различные формы отношений, среди которых наиболее распространены детско-родительские отношения, дружба, любовные отношения, борьба, руководство.

Влияние людей друг на друга выступает основной целью межличностных взаимоотношений. В чем кроется секрет личного влияния? Первое важное условие — это *желание самого человека влиять на других людей*, второе — *понимание людей и их мотивов*.

Психоанализ по праву можно назвать королевской дорогой в трудноосознаваемую область — мотивацию поведения. Как известно, под мотивацией понимают совокупность побуждений, вызывающих активность личности и определяющих ее направленность. Иначе говоря, это все, что заставляет нас переживать и действовать. Это все, что мы чаще всего называем желаниями.

Существование человека можно представить как *непрерывный поток желаний*. Желания есть всегда. Они проявляются уже у новорожденного, жадно требующего тепла и материнской груди. Желания-мотивы можно сравнить со своеобразными психическими сосудами, которые даны нам от рождения. Они не выносят пустоты и требуют *постоянного наполнения*. Чем будут заполнены эти формы, зависит от особенностей человека и его жизненного опыта. Каждый человек придает своим желаниям уникальное содержание. Например, один человек может более ярко, чем другие, переживать потребность в еде, другой — в любви, третий — в доминировании. При этом каждый из нас находится под влиянием не одного, а множества желаний. Но наше сознание дискретно-одномоментно. Это значит, что в конкретный момент времени или жизни мы осознаем преимущественно какое-то одно желание, хотя в действительности их гораздо больше.

Положение, что актуальное желание переживается как напряжение, требующее разрядки, стало аксиомой в психоанализе. А в соответствии с *принципом гомеостаза* человек стремится избавиться от давления влечения и вернуться в состояние покоя. В случае *фрустрации* — препятствия на пути удовлетворения — желание усиливается до ощущения страдания, вплоть до травматического, искажающего нормальный ход развития личности. Жизнь показывает, что в ряде случаев эти общие правила не выполняются, а именно — человек стремится к напряжению и риску, а фрустрация является мощным мотивирующим фактором. В связи с этим следует отметить, что *человек стремится не к покою и расслабленности, а к наиболее привычным для него уровню и форме психического напряжения*. Следовательно, вопреки привычному мнению стремление к удовольствию не является единственным мотивирующим фактором.

Самой первой и главной особенностью мотивов является то, что они могут быть *осознаваемыми* или *неосознаваемыми*. Благодаря психоанализу мы разделяем мотивы на три группы: частично или полностью осознаваемые мотивы; обычно не осознаваемые, но при определенных условиях могущие стать таковыми (например, в процессе анализа); бессознательные — полностью вытесненные в область бессознательного. Проникновение последних в сферу сознания затруднено или невозможно, и нам остается лишь судить о них по косвенным проявлениям.

Приведем примеры трех групп мотивов. *Осознаваемые мотивы* чаще обозначаются как желания, ценности, убеждения и интересы. Это все то, что люди открыто признают важным для себя. Например, здоровье, мир, деньги, успех, семья, друзья, безопасность, комфорт, определенность, любовь, уважение, признание, свобода, самореализация, творчество, интересная работа, полноценный отдых, общение, познание и информация, новые впечатления, новый опыт.

Некоторые потребности приобретают характер устойчивых стереотипных представлений. Обычно они не осознаются и в скрытом виде определяют поведение людей. Так формируются *социальные стереотипы* — наиболее общие и жесткие представления-шаблоны людей о том, что хорошо и что плохо. Среди *вечных положительных стереотипов*: защита семьи и родины, самосохранение, преданность друзьям, сохранение традиций, чувство долга перед родителями, забота о детях, гордость за детей, помощь слабым. *Вечные отрицательные стереотипы*: несовершенство иной расы, идеи национального превосходства и необходимости борьбы с инакомыслящими, убежденность в правоте силы и мужском превосходстве. Социальные стереотипы наряду с индивидуальными установками и привычками относятся к *частично осознаваемым мотивам*. Многие стереотипы отрицаются или скрываются людьми. Например, многие люди склонны испытывать неприязнь к представителям иной расы или национальности, но лишь немногие решаются заявлять об этом открыто.

Напротив, *бессознательные мотивы* полностью не осознаются и проявляются в повседневной жизни только в косвенной форме — в оговорках, сновидениях, ошибочных действиях, болезненных симптомах, а также в стойко повторяющемся трудно объяснимом с точки зрения обстоятельств «немотивируемом» поведении. Например, неосознаваемое чувство вины может быть одной из причин употребления алкоголя, самоповреждения и суицидальных действий. В большинстве же случаев так называемые *вредные привычки являются символическим способом исполнения скрытых желаний*.

Мы видим, что все мотивы независимо от уровня осознанности представляют собой сложные образования. Они формируются и проявляются на нескольких уровнях системы организм—личность. За каждым поступком или осознанным желанием на самом деле стоит не один, а несколько мотивов. Поведение человека оказывается *полимотивированным* или *сверхдетерминированным*. Например, банальное желание девушки выйти замуж может быть вызвано осознаваемым уважением к конкретному человеку, частично осознаваемым сексуальным влечением, частично осознаваемым социальным стереотипом «нормальные девушки должны быть замужем», а также бессознательным желанием освободиться от родительского влияния.

Таким образом, мотивы — это сложные многоуровневые структуры, построенные по принципу соподчинения индивидуальных значений — желаний. *Можно ли управлять силой своих или чужих желаний?* Да, если мы понимаем их природу. Во-первых, *сила желания зависит от яркости нашего представления о возможном удовлетворении*. Всякий раз, когда мы вспоминаем или воображаем конкретную ситуацию, принесшую нам удовольствие, мы усиливаем наше желание. Отсюда вытекает практический совет: для усиления какого-либо желания следует как можно ярче представлять желательный для нас результат, сосредоточившись

на своих переживаниях. Целесообразно также в деталях вспомнить предыдущий опыт удовлетворения данной потребности.

На наше желание чего-либо также влияет *оценка вероятности успеха*. Слишком доступные объекты или слишком недостижимые плохо мотивируют. Нужно убедить себя или других, что реализовать конкретное желание непросто, но вполне возможно. На усиление желания влияет и *общественная оценка*: то, что одобряется в обществе, считается престижным, более мотивирует. Например, если мы видим, что авторитетные люди делают что-то, мы также начинаем хотеть этого. Иногда полезно отказаться от исполнения каких бы то ни было желаний. Тем более полезно выдерживать определенное время между моментами исполнения желания, для того чтобы удовольствие было сильнее. Но самое важное условие в управлении желаниями — это искусство объяснения их важности и значимости для конкретного человека.

Попытки классифицировать и даже перечислить все мотивы человеческого поведения пока еще не привели к успеху. Данный вопрос является настолько сложным, что, например, выдающийся психолог Абрахам Маслоу категорически заявлял о невозможности составить список влечений. В то же время психология оперирует несколькими десятками названий и разновидностей мотивов [70].

Применительно к мотивации чаще всего звучат три термина — *влечения*, *потребности*, *желания*. Четкие их определения отсутствуют. Например, Зигмунд Фрейд хотя и различал данные понятия, но использовал каждое из них в разное время в разных значениях. Мы провели небольшое теоретические исследование с целью выявления и раскрытия наиболее часто употребляемых терминов, одновременно обозначающих различные *формы мотивов*. В результате был получен следующий перечень [30].

1. *Инстинкт* — специфический для вида, биологически наследуемый паттерн поведения.
2. *Влечение* — не сводимая к инстинкту индивидуально своеобразная психическая репрезентация инстинкта, психосоматическое возбуждение, которое характеризуется силой, источником, объектом и целью.
3. *Потребность* — внутреннее напряжение, переживание нужды в чем-то, требующее удовлетворения.
4. *Установка* — фиксированный (стереотипный и повторяющийся) паттерн (схема) восприятия или действия. Готовность действовать определенным образом.
5. *Мотив поведения* — внутренний или внешний стимул-объект, подталкивающий к действию.
6. *Желание* — аффективное переживание потребности в сочетании с представлением о прошлом ее удовлетворении, внутреннее стремление к повторению определенного состояния.
7. *Фантазия* (*фантазм*) — воображаемый сценарий, нереалистичное представление, в котором исполняется, хотя и в искаженном защитой виде, то или иное желание субъекта.

8. *Цель* — осознаваемое представление о желаемом конечном результате реального действия или деятельности.
9. *Склонность* — психофизическая предрасположенность к какой-либо активности/деятельности.
10. *Способности* — развитые в процессе жизни индивидуальные особенности, определяющие успешность деятельности.
11. *Интерес* — устойчивое стремление заниматься какой-либо деятельностью.
12. *Убеждения, идеи* — осознаваемые как личностно-значимые представления и взгляды.
13. *Идеалы* — представления о совершенных объектах; образцы, к которым стремится субъект.
14. *Ценности* — аффективно нагруженные потребности, связанные со смыслом жизни.

Любые из перечисленных психических феноменов могут вызывать и поддерживать активность. Обычно мотивы переплетаются, сочетаются или конфликтуют друг с другом, определяя сложную и многообразную психическую жизнь индивида. В рамках психоаналитического подхода рассматриваются различные виды мотивации, но специфическими для психоанализа можно назвать такие, как *влечения*, *желания* и *бессознательные фантазии*.

Бессознательные процессы надежно защищены от нашего осознания, поэтому требуются специальные усилия и навыки для их частичного понимания. Выделение конкретных видов скрытых мотивов существенно облегчает данную задачу.

Во-первых, в основе поведения людей лежат две базовые тенденции — *стремление к удовольствию* и *стремление избежать неприятности*. Психологические исследования показывают, что в этом отношении всех людей можно разделить на две большие группы: 1) преимущественно стремящиеся к удовольствиям (исполнению желаний) и 2) преимущественно избегающие наказания (неудачи). Очевидно, что как поведение, так и личностные особенности представителей двух групп будут существенно различаться. Люди, ориентированные на активное удовлетворение своих потребностей, с большей вероятностью будут проявлять инициативу, раскованность, настойчивость, лидерские тенденции или манипуляторские склонности, склонность к риску. Образно выражаясь, это люди, смело идущие навстречу своим желаниям.

Личности, избегающие наказания, напротив, будут тратить существенно больше энергии на предотвращение нежелательных для них ситуаций, хотя и с меньшими приобретениями для себя. Для них в большей степени будут присущи такие качества, как осторожность, нерешительность, самокритичность, неуверенность, предусмотрительность. Этих людей, в свою очередь, можно сравнить с убегающими от своих желаний.

Во-вторых, психоанализ обратил наше внимание на различную способность людей воспринимать и тестировать реальность. В данном случае речь идет не об интеллекте, хотя познавательные способности, несомненно, участвуют в анализе ситуации. Имеется в виду индивидуальная склонность человека либо к объективной оценке окружающих событий, либо к проекции на окружающий мир своих фантазий. На шкале *фантазийность — реалистичность* вполне можно было бы

разместить всех людей. Существует по крайней мере три большие группы индивидов с выраженными различиями в степени реалистичности. Это:

- *реалисты* — личности с доминирующей установкой на требования окружающей среды;
- *сомневающиеся* — люди с выраженным конфликтом между задачами реальности и собственными бессознательными фантазиями (например, невротики, химически зависимые люди, делинквентные личности);
- *фантасмогористы* — индивиды, оказавшиеся во власти бессознательных фантазий вплоть до полного отрыва от реальности (например, при аутизме, психозе, паранойе или в состоянии наркотического опьянения).

В качестве третьего основания для классификации скрытой мотивации можно выбрать *временную перспективу*. Выделяются: *мотивы прошлого*, *актуальные мотивы* и *мотивы будущего*. Например, фиксация на прошлых травматических переживаниях, безусловно, определяет личностные особенности человека и его актуальное состояние. Такой человек вновь и вновь возвращается в прошлое, повторяя его в настоящем. Фрустрация потребностей в настоящем — пример другого важного мотивирующего фактора. Наконец, мечты и цели, устремленные в будущее, определяют следующий тип личности. В данном контексте можно выделить три группы людей с доминированием той или иной временной установки: фиксированные на прошлых событиях, переживающие настоящее, устремленные в будущее.

Далее мотивы различаются и по своему *объекту*. В связи с этим можно говорить о трех видах мотивов: 1) *мотивы-объекты*, связанные с материальными условиями и предметами (пища, одежда, дом, природа); 2) *мотивы-отношения*, вытекающие из взаимоотношений с людьми (любовь, забота, дружба, власть); 3) *мотивы-символы*, порождаемые культурно выработанными стереотипами и образами (познание, деньги, слава, статус, религия).

Для более глубокого анализа бессознательных мотивов окружающих людей мы предлагаем собственную классификацию мотивирующих факторов, основанную на психоаналитической теории. В качестве основания для данной типологии выступают *объект*, *цель* и *способ удовлетворения* [30].

Бессознательные мотивы

Бессознательные мотивы	Возможные формы и проявления
Сексуально-гедонистические мотивы (цель — продление жизни, способ — телесное удовольствие и комфорт)	Оральное удовольствие, например от вкусной еды; анальное удовольствие, например от напряжения и расслабления мышц; генитальное удовольствие, например оргастическая разрядка; разрядка частичных влечений (ощупывание, прикосновения к теплому и мягкому, подглядывание, обнажение, обнюхивание); потребность в здоровье и в отсутствии боли; потребность в отдыхе и телесной свободе

Бессознательные мотивы	Возможные формы и проявления
Мотивы самосохранения (цель — поддержание жизни и устранение угрозы; средство — защита, борьба, объединение в группы)	Потребность в безопасности; потребность в защищенности; потребность в активных действиях; потребность в свободе; потребность в устранении конкурента/врага; потребность в устрашении врагов; потребность в собственной территории; потребность в собственном доме; потребность в друзьях; потребность в семье
Мотивы объектных отношений (цель — поддержание жизни; средство — близкие отношения)	Потребность в родительской заботе; потребность в семье; потребность любить и быть любимым; желание слиться с объектом; обладание объектом; потребность доминировать над людьми; потребность контролировать людей
Мотивы массобразования (цель — защита и усиление своего рода; средство — слияние с массой)	Потребность в принадлежности к группе; потребность в определенной групповой идентичности; стремление делить людей на «своих» и «чужих», бороться с врагами; потребность в сильном лидере/вожаке; потребность подчинять и подчиняться; потребность знать свои корни; потребность в могуществе
Нарциссические мотивы (цель — поддержание самооценки; средство — самовозвышение)	Потребность принимать и любить себя; желание обладать исключительным (волшебным) качеством; желание обладать совершенными объектами (идеальными родителями или совершенными партнерами); желание быть похожим на значимых людей; желание быть совершенным (сильным, умным, красивым); желание получать одобрение, восхищение людей; желание быть всемогущим (сверхсильным); потребность в кумирах, идеалах; потребность в самоуважении и примирении со своей совестью; стремление находить позитивный смысл своей активности

Окончание табл.

Бессознательные мотивы	Возможные формы и проявления
Мотивы реальности — эго-мотивы (цель — адаптация к реальности; средство — обучение и когнитивная обработка)	Потребность в новых и разнообразных ощущениях; потребность в получении информации, знании; потребность в понимании смысла; стремление структурировать, систематизировать; потребность в постоянстве среды; потребность называть и обозначать; потребность соответствовать требованиям среды; потребность в обучении; стремление быть компетентным (уметь что-то); стремление преодолевать трудности; потребность в самопонимании и развитии; потребность в адаптации (приспособлении) к ситуации
Мотивы эталонности (цель — одобрение значимых фигур и внутренних объектов; средство — самоконтроль)	Потребность в одобрении; потребность в самоуважении (быть хорошим); потребность в самонаказании; потребность в стандартах (хорошо — плохо); потребность в идеалах
Экзистенциальные мотивы (цель — установление глобальных связей; средство — определение общечеловеческого смысла)	Потребность знать свои корни, ощущать свою сопричастность к жизни других людей; потребность находить смысл жизни; определение сущности и значения смерти; потребность в счастье
Мотивы сублимации (цель — разрядка сексуальной энергии; средство — социально одобряемая деятельность или творчество)	Потребность в восприятии/создании гармонии и красоты; стремление к противоречиям; потребность в юморе и иронии; потребность в создании чего-либо, в творчестве; потребность в достижениях и результатах; стремление помогать людям, отдавать им себя

Перечисленные мотивы побуждают к действиям и вызывают различные переживания. В случае реализации данных мотивов человек испытывает положительные эмоции вплоть до экстаза или триумфа. В случае же их фрустрации — препятствия на пути удовлетворения — люди переживают самые разнообразные негативные чувства; например, сексуальная депривация вызывает тревогу и злость; фрустрация потребности в самосохранении — страх и агрессию; объектный («любовный») дефицит вызывает депрессию и агрессию; нарциссические травмы порождают стыд и ярость; фрустрация потребности в эталонности — чувство вины, самобичевание и депрессию.

Приведенная классификация может помочь распознать скрытые мотивы поступков людей. Важно помнить: то, что сам человек считает причиной своего поведения, — только часть правды. Более того, нередко люди намеренно вводят в заблуждение окружающих, сообщая им ложные мотивы своего поведения, которые могут произвести лучшее впечатление или освободить от ответственности.

Для обнаружения скрытых мотивов конкретного человека необходимо сосредоточиться на нескольких моментах, дающих ключ к пониманию его бессознательного. Полезно попытаться ответить на следующие вопросы:

1) о чем чаще всего говорит человек;
2) какие оговорки и ошибки он совершает;
3) какие сны ему снятся (особенно важны повторяющиеся сновидения);
4) в каких ситуациях он особенно волнуется, теряется или напрягается;
5) что ему лучше всего помнится из детства;
6) что доставляло ему сильное неудовольствие или страдание в детстве;
7) что доставляло ему особое удовольствие в детстве или отрочестве, каковы его детские желания;
8) какое поведение устойчиво повторяется в настоящее время, особенно вопреки его желанию;
9) какие события повторяются в жизни конкретного человека и его семьи;
10) какие жизненные события он считает наиболее важными для себя;
11) каковы его ценности (например, на что бы он потратил миллион долларов);
12) каковы его смыслы (например, что бы он сделал, если бы узнал, что осталось жить один месяц);
13) кто (или что) составляет его идеал?

Данные вопросы позволяют выявить наиболее значимые для человека темы, источники его негативных переживаний и страхов, его скрытые желания и, наконец, то, к чему человек привык и, стало быть, будет стремиться это повторить.

ГЛАВА 6

Психоаналитические идеи в рекламе

По ту сторону принципа реальности

Реклама — это спрессованный образ современности, она выражает чувства и опыт всего человечества.

М. Маклюэн

Реклама — еще один важный феномен современной массовой культуры, выступающий одновременно и зеркалом социальных процессов, и способом управления людьми. Реклама многолика. Трудно перечислить все сферы существования рекламы — телевидение, радио, газеты, журналы, транспорт, Интернет и т. д. Реклама появляется везде, где есть люди.

Коммерческая реклама выполняет рыночную функцию продвижения товаров и услуг. *Социальная реклама* участвует в формировании общественного мнения. *Политическая реклама* выступает одним из основных инструментов продвижения по политической арене. *Имиджевая реклама* помогает сформировать нужную репутацию и положительное отношение.

Реклама многофункциональна, она одновременно решает множество задач. В связи с этим выделяют несколько взаимосвязанных аспектов рекламы: реклама как феномен массовой культуры, отражающий особенности общественной жизни и психологии народа; реклама как особая форма массовой коммуникации, опосредованная художественным образом и символами; реклама как маркетинг, существующая для продвижения товаров и услуг; реклама как вид творческой деятельности и форма досуга, удовлетворяющая познавательно-эстетические потребности людей.

Аналогично другим социально-психологическим феноменам реклама имеет два уровня воздействия: *осознаваемых представлений* и *бессознательных установок*. На первом уровне осуществляются передача информации и работа с очевидными потребностями людей. На втором уровне активизируются глубинные образы и паттерны поведения. Иначе говоря, реклама призвана информировать, соответствовать ожиданиям людей, а также совпадать с их бессознательными же-

ланиями. Последняя тема становится все более популярной, поскольку на фоне наводнения рынка товарами затрудняется способность покупателей делать сознательный выбор. В связи с этим можно выделить *три формы современной рекламы*: информирующая реклама, предоставляющая информацию; подталкивающе-убеждающая реклама, предлагающая сделать конкретную покупку и рационально аргументирующая правильность выбора; глубинно-воздействующая реклама, оживляющая бессознательные мотивы, представления и конфликты.

Следует отметить, что не всякая реклама имеет психоаналитическую подоплеку. На практике доминируют информирующие и убеждающие ее варианты. Одновременно глубинные подходы, раскрывающие сущность массовых процессов, привлекают все большее и большее внимание специалистов. Именно бессознательные аспекты рекламного воздействия выступают предметом настоящего исследования.

Психоаналитический подход к рекламе базируется на одноименных идеях и имеет следующие особенности: актуализация скрытых, в том числе запретных, желаний и фантазий; обращение к раннему личному опыту; обращение к прошлому опыту человечества, отраженному в ритуалах и мифах; широкое использование символики; максимальная образность и экспрессивность; игнорирование словесной информации [30].

Глубинная психология рассматривает рекламное послание с точки зрения скрытого воздействия, пытаясь понять секреты его тайного очарования и способы эффективного использования. Задача настолько непростая, что многие отмахиваются от ее решения на самом начальном этапе — понимания основ. В то же время современная реклама развивается именно в направлении увеличения исследований иррациональных феноменов. В конце концов, все тайное становится явным.

Анализ немногочисленных научных работ и популярных публикаций позволяет говорить о том, что в настоящее время психоаналитический подход в рекламе реализуется в трех основных (часто не связанных) направлениях. Во-первых, реклама исследуется и широко обсуждается как *массовый культурный феномен*, а выражаясь психоаналитическим языком, как массобразование. В данном случае реклама рассматривается как сублимированная форма более глобальных социальных процессов, а именно как отражение исторической и культурной ситуаций; выражение ведущих социальных ценностей; проекция доминирующего в обществе типа характера (орального, анального, фаллического, генитального). Действительно, у каждого народа есть свои собственные излюбленные рекламные образы наподобие американского ковбоя Мальборо или русского Лени Голубкова. Кроме того, динамика рекламной продукции достаточно глубоко отражает исторические перемены в жизни народа. С помощью рекламы мы можем в полной мере прочувствовать атмосферу конкретной эпохи: Гражданская война, нэп, культ личности, Великая Отечественная война, застой и идеологический кризис, беспредел, рекапиталлизация и т. д. Реклама изменяется вместе с изменением общества, обнаруживая свою культурно-этническую сущность.

Второй аспект психоанализа рекламы связан с *поиском новых эффективных способов усиления воздействия на потребителя* рекламы с помощью психоаналитических теорий и методов. Принцип актуализации бессознательных желаний

и их символического исполнения используется повсеместно, особенно в коммерческой и политической рекламе. Креаторы и производители рекламы не покладая рук работают над созданием «оружия массового поражения» в форме новейших технологий соблазнения потребителей. Информирование и аргументация хорошо подходят для индивидуального клиента. Но они становятся малоэффективны в условиях дефицита времени и миллионной аудитории, состоящей из людей с совершенно различными опытом и уровнем образования. Напрашивается очевидный вывод, что массовая реклама должна опираться преимущественно на универсальные, общие для всех людей психологические особенности, каковыми, например, являются, сексуальные и групповые влечения, архаические образы, детские желания. В связи со всем сказанным современную рекламу, прежде всего телевизионную, *можно сравнить со сладким сном, в котором исполняются мечты и скрытые желания нации*.

Третий важный аспект психоанализа рекламы — *изучение причин сопротивления рекламе и способов его преодоления*. Практика показывает, что по мере совершенствования методов манипулирования массовым сознанием повышается иммунитет потребителей рекламы. Это означает, что в обществе растет недовольство рекламой, снижается степень доверия к ней, наступает привыкание (пресыщение). Люди просто перестают обращать на нее внимание. Сопротивление рекламе возрастает прямо пропорционально возрасту телезрителей: от фанатического увлечения детей через критический анализ молодых людей к категорично-агрессивному неприятию пожилой аудитории. В настоящее время требуются серьезные исследования по изучению негативных последствий рекламного воздействия с учетом возраста и социального положения людей [30].

Как известно, именно в психоанализе накоплен существенный опыт работы со всеми перечисленными феноменами. Мы уже отмечали ранее, что психодинамический подход не является ведущим в рекламной деятельности. Более того, в то время как реклама насчитывает тысячелетнюю историю, психоанализ в рекламе начал использоваться только с 1940–1950-х годов в США. Увлечение американцев психоанализом объяснялось падением спроса на многие товары и разочарованием в традиционных маркетинговых методах, например в статистическом. Специалисты по рекламе ухватились за психоанализ в попытке найти более эффективные средства воздействия на мотивацию людей. Было установлено, что каждые двадцать пять лет производительность труда удваивается, а количество товаров возрастает в несколько раз. Это вызвало настоятельную необходимость стимулировать торговлю любыми средствами. Расходы на рекламу стали возрастать в геометрической прогрессии. Именно в это время появилась идея «массированного удара» на скрытые желания людей [89].

Эрнст Дихтер, американский исследователь и психолог, считается одним из основоположников глубинного направления в рекламе. Его перу принадлежит книга «Стратегия желания, или Руководство по изучению мотивации человека». Дихтер также основал научный центр — Американский институт мотивационных исследований, в котором успешно разрабатывались и применялись на практике оригинальные методики. Научные исследования Дихтера и работа над книгой, в которой была прослежена культурная антропология Америки 1950-х годов, убедили автора в том, что мотивы поведения современных потребителей рекла-

мы принципиально не отличаются от причин ритуальных действий примитивных племен. Разницу ученый усматривал лишь в том, что американцы приобретают свои «амулеты» в супермаркетах. Скрытая мотивация изучалась с помощью дискуссий о товарах, теста незаконченных предложений, теста юмористических ситуаций. В экспериментах участвовали тысячи людей. На основании полученных результатов определялись глубинные стремления конкретной группы потребителей конкретного товара, что, в свою очередь, определяло концепцию рекламной кампании. Новое направление в рекламе получило название *анализ мотивов* [87].

Заметной фигурой в мире психологии рекламы стал Луи Ческин, основавший институт по исследованию цвета. Он писал: «*Анализ мотивов относится к типу исследований, которые ставят целью узнать, что побуждает людей делать тот или иной выбор <...> поскольку предпочтение обычно определяется факторами бессознательными*» [78. С. 415].

Разгадать тайны рекламы стремились и другие талантливые ученые. Так, Пьер Мартино, возглавлявший научно-исследовательский отдел «Chicago Tribune», выпустил в свет книгу «Мотивация в рекламе». Знаменитый Вэнс Пэккард издал труд под названием «Тайные увещеватели». В Институте общественного мнения изучал зрительскую аудиторию легендарный Дэвид Огилви.

Усилия множества талантливых людей были направлены на одну цель — повышение эффективности рекламного воздействия с помощью открытий, сделанных психоанализом. Лейтмотивом данных исследований стала простая идея: *покупки осуществляются под влиянием скрытых потребностей*. Например, было замечено, что женщины платят за крем во много раз дороже, чем за мыло. Это интерпретировали таким образом, что использование мыла гарантирует им только чистоту, а крем — красоту и сексуальную привлекательность. Люди покупают возможность исполнять свои сокровенные желания, например не косметику, а надежду на успех, не апельсины, а жизненную силу, не автомобили, а престиж. Дэвид Огилви подчеркивал, что чем больше сходства между товарами, тем меньшую роль при их выборе играет разум [87].

В рамках анализа мотивов было выполнено несколько серьезных исследований. Первым шагом стало открытие так называемого *подпорогового эффекта*. В одном кинотеатре в Нью-Джерси во время демонстрации фильма на экране появилась реклама мороженого. Вспышки были очень короткими, однако достаточными для того, чтобы быть воспринятыми мозгом на подпороговом уровне. В результате резко увеличилась продажа мороженого. После этого были проведены успешные опыты также с телезрителями, но специалисты считают, что такие опыты больше подходят для кино. Данный феномен получил широкую известность под названием двадцать пятый кадр.

Другим открытием стало то, что люди покупают товары в соответствии с *образом товара*, а не его реальными качествами. В экспериментах было установлено, что покупатели преданы «своей» марке сигарет, хотя при специальных испытаниях не могут отличить ее от других. Они «курят» не сигареты, а их «образ». Задача рекламы, стало быть, состоит в том, чтобы создавать в умах потребителей *притягательные образы товаров*, которые в условиях конкуренции побуждали бы их приобретать. Если такой образ повторяется множество раз в рекламе, даже без текста, рекламируемый товар имеет большой успех.

Следующий вывод, сделанный при исследовании мотивации, связан с признанием ведущей роли *социальных ценностей и символов*. Специальными исследованиями установлено, что только незначительная часть покупателей автомобилей интересуется их техническими качествами. Для подавляющего большинства автомобиль имеет социальное и психологическое значение как *символ* их индивидуальности и общественного положения. При этом люди не всегда осознают истинный мотив своего выбора. Другой пример: люди курят вопреки грозящей им опасности, поскольку курение ассоциируется у них с силой, мужеством, раскованностью; курящие подростки демонстрируют этим свою самостоятельность и взрослость; курящие молодые люди выглядят старше, а пожилые — моложе.

Особые усилия были приложены к тому, чтобы снять сопротивление «запрещенным» товарам — притупить *чувство вины* и критику Супер-Эго при потреблении алкоголя, сластей и сигарет. Например, «вина» потребителей конфет была смягчена тем, что стали выпускать маленькие или плиточные конфетки, которые можно есть по кусочку, не нарушая их вида.

Исследования страха перед воздушной катастрофой показали, что люди не столько боятся своей смерти, сколько реакции семьи на их гибель. Аналогично многие клиенты боятся банков и предпочитают брать взаймы у частных заимодавцев (хотя те берут более высокий процент) вследствие более сильного морального авторитета банка, под контроль которого боится попасть должник. При сделке с частным кредитором роли меняются: должник осознает свое моральное превосходство над ним. В то же время чувство вины гораздо чаще вызывается в рекламе, чем смягчается в ней. Знаменитые рекламные ролики зубной пасты долгое время запугивали людей пресловутым «кариесом» и ужасным внешним видом.

Гендерные различия выступили другим важным фактором успешной торговли. Наблюдения над женщинами-покупательницами в супермаркетах показали, что покупки чаще совершаются не по заранее составленному плану, а импульсивно. Большую роль играют при этом внешний вид товара, его запах и цвет. Обнаружилось, что внешний вид и цвет упаковки имеют чрезвычайно большое значение. Существует мнение, что женщин гипнотизируют желтый и красный цвета. Для мужчин в целом характерно стремление к карьере и продвижению по общественной лестнице, и огромную роль играют при этом *материальные символы общественного положения и успеха*, с громадной выгодой эксплуатируемые рекламой. Торговые фирмы продают символы, а население охотно их покупает. Это значит, что при удачном соединении товара и ценности можно успешно продавать даже самые дорогие и непрактичные вещи. В качестве наглядного примера можно привести влияние моды. Модная одежда продается независимо от ее объективных качеств. *Традиции, мода* и *престиж* выступают главными неосознаваемыми мотивами, влияющими на выбор покупателей.

Были выявлены способы формирования ощущения престижности товара, например: 1) предлагать предметы большого размера; 2) предлагать товары по высокой цене; 3) заручиться отзывами и примерами знаменитостей и лидеров мнений. Так, фактор размера играет важную роль при выборе российскими мужчинами автомобиля. Объективно машина представительского класса неэкономична и не очень маневренна в условиях мегаполиса с его переполненными автомагистралями и постоянными пробками. Но данное обстоятельство вытесняется благодаря

тому нарциссическому удовлетворению, которое дает обладание огромной машиной. Идентифицируясь с большим авто, его хозяин также ощущает себя большим и могущественным. Но еще важнее то, что хозяин машины представительского класса чувствует себя членом этого самого класса.

Особые усилия производителей рекламы тратятся на выявление *негативных ассоциаций*, заставляющих отказываться от товара. Например, одна из реклам пива подчеркивала низкую калорийность своего напитка с целью привлечь потребителей, боящихся пополнеть. Это привело к неожиданному падению спроса. Специальное исследование показало, что низкая калорийность ассоциируется с болезнью, самоограничением, диетой и другими непривлекательными понятиями. Требуется много усилий, чтобы избавить рекламу от побочных, вредных ассоциаций, которые она может вызвать. Некоторые фирмы (привлекая психологов) стали проверять с помощью теста свободных ассоциаций все слова, составляющие текст их рекламы.

Неоднократно предпринимались попытки классифицировать потребности людей, приводящие в конечном счете к совершению покупок. Исследования показывают, что мотивы покупателей существенно зависят от возраста, пола, национальности и других групповых различий. Тем не менее некоторые потребности признаются доминирующими в большинстве групп.

Сексуальные мотивы использовались в рекламе интуитивно задолго до появления психоанализа, но учение Фрейда побудило иначе посмотреть на этот вопрос. Первоначально сексуальность изображалась открыто. Психоаналитические исследования показали, что прямое изображение сексуальности неприемлемо, поскольку вызывает сопротивление Супер-Эго, детерминированное культурными запретами. В середине 1950-х годов появились сотни новых марок парфюмерных и косметических изделий, но их нельзя было рекламировать по-старому, потому что грубое изображение сексуальности уже не действовало. Исследователи нашли, что нужно делать акцент на более романтических вещах. Одновременно с этим реклама некоторых предметов женского туалета стала приобретать шокирующе сексуальный характер.

Психоаналитики выяснили, что в середине XX века мужчины и женщины обнаружили сильную потребность сохранить отличительные свойства своего пола и соответственно этому стали строить рекламу предметов, предназначенных для мужчин и женщин, делая в одних случаях ударение на мужественности, а в других — на женственности. В контексте маскулинности авторучка приобрела символическое значение мужского тела, а машина — любовницы. В рекламе женского белья также начали активно эксплуатировать нарциссические переживания. Чаще всего женщина в такой рекламе изображается любующейся на себя в зеркало. После введения данного приема продажи женского белья действительно увеличилась. Исследователи вновь и вновь подчеркивают, что у мужчин и женщин при покупке одних и тех же товаров имеют место различные мотивы.

В рекламе продуктов питания, сигарет и жевательной резинки всегда энергично эксплуатировались *инфантильные переживания*. Основой для данного подхода послужило толкование полости рта как зоны наслаждения. Грудной ребенок находит успокоение и удовольствие в материнской груди, аналогично и взрослые — в пище, курении, сосании. Многие пищевые продукты приобретают, таким обра-

зом, скрытое психологическое значение. Например, при стимулировании спроса на мороженное его стали изображать в виде обильных порций — для того, чтобы потребитель имел возможность символического удовлетворения ненасыщаемой потребности в желанной сладкой массе. Аналогичные наблюдения: супы нравятся людям потому, что смутно ассоциируются с околоплодной жидкостью в утробе матери; курение толстых сигар воспроизводит сосание большого пальца, курение длинных сигарет — кусание ногтей и т. д.

За полвека существования глубинного подхода в рекламе были испробованы различные методы исследования бессознательных мотивов потребителей, среди них психоаналитические беседы, групп-анализ, проективные методики (например, пятна Роршаха), ассоциативный эксперимент, тематические тесты, социодрама. Позднее вокруг глубинных методов развернулась серьезная дискуссия, не затихающая по сей день. В настоящее время глубинные методы вызывают следующие нарекания:

- малодоступность и сложность психоаналитической теории;
- дефицит квалифицированных специалистов при высокой цене обучения;
- неразработанность методов исследования бессознательных процессов для больших групп людей;
- высокая цена исследований при большой длительности последних;
- непрогнозируемая эффективность использования психоаналитических методов;
- наличие множества других важных и более очевидных факторов (кроме глубинных процессов), влияющих на потребителей рекламы.

И все же главной проблемой психоаналитического подхода в рекламе признается *этический вопрос*. Насколько правомерно вторгаться в глубинные процессы людей без их на то согласия? Насколько это безопасно для конкретных людей и общества в целом? Можно ли использовать доверие (исследуемых) людей в корыстных целях? Насколько научные и практические цели психоанализа совместимы с коммерческими интересами? Кто может гарантировать, что отдельные специалисты не будут злоупотреблять психоаналитическими знаниями?

Несмотря на выраженные трудности роста, использование психоаналитических идей в рекламе признается достаточно перспективным. Так, Бальфен утверждает: «*Анализ мотивов далек от совершенства, но ему предстоит большая будущность. Он ныне находится на таком же уровне, на каком наука об общественных отношениях находилась в начале 1930-х годов*» [79. С. 415].

В подтверждение этому анализ рекламных видеороликов, занявших призовые места на Каннском фестивале («Каннские львы») в последние годы, позволяет говорить о том, что многие из них выполнены в психоаналитическом ключе. Реклама, основанная на глубинной психологии, не обязательно повышает продажи, но в ряде случаев является более эстетичной и содержательной. В качестве примера «психоаналитической рекламы» можно привести описание рекламного ролика кетчупа «Heinz». Женщина приходит в больницу к мужу, которого вывозят из операционной с забинтованным указательным пальцем руки. На следующем кадре супруги находятся у себя дома, в напряженном молчании снимают повязку

с пальца. Кульминационный момент — обнажившийся палец достигает невероятных размеров! В следующем кадре женщина пытается добраться до остатков кетчупа на донышке длинной и узкой бутылочки, переживая горькое разочарование. В дело вступает «подросший» палец мужчины — банка сдается без боя, кетчуп намазан на палец и доставлен по назначению.

Как мы можем видеть, психоаналитической подоплекой ролика выступает фаллическая символика (палец — символ пениса) и многократное стимулирование оральной эротики. Кроме этого, в ролике нет слов, нет прямого изображения сексуального или агрессивного влечения, ролик динамичен и эмоционален, наполнен юмором. Он притягивает, интригует и, наконец, приятно удивляет, оживляя бессознательные переживания и катартически высвобождая сексуальные импульсы.

Технологии глубинного рекламного воздействия

Идеально эффективной рекламы нет. Но к ней необходимо стремиться подобно тому, как мореплаватели ориентируются на Полярную звезду, никогда не достигая последней.

И. Викентьев

В современной рекламе используются десятки способов глубинного воздействия, перекликающихся с психоаналитической теорией. По конечному результату воздействия рассматриваемые технологии можно поделить на три большие группы: соблазнение, увещевание и снятие сопротивления.

Методы соблазнения — это совокупность приемов, направленных на усиление иррациональных побуждений людей посредством символического изображения скрытых желаний и бессознательных фантазий. Методы увещевания — способы усиления доводов Эго (убеждения и самоубеждения), основанных на стереотипах массового сознания. Методы снятия сопротивления Супер-Эго — техники, направленные на снижение чувства вины и критики совести. Далее приводится более развернутая характеристика перечисленных методов.

Методы соблазнения направлены на усиление иррациональных побуждений и желаний массовой аудитории. Современная реклама переполнена изображением удовольствия от самых различных вещей — еды, одежды, автомобилей, косметики и т. д. Типичный сценарий рекламного ролика довольно прост: для начала предлагается образ симпатичного героя (человека или животного), с которым массовый зритель может легко и быстро идентифицироваться (отождествиться), с героем случается какая-то неприятность, для решения которой предлагается рекламируемый товар, далее максимально убедительно изображается нарциссический триумф или чувственное наслаждение, которое получает герой от обладания конкретным товаром. Поскольку зрители отождествляют себя с героем, они начинают испытывать все то же самое. Какие-то звенья представленной схемы могут быть опущены, но суть остается той же — рекламный образ должен сформировать устойчивое *стремление получить удовольствие с помощью конкретного товара.* В настоящее время прямое изображение наслаждения все чаще заменяется его косвенными формами. Например, в рекламе пива «сомнительное» удовольствие

от данного напитка заменяется на бесспорно приятные вещи — радостную встречу с друзьями или общество красивой девушки, склонившейся в пикантной позе над бильярдным столом. Таким образом, главной задачей соблазняющей рекламы является пробуждение влечений и усиление желаний с помощью их прямого или символического изображения. Предполагается, что скрытое желание является главным условием принятия последующего рекламного призыва.

Для реализации рассмотренной задачи используются следующие *приемы глубинного воздействия*:

- массобразование;
- символическое удовлетворение — активизация желания посредством его виртуального изображения и последующего символического удовлетворения;
- регресс — актуализация инфантильных переживаний и конфликтов посредством их изображения в рекламе;
- сексуализация — использование сексуальных символов для рекламы товаров, не имеющих отношения к сексу;
- возвышение — достижение нарциссического удовлетворения благодаря символическому обладанию превосходными или волшебными качествами;
- агрессивная разрядка — символическая разрядка агрессивных импульсов.

Перечисленные методы применяются не только в рекламе, но и во многих других сферах массовых коммуникаций. На примере рекламных технологий можно говорить и об универсальных приемах работы с групповыми бессознательными процессами. Далее приводится краткая характеристика перечисленных технологий.

В качестве первого следует назвать прием, основанный на актуализации массового сознания — *массобразование*. Телевидение по своей сути является средством вовлечения зрителя в массовый процесс. Бессознательные механизмы (идентификация, проекция и интроекция) приводят к тому, что человек перед экраном телевизора переживает значимое для себя чувство принадлежности к группе. Более того, зрители получают иллюзию сопричастности к жизни множества других людей. Так, не выходя из собственного дома, человек становится частью виртуальной толпы, переключаясь с уровня индивидуального функционирования на уровень массового сознания.

Известно, что *в группе актуализируются влечения*. Как только потребитель телевизионной рекламы вовлекается в виртуальное массобразование, он моментально перенимает *качества толпы*: повышенную внушаемость, сниженную критичность, решительность и готовность действовать. И далее все по Зигмунду Фрейду: «*Тот, кто хочет на нее* (*массу*) *влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое*». Задача проектировщиков в данной ситуации — *актуализировать или навязать желания*, к которым индивид вне массообразования будет относиться критично. Массобразование широко используется в рекламе. Например, в большинстве рекламных роликов, предлагающих пиво, воссоздается контекст поддерживающего братства — веселых друзей или другой массобразующей структуры.

Возможные способы массобразования: демонстрация героя или товара на фоне большого скопления людей (группы подростков, молодежной тусовки, мужского братства, спешащей толпы); формирование чувства групповой идентичности посредством четкого обозначения принадлежности к социальной группе (например, «пиво для *настоящих мужчин*» или «*я — домохозяйка*»); воссоздание отношений вождя и преданной группы; обыгрывание ситуации «свои» — «чужие» и объединение против врага. Прием массобразования обладает высокой действенной силой в отношении большинства социальных и возрастных групп, особенно подростково-молодежной аудитории. В то же время существуют определенные категории населения, для которых этот прием не адекватен, например интеллигенция, представители творческих профессий.

Следующий прием — *символическое удовлетворение*, пожалуй, используется в рекламе чаще других. Реклама раздает многочисленные обещания осуществить самые разнообразные потребности людей. *Телевизионная реклама* легче других проникает в бессознательные глубины. Ее визуальный ряд подобен сновидению, важнейшая роль которого — исполнение желаний, включая запретные. Соблазнение реализуется по стандартной схеме: выявление скрытого желания, характерного для большой группы людей; вторичная обработка или превращение желания в социально приемлемый образ/символ; демонстрация зашифрованного желания в рекламе; изображение удовольствия от его исполнения; снятие чувства вины через изображение положительных последствий удовлетворения (например, одобрения окружающих).

Суммируя различные данные, можно составить перечень наиболее часто эксплуатируемых потребностей людей независимо от их осознания последними: сексуальные потребности и получение физического удовольствия; всемогущество (уверенность, сила, мощь); нарциссическое удовольствие от собственного совершенства; безопасность/надежность; контроль/порядок/определенность; принадлежность к массе; принадлежность к значимой и статусной социальной группе; традиции/связь времен и поколений; бессмертие; ощущение собственной правоты; одобрение окружающих [30].

Прием, который мы назвали символическим удовлетворением, основан на универсальных свойствах желаний. Важным механизмом также выступает *идентификация потребителя со свойствами предлагаемого товара*. Человек обладает способностью идентифицироваться (самоотождествляться) не только с людьми, но и с предметами и даже с их свойствами, если последние обладают ценными для него качествами (красивый, надежный, активный и т. п.). Употребление продуктов питания бессознательно переживается как приобретение этих замечательных свойств и удовлетворение соответствующих желаний. Объект, обладающий волшебными свойствами, подобно тотемному животному, вселяет в его владельца желанное могущество.

Следующий распространенный прием — *актуализация инфантильных переживаний и конфликтов, которую мы рассматриваем как символический регресс*. Это не любое изображение детей или детства, но специально созданный рекламой образ, воспроизводящий базовые инфантильные моменты. Среди них рождение, зависимость от заботливых родителей и угроза потери любви, сепарация — отделение от родителей, эдипальные отношения и страх кастрации, наконец, страх на-

казания. Следует учитывать, что символы, используемые в рекламе, должны иметь универсальный характер; конкретное, слишком откровенное изображение инфантильных потребностей вызывает отторжение у большинства взрослых людей.

Чаще других в рекламе воспроизводятся следующие инфантильные ситуации и символы. Символ *заботливой матери* предстает в самых различных вариантах, это и ласкающая мать-природа, и щедрая кормилица-бабушка, наконец, нежная заботливая мама. Воплощенный в конкретном образе символ матери оживляет бессознательные переживания раннего детства, в результате чего зритель регрессирует до состояния ребенка. Таким образом активизируются инфантильные потребности в еде, тепле, комфорте. Другим символом является *могущественная вышестоящая фигура отца*. Данный образ воссоздает зависимую, подчиненную позицию ребенка, в свою очередь, делающую человека более внушаемым и послушным. Рекламе остается только сделать конкретное предложение.

Прием инфантильного регресса широко используется не только в рекламе, но и в современных прямых продажах. Греческие и турецкие продавцы по праву могут считаться профессионалами в данной области. Прежде чем предложить товар, они оказывают покупателю особые знаки внимания — за ним посылают машину, его угощают чаем или обедом, справляются о его родине и семье, выражают всяческое уважение; окруженный вниманием потенциальный покупатель регрессирует до роли ребенка, его сердце переполняется благодарностью и желанием сделать что-то хорошее для гостеприимных хозяев, играющих роль заботливых родителей. У большинства «гостей» моментально развивается состояние, называемое в психоанализе переносом. Это значит, что в обход сознанию в настоящем оживают прошлые отношения с родителями. Данные переживания сопровождаются «приступом» зависимости, не всегда оправданным доверием, и опасным чувством вины. Неудивительно, что сделанные в таких условиях покупки оказываются невыгодными для «гостя». Незадачливые покупатели понимают это сразу, как только расстаются с «заботливыми хозяевами». Состояние измененного сознания проходит, оставляя горечь разочарования товаром и недовольство собой.

Анализируя современную рекламу, нетрудно распознать приемы, воспроизводящие *эдипову ситуацию* — инфантильную (как правило, неосознаваемую) любовь к родителю противоположного пола при конкуренции с однополым родителем. Замечательный пример — реклама майонеза «Кальве» с инфантильным Вовочкой и всезнающей мамой, кормящей великовозрастного сына с ложечки. На бессознательном уровне женщина-зритель получает возможность сохранять символическую связь с сыном через конкретный продукт, что сознательно проявляется как стремление покупать именно этот товар.

Сексуализация — стимулирование сексуальных влечений с помощью обнаженного тела или эротических сцен — настолько интенсивно эксплуатируется рекламой, что, похоже, начинает вызывать эффекты, противоположные ожидаемым. Следует отметить, что психоаналитический подход предполагает *непрямое изображение сексуального удовольствия*. Кроме того, сексуализация не сводится к изображению взрослой генитальности, но предполагает также символическое отражение различных форм инфантильной эротики. В целом сексуализация предполагает актуализацию инфантильных сексуальных переживаний (оральных, анальных, фаллических), актуализацию частичных влечений (подглядывание,

обнажение, ощупывание, обнюхивание), обыгрывание инцестуозных фантазий, обыгрывание генитальной (зрелой) сексуальности.

Как известно, сексуальные влечения могут быть направлены на внешние объекты или на себя. В последнем случае речь идет о нарциссизме. Нарциссическое удовлетворение в рекламе достигается посредством: 1) демонстрации совершенного тела; 2) изображения магического всемогущества (волшебной силы); 3) воссоздания ситуации личных достижений и социального успеха; 4) привлечения знаменитостей для удовлетворения потребности в идеале. *Нарциссические переживания* используются особенно широко. Красавица, любующаяся на себя в зеркало, — частый сюжет рекламных роликов. Стремление человека быть привлекательным (нравиться другим и себе) создает психологическую почву для рекламы косметических средств, одежды и многого другого. Одновременно обыгрывается и *страх утраты нарциссического совершенства*, «наступающего неизбежно», если не использовать предлагаемые товары.

Страх и *тревога* — то, что мучительно преследует человека — также используются в рекламе. Например, в форме предложения испытать и затем избавиться от этих чувств. «Заплати налоги и спи спокойно», — советует социальная реклама, пробуждая инстинкт самосохранения и потребность в безопасности. Но опасность при этом притягивает людей, особенно в своих виртуальных формах. Мировая популярность произведений мастера ужасов Стивена Кинга — одно из доказательств того, что люди бессознательно стремятся переживать страх. При внимательном чтении романов Кинга становится очевидно, что он всего-навсего оживляет наши собственные, хотя и забытые, детские страхи. Неудивительно, что в рекламе периодически обыгрываются те же человеческие слабости.

Несмотря на то что общей целью рекламы является формирование положительного отношения потребителей, мы видим, что она неизбежно вызывает противоречивые и даже негативные чувства. *Амбивалентность* (двойственность) в целом присуща человеческой природе, она проявляется в дихотомии психической реальности (жизнь — смерть, любовь — ненависть, мужественность — женственность). Амбивалентность порождает притягивающую интригу. Например, рекламная фраза: «Пойдем, я тебя “Моей семьей” угощу» или: «Вот за это я не люблю кошек. — Ты просто не умеешь их готовить». Амбивалентность предлагаемого образа может переживаться по-разному, это могут быть смятение, неприязнь, интерес, удивление и только в редких случаях — равнодушие.

Агрессивная разрядка — не очень распространенный и достаточно рискованный прием вследствие того, что агрессия табуируется в обществе сильнее, чем что-либо другое. Агрессивная разрядка (разрядка деструктивного влечения) изображается в рекламе следующими основными способами: 1) виртуальная деструкция (разрушение) героем чего-либо/кого-либо; 2) девиация (бунт, протест) героя; 3) аутодеструкция героя (самоповреждение, саморазрушение). Еще не вытеснилась в область бессознательного агрессивная реклама кофе, в которой разъяренная старушка с помощью зонтика рушит торговую палатку с возгласом: «Это не “Нескафе”!»

Мы рассмотрели основные приемы глубинного воздействия, обыгрывающие скрытые побуждения людей. Следует еще раз обратить внимание на то, что прямое изображение наслаждения рискованно, поскольку вместо ожидаемого вос-

торга оно может вызывать чувство вины и отвращение. Искусство глубинного подхода состоит в том, чтобы, во-первых, точно определить скрытые желания покупателей, которые могут быть реализованы с помощью конкретного товара; а во-вторых, найти адекватную форму символического выражения выбранного желания в рекламном образе. К сожалению, люди не могут прямо ответить на вопрос о собственных бессознательных желаниях. Более того, на словах многие люди отрицают собственные сексуальные или другие запретные импульсы. Вследствие этого приходится изучать «тайные» мотивы людей с помощью косвенных методов, требующих от самого исследователя высочайшего профессионализма и нравственности.

Следующий прием, широко распространенный в рекламной деятельности, — это *увещевание* (внушения, убеждения, обоснования). Реклама воздействует не только на наши иррациональные побуждения, но также и более доступные осознанию представления — те *социальные стереотипы*, которые обычно не осознаются нами, но могут быть восприняты при обращении на них внимания. Это такие шаблонные представления и действия, которые не требуют доказательств и кажутся единственно верными в силу «привычки большинства». Наше сознание переполнено стандартными формулами относительно наиболее важных для жизни вещей — национальности, пола, семьи, работы, успеха и т. д. Многочисленные исследования показывают, что люди осмысленно реагируют на информацию только тогда, когда у них есть для этого время, желание и особый повод. В большинстве же случаев мы действуем по привычке, опираясь на массовые стереотипы. Поскольку стереотипы основаны на опыте многих людей, они ориентируют в жизни, помогают экономить время и составляют основу взаимопонимания людей. Таким образом, социальные стереотипы выполняют множество полезных функций. Важно отметить, что рассматриваемый феномен тесно связан с мышлением и речью. Поэтому массовые стереотипы являются частично или полностью осознаваемыми, иначе говоря, они представляют собой результат деятельности Эго.

В связи с этим под *увещеванием* мы понимаем совокупность приемов, направленных на усиление доводов Эго (убеждения и самоубеждения), основанных на стереотипах массового сознания. К особенностям данного метода следует отнести: 1) более активный характер воздействия; 2) тесную связь с провозглашаемыми ценностями; 3) большее участие речи и рационализации. Цель данного метода — *убедить* и *вызвать доверие*. Большинство людей нуждаются в том, чтобы им авторитетно разъясняли, что правильно или неправильно, что полезно или вредно для них. Иначе говоря, увещевание формирует в сознании (вернее, предсознании) людей картинки. Эти картинки играют роль образцов, критериев для оценки того, что хорошо, а что нет. Они ориентируют индивидов в окружающей действительности, помогая адаптироваться к ней. Именно эти ориентиры определяют то, кому или чему доверяют люди и какова их уверенность в правильности своих действий.

Итак, увещевание — это использование таких доводов, которые моментально воспринимаются и не требуют дальнейших доказательств. Назовем и проанализируем наиболее распространенные *приемы увещевания* — это апелляция к базовым ценностям, привлечение авторитетных лиц, ссылка на мнение большинства, каузальная атрибуция, создание контраста, построение положительного ассоциативного контекста, использование инерции стереотипа [30].

Среди названных технологий несомненно лидирует *апелляция к общечеловеческим ценностям*. Не важно, какую форму имеет данная ссылка — зрительной картинки или словесного утверждения. В рекламе это может осуществляться как в образной форме, так и в словесной формуле, главное, чтобы рекламный образ в целом отражал универсальную ценность, проверенную тысячелетиями. Например, в рекламе косметических средств обычно обыгрываются такие позитивные стереотипы, как здоровье, безопасность, красота, дружба, любовь. Продукты питания чаще связываются со здоровьем, преданностью семье, силой, любовью, красотой. К этому следует еще добавить такие высокие материи, как свобода, истина, справедливость, патриотизм и творчество. Таким образом, *универсальные ценности* — это позитивные стандартные образы, к которым стремится большинство людей и которые выступают фундаментом взаимопонимания. Умение оперировать ими — важнейшее требование к деятельности специалистов в области массовых коммуникаций.

Другим важным профессионально важным качеством «увещевателя» является способность «видеть» и использовать *групповые стереотипы*. Имеются в виду фиксированные представления, которые носят эмоционально-образный характер и не требуют логической перепроверки. Главными среди них оказываются половые и этнические штампы. Это означает, что активизация подобных стереотипов в рекламе будет иметь достаточно сильное воздействие на потребителей рекламы. Формой активизации могут быть фразы типа: «Женщины должны...», «Потому, что мы — русские...», «Мы не такие, как они...» Другие групповые мыслительные стереотипы хотя и имеют более узкую зону действия, но также эффективно работают: «Дорогое — значит хорошее», «Первый — значит лучший», «Правильно то, что делают все». Данный список должен постоянно пополняться в ходе работы.

Но важно не только «что» говорит реклама, но и «кто» говорит в ней. Поэтому следующий способ увещевания рекламной аудитории можно назвать *ссылкой на авторитетное лицо*. Он основан на хорошо известном в психологии *эффекте ореола*. Имеются в виду те ситуации, когда представление о человеке, наделенном властью, особыми полномочиями или знаниями, существенно повышает доверие к нему. Иными словами, действует правило: если так говорит авторитетное лицо, это должно быть верно. Естественно, что различного рода эксперты, например ученые или врачи, являются частыми гостями рекламных роликов. Тот же гипнотический эффект производит присутствие мировых звезд, например чемпиона Олимпийских игр, популярного актера или топ-модели. Специально подобранные примеры оказывают мощное воздействие на восприятие людей, поэтому привлечение к рекламе популярного человека хотя и дорогое, но очень эффективное средство.

Доверие вызывает не только известный человек, но и определенная группа людей. Поэтому *ссылка на мнение большинства* — еще один используемый прием. Он основан на склонности людей подражать друг другу. Возможные формы данного вида увещевания: «Все знают, что...», «Многие пользуются...», «Общеизвестно...», «Большинство людей...». Каждую из этих фраз в рекламных целях можно продолжить упоминанием конкретного товара. При этом не обязательно что-то говорить, можно просто показать кадр, в котором множество людей совершают нужное действие. Эффект тем сильнее, чем более эти люди похожи на зрителя. Стереотип

мышления состоит в допущении: если так поступает большинство людей, значит, это правильно. В связи с этим рекламные агенты и продавцы очень любят сообщать нам, что товар быстро раскупается или что остался последний экземпляр. По этому же принципу действуют театральные клакеры, нанятые актерами для бурных оваций и выражения восторга. Под их влиянием остальная публика начинает верить в грандиозность спектакля.

Для убеждения аудитории также полезно выдвигать причины. Эта закономерность получила название *каузальной атрибуции*. В соответствии с ней, когда мы просим кого-либо о чем-либо, мы добиваемся большего успеха, если уверенно и четко называем причину нашей просьбы. При этом оказалось, что важно не столько содержание аргументации, сколько сама видимость ее. Оказалось, что «бессмысленные» доводы также неплохо работают. Например: «Мы должны мыть руки перед едой, потому что мы должны это делать», «Мы любим это пиво, потому что мы русские». Утверждение воспринимается с большим доверием уже в том случае, если оно содержит связку «потому что».

Еще одним способом незаметного воздействия выступает *техника создания контраста*. Каждый из нас может провести на себе маленький эксперимент. Для этого необходимо взять три ведра с водой — горячей, холодной и комнатной температуры; далее одну руку нужно опустить в ведро с холодной водой, а другую — с горячей, а затем одновременно обе руки — в ведро с водой комнатной температуры. Вопреки здравому смыслу мы почувствуем совершенно разные субъективные ощущения: та рука, которая была в горячей воде, будет ощущать холод, а та, что была в холодной, — высокую температуру. Между тем объективно руки находятся в одной и той же воде. Аналогично механизм контраста работает в других ситуациях. Все познается в сравнении. Если мы хотим сформировать к обычной вещи очень хорошее отношение, можно сначала продемонстрировать что-то очень плохое. Например, продавцы могут в первую очередь предлагать клиенту не очень качественный товар, не скрывая его недостатков, и лишь в последующую — более выигрышный. Полезна и обратная тактика «сверху вниз» — в порядке снижения качества или цены. Главное — было бы с чем сравнивать.

Следующий прием скрытого убеждения — *положительные ассоциации*. Он связан с использованием в рекламе всего того, что может вызвать у потребителей положительные ассоциации: симпатичные лица, красивые вещи, вкусная еда, ласкающая природа и т. д. Это правило касается приятных деталей, которые в конечном итоге влияют на общее эмоциональное отношение и исход коммуникации. Например, известно, что обаятельные продавцы гораздо успешнее продают товар, чем их менее симпатичные и доброжелательные коллеги. Считается также, что реклама эффективнее влияет на телезрителей, если она подается на фоне любимого фильма или спортивного соревнования, но особенно — метеопрогноза, который жизненно важен для большинства людей.

Использование инерции стереотипа — прием, опирающийся на скрытую тенденцию людей к повторению каких-либо идей или действий. Его цель — вызвать привычную цепочку ассоциаций или поступков. Если удается запустить привычную для людей последовательность, то в соответствии с психологическим законом незаконченного действия человек будет стремиться к его завершению. Например, в рекламе жевательной резинки используется телевикторина, когда человеку один

за другим задаются вопросы, на которые существует один стандартный ответ. В качестве последнего утверждения используется фраза: «Лучшая жевательная резинка — это...» Человек рекламы называет рекламируемый товар, и зритель воспринимает это как истину на фоне других аксиом благодаря инерции стереотипа. Тот же эффект можно получить, если изобразить действие, прерванное в самый кульминационный момент. Вследствие скрытой тенденции к завершению многие люди будут стремиться закончить то, что не завершилось в рекламе.

Мы проанализировали основные приемы скрытого воздействия на неосознаваемые социальные стереотипы рекламной аудитории. Мы смогли еще раз убедиться в том, что множество важных вещей остаются вне поля нашего зрения. Для успешного использования глубинного подхода важно не только признать существование скрытых процессов, но и взять за правило их тщательное исследование в условиях конкретной деятельности. Профессионал должен вести учет разнообразных социальных стереотипов и результатов их использования в рекламе.

Современная реклама, опираясь на выдающиеся достижения в области управления массовым сознанием, парадно шествует под лозунгом: «Продать можно все, если знаешь, кому и как». Реклама привлекает внимание, потрясает и вызывает желания. Она почти идеально вовлекает людей в массовые процессы. Триумф омрачается тем, что по мере совершенствования методов рекламного воздействия неуклонно повышается *толерантность населения к нему*. Параллельно с рекламой развиваются и *индивидуальные способы защиты* от нее взрослой аудитории. Наблюдается парадоксальный эффект: чем сильнее реклама оживляет иррациональные образы и побуждения, тем сильнее сопротивление ей со стороны Я отдельных людей.

За последние годы население выработало свои негативные стереотипы по отношению к рекламе: надоедливая, манипулирующая, навязчивая, глупая, лживая, агрессивная и т. п. Благодаря действию сопротивления и защит реклама редко воспринимается как полезная информация или уникальное торговое предложение, но почти всегда как психологическая атака. В целом следует признать, что массированное рекламное воздействие порождает сильнейшее противодействие. Срабатывает «закон бумеранга»: чем сильнее воздействие рекламы на бессознательные желания аудитории, тем сильнее сопротивление последней и тем ниже в конечном счете эффективность самой рекламы.

Почему реклама вызывает сопротивление со стороны зрительской аудитории? Реклама врывается в нашу жизнь без предупреждения и без приглашения, нарушая актуальные планы и зачастую не оставляя нам выбора. Необозримое количество рекламных предложений превышает порог восприятия людей, а их навязчивое повторение вызывает закономерное раздражение. Рекламную экспансию можно сравнить с кормлением сытого человека — ему не просто навязывают еду, но еще и кормят с ложечки. Таким образом, реклама нарушает личностную неприкосновенность, непрошенно вторгаясь в психологическое пространство отдельных людей. *Нарушение психологических границ*, в свою очередь, порождает негативные эмоциональные реакции — протест, агрессию и ярость.

Другой причиной сопротивления рекламе является ее откровенно *соблазняющий характер*. Главная цель рекламы, состоящая в активизации осознаваемых и скрытых желаний, приходит в противоречие *с нормальным стремлением боль-*

шинства индивидов контролировать свои влечения. Подогревая «котел человеческих страстей», реклама усиливает внутренний конфликт между инрапсихическими инстанциями — Оно, Я и Сверх-Я. Конфликт проявляется в повышении тревоги, которая моментально призывает на помощь неосознаваемые механизмы психологической защиты. Так наше Я охраняет нас от запретных желаний и внутренней дестабилизации, навязываемых рекламой.

Кроме того, в рекламе могут изображаться «не наши» желания. Иными словами, реклама может просто не угадать скрытые желания аудитории, рискуя не оказать на нее никакого воздействия или вызывая при этом выраженное сопротивление. Например, прямое заимствование зарубежной рекламы со сменой английской речи на русскую может не впечатлить аудиторию в силу разницы национальных менталитетов. Анализ рекламной продукции показывает, что западно-протестантские коммерческие установки о высшей ценности собственности (богатства) зачастую бездумно переносятся на почву русского менталитета, который, как известно, управляется иными глубинными идеалами и принципами, разнообразно представленными в фольклоре, например «не имей сто рублей, а имей сто друзей».

Таким образом, используя отдельно взятые технологии управления массовым сознанием, реклама нередко дискредитирует себя в глазах общественности и побуждает население к бессознательной и сознательной защите от ее дестабилизирующего воздействия — *защите «снизу»* и *защите «сверху»* [30].

Нетрудно понять, что реклама, провоцирующая сильные чувства и призывающая к переменам в жизни, одновременно активизирует бессознательные защитные процессы. *Какие защиты «снизу» наиболее часто запускаются рекламой?* Опрос общественного мнения показал, что, «обороняясь» от рекламного воздействия, люди используют несколько тактик. Они избегают рекламы, стараются не обращать на нее внимания; в этом случае реклама попросту игнорируется и субъект не принимает на себя роль ее потребителя. Если же реклама все-таки была воспринята, она может быть вытеснена в область бессознательного и моментально забыта. Кроме того, те чувства, которые старается усилить реклама, могут подавляться под действием этических представлений. В результате действия *вытеснения* и *подавления* вместо ожидаемого бурного эффекта мы получаем безразличное отношение к рекламе.

Другими важными механизмами защиты «снизу» *являются отрицание и проекция.* Отрицание проявляется в стойком убеждении бесполезности рекламы, ее неинформативности и неэффективности. Проекция состоит в приписывании рекламе и ее создателям тех качеств (свойств, чувств, желаний), которые субъект не признает или отвергает в себе самом. В этом случае реклама ощущается как угрожающая — опасная, вульгарная, агрессивная. Уровень доверия к ней резко снижается.

Следующая тактика — *формирование реакции*, или *реактивное образование.* Под этим понимается появление психологической установки, представляющей собой нечто противоположное демонстрируемому в рекламе желанию. Иначе говоря, данная защита представляет собой формирование реакции, противоположной внедряемому запретному представлению. Например, соблазняющая реклама, ориентированная на усиление сексуального желания, нередко дает противопо-

ложный эффект, порождая такие негативные реакции рекламной аудитории, как стыд и отвращение.

Рационализация и интеллектуализация также защищают от рекламной диверсии. Люди используют различные объяснения и концепции, разоблачающие рекламу и одновременно помогающие сохранять целостность собственного внутреннего мира, стимулирующие логическое мышление для того, чтобы объяснение, убеждение защитило от влияния рекламы. Одни формируют стойкое убеждение в том, что реклама манипулятивная, энергетически ослабляющая, провокационная. Другие выстраивают целые объяснительные системы, а третьи пытаются проводить собственное исследование рекламы. Это позволяет сохранять внутреннее спокойствие и избегать нежелательного рекламного воздействия.

Исследования показывают, что в разных возрастах доминируют различные типы защит от регресса и внутренних конфликтов, порождаемых рекламой. В зрелом возрасте — это проекция, отрицание позитивной роли рекламы, открытая агрессия по отношению к ней и отыгрывание социальной тревоги. Молодые люди преимущественно используют обесценивание и рационализацию, убеждая себя, что реклама «глупа и неэстетична». Подростки, защищаясь от рекламы, успешно превращают ее в еще один способ групповой игры, чрезвычайно оживляющий современную молодежную субкультуру такими характеристиками, как музыкальность, юмор, креативность. Таким образом, неосознаваемые защитные механизмы создают естественный психологический барьер, существенно снижающий эффективность рекламного воздействия. Наряду с неосознаваемыми защитами люди также используют сознательные стратегии ухода от рекламной манипуляции, которые мы назвали защитой «сверху».

Наше время характеризуют как период массовой культуры. Это означает, что массовые коммуникации составляют главную форму общественной жизни. Живое общение вытесняется виртуальным взаимодействием, опосредованным СМИ и интернет-сетью. Средства массовой информации получили практически неограниченную власть над чувствами и разумом людей. Вопрос о технологиях манипулирования массовым сознанием попал в поле зрения общественности. Как известно, *манипулирование* заключается в целенаправленном воздействии на большие группы со скрытыми намерениями, без учета интересов людей. По содержанию манипуляция представляет собой управляемую фантазию, которую предлагают кому-либо, выдавая ее за реальность. Иначе говоря, это некий образ, контрабандно внедряемый в сознание людей.

Очевидно, что манипуляция стала основной формой существования массовой культуры. В связи с этим в обществе отчетливо прослеживаются два закономерных процесса — усиление страха манипуляции извне и активизация защиты от нее. Под *защитой «сверху»* мы понимаем те способы ухода от манипуляции, которые сознательно используются личностью с целью сохранения целостности Я. Для успешной защиты личности необходимо решить по меньшей мере три задачи: признать манипулятивный характер массовой культуры; научиться распознавать манипуляцию; научиться отражать манипуляцию.

Каковы типичные приемы манипуляции массовым сознанием? Это разнообразные способы искажения информации, начиная от ее дробления и заканчивая вычеркиванием важных фактов и фривольными дополнениями. На практике это

выглядит примерно так: берется какое-либо сообщение, подтвержденное фактами, например: «Солнце — звезда. Звезды имеют свой цикл жизни, измеряемый миллионами лет; они рождаются, усиливают свою активность, взрываются и потухают. По мере повышения температуры Солнца климат на Земле становится теплее. Температура на Земле в целом за последние сто лет увеличилась»; далее используется последовательное искажение информации: «Звезды взрываются. Температура Солнца за последние десятилетия резко увеличилась, приблизив его гибель», «Температура Солнца резко повышается, что в конечном итоге должно привести к его взрыву и гибели Земли», «Ученые предвещают скорый взрыв Солнца и гибель Земли» — на основе фактических данных мы получили сильное манипулятивное сообщение.

Наряду с незаметным для нашего глаза искажением информации широко используются такие приемы манипуляции, как многократное повторение информации (механическое навязывание), замена контекста (игнорирование конкретных обстоятельств, на фоне и вследствие которых происходило событие), искажение языка — использование речевых штампов, сленга, иностранных и непонятных терминов, активизация массовых стереотипов (например, расовых, национальных, половых), создание спешки и ажиотажа (представление информации как особо срочной и сенсационной), эпатаж (провоцирование сильных, и особенно негативных, эмоций), разрыв информации, отсутствие логической связи между отдельными сообщениями, ссылка на цифры, несуществующие исследования и авторитетные мнения, подмена фактов вольными интерпретациями, отсутствие диалога.

Мы видим, что все перечисленное имеет прямое или косвенное отношение к рекламе. В основе большей части рекламной продукции лежит манипулятивная стратегия. Основная причина этого печального факта заключается в монологичности рекламы — в отсутствии диалога между рекламодателями и потребителями рекламного сообщения. Очевидно, что одностороннее воздействие по сути своей является «использующим», реализующим интересы одной стороны.

Какие осознаваемые способы защиты от манипуляции считаются эффективными? Цель сознательной защиты состоит в сохранении представлений и ценностей личности, основанных на ее собственном опыте и соответствующих фактам. Из этого следует, что всякую вновь предлагаемую нам информацию необходимо воспринимать как возможную фантазию, не соответствующую внешней или нашей субъективной реальности. Процесс эффективной защиты от манипуляций представляет собой преобразование навязываемых извне фантазий в более реалистические образы. При этом используются следующие приемы:

- установление адреса сообщения — кому принадлежит интерпретация, чье это мнение, чьи интересы оно представляет;
- прояснение деталей с помощью уточняющих вопросов — кто, когда, где, для чего, сколько и т. д.;
- отделение интерпретаций (мнений) от фактов;
- замедление темпа;
- своевременное прояснение непонятных слов и терминов;
- сопоставление информации, полученной через различные источники;

- нахождение противоречий между отдельными частями сообщения;
- вскрытие намерений манипуляторов — чего они хотят, в чем и какова их выгода;
- перевод монолога в диалог — попытка задавать вопросы (хотя бы самим себе);
- ограничение контактов с манипулятором.

Перечисленные способы защиты «сверху» активно используются людьми для отражения любой манипуляции СМИ, в том числе рекламной. Наступило время признания реальности и серьезности *силы сопротивления* рекламе. Признав данный факт, мы можем успешно развиваться в направлении его изучения, уважения и творческого преодоления. Следует отметить, что именно психоанализ является той системой, в рамках которой вот уже более ста лет изучаются и развиваются методы работы с сопротивлением. Сопротивление включает все защиты. Оно проявляется в невосприимчивости к рекламному посланию или в его искажении.

Ведущей целью работы, направленной на *снижение сопротивления рекламе*, является ослабление критики Супер-Эго посредством снижения чувства вины и мук совести. Среди ведущих глубинных техник снятия сопротивления рекламе: *массобразование*; *ссылка на авторитеты*; *типизация*; *присоединение к сопротивлению*; *сублимация*; *символизация* и *мифодизайн*. Мы можем заметить, что некоторые приемы используются одновременно в нескольких направлениях, например массобразование выполняет и соблазняющую функцию, и увещевательную, и смягчающую сопротивление. *Массобразование* предполагает включение героя рекламы, а следовательно, и ее потребителя в большую группу людей. В массе начинают действовать сразу несколько механизмов — доминирование авторитета большинства, стремление подражать, уверенность в правильности предлагаемых действий. Следующий прием, *ссылка на авторитеты*, также помогает преодолевать сомнения и недоверие рекламе. Так, в рекламе товаров, использование которых может вызвать чувство вины или стыд (алкоголь, табак, сладости), часто появляется сильная авторитетная фигура или поддерживающая группа. Подобные образы снимают запреты и создают иллюзию одобрения запрещенных действий.

Типизация состоит в создании обобщенного образа, с которым потребитель рекламы может легко идентифицироваться. Сопротивление минимально, если герой рекламы, например Леня Голубков, имеет максимальное сходство с целевой аудиторией как в своих внешних характеристиках, так и во внутренних проявлениях. Такой герой воспринимается как «свой», как такой же, как Я, вследствие чего сопротивление становится бессмысленным. Следующий прием заключается *в присоединении к сопротивлению*. Это может выглядеть как опережающее проговаривание возможных возражений, например: «Вам надоела реклама? Вы уже давно не верите ей? Вы хотите сами определять свои решения?»

Сублимация и *символизация*, пожалуй, два самых главных и естественных способа преодоления сопротивления. Как известно, под сублимацией понимается смещение сексуальных и агрессивных влечений на социально одобряемые цели. *Сублимированная реклама* использует такие средства, как эстетика форм, юмор, ирония, энергия движений, интеллектуальные задачи и неожиданные решения. Она интригует, смешит и притягивает своим обаянием. Реклама, позволяющая

сублимировать влечения, не вызывает внутреннего конфликта и сопровождается чувством удовольствия. Это, безусловно, один из самых эффективных приемов для самой широкой рекламной аудитории. В то же время и сублимация и реклама вообще немыслимы без использования символов. *Символизация* выступает главным условием снятия сопротивления и эффективного глубинного воздействия рекламы. Значение символизации столь велико, что ей посвящается специальный раздел.

Символическая наполненность рекламных образов

Символы показывают нам все, что было, и все, что будет, причем в неизменной форме.

М. Сонье

Реклама имеет несколько языков. Один из важнейших, несомненно, язык символов и мифов. Бессознательное скрыто от нашего понимания. Оно дает о себе знать через косвенные признаки — символы бессознательных желаний или конфликтов. Поэтому все, что косвенно выражает бессознательное, является символикой в широком смысле. При помощи символов бессознательное маскирует себя. Некоторые символы имеют универсальное значение и создают общечеловеческий контекст. Другие носят текущий или повседневный характер. Психоанализ дает возможность раскрывать значение символов независимо от времени и пространства.

В переводе с греческого символ — это «способ опознания чего-то путем соединения половинок разбитого предмета». Значит, по сути, *символ означает связь*. Отто Ранк писал: «*Под символом мы понимаем особенный вид косвенного изображения, отличающийся от близких ему форм изображения мыслей в образах — от сравнения, метафоры, аллегории, намека* <...> *Символ представляет собой* <...> *идеальное соединение всех этих форм выражения; он является наглядной заменой чего-либо скрытого, с чем у него имеются общие внешние признаки или внутренняя ассоциативная связь. Его сущность заключается в двусмысленности*» [92. С. 127].

Символика — это некое представление, разделяемое целыми народами или группой людей. Это образ, для которого характерна устойчивая связь между знаком/предметом и бессознательным содержанием. Символ одновременно включает: 1) *знаковую форму*, 2) *явное содержание* и 3) *скрытое значение*. Символы могут проявляться в следующих внешних формах: изобразительные символы (например, изображение природы или животных); графические (крест или звезда); математические (числа, действия); именные (имена и названия); цветовые символы; поведенческие (например, жесты); символы-ценности, обозначаемые словами (например, свобода, справедливость, Родина, успех); персонифицированные символы (образы героев, кумиров, богов).

Скрытое значение (смысл) символов обычно не осознается человеком, но оно моментально прочитывается его бессознательным. Многие символы служат для изображения сексуальности. Например, пахота, добывание огня у древних народов символизировали половой акт. Современный язык сохранил упоминание об этой связи — «жар любви», «любовный огонь», «огненная страсть». Примеры

женских символов — алтарь, очаг, дом, пещера, туфли, сосуд. Мужские фаллические символы — змея, палка, шприц, башня, гвоздь, нож, шпага и т. д.

Символы различаются по древности и степени воздействия на человека. В связи с этим можно выделить несколько уровней современной символики. Первый, глубочайший уровень образуют наиболее древние символы. Они носят универсальный характер и практически не зависят от типа культуры. Это уровень *базовых* символов. Они вызывают схожие реакции у людей различных этносов и обладают самым мощным зарядом воздействия (например, солнце, огонь, вода, пирамида, золото, вождь, мудрец). Второй уровень символики можно назвать *конвенционально-этническим*. Эти символы создаются большими группами людей, например народами и государствами. Они действуют в рамках определенной культуры. Сюда относятся разнообразная национальная атрибутика (герб, флаг, гимн), язык жестов, цветовая символика, культовые фигуры (герои), а также идеологические мифы и ведущие ценности конкретной этнической группы. Третий уровень составляют *социально-групповые* символы. Это символы, специально разрабатываемые для формирования групповой идентичности участников и средних и малых групп — партий, общественных объединений, организаций, коллективов, дружеских тусовок, семей и т. д. В отличие от первых двух уровней символика данного вида создается намеренно по инициативе лидеров в соответствии с их целям и идеями (например, логотипы, торговые марки, стиль одежды, групповые, семейные реликвии и т. д.). Четвертый уровень включает *индивидуальную* символику. Это символы, имеющие глубоко личное значение. Они основаны на индивидуальном опыте и могут быть непонятны для окружающих. Среди личных символов — имя, постоянные атрибуты внешнего вида, талисманы, кумиры, идеалы, ценности и многое другое. Личные символы основаны на индивидуальном опыте человека. Они выражают скрытые значения и бессознательные желания. Под действием социальных запретов индивидуальные желания преобразуются в более безопасные символические формы. Например, сновидения и симптомы болезней выполняют функцию символического исполнения желания.

Аналогично рекламу можно рассматривать как способ *символического исполнения желаний людей*. Это означает, что, во-первых, реклама содержит множество символов и представляет собой зашифрованное послание; во-вторых, реклама включает изображение явных и скрытых желаний людей; в-третьих, она предлагает символическое (косвенное) исполнение глубинных и запретных желаний. *Функция символического удовлетворения* не является единственной. Она осуществляется одновременно с такими явными задачами рекламного воздействия, как привлечение внимания, задача информирования, запоминающаяся форма, призыв к действию.

Для анализа глубинного значения рекламного воздействия используется метод *символической интерпретации*. Под этим понимается толкование скрытого значения символа. В случае базовых символов — это расшифровка их архетипического значения. Приведем примеры символической интерпретации древних символов.

Наиболее древними графическими символами являются горизонтальная линия, вертикальный луч, треугольник, квадрат, крест, свастика, пентаграмма. Они используются человечеством на протяжении тысячелетий и интерпретируются на уровне коллективного бессознательного. Глубинный смысл древних графических символов:

- горизонтальная линия — пассивность, женское начало, земля;
- вертикальный луч — активность, мужское начало, огонь, движение, власть;
- треугольник — созидающее мужское начало, творческая сила Бога;
- квадрат — знак материального мира, составленного из четырех стихий и соответствующий четырем сторонам света;
- крест — четырехкратие, материальный мир, вещность, четыре стихии, земля с четырьмя сторонами света, страдание;
- свастика — символ четырех стихий и четырех сторон света, солнца, движения времени, силы, энергии и мирового господства[1];
- пентаграмма (звезда) — знак всемогущества и духовного контроля над миром.

На Востоке помимо перечисленных символов широко распространены:

- космическая змея (кундалини) — «змея, кусающая свой хвост», обозначающая круговорот времени и Вселенной;
- Инь и Ян — символ единства противоречий, двух начал — женского и мужского, оказывающих влияние друг на друга.

Древние символы оказывают на людей скрытое воздействие на протяжении тысячелетий. Их целенаправленное использование позволяет активизировать иррациональные процессы. Умелым использованием символов отчасти объясняют быстрый и грандиозный успех пропаганды идей фашизма в нацистской Германии. Фашизм изначально выстраивался как система символов и ритуалов, пронизанная мистикой и архаическими образами. Среди главных символов фашизма: свастика, рунические знаки, орел, череп и скрещенные кости. Стремясь к безграничной власти над душами людей, фашистские идеологи наполняли тайным смыслом любые цели и действия. Например, символ СС — череп и скрещенные кости — должен был обеспечить данному подразделению, а вслед за ним и всему немецкому народу бессмертие. Впервые данный символ появился у черных гусар, затем его заимствовал Фридрих Великий, придав ему значение презрения к смерти и угрозы для врагов. После разгрома фашизма череп и свастика стали означать опасность и смерть.

Древняя символика используется в различных видах рекламной продукции в зависимости от рекламной идеи. В современной рекламе присутствует не только символика, но и *мифология*. Понятие «миф» претерпело определенную эволюцию в общественном сознании. С эпохи Возрождения (XV–XVI века) и до конца XIX века в Европе под мифом подразумевались исключительно античные поэтические «сказки» о богах, героях и прочих персонажах древних греков и римлян. Тогда же происходило изучение так называемых мировых религий — ислама, буддизма, христианства, — показавшее, что все они существуют на мифологическом фундаменте. В психоанализе слово «миф» используется в значении «фантастический образ, поддерживаемый мощными бессознательными силами».

[1]Вильгельм Райх в книге «Психология масс и фашизм» интерпретирует свастику как «схематическое изображение обвившихся друг вокруг друга людей».

В XX веке, в контексте возникновения и изучения таких общественных явлений, как пропаганда, маркетинг, политология, понятие «миф» обрело несколько дополнительных смыслов. *Мифологизация* (легендирование) приобрела значение публичной интерпретации (толкования) событий в коммерческих и политических целях и стала неотъемлемой частью корпоративной философии и брендинга.

Например, некогда американцы с настороженностью воспринимали рекламу мыла «Ivori», а сегодня почти каждый знает мифологизированную историю о том, как судьба свела двух иммигрантов Вильяма Проктера и Джеймса Гембла. Один занимался изготовлением свечей, другой был мыловаром. Они никогда бы не встретились, если бы не женились на двух сестрах, Оливии и Елизавете Норрис, чей отец убедил зятьев стать партнерами. Такова легенда одной из крупнейших в мире компаний, правообладателем более чем трехсот глобальных брендов. Подобные истории — часть национального фольклора.

Мифологизация проявляется уже на этапе выбора названия организации, в качестве которого нередко используются имена античных богов и героев. Множество фирм связали свою судьбу с образами таких мифологизированных персонажей, как Гермес, Меркурий, Гефест, Кентавр, Афродита и т. д.

Построение рекламы на основе мифа является не частым, но запоминающимся культурным событием. В качестве одного из наиболее ярких примеров можно привести ролик «Добро против зла», завоевавший приз прессы на Каннском фестивале в 1996 году: на античном стадионе проходит футбольный матч между силами добра и зла; силы зла выразительны, но абстрактны; силы добра представлены «командой мечты», возглавляемой легендарным Эриком Кантана; «добро», обутое в бутсы с логотипом «Nike», — одного из мировых лидеров по производству спортивной одежды и обуви, побеждает.

Среди элементов мифологического сюжета особое место занимает м*ифологема звезды*, символизирующая харизматическую энергию и космическую мощь. Она особенно прижилась в таких сферах, как кино, политика, эстрада, мода, спорт. В астрологии и других астральных мифах звездам приписывается особое магическое воздействие на судьбу и поступки людей. Примером рекламного ролика, содержащего данную мифологему, является реклама из серии «Всемирная история», снятая по заказу банка «Империал»: перед нами царское застолье в сочельник, Александр Суворов грустит на званом ужине императрицы, императрица изумляется: «А что это граф Суворов ничего не ест?», Суворов отвечает: «Ждем-с! До первой звезды нельзя!» и Екатерина с иронией парирует: «Звезду генералиссимусу!» Мы в очередной раз убеждаемся, как привычная звезда, вписанная в рекламный сюжет умелой рукой мастера, может наполнить его особым очарованием и притягательной силой. Звезда — не единственный архаичный образ, украшающий рекламную продукцию. Наряду с ним широко используются архетипы солнца, пирамиды, золота, королевской власти, мудрого старца, добродетельной матери.

Исследователи заметили, что при чрезвычайном многообразии национальных мифов некоторые мотивы повторяются независимо от времени и места. Среди наиболее популярных *мифологических тем* следует назвать следующие:

- сотворение мира (космогонические мифы);
- появление человека (антропогонические мифы);

- появление богов (теогонические мифы);
- колдовство и шаманизм;
- родство и дружба человека с животными/растениями (антропоморфические мифы);
- добро и зло (дьяволы и ангелы);
- преодоление трудностей;
- борьба героя с чудовищем;
- превращение пугала в прекрасного человека;
- отношения матери и падчерицы (Золушка);
- мудрость и верность жены (Пенелопа, Василиса Премудрая);
- добывание чудесных предметов и существ (золотое руно, волшебное кольцо, золотая рыбка);
- коварство братьев и помощь преданных друзей.

Например, в рекламе косметики чаще всего разрабатывается мифологема чудесного преображения заурядности в совершенство посредством приобретения какого-либо волшебного свойства. В рекламных кампаниях также воспроизводятся религиозные мифы, например библейские сюжеты. Так, компания «Pirelli» использовала для своих рекламных постеров имидж спортсменов с мировыми именами, на одном из них знаменитый футболист Рональдо с распростертыми руками нависал над пространством, вызывая ассоциации с известной статуей Христа в Рио-де-Жанейро.

В основе огромного числа рекламных и PR-акций лежат народные мифологемы. В знаменитой рекламе «МММ» в образе Лени Голубкова легко узнается любимый русским народом сказочный персонаж Иванушка-дурачок. В других случаях воссоздаются образы трех богатырей, царя, русской красавицы или серого волка. Русские сказки, хронологически возникшие гораздо позже древних мифов, также являются иносказательной формой вечных коллизий жизни. Мифологические образы и мотивы можно назвать проторенными дорожками в коллективной душе. Они близки и узнаваемы на уровне инстинкта, вследствие чего проникают в душу отдельных людей практически без сопротивления. В обход цензуре они обеспечивают символическое исполнение самых древних и неосознаваемых желаний. Цитируя Владимира Проппа, «*человек переносит в сказку не только формы своей жизни, он переносит туда свои интересы и идеалы. Волшебные средства, приносимые оттуда, обеспечивают человеку вечное благоденствие*» [81. С. 134].

В отдельную категорию следует выделить *политические, исторические* и *этнические* мифы. К первым относятся мифы о формах государственного жизнеустройства — имперские, тоталитарные, коммунистические, социалистические, либерально-демократические. С течением времени многие исторические явления начинают приобретать черты и качества мифа. Например, в категориях мифа можно говорить о таких трагических событиях, как охота на ведьм, большой террор, Вторая мировая война, холодная война, холокост. К мифам этнической идентичности следует также отнести национальное самосознание, культурный национализм и т. д.

Основу политических мифов составляют архетипы и символы. Например, утверждение ленинских идей после Октябрьской революции 1917 года, с первыми декретами о земле и о мире, во многом опиралось на утопические архетипы русского народного сознания о *соборности* и *общинности*. В СССР на рубеже 1970-х годов, именуемых периодом застоя, когда явно обозначился кризис доверия к официальной власти, возникла бесконечная серия анекдотов о Василии Ивановиче Чапаеве, его ординарце Петьке и пулеметчице Анке. Эти фольклорные персонажи пришли из официальной государственной мифологии, создававшейся в 1930-е годы, когда на экранах появился фильм «Чапаев» режиссеров Георгия и Сергея Васильевых. Картина, едва появившись на советском экране, мгновенно обрела статус *культовой*. Похожая судьба сложилась у многих других мифологических героев советского пантеона славы — Щорс, Матросов, Зоя Космодемьянская, Штирлиц и т. д.

Наряду с архетипами, символами и созданными на их основе мифами в рекламе обыгрываются такие элементы коллективной жизни, как ритуалы и народные традиции. Групповые ритуалы представляют собой повторяющиеся символические действия в различных сферах социальной жизни. Религиозные обряды, политические протоколы, народные праздники, корпоративные традиции — все это примеры важных ритуальных действий. Каждый ритуал имеет свою собственную историю и смысл.

В качестве примера можно привести историю возникновения рождественской елки в России. Заимствованная из Германии и внедренная в российский обиход указом Петра I, эта традиция медленно проникала в русскую обрядность. После революции на волне атеистической пропаганды рождественская елка была обесценена как атрибут религиозной веры. В 1930-х годах она была реабилитирована в качестве новогодней елки, а на ее макушке засияла пятиконечная звезда. В свою очередь, русский Дед Мороз появился как мифологизированный и ритуальный отклик на американского Санта-Клауса, появившегося в 1930-е годы в рекламных кампаниях «Coca-Cola».

В истории возрождение интереса к рекламе почти всегда совпадало с повышением общекультурного интереса к мифу и сопровождалось новой волной мифологизации. Мифологическая основа распознается в абсолютном большинстве кассовых фильмов. В советском и новом русском кино эта цепочка выглядит примерно так: «Человек-амфибия» — «Баллада о солдате» — «Семнадцать мгновений весны» — «Ирония судьбы» — «Москва слезам не верит» — «Особенности национальной охоты» — «Любить по-русски» и т. д. В западном варианте это прежде всего сериал об агенте 007 — Джеймсе Бонде.

Образ Джеймса Бонда является не чем иным, как очередной персонификацией древнего мифа о герое. Несмотря на современный антураж, Бонд в полной мере реализует сюжетные линии древнего мифа о герое — он борется со злом, преодолевает немыслимые трудности, спасает человечество, стоит на краю гибели, возрождается и получает в награду красавицу. Этот супермен одновременно является идеальным рекламным фоном, его личные вещи — часы, машины, кейсы, одежда — ассоциируются с часами марки «Breitling Navitimer», автомобилем марки «BMW», телефоном «Ericsson», водкой «Smirnoff» и т. д. Естественно, что ореол «крутости» Бонда распространяется на все те вещи, которые появляются вместе с ним в кадре.

Таким образом, реклама делается на языке символов. Использование мифологических мотивов и образов снижает сопротивление рекламе, позволяя ре-

кламному сообщению проникать в самые глубины человеческой души. В целом, мифологизация составляет основу массовой культуры, поскольку именно мифы позволяют структурировать и выражать коллективные бессознательные представления.

Реклама стала неотъемлемой частью нашей жизни. Несмотря на имеющиеся противоречия, она играет важную культурную и психологическую роль в обществе. Во-первых, реклама объединяет людей, вовлекая их в виртуальное массобразование и создавая ощущение сопричастности к групповым процессам. В условиях выраженной психологической разобщенности людей эта функция может быть названа ведущей. Во-вторых, на фоне тотального обесценивания народных традиций реклама воспроизводит механизм ритуальных действий, структурирующий коллективное бессознательное. В-третьих, реклама в символической форме исполняет запретные желания людей, привнося в их жизнь ощущение радости и праздника. Подобно средневековому карнавалу, она позволяет людям выражать вытесненные желания в безопасной форме, освобождая от внутреннего напряжения. Одновременно с этим реклама выполняет роль социального ориентира, предписывающего правильные действия и задающего социальные эталоны. Она ежедневно обучает людей, тому, что хорошо, и предостерегает от того, что плохо. Наконец, реклама воздействует на наши идеалы, формируя их или проверяя на прочность.

К сожалению, современная реклама воспринимается преимущественно как средство тоталитарно-экономической идеологии и манипуляции массовым сознанием. Во многом это результат длительной ориентации на отдельные технологии, а не целостное ви́дение. Но, как и многие другие социальные феномены, реклама не стоит на месте, она развивается в соответствии с переменами, происходящими в обществе. Возможно, что настало время для очередного изменения рекламной стратегии: вместо манипулятивного натиска — сохранение экологии глубинного мира потребителя рекламы. Из отдельного маркетингового направления реклама может и должна вырасти в целостный культурный феноменом. При этом рекламные идеи не должны выходить за рамки общественных ценностей. С другой стороны, рекламе следует преодолеть очевидные технические недостатки, ей следует стать: 1) регламентированной в подаче; 2) диалогичной; 3) позитивной; 4) веселой; 5) эстетичной; 6) креативной. Завораживая, продвигая конкретный товар, реклама должна объединять людей и повышать их качество жизни, а не наоборот.

В заключение нельзя не затронуть еще одного важного аспекта — влияния бессознательной сферы проектировщиков рекламы на ее потребителей. Проектировщики рекламного послания неизбежно отражают в нем свои бессознательные фантазии и конфликты. Знают ли авторы рекламы, что транслирует людям их бессознательное? Эта проблема касается не только профессиональной компетентности, но и степени развития социальной зрелости и ответственности.

Последние десятилетия можно охарактеризовать как время интеграции социальных наук и психоанализа. Хотим мы того или нет, но реальность такова, что современное проектирование рекламы уже немыслимо без глубокого знания закономерностей функционирования индивидуального и коллективного бессознательного. Перед профессионалами стоит задача научиться читать особый язык бессознательного, научиться говорить на языке коллективного бессознательного.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЧАСТИ 1

Датированный список психоаналитических работ З. Фрейда

Год	Наименование работы
1890	Психическое лечение
1893	О психологическом механизме истерических явлений
1894	Защитные невропсихозы
1895	Исследование истерии
1895	Набросок научной психологии
1895	Обсессии и фобии
1896	Наследственность и этиология неврозов
1896	Об этиологии истерии
1896	Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах
1898	Роль сексуальности в этиологии неврозов
1898	К психическому механизму забывчивости
1899	Покрывающие воспоминания
1900	Толкование сновидений
1901	Психопатология обыденной жизни
1901	О сновидении
1904	Психоаналитический метод Фрейда
1905	О психотерапии
1905	Фрагмент анализа истерии (Случай Доры)
1905	Три очерка по теории сексуальности
1905	Остроумие и его отношение к бессознательному
1907	Бред и сны в «Градиве» В. Иенсена
1907	Навязчивые действия и религиозные ритуалы
1907	К сексуальному просвещению ребенка
1908	Поэт и фантазирование
1908	Истерические фантазии и их связь с бисексуальностью
1908	Об инфантильных сексуальных теориях

1908	Характер и анальная эротика
1909	Анализ фобии пятилетнего мальчика
1909	Семейный роман невротиков
1909	Замечания об одном случае невроза навязчивости
1910	К психологии любовной жизни
1910	Перспективы психоаналитической терапии
1910	О диком психоанализе
1910	О контрастном смысле первослов
1010	Одно детское воспоминание Леонардо да Винчи
1910	Об одном особом типе выбора объекта мужчиной
1910	Введение и заключительное слово к дискуссии о самоубийстве
1910	Пять лекций о психоанализе
1910	Об обратном смысле вечных истин
1911	Психоаналитические заметки об одном автобиографическом описании паранойи (Случай Шребера)
1911	Положение о двух принципах психологической деятельности
1911	Применение толкования сновидения в психоанализе
1912	К динамике трансфера
1912	О наиболее распространенном унижении любовной жизни
1912	Рекомендации врачу по психоаналитическому лечению
1912	Некоторые замечания о значении термина «бессознательное» в психоанализе
1912	Невротические типы приобретения болезни
1912	Заметки о бессознательном в психоанализе
1912	К дискуссии о мастурбации
1912	Тотем и табу
1913	Моисей Микеланджело
1913	Сказочные мотивы в сновидениях
1913	Сновидение как аргумент
1913	Предрасположенность к неврозу навязчивого состояния
1913	Интерес к психоанализу
1913	Дальнейшие рекомендации по технике психоанализа: к началу лечения
1913	Два случая детской лжи
1914	К истории психоаналитического движения
1914	Изображение через символы
1914	О нарциссизме
1914	Воспоминание, повторение и переработка
1914	О ложном узнавании во время психоаналитической работы
1915	Влечения и их судьба
1915	Сообщение об одном случае паранойи, противоречащем психоаналитической теории
1915	Вытеснение
1915	Бессознательное
1915	Замечания о трансферентной любви

1915	Мысли о войне и смерти, навеянные текущими событиями
1915	Дальнейшие рекомендации по технике психоанализа: Замечание о любви в переносе
1916	Некоторые типы характера, изученные в ходе психоаналитической работы
1916	Отношение между символом и симптомом
1916	Профессор Жане о психоанализе
1917	Вводные лекции по психоанализу
1917	Метапсихологическое дополнение к теории сновидений
1917	Скорбь и меланхолия
1917	Трудности на пути психоанализа
1918	Из истории одного детского невроза
1918	Табу девственности
1918	Из истории одного детского невроза (случай «человека-волка»)
1919	Пути психоаналитической терапии
1919	Введение в психоанализ военных неврозов
1919	О жутком
1919	Ребенка бьют
1920	Дополнение к теории сновидений
1920	По ту сторону принципа удовольствия
1920	О психогенезе одного случая женской гомосексуальности
1920	К предыстории психоаналитической техники
1921	Массовая психология и анализ Я
1922	Некоторые невротические механизмы ревности, паранойи и гомосексуальности
1922	Эпилог к исследованию о маленьком Гансе
1923	Я и Оно
1923	Один случай невроза в форме одержимости дьяволом в семнадцатом веке
1923	Заметки к теории и практике толкования сновидений
1923	Инфантильная генитальная организация
1923	Теория либидо
1923	Психоанализ
1924	Экономическая проблема мазохизма
1924	Угасание эдипова комплекса
1924	Утрата чувства реальности при неврозе и психозе
1924	Краткий очерк психоанализа
1924	Невроз и психоз
1925	Отрицание
1925	О себе
1925	Автопортрет
1925	Юмор
1925	Некоторые дополнительные замечания об основных принципах толкования сновидений
1925	Сопротивление психоанализу

1925	Йозеф Брейер
1926	К вопросу о дилетантском анализе
1926	Торможение, симптом и тревога
1926	Психоанализ
1927	Будущее одной иллюзии
1927	Фетишизм
1928	Достоевский и отцеубийство
1928	Одно религиозное впечатление
1930	Неудобства культуры
1931	Женская сексуальность
1931	О либидонозных типах
1932	Навязчивые действия и религиозные ритуалы
1933	О мировоззрении
1933	Новый цикл вводных лекций по психоанализу
1933	Почему война?
1935	Свобода ошибочного действия
1936	Изысканность одного бездействия
1937	Анализ конечный и бесконечный
1937	Моисей и монотеизм
1937	Памяти Лу Андреас-Саломе
1937	Конструкции при анализе
1938	Расщепление Я в процессе защиты
1938	Комментарии об антисемитизме
1939	Человек по имени Моисей и монотеистическая религия
1940	Очерк психоанализа
1940	Голова Медузы

Источники:

Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1996.

Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд: Жизнь. Работа. Наследие. М., 1998.

Фрейд З. Собрание сочинений: В 26 т. Т. 4. СПб., 2007. С. 311–313.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЧАСТИ 2

Диагностическое интервью

(*По Н. Маквильямс***)**

Демографические данные: имя, возраст, пол, этническая и расовая принадлежность, религиозная ориентация, состояние отношений, родители, уровень образования, работа, предшествующий опыт психотерапии, кто направил на терапию в этот раз, другие (кроме клиента) источники информации.

Текущие проблемы и их состояние: главные трудности и понимание пациентом их причин, история этих проблем, предпринимавшееся лечение, почему *именно сейчас* пришел на терапию.

Личная история: где родился, вырос, количество детей в семье и место пациента среди них, главные переезды; сведения о родителях и сиблингах (живы ли, причины и время смерти, если умерли, возраст, здоровье, профессия, личность, природа отношений с клиентом); психологические проблемы в семье (диагностированная психопатология и другие условия, например алкоголизм).

Младенчество и детство: хотели ли родители пациента рождения ребенка, условия в семье после рождения, что-то необычное в критические периоды развития, некоторые ранние проблемы (еда, туалет, речь, двигательная активность, ночные кошмары, засыпание, грыз или нет ногти и другие), ранние воспоминания, семейные истории или шутки в адрес клиента.

Латентный период: проблемы сепарации, социальные проблемы, проблемы в учебе, в поведении, жестокость к животным, болезни, переезды или семейные стрессы в это время, сексуальный или физический абьюз (насилие).

Адолесцентный период: возраст полового созревания, физические проблемы, связанные с созреванием, семейная подготовка к сексуальности, первый сексуальный опыт, мастурбационная фантазия, школьный опыт, успеваемость и социализация, самодеструктивные паттерны (нарушения питания, использование лекарств, сомнения о сексуальности, рискованные эксцессы, суицидальные импульсы, антисоциальные паттерны), болезни, потери, переезды или семейные стрессы в это время.

Взрослая жизнь: история работы, отношений, адекватность текущих интимных отношений, отношение к детям, хобби, таланты, гордость или удовлетворение.

Текущие представления (*ментальный статус*): общее представление, состояние аффектов, настроение, качество речи, присутствие тестирования реальности, уровень интеллекта, адекватность памяти, оценка надежности информации. Исследование возможностей дальнейшего развития областей предполагаемых проблем, например при депрессии — возможность суицида. Сновидения: запоминаются ли они, повторяющиеся сновидения, недавние сновидения. Используемые вещества, в том числе алкоголь.

В заключение: спросить пациента, нет ли другой важной информации, которой он обладает и о которой его не спросили. Спросить, было ли ему удобно и не хочет ли он что-либо сказать.

Выводы: главные текущие темы, области фиксаций и конфликтов, основные защиты, бессознательные фантазии, желания и страхи, центральные идентификации, контридентификации, неоплаканные потери, связанность собственного Я и самооценка.

Источник: *Маквильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. М., 1998. С. 473–475.

Структурное интервью

(*По О. Кернбергу***)**

Структурное диагностическое интервью сочетает в себе психоаналитическое наблюдение, направленное на взаимодействие пациента и терапевта, с психоаналитической техникой интерпретации конфликтов и защитных действий, проявляющихся в этом взаимодействии. *Цель же данного подхода заключается в том, чтобы выявить как классические ключевые симптомы, в которых проявляется психопатология, так и лежащую за ними структуру личности.*

<...> Тип личностной организации — невротический, пограничный или психотический — является наиважнейшей характеристикой пациента, когда мы рассматриваем 1) степень интеграции его идентичности, 2) типы его привычных защитных операций и 3) его способность к тестированию реальности. Дополнительными структурными критериями, которые помогают отличить пограничную личностную организацию от невроза, являются: наличие или отсутствие неспецифических проявлений слабости Эго, снижение способности переносить тревогу и контролировать свои импульсы и способность к сублимации, а также (для проведения дифференциального диагноза шизофрении) наличие или отсутствие первичных процессов мышления в клинической ситуации.

<...> *Интервью* начинается с того, что пациенту предлагают кратко рассказать о причинах, заставивших его обратиться к терапевту, о том, чего он ожидает от терапии, о его главных симптомах, проблемах или трудностях.

<...> Когда первоначальное обзорное исследование закончено, терапевт концентрируется *на важнейших симптомах*, которые выявились в процессе интервью, исследуя их по мере того, как они проявляются «здесь и теперь» <...> Хорошо начать интервью с нескольких последовательных вопросов (заданных прямо или косвенно), которые ясно показывают пациенту, чего вы от него ожидаете, а также предполагают возможные способы ответа. Кроме того, способность пациента понять серию вопросов и запомнить их позволяет судить о некоторых ключевых симптомах. Вот пример типичного начала: «*Мне интересно узнать, что привело вас сюда, в чем заключаются ваши сложности и проблемы, чего вы ожидаете от терапии, как вы сами смотрите на все это*».

В ответ на такие вопросы пациент, не страдающий психозом или психопатологией органического происхождения, может начать свободный разговор о своих невротических симптомах и психологических проблемах социальной жизни, которые указывают на патологические черты характера <...> Пациенты могут также отвечать на предложенные вопросы чрезмерно конкретно, неопределенно, путано

или уклончиво. Тогда терапевт может тактично попытаться прояснить несоответствие между вопросом и ответом. Стоит разобраться, чувствует ли сам пациент, что он полно ответил на поставленный вопрос, или же вопрос для него неясен, а может быть, вызывает слишком тяжелые переживания.

<...> Главным предметом структурного интервью является исследование патологических черт характера, фундаментально важное не только для того, чтобы оценить тип характера или обнаружить патологию личности, но и для оценки *степени тяжести этих нарушений*. Первый вопрос, когда интервью сфокусировалось на чертах характера, может звучать так: «*Вы рассказали мне о ваших проблемах, а теперь я хотел бы узнать побольше о том, какой вы человек. Если можете, опишите, как вы себя представляете; что, по-вашему, мне нужно узнать, чтобы действительно понять, что вы за* ***человек****?*»

<...> Способность пациента спонтанно говорить о себе и глубинно исследовать свою личность показывает нормальную способность к тестированию реальности. В этом случае терапевт может исключить психотические нарушения (как ранее он исключил синдром органического поражения головного мозга на основе запоминания вопросов) из типов предполагаемого диагноза.

Иногда пациенту чрезвычайно трудно говорить о себе в такой неструктурированной форме по причинам, связанным с его культурным уровнем или с его личностью. Тогда терапевт может попросить, чтобы пациент описал свои взаимоотношения с наиболее значимыми людьми, рассказал о своей жизни, учебе или работе, о семье, сексуальной жизни, социальных взаимоотношениях, о том, как он проводит свободное время. Неспособность ответить на такие прямые вопросы может оказаться первым признаком, заставляющим подозревать серьезное расстройство характера.

<...> У пациента с пограничной личностной организацией в качестве реакции могут активизироваться примитивные механизмы защиты, такие как проективная идентификация, расщепление, примитивная диссоциация противоречащих друг другу аспектов Я, отрицание, величие, фрагментация аффектов, всемогущество или обесценивание <...> Терапевт может обратить внимание пациента на те эмоции, мысли или поведение, которые кажутся ему наиболее странными, и спросить, может ли пациент объяснить, почему у терапевта возникает чувство, что в его рассказе были странные или озадачивающие аспекты <...> Способность к тестированию реальности проявляется в том, может ли пациент чувствовать эмпатию к переживаниям терапевта, когда последний видит проявления странностей, и — более тонким образом — в том, может ли пациент чувствовать эмпатию по отношению к тому, как терапевт воспринимает пациента вообще.

Закончив исследование невротических симптомов и патологических черт характера, оценив основные механизмы защиты, синдром диффузной идентичности, тестирование реальности и ключевые симптомы психозов или органических церебральных нарушений, терапевт должен сказать пациенту, что задача выполнена. Затем он должен предложить пациенту *добавить то, что ему кажется важным, или то, о чем он считает нужным сообщить терапевту*.

На конечную фазу интервью важно оставить достаточное количество времени: не только для того, чтобы дать возможность пациенту задавать вопросы, но и для того, чтобы и терапевт мог ответить на них и уделить внимание неожиданной тревоге или другим возникшим сложностям <...> Терапевт может сообщить пациенту, что доста-

точно понял его состояние, чтобы предложить терапию, или же сказать, что надо продолжать процесс установления диагноза. В любом случае терапевт может выразить желание получить дополнительную нужную информацию из других источников.

Окончание структурного интервью чрезвычайно важно: в этот момент можно оценить мотивацию пациента, можно принять меры на случай опасных, требующих срочного вмешательства состояний (таких, как острый риск самоубийства у пациента с тяжелой депрессией), а также можно оценить, в какой степени пациент способен принять описание своих проблем терапевтом и может ли он относиться к нему позитивно.

Для структурного интервью нужно время, в том числе — для переживаний и размышлений в процессе самого интервью. Поэтому я рекомендую отводить на него по крайней мере полтора часа. В нашем проекте по исследованию диагностики пограничных пациентов (Kernberg et al., 1981) после долгого экспериментирования мы остановились на двух 45-минутных сеансах, разделенных 10–15-минутным перерывом. В своей частной практике я нередко отвожу два последних часа рабочего дня для интервью с новым пациентом.

Структурное интервью можно назвать «вторым поколением» предшествующего ему «динамического интервью», которое отражало влияние психоанализа на диагностическое интервью в психиатрии.

Источник: *Кернберг О. Ф.* Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М., 2000. С. 43–74.

Клинико-психологическое исследование супружеских пар

Институт брачных отношений существует на протяжении нескольких тысячелетий. Не совсем ясно, в чем секрет долголетия данного феномена — в биологических инстинктивных программах, культурной традиции или психологических особенностях человека. Так или иначе, супружество остается одной из главных реалий современной жизни. С середины XX века институт брака вступил в стадию кардинальных перемен. Изменения оказались столь существенными, что специалисты заговорили о кризисе, и даже постепенном отмирании данного явления. Действительно ли брак умирает, в чем заключается его кризис, какова специфика современного супружества, в каком направлении происходят перемены, почему люди продолжают вступать в брак, что же заставляет их страдать в браке и, наконец, разрушать прежде столь значимые отношения?

Для получения более полного представления о состоянии современного брака нами было осуществлено *клинико-психологическое исследование супружеских пар* (Змановская Е. В., 2010). Исследование проводилось в рамках супружеского консультирования и семейной психотерапии на базе трех психоаналитических центров Санкт-Петербурга (Учебно-методический центр Восточно-Европейского института, «Психоаналитический центр на Карповке», Психоаналитический центр «Золотое сечение») в период с 2003 по 2010 год. В исследовании приняли участие 275 человек (180 женщин и 95 мужчин) в возрасте от 18 до 65 лет, проживающих

преимущественно в Санкт-Петербурге и обратившихся за психологической помощью по поводу как семейных, так и индивидуальных проблем.

В исследовании использовался *комплекс методов*, в том числе наблюдение, беседа, клиническое интервью, психодиагностические методы, терапевтические техники. Наиболее ценную информацию о брачно-семейных установках и отношениях удалось получить с помощью *парного интервью*, составленного на основе системного и психодинамического подхода. Интервью проводилось с теми супругами (гражданскими или официально признанными), которые пришли на прием вместе (65 пар). Парное интервью представляет собой стандартный перечень вопросов, на которые каждый из супругов должен отвечать самостоятельно, выслушивая ответы партнера. Время работы варьирует от 1 до 5 часов в зависимости от особенностей пары и типа ее проблемы. Парное интервью используется одновременно в диагностических и терапевтических целях, оно может проводиться как в начале терапии, так и при переходе от одной ее стадии к другой. Примерная схема супружеского интервью, представлена в таблице.

Схема парного интервью (Змановская Е. В., 2005)

Стадия	Задачи	Содержание
Первая. Исследование мотивации обращения	Изучение жизненной ситуации пары. Сбор «жалоб». Оценка ожиданий	Какая *ситуация* послужила поводом для обращения к супружескому консультанту? Что беспокоит супругов, каковы *симптомы* их неблагополучия? Когда они появились? Что с этим делали? Кто выступил инициатором обращения к психотерапевту? Как отреагировал партнер? Почему именно сейчас? *Что каждый ожидает от терапии*? Что хотят от терапевта? Чего опасаются? Чего не хотят? Кто сомневается? Кто сопротивляется и как?
Вторая. История пары	Изучение мотивации вступления в брак и стиля супружеских отношений	Как познакомились? Почему решили вступить в брак (жить вместе)? Кто и почему инициировал это событие? Как к этому отнеслись родители партнеров? Какова история родительских браков? Что повторилось в данном браке? *Ключевые события совместной жизни*. Условия жизни. *Стадия жизненного цикла пары*. Когда и как начались трудности? Кто и как защищается от них? Что предпринимали для разрешения проблем? Как это повлияло на каждого в отдельности и на отношения в целом?
Третья. Проблематизация	Идентификация ведущей проблемы пары	В чем *проблема* каждого супруга? Были ли эти проблемы в предыдущих отношениях? *В чем общая проблема (проблемы) пары* (по мнению каждого участника встречи)? Когда появилась данная проблема? Кто больше страдает? Кто берет на себя ответственность за ее решение? Что будет с каждым, если проблема сохранится? Что будет с каждым, если проблема разрешится?

Окончание таблицы

Стадия	Задачи	Содержание
Четвертая. Постановка цели	Стимулирование позитивных изменений в отношениях пары	Переформулирование проблемы в терминах супружеской терапии (семейный диагноз). Признание необходимости перемен и помощи извне. Образ желательных отношений. Взаимные ожидания. Цель пары на данном этапе развития. Задачи каждого. Профессиональная оценка ситуации. Оценка возможных способов решения проблемы. Формирование конструктивной установки на семейную терапию

В результате комплексного клинико-психологического исследования 275 респондентов был получен обширный материал — фактические данные об особенностях жизни пар, супружеских историй, брачно-семейных установок современных людей, их представлений о форме и содержании супружеских отношений. Клинический материал сопоставлялся с литературными данными. Результаты исследования обсуждались на психоаналитических школах и научных конференциях, а также на ежегодных курсах усовершенствования по семейной терапии в ВЕИП. Полученные данные были сгруппированы по ключевым темам.

Каково состояние современного брака как социального института? Современный брак переживает *кризис*, или *период радикальных перемен*. Брачно-семейные отношения продолжают оставаться одной из ведущих социальных ценностей, но эволюционируют по форме и по содержанию. На протяжении многих веков человечество исповедовало две основные, четко определенные формы брака — церковный и светский (официальный). К настоящему времени наблюдается шокирующее *разнообразие браков* — зарегистрированный, гражданский, церковный, пробный, гостевой, однополый, групповой. В период с 2001 по 2010 год однополые браки получили правовой статус в двенадцати странах мира. Данные обстоятельства ставят под сомнение саму сущность брака, который традиционно определялся как «легитимный союз между мужчиной и женщиной, основанный на половых отношениях». Реальность рушит привычные представления о браке.

В то время как церковный союз стал редкостью, *гражданский брак* в форме совместного проживания партнеров без официальной регистрации отношений, получил самое широкое распространение. Рождение детей перестало ассоциироваться с браком: растет количество детей, рожденных вне брака. Наличие детей, в свою очередь, не рассматривается как императив для регистрации отношений или как причина, препятствующая разводу. Одновременно с этим все реже встречается большая (расширенная) семья с совместным проживанием нескольких поколений. Молодые супруги не хотят проживать совместно с родителями, предпочитая отделение от них и свободу от семейных традиций.

Перемены затронули не только форму, но и *содержание супружеских отношений*. Известно, что ранее супружество было ориентировано на решение трех основных задач: 1) продолжение семейных и сословных традиций (социально-

культурная функция); 2) создание социальной и экономической основы для выживания семьи (социально-экономическая функция); 3) рождение детей (репродуктивная функция). Психологической и сексуальной стороне отношений придавалось гораздо меньшее значение. Клиническая практика свидетельствует в пользу того, что в настоящее время две последние из перечисленных функций заняли лидирующее положение в иерархии ценностей супругов.

Исследование показало, что современные люди прежде всего стремятся удовлетворить в браке три *индивидуальные потребности*: 1) *аффилиативную* (в близости и привязанности); 2) *нарциссическую* (в признании своей грандиозности и значимости для партнера); 3) *психосоматическую* (в сексуальной реализации и физическом комфорте).

Несмотря на то, что в ряде восточных государств *традиционный (патриархальный*) брак с жестким распределением ролей и мужским лидерством остается ведущей формой супружеских отношений, в условиях российской действительности (и западной культуры в целом) *эгалитарная (партнерская) модель* приобрела гораздо большую популярность. В то время как первая модель характеризуется стабильностью и функциональностью, вторая дает людям гораздо большее психологическое удовлетворение. Третий вариант — *романтический брак* — в настоящее время встречается скорее как начальная стадия супружеских отношений.

Очевидно, что назрела необходимость нового осознания сущности брака. В соответствии с перечисленными особенностями можно дать следующее определение: *современный брак — это форма более или менее легализованных отношений между двумя людьми, основанная на их психологической и физической близости.*

Каковы тенденции и специфические особенности современного брака? В качестве ведущей формальной характеристики современного брака выступает его *нестабильность*. Институт брака перестал быть чем-то постоянным и гарантированным; люди значительно чаще разводятся и с большей легкостью вступают в новые отношения. Большинство пар (59 из 65), участвовавших в исследовании, находились либо на стадии психологического развода, либо фактического распада. Из 275 человек общей выборки 198 респондентов пережили разрыв в отношениях, развод, повторный или многократный брак. По данным государственного комитета по статистике в Российской Федерации в 2007 году на 100 регистраций брака приходилось 54 развода. В России данный показатель выше чем, в других странах (Украина — 55; Франция — 38, Япония — 27; Индия — 1).

В качестве причин развода респонденты чаще всего называли следующие обстоятельства: 1) выявленная супружеская неверность и новые отношения «на стороне» (чаще со стороны мужчины); 2) хроническая агрессия и деструктивные конфликты; 3) зависимое поведение одного из супругов; 4) вмешательство родителей в жизнь супругов; 5) утрата первоначальных чувств; 6) финансовые трудности и жилищные проблемы; 7) «слабость» и безответственность мужчины; 8) отсутствие детей; 9) сексуальная или психологическая несовместимость. Общим психологическим знаменателем всех перечисленных ситуаций является *выраженное* недовольство партнеров друг другом.

Вторая тенденция: *супружеские отношения все менее регулируются обществом и все более определяются самой парой*. Современные люди рассматривают брак не как долг или традицию, но прежде всего как способ личного удовлетворения. При

этом достигнутая свобода в построении собственных супружеских отношений на практике часто превращается в мучительное испытание. Лишенные каких-либо предписаний люди теряют ориентиры, не понимая, в каком направлении им следует двигаться, что предпочесть — свободу или обязательства. Каждая супружеская пара вынуждена вырабатывать собственные правила семейной жизни. Далеко не всем удается договориться, поскольку каждый из супругов отстаивает право на собственное мнение, не желая уступать первенство другому. В сложившейся ситуации закономерно возрастает роль пробных браков и добрачных отношений.

Следующая тенденция состоит в *нивелировании гендерных различий*. Мужчины и женщины все больше уравниваются в правах, приобретая качества противоположного пола: мужчины становятся все более женственными, женщины — маскулинными. На практике это прежде всего проявляется в смешении гендерных ролей: партнеры не понимают, какие функции (хозяйственно-бытовые, социальные, психосексуальные) каждый из них должен выполнять в браке и хронически конфликтуют по этому вопросу. Одновременно с этим развивается скрытый конфликт между гендерными стереотипами и фактическим поведением: мужчинам не достает в женщинах слабости и зависимости; женщины проявляют выраженное недовольство из-за отсутствия инициативы и «мужественности» мужчин. Повышение экономической независимости женщин привело к росту их притязаний на роль лидера в брачных отношениях — они все чаще конкурируют с супругами, труднее признают мужское лидерство и проявляют все меньшую толерантность к недостаткам мужей, в том числе их внебрачным связям. В большинстве случаев именно женщины выступают в качестве инициаторов развода.

Среди других особенностей современного брака — легализация добрачных отношений; широкое распространение гражданского брака в молодом возрасте (от 18 до 30); более поздний возраст вступления в официальный в брак; небольшое количество детей в семьях; большое количество смешанных браков (с детьми от предыдущих отношений); предпочтение официального брака в зрелом возрасте (после 30 лет).

Каковы типичные трудности и конфликты современного брака? Проведенное исследование позволило выделить множество трудностей, с которыми сталкиваются пары независимо от формы брака. Для упрощения восприятия были выделены три основные группы факторов, препятствующих достижению *гармоничных* и *стабильных* супружеских отношений: 1) ошибки при выборе брачного партнера; 2) внешние угрозы; 3) внутренние психологические проблемы.

В условиях кризиса института брака существенно осложнился *выбор брачного партнера*. В ситуации утраты объективных ориентиров решения принимаются преимущественно на основе эмоционального отношения и иррациональных мотивов. В исследовании были выявлены следующие, наиболее распространенные, проблемы выбора брачного партнера: 1) вступление в брак с целью решения актуальных проблем (например, отделения от родителей); 2) выбор партнера на основе его внешних данных; 3) чрезмерная идеализация партнера (фиксация на достоинствах при игнорировании недостатков); 4) недооценка влияния родительской семьи партнера и его предыдущих отношений; 5) короткое время знакомства (несколько недель или месяцев); 6) отсутствие планов на будущее; 7) уверенность в возможности «перевоспитания» партнера и улучшения отношений после всту-

пления в брак; 8) выбор не супруга для себя, а «родителя» для своего ребенка от предыдущего брака; 9) брак «от обратного» — выбор партнера с противоположными качествами предыдущего супруга, отношения с которым не сложились. В результате большинство супругов довольно быстро разочаровываются в своих избранниках, замечая, что это совсем «не тот человек, который им нужен». В целом сложность выбора брачного партнера и ответственность за это решение явно недооцениваются.

Одновременно с этим на брак воздействуют различные объективные факторы. Исследование показывает, что наибольшая опасность исходит из следующих ситуаций: 1) директивное вмешательство в жизнь супругов их родителей; 2) неразрешенные симбиотические отношения одного из супругов с родителем противоположного пола («мамочкин сынок» и «папина дочка»), 3) отсутствие отдельного жилья и собственной спальни; 4) сексуальная провокация со стороны друзей или коллег по работе; 5) физическое переутомление и работоголизм; 6) компания друзей; 7) зависимое поведение одного из супругов; 8) потери (болезни, увольнение с работы, аборт, потеря ребенка); 9) серьезные проблемы с детьми (болезни, сниженный интеллект, инвалидность, подростковый кризис, девиантное поведение).

Проведенное исследование позволило идентифицировать *психологические причины* супружеской дисгармонии, а также связанные с ними специфические конфликты (см. таблицу).

Психологические проблемы и конфликты брака

Психологические проблемы брака	Содержание супружеского конфликта
Фантазии и нереалистичные ожидания супругов по отношению друг к другу	Взаимные претензии, деструктивная критика, обесценивание партнера, взаимные обиды, агрессия, неудовлетворенность браком в целом
Утрата первоначальных чувств и влечений	Разочарование, скука, отдаление, запрет на проявление чувств, утрата сексуального влечения, неспособность сохранить первоначальную идеализацию партнера
Нарушение психологических границ	Симбиотические отношения, ощущение поглощения партнером, мелочный контроль, созависимое поведение, страх утраты индивидуальности, ощущение «удушения», ревность, страх, агрессия, протест, бегство
Скрываемая супружеская неверность	Повышение напряжения в отношениях, уход в болезнь, смещение тревоги на детей, чувство вины и страх разоблачения неверного супруга
Выявленная супружеская неверность	Кризис доверия в сочетании со страхом потери объекта с обеих сторон; острая нарциссическая травма (унижение) и падение самооценки обманутого партнера, обида, ревность, ненависть, месть; чувство вины; депрессия
Борьба за лидерство/власть	Конкуренция, ссоры, ревность, подавление, охота за промахами партнера, взаимное обесценивание, утрата доверия

Окончание таблицы

Психологические проблемы брака	**Содержание супружеского конфликта**
Взаимное непонимание	Конфликт ценностей и интересов, трудности самораскрытия, неспособность говорить и договариваться, утрата доверия и чувства «мы», отчуждение, поиск понимания на стороне
Неудовлетворяющий секс	Запрет на проявление чувств в целом, отсутствие обсуждения сексуальных фантазий и возникающих проблем; недостаточная ориентация на партнера; неспособность говорить и договариваться; обида, страх, вина
Агрессия: психологическое, сексуальное или физическое насилие	Компенсация комплекса неполноценности одного из супругов; воспроизведение садомазохистического паттерна поведения и перенесенного опыта насилия; ревность, месть, страх, обида, боль, ненависть, отчаяние
Стагнация брака	Повторение одних и тех же проблем, сопротивление всему новому, ригидность («застревание») на проблеме, неспособность одного или обоих супругов к изменениям, страх перемен, взаимная неудовлетворенность
Эгоцентрическая установка	Нарушение баланса «брать и давать», установка на одностороннее использование партнера, дефицит поддержки и заботы с одной или обеих сторон, обида, повышенные требования к партнеру на фоне снижения личной ответственности; нежелание договариваться

Особенности счастливых пар, хотя и не были предметом специального изучения, вытекают из представленного обсуждения. В качестве резюме о сущности гармоничного брака можно привести следующую притчу. Некий человек завершил свой жизненный путь и вознесся на небо. Бог показал ему рай и ад. С первого взгляда все было одинаково: и там и там —люди, облаченные в белые одежды, столы с разнообразными кушаньями, ложки с неестественно длинными ручками в руках у каждого... Но при этом в раю люди пребывали в состоянии сытости, умиротворения и любви друг к другу, а в аду — голода, злобы и ссор. Удивленный человек обратился к Богу с вопросом о том, в чем же разница, почему при прочих равных условиях в раю царит всеобщее счастье, а в аду — невыносимое страдание? Ответ был следующим: «Разница в том, что в аду люди безуспешно пытаются накормить самих себя, в то время как в раю они благополучно кормят друг друга».

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЧАСТИ 3

Словарь символов

Символический язык — это язык аналогий между видимым и невидимым миром. Символы могут рассматриваться как некие заменители языкового выражения, основанные на свободных ассоциациях. Символы не представляют собой монолитного явления, они образуют ряд изменяющихся во времени форм — от универсальных до частных. В данном приложении раскрываются некоторые наиболее распространенные символы — древние значения привычных для современного человека предметов и понятий, собранные исследователями (Фрэзер, Мюллер, Марч, Генон, Юнг, Шнайдер и др.) на основе богатейшего культурного и этнографического материала.

Агнец — ягненок означает чистоту, кротость, невинность, а также жертвоприношение. Как аллегория он является корнем представления любой чистой мысли, справедливого человека или агнца Божьего. Дополнительные символические значения: неизвестность, периодическое обновление мира.

Адам — первый человек, имя которого происходит от еврейского «adama» — земля. Предполагается, что изначально Адам понимался как «воплощение огромной мощи универсума», которая сосредоточена в нем, то есть единства микрокосма и макрокосма. Адам и Ева как первая человеческая пара являются символом внутреннего и внешнего рассечения единого живого существа.

Бабочка — в древности символ души и бессознательного влечения к свету. Дополнительные значения: жизнь, возрождение. В Китае бабочка символизировала также радость и супружеское счастье.

Балдахин — одна из восьми эмблем счастливой судьбы в китайском буддизме. Кроме того, является аллегорией царского достоинства, власти, а также символом покровительства. Его квадратная форма означает землю, круглая — небо или солнце, что, в свою очередь, связано с ритуальными зонтами от солнца у многих древних народов.

Барабан — символ первобытного звука и средство, заменяющее слово, традицию и магию. Согласно Шнайдеру, барабан среди всех музыкальных инструментов наиболее богат мистическими идеями. В Африке он ассоциируется с сердцем. В самых примитивных и в самых развитых культурах его приравнивают к жертвенному алтарю и, таким образом, он действует как посредник между небом и землей.

Башня — в египетской системе иероглифов символизирует возвышение над обычным уровнем жизни в обществе или восхождение. В Средние века башни и колокольни имели значение наблюдательных высот, но в то же время (аналогично лестнице) связи земли с небом. Символ башни, если она огорожена и замкнута стенами, служит эмблемой Девы Марии, как можно видеть на очень многих аллегорических рисунках. Проводится аналогия между башней и человеком по своей форме. Вавилонская башня приобрела особое символическое значение в качестве безумного предприятия, влекущего за собой бедствия и душевную сумятицу.

Бездна — имеет зачаровывающий двойной смысл: с одной стороны, это символ смерти, с другой — символ зла. Бездна также ассоциируется с преисподней, а отсюда, хотя и не часто, связывается с Великой Матерью и культами богов земли.

Буря — миф о созидающей буре (или о созидающем соединении стихий) носит всеобщий характер: у скандинавских народов бурю насылает Тор, в ассиро-вавилонской мифологии — Бел, у германцев — Донар, у греков — Зевс, у славян — Перун и т. д. Буря, подобно всему, что зарождается на небе или спускается с неба, обладает сакральным свойством.

Бутылка — один из символов спасения, возможно, по аналогии (скорее функции, чем формы) с ковчегом и лодкой.

Бык — интерпретируется одновременно и как символ земли, матери, и как образ неба, отца. Принесение быка в жертву могло выражать проникновение мужского элемента в женский, огненного (лучей солнца, источника и причины плодородия) во влажное. Во всех древневосточных культурах именно бык выражал идею власти. Поскольку бык соответствует переходной зоне между стихиями огня и воды, он, вероятно, символизирует узы, связующие небо и землю. Земледельческий бык также символизирует жертвоприношение, самоотречение и целомудрие, в то время как буйвол — оплодотворяющую силу. Карл Юнг считал, что буйвол, подобно козлу, символизирует отца.

Великан-людоед — возвращает нас к Сатурну (Кроносу), который пожирал своих детей, как только их рожала Кибелла (Рея). Если первоначально центральной идеей мифа о Сатурне была идея, что разрушение является неизбежным результатом творения, то позже великан-людоед стал персонификацией «ужасного отца».

Великая Мать (Magna Mater) — прототип, соответствующий таким женским божествам, как Иштар в Вавилоне, Исида в Египте, Астарта в Финикии, Кали Дурга в Индии, Гея и Деметра в Греции, хотя в древних космогониях подобным смысловым подтекстом наделялось и море. По Юнгу, Великая Мать представляет собой объективную истину природы, воплощенную в образе женщины-матери, сивиллы, богини или жрицы, а иногда принимающую форму церкви или города.

Венера — планета Венера в алхимии связывается с богиней любви, а также с медью. Ее символическое значение имеет два аспекта: аспект духовной любви и аспект физического влечения.

Вепрь — символический смысл вепря, как и большинства животных, противоречив. С одной стороны, он является воплощением бесстрашия, безрассудного стремления к самоубийству, с другой — символизирует безнравственность. В Вавилоне и других семитских культурах считался священным животным, в кельтских и галльских легендах воплощал выдающиеся позитивные качества. Как враждебная сила вепрь превосходит дракона или первобытное чудовище, но уступает льву.

Веревка (нить) — связывание, священная нить, духовная нить. Шнурки на военных мундирах, галстуки (которые носят официальные лица), шарфы, банты, тесьма и ленты являются символами уз и связи с конкретным социальным положением (в психоанализе принята интерпретация веревки (галстука) как фаллического символа).

Веретено — прялка, шитье являются символами жизни, времени, цикличности. По этой причине божества, воплощающие характеристики луны, земли или

растительности, обычно имеют в качестве атрибутов веретено или прялку, как, например, в случае с Иштар. Одновременно это и символ Великой Матери, которая занималась шитьем внутри каменной горы или на вершине дерева мира. Веретено отражает также символизм двух взаимно пересекающихся кругов, которые означают небо и землю, взаимную жертву и силу инверсии.

Вертикаль — идея вертикали тесно связана с движением вверх, которое соответствует тенденции к одухотворению. В связи с этим теория символов придает важность уровню или высоте заданной фигуры (в соотношении с нормой), что даже может определять значение этой формы или существа с помощью одной лишь ссылки на ее или его вертикальную «высоту».

Возвращение — возвращение домой, на родину или к месту рождения является символом смерти, но не в смысле общего разрушения, а как воссоединение души с Духом. Как заметил Лао-цзы, «когда душа покидает форму, обе (душа и форма) возвращаются к своей подлинной сути, — вот почему говорится, что они вернулись домой».

Воздух — среди четырех стихий воздух и огонь рассматриваются как активные и мужские, вода и земля — как пассивные и женские. В некоторых космогониях огонь занимает наивысшую ступень и считается началом всего. Но наиболее распространенным является верование, что первичный элемент — это воздух. Его основные значения: созидающее дыхание жизни, ураганный ветер и, наконец, космическое пространство как среда, в которой возникает и развивается жизнь. Свет, полет, свобода, легкость, а также запах и вкус — все это обобщает символизм воздуха.

Волк — символ доблести у римлян и египтян. Выступает также в роли стража многих памятников. В скандинавской мифологии — символ злого начала.

Волны — в соответствии с китайской традицией волны служат обиталищем драконов, они также символизируют чистоту. Очевидно, существующее здесь противоречие возникает вследствие того факта, что волнение океана имеет два различных аспекта: ритмическими колебаниями волны напоминают дракона, а пеной указывают на чистоту.

Волосы — волосы на голове, поскольку они покрывают верхнюю часть человеческого тела, символизируют духовные силы. Волосы на теле соответствуют иррациональным космическим силам и биологическим инстинктам. По этой причине священнослужители многих религий, в том числе египетские жрецы, полностью удаляли волосы на теле. Изображение бога Пана — прообраза дьявола — с волосатыми ногами также связано с подобными представлениями. Волосы означают также плодородие. В индуистской символике волосы, подобно нитям пряжи, обозначают «силовые линии» Вселенной. Потеря волос означает бессилие, падение или бедность, что отражено в многочисленных мифологемах.

Дельфин — аллегория спасения, вдохновленная древними легендами, которые изображают его как друга человека. Изображение дельфина ассоциируется с якорем (другим символом спасения). Древние также считали дельфина самым быстрым морским животным.

Дерево — один из центральных культурных символов. В наиболее общем смысле символизм дерева обозначает жизнь космоса: его согласованность, рост, распространение, процессы зарождения и возрождения. Поскольку дерево обладает

вытянутой вертикальной формой, оно ассоциируется с мировой осью. В рамках общего значения дерева как мировой оси и как символа неистощимых жизненных процессов (роста и развития) различные мифологии и фольклоры выделяют несколько значений. На самом примитивном уровне есть древо жизни и древо смерти в отличие от мирового древа и древа познания добра и зла, которые характерны для более поздних представлений. *Деревья и цветы также* символизируют бессмертие, долголетие и плодородие. Юнг считал, что дерево имеет символически бисексуальную природу.

Дракон — символизирует злые силы, чудовище, биологические инстинкты. В большом количестве западных легенд дракон появляется в значении первобытного врага, сражение с которым становится высшим испытанием и которого непременно должен победить герой. Среди наиболее важных характеристик дракона: огромная физическая сила, бодрствование и днем и ночью, острое зрение. Скорее всего, само его название произошло от греческого «derkein» — всевидящий, с этим связаны такие значения дракона, как сторож храмов и сокровищ, символ пророчества и мудрости. В Библии отражена негативная сторона данного символа — огнедышащий дракон. На Востоке дракон, кусающий свой хвост, гностический Уроборос, символизирует циклические процессы, ритм и время. Карл Юнг связывал этот символ с образом матери, с бессознательным и с отвращением к кровосмешению. С другой стороны, он подчеркивал, что дракон просто означает зло. Эзотерическая иудейская традиция настаивает на том, что самое глубокое значение тайны дракона не поддается разгадке.

Древо мировое — образ, воплощающий универсальную концепцию мира, противопоставленной хаосу и беспорядку, — структуру и порядок. Варианты: древо жизни, древо плодородия, древо центра, небесное дерево, шаманское дерево, мистическое древо, древо познания, древо смерти, древо зла, ось мира, мировая гора, мировой человек и др. Имеет две оси, вертикальную и горизонтальную, отражающие бинарный принцип построения мира. По вертикальной оси обнаруживаются нижняя (корни), средняя (ствол) и верхняя (ветви) части, которые символизируют противопоставление: подземное царство — земля — небо; прошлое — настоящее — будущее; неблагоприятное — нейтральное — благоприятное; ноги — туловище — голова; вода — земля — огонь. Горизонтальная структура образуется самим деревом и окружающими его объектами. В ней выделяются два направления: слева — справа и спереди — сзади. Горизонтальная ось содержит ритуалы, числовые отношения, времена года, части суток, цвета, элементы мира. Образ мирового древа также соотносится с преемственной связью поколений (генеалогическое древо).

Жемчужина — одна из восьми всеобщих эмблем китайской традиции. Символизирует гениальность в безвестности благодаря афоризму Лао-цзы: «Посему избранный носит грубые одежды, но в груди своей скрывает драгоценный камень». Мусульмане часто прибегают к жемчужине как символу неба, поскольку у них имеется верование, что блаженные пребывают заключенными в жемчужины. Они также верят, что жемчужина есть продукт «сочетания» («свадьбы») огня и воды. Жемчужина также отождествляется с человеческой душой.

Женщина — антропологически женщина соответствует пассивному принципу природы. Она имеет три основных аспекта: во-первых, выступает в качестве си-

рены, ламии или чудовищного существа, очаровывающего, отвлекающего и уводящего мужчин в сторону от пути эволюции; во-вторых, в качестве матери или Великой Матери (родина, родной город или мать-природа), в свою очередь, соотносимой с непроявленным аспектом вод и бессознательного, и, в-третьих, в качестве девицы-незнакомки, возлюбленной или «Анимы» юнговской психологии. В «Символах трансформации» Юнг утверждает, что древние видели в женщине либо Еву, либо Елену, Софию или Марию (соответствуют импульсивности, эмоциональности, мудрости и добродетели). Женщина представляет собой архетипический образ высокой степени сложности.

Звезда — как свет, сияющий во тьме, является символом духа. Она поддерживает силы духа, выступающие против сил тьмы. Это значение включено в эмблемы во всем мире. В наше время звезды нередко встречаются в графическом символизме. Их смысл зависит от формы, количества лучей, способа их оформления и цвета. Пылающая звезда является символом мистического центра — энергии расширяющейся Вселенной. Наиболее распространена пятиконечная звезда (пентаграмма). В египетской цивилизации она означала восхождение к началу. Позднее звезда стала символом власти над миром. Перевернутая пятиконечная звезда («ведьмина нога») является символом нечистой силы и используется в черной магии.

Золото — в индуистском учении понимается как «каменный (подземный) свет». Латинское слово «золото» — «аогит» — совпадает с еврейским «свет». Появление золота приписывается тому эффекту, что солнце, миллионы раз путешествуя вокруг Земли (или наоборот), сплело вокруг нее золотые нити. Золото — символ всего высшего — власти, славы, богатства.

Золотое руно — один из символов, обозначающих завоевание невозможного или сверхразумного. Поскольку овца является символом невинности, а золото представляет высшую духовность и славу, поход аргонавтов за золотым руном означал поиск высшей силы духа с помощью чистоты души, поэтому оно играет важную роль в общей символике сокровища.

Золотой телец — в ветхозаветной традиции золотой идол быка, поставленного Аароном по требованию народа, обеспокоенного долгим отсутствием Моисея. Символ язычества, культового животного, гнева Яхве, гнева Господня.

Зонтик — данный символ неизменно связывается с солнечной тенью и служит солнечной эмблемой монархов у некоторых народов. Благодаря своим механическим особенностям он также приобрел фаллический смысл и отцовское значение.

Зубы — являются древнейшим оружием нападения, а также выражением активности. Потеря зубов означает страх перед оскоплением или перед полной неудачей в жизни либо перед запретами.

Камень — является символом бытия, означает прочность и гармоническое примирение с самим собой. Твердость и надежность камня всегда впечатляли людей как антитеза изменения, упадка и смерти, как противоположность пыли, песку и щебню — продуктам разрушения. Будучи круглым, камень символизирует единство и силу, будучи раздробленным — расчленение, психическое разъединение, немощь, смерть и исчезновение.

Клобук (капюшон, конусообразная шляпа) — часто фигурирует в древней и средневековой иконографии. По мнению Юнга, капюшон, поскольку он окуты-

вает голову практически полностью и обладает формой, близкой к сферической, символизирует высшую сферу, то есть небеса (реминисценцией которых являются также колокол, свод, череп). Более того, покрытая голова означает невидимую духовную сущность, невидимость, то есть смерть. По этой причине головы посвященных, появляющихся в ряде сцен античных мистерий, покрыты накидкой.

Клоун — как и шут, клоун является мистическим знаком превращенного короля, знаком превращения обладателя высшей власти. Таким образом, клоун — это жертва, выбранная в заместители короля в соответствии с идеей о ритуальном убийстве правителя.

Ключ — символ мистических тайн и задач, требующих особого решения, а также символ средств для исполнения заданного. Иногда ключ как бы впускает в преддверие подсознания. Связь символов голубя и ключа означает дух, отворяющий врата небес. Эмблема из двух ключей, которая иногда располагается над сердцем, принадлежит Янусу. В сказках и легендах три ключа обычно символизируют всевозможные тайники, полные драгоценностей. Ключи здесь представляют знание, заключенное в инициации. Первый из них, серебряный, обозначает то, чего нужно достичь психологическими усилиями; второй, золотой, относится к философской мудрости; третий, алмазный, наделяет силой действия. Найти ключ — значит сделать первый шаг к поиску сокровищ, которые станут доступными лишь после перенесенных трудностей и невзгод.

Крылья — в самом общем смысле крылья символизируют духовность, воображение, мысль. Греки изображали любовь и победу в качестве крылатых фигур, и некоторые божества, такие как Афина, Артемида и Афродита, вначале также изображались с крыльями. По мнению Платона, крылья — символ разумности, и поэтому некоторые мифические животные наделены крыльями. Этот атрибут имеют кони Пелопса, Пегас, а также змеи Цереры. Крылья встречаются также на некоторых предметах, таких как шлемы героев, кадуцей и молния в культе Юпитера. В алхимии крылья ассоциируются с высшим, активным, мужским началом; животные же, лишенные крыльев, соотносятся с началом пассивным, женским. Крылья на обуви некоторых божеств, в особенности на сандалиях Меркурия, указывают на способности к духовному подъему, сравнимому по своей сущности с космической эволюцией.

Крыса — ассоциируется с немощью и смертью. Она была злым божеством чумы в Египте и Китае. Мышь в средневековом символизме ассоциируется с дьяволом. Фаллическое значение крысы возможно лишь настолько, насколько в нем присутствует идея опасного и отвратительного.

Куб — эквивалентен квадрату, поэтому он олицетворяет землю или материальный мир, состоящий из четырех стихий. В отличие от сферических кубические предметы не способны вращаться и, таким образом, они олицетворяют стабильность. Это объясняет, почему куб часто образует часть аллегорий, иллюстрируя прочность и стойкость добродетели, а также почему символам и эмблемам, тронам и колесницам иногда придают кубическую форму.

Кубок — в романскую эпоху, в особенности когда его снабжали крышкой, кубок был символом человеческого сердца. В более широком смысле, как и сундук, — это важный символ емкости. До определенной степени в нем можно видеть материальное выражение хранилища, покрывающего мистический центр.

Ленты — связанные в форме круга ленты (которые римляне носили, как и гирлянды цветов, в качестве венка) являются благодаря их форме символом бессмертия. Подобно всем венцам или гирляндам, они наделяются также героическим значением, ибо сам акт «коронации» называется так исходя из символического отношения между короной и понятием абсолютной завершенности.

Леопард — символ свирепости и доблести. Леопард, подобно тигру и пантере, выражает качества агрессивности и могущества льва без его солнечного значения.

Лес — место изобилия растительной жизни, свободной от всякого контроля и воздействия. А поскольку его листва закрывает солнечный свет, он также противополагается власти Солнца и считается символом Земли. В мифологии друидов лес и Солнце вступают в брачные отношения. Сложная символика леса связана на всех уровнях с символикой женского начала или Великой Матери. Так как женское начало принято отождествлять с бессознательным в человеке, лес также рассматривается как символ бессознательного. Именно по этой причине К. Юнг утверждает, что лесные страхи, столь часто встречающиеся в детских сказках, символизируют опасные аспекты бессознательного, то есть тенденцию к пожиранию или сокрытию разума.

Лестница — этот символ охватывает следующие главные идеи: восхождение, градацию и связь между различными вертикальными уровнями. Восхождение можно понять как в материальном, так и в эволюционном и духовном смыслах. Как правило, наличное число ступенек, входящих в символ, обладает дополнительным значением. В египетских изображениях их насчитывается чаще всего девять: тройная триада, символизирующая девятку богов, которые вместе с Осирисом составляют символическое число 10, символизирующее полный цикл или возвращение к единству.

Нож — символ, представляющий собой инверсию символа меча. Он ассоциируется с местью и смертью, а также с жертвой. Короткое острие ножа олицетворяет примат инстинктивных сил в том, кто им вооружен, тогда как длинное острие меча представляет духовную мощь его владельца. В психоанализе также — фаллический символ.

Ножницы — подобно кресту, символ соединения; кроме того, атрибут мистических прях, которые перерезают нить жизни смертного. Таким образом, это амбивалентный символ, выражающий одновременно идеи творения и уничтожения, рождения и смерти.

Ночь — относится к пассивным принципам, женскому началу и бессознательному, благодаря чему она ассоциируется с черным цветом и смертью. Гесиод дал ей имя «Матери богов», ибо греки верили, что ночь и тьма предшествуют созданию всех вещей. Отсюда — ночь (как и вода) выражает изобилие, потенциальную силу и способность к росту; в ней присутствует некое состояние ожидания (еще не день), обещание дневного света.

Нумизматические символы — в древнее время монеты имели значение могущества или правосудия. На них чеканили различные символы, которые непосредственно отражали культуру своего времени; например, на древнегреческих монетах встречаются свастика, трезубцы, лабиринты; на римских — военные трофеи, эмблемы легионов, ростры, головы богов (особенно двуликого Януса). В западных странах эпохи позднего Средневековья на монетах изображались различные формы

креста, розы, лилии, короны, ангелы, вооруженные рыцари, мечи, руки, поднятые для благословения, замки и гробницы, львы, орлы и т. д. Со времен Возрождения монеты приобретают особенности, характерные для Римской империи: с профилем монарха на лицевой стороне и геральдическими щитами на обратной.

Овцы — традиционный символ сил космоса, выражающий состояние, среднее между хаосом и упорядоченностью (упорядочение хаоса символизирует связка или сноп). Аналогия связывает овец с созвездиями или некоторыми группами звезд, поскольку Луна — это символ пастуха в некоторых мифологиях. Вместе с тем овца означает множественность, которая является негативным качеством и крушением силы или цели.

Огонь — связан с символикой солнечного пламени, с представлениями о жизни и здоровье. Также соотносится с представлениями о высоком положении и власти, духовной энергии. Огонь, подобно воде, считается символом преобразования и перерождения. В наиболее примитивных культурах огонь являлся демиургом, возникающим из Солнца, и его земным представителем. Парацельс указывал на параллель огня и жизни, питающихся друг от друга, чтобы не погибнуть. Но огонь охватывает как хорошее (жизненное тепло), так и плохое (разрушительный огонь). Огонь — архетипический образ явлений в себе. Прохождение через огонь символизирует выход за пределы человеческих возможностей.

Орел — символ высоты духа и духовного принципа в целом. Орел отождествляется с Солнцем и идеей мужской активности, которая оплодотворяет женскую природу, он также символизирует отца. Кроме того, орел характеризуется своим бесстрашным полетом, скоростью, тесной ассоциацией с воздухом, громом и огнем. Он означает, таким образом, «ритм» героического благородства. Поскольку орел, по поверью, летает выше, чем любая другая птица, его рассматривали как самое удачное выражение божественного величия. На римских монетах он изображен в виде эмблемы императорской власти и легионов.

Палка — материальный символ оси между горой и долиной, сравнимый с лестницей, крестом и столбом. Таким же символическим смыслом обладает столб, главным образом потому, что он стоит прямо. Обгорелая палка олицетворяет смерть и мудрость.

Пальма — классическая эмблема плодородия и победы. Юнгу она также представлялась символизирующей душу и начало женственности.

Пальцы — в мифологии пальцы соответствуют земным культам. В их функции входило соединять более низкий мир с земным. Символически они изображались как те силы души, которые обычно остаются незамеченными, но которые препятствуют сознательной работе ума. Юнг считает их символом множества, которое формируется вокруг основных элементов психической структуры.

Пандора — символизирует искушения зла, преследующие человечество, восставшего против божественного порядка. Временами она также выступает представителем иррациональных, диких тенденций воображения.

Папирус — в египетской системе иероглифов свернутый в свиток папирус является знаком-детерминативом, определяющим понятие знания. Тот факт, что папирус свернут, означает прогресс, расцвет и всеведение. Развертывание самой жизни также символизируется свитком папируса, хотя чаще — циновкой или ковром.

Парус — в египетских иероглифах — определяющий знак, символизирующий ветер, творческое дыхание и побуждение к действию. Парус соответствует стихии воздуха. В некоторых средневековых эмблемах появляется как аллегория Святого Духа.

Пастух — является проводником душ на землю мертвых и символом высшей власти, тогда как стада представляют космические силы.

Песочные часы — символизируют инверсию взаимоотношений верхнего и нижнего миров, периодически осуществляемую Шивой, господином творения и разрушения. Можно проследить связь образа с барабаном (имеющим сходную форму) и Андреевским крестом; значение этих трех символов совпадает.

Петля — в египетской системе иероглифов это определяющий знак, означающий идеи, либо связывающие, либо развязывающие в зависимости от расположения свободных концов. Петля соответствует общему символизму оков и уз.

Петух — как птица рассвета петух является солнечным символом и знаком бодрствования и активности. В Средние века образ петуха приобрел особую важность для христиан, которые почти всегда располагали его на флюгере либо шпиле высокой башни или ратуши как аллегорию бдения и воскресения.

Печать — подобно другим меткам и клеймам, печать является знаком собственности и отчетливо выраженной индивидуальности. Восковая же печать — символ девственности, ограниченности и давления.

Печать Соломона (*звезда Давида*) — состоит из двух треугольников, сложенных и переплетенных в форме шестиконечной звезды. Вирт называет ее звездой микрокосма, или знаком духовного потенциала индивидуальности, способной к бесконечному самопреодолению. Это также символ человеческой души как «соединения» сознательного и бессознательного, обозначенного переплетением обычного треугольника (символизирующего огонь) и треугольника перевернутого (символизирующего воду).

Печь (*горн, тигель*) — материнский символ. Имеет значение еще и в качестве символа чистого, духовного вынашивания плода; именно в этом смысле пылающая печь появляется в столь многих алхимических трактатах.

Пещера — значение пещеры чаще всего ограничивается общей символикой вмещения, включения или укрытия чего-либо. На это указывают определенные образы, такие как средневековая пещера, символизирующая человеческое сердце как духовный центр. По Юнгу, она олицетворяет тайну и неприступность бессознательного. Пещеры с их тьмой являются символами материнского лона.

Рыцарь — символ, связанный с символикой коня. Это мастер, логос, дух, вознесшийся над своим конем (то есть над материей). Но таковым рыцарь считается только после долгого периода обучения, который с исторической позиции можно рассматривать как попытку воспитать в нем человеческий тип, превосходящий других.

Свастика — символ, который можно обнаружить почти в любом древнем или первобытном культе по всему миру. Свастика представляет собой синтез двух обладающих независимой силой символов: креста (греческого) с концами равной длины и четырехконечного креста, который кажется катящимся в том же направлении. По мнению Людвига Мюллера, на протяжении железного века свастика представляла верховное божество. Также ее ассоциируют с земледелием, сторонами света, вращением вокруг оси.

Шнайдер предложил интерпретацию, в соответствии с которой свастика является символом смены поколений, а ее загнутые концы представляют корабли жизни, иначе говоря — различные ее стадии. Райх интерпретировал свастику как схематическое изображение переплетенных человеческих тел.

Свет — традиционно приравнивается к духу. Свет можно назвать проявлением нравственности, интеллекта и семи добродетелей. Его белизна символизирует единство всего со всем. Свет является также символом творческой силы, космической энергии, сияния. В психологическом же смысле «озариться сиянием» — значит проникнуться пониманием источника света и, следовательно, осознать его духовную силу.

Светильник — символ ума и духа. Как и другие сущности, производящие свет, но не зависящие от света как такового или «отколовшиеся» от него, светильник символизирует отдельную жизнь на фоне космического существования, преходящий факт на фоне вечной истины, бесплодные искания на фоне сущности. Все это объясняет магическую роль, играемую таким светилом.

Шар (*сфера*) — целостность, душа, совершенство и счастье.

Шляпа — по Юнгу, поскольку шляпа прикрывает голову, она отражает то, что происходит внутри головы, — мысли человека. Другие значения: венец, вершина личности, фаллический знак.

Щит — духовная защита.

Яблоко — шарообразное по форме яблоко означает целостность. Это символ земных желаний или потворства этим желаниям. Предупреждение не вкушать запретный плод исходило, таким образом, из уст высшего существа как предостережение от гипертрофии материальных желаний.

Яйцо — символ рождения, тайны, бессмертия. В языке египетских иероглифов знак яйца представляет потенциальную возможность, семя зарождения, тайну жизни. Алхимики добавили идею о том, что яйцо является вместилищем для материи и мысли. Пасхальное яйцо является эмблемой бессмертия. В «Египетском ритуале» Вселенная определена как «яйцо, задуманное в час Великого Единого из двойственной силы».

Якорь — на гербах и знаках первых христиан обозначал спасение, опору и надежду.

Ян-Инь — китайский символ двойственного распределения сил, включающий активный, или мужской, принцип (Ян), и пассивный, или женский, принцип (Инь). В соответствии с бинарным принципом Ян ассоциируется со светом, югом, небом, жизнью, в то время как Инь — с темнотой, севером, землей, смертью. Графический знак «Ян-Инь» имеет форму круга, разделенного надвое сигмообразной линией, где светлая половина представляет Ян, а темная — Инь, однако каждая из половин содержит в себе кружок из середины противоположной части. Символизирует единство противоположностей и вечное движение.

Источники:

Змановская Е. В. Основы прикладного психоанализа. СПб., 2005.
Керлот Х. Э. Словарь символов. М., 1994.
Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1991.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрахам К.* Психоаналитические труды: В 3 т. Ижевск, 2009.
2. *Адлер А.* Воспитание детей. Ростов н/Д., 1998.
3. *Адлер А.* Наука жить. Киев, 1997.
4. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1993.
5. *Александер Ф.* Психосоматическая медицина. Принципы и применение. М., 2000.
6. Антология современного психоанализа / Под ред. А. В. Россохина. Т. 1. М., 2000.
7. Антология современного психоанализа: Французская психоаналитическая школа: теория, метод и практика / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина Т. 2. М., 2000.
8. Базисное руководство по психотерапии / Сост. А. Хайл-Эверс, Ф. Хайгл, Ю. Отт, У. Рюгер. СПб., 2001.
9. *Балинт М.* Базисный дефект. Терапевтические аспекты регрессии. М., 2002.
10. *Бессер Р.* Жизнь и творчество Анны Фрейд // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 3. М., 2002.
11. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. СПб., 1998.
12. *Блюм Г.* Психоаналитические теории личности. М., 1996.
13. *Боулби Дж.* Создание и нарушение эмоциональных связей. М., 2006.
14. *Бурлакова Н. С.*, *Олешкевич В. И.* Детский психоанализ: Школа Анны Фрейд. М., 2005.
15. *Вебер М.* Харизматическое господство // Психология и психоанализ власти. М., 1999.
16. *Винникотт Д. В.* Игра и реальность. М., 2002.
17. *Винникотт Д. В.* Маленькие дети и их матери. М., 1998.
18. *Винникотт Д. В.* Переходные объекты и переходные явления // Психоаналитическая хрестоматия. Классические труды. М., 2005.
19. *Винникотт Д. В.* Семья и развитие личности. Екатеринбург, 2004.
20. *Выготский Л. С.* Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства. Т. 5. М., 1983.
21. *Выготский Л. С.* Психология искусства. М., 1968.
22. *Гидденс Э.* Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.
23. *Гринсон Р.* Техника и практика психоанализа. М., 2003.
24. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994.
25. *Джонс Э.* Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1996.
26. *Джонсон Стивен М.* Психотерапия характера. М., 2001.
27. *Замаровский В.* Боги и герои античных сказаний. М., 1994.

28. *Змановская Е. В.* Брак как театр внутренних объектов: Тезисы доклада на Летней школе Национальной федерации психоанализа. СПб., 2008.
29. *Змановская Е. В.* Девиантология (психология отклоняющегося поведения). М., 2003.
30. *Змановская Е. В.* Основы прикладного психоанализа. СПб., 2005.
31. *Змановская Е. В.* Управление личным имиджем. СПб., 2005.
32. *Змановская Е. В.*, *Рыбников В. Ю.* Девиантное поведение личности и группы. СПб., 2009.
33. *Калшед Д.* Внутренний мир травмы. М., 2001.
34. *Камерон К.*, *Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры. СПб., 2001.
35. *Карвасарский Б. Д.* Неврозы. М., 1980.
36. *Кейсмент П.* Обучаясь у пациента. Воронеж, 1995.
37. *Кеннард Д.* Групп-аналитическая психотерапия. СПб., 2001.
38. *Керлот Х. Э.* Словарь символов. М., 1994.
39. *Кернберг О. Ф.* Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. М., 1998.
40. *Кернберг О. Ф.* Отношения любви: Норма и патология. М., 2000.
41. *Кернберг О. Ф.* Пограничная организация личности // Антология современного психоанализа. Т. 1. М., 2000.
42. *Кернберг О. Ф.* Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М., 2000.
43. *Кинодо Ж.-М.* Приручение одиночества. М., 2008.
44. Ключевые понятия психоанализа / Под ред. В. Мертенса. М., 2001.
45. *Кляйн М.* Зависть и благодарность. М., 1997.
46. *Кляйн М.* Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни младенца // Развитие в психоанализе. М., 2001.
47. *Кляйн М.* О наблюдении за поведением младенцев // Развитие в психоанализе. М., 2001.
48. *Кляйн М.*, *Айзекс С.*, *Райвери Дж.*, *Хайманн П.* Развитие в психоанализе. М., 2001.
49. Книга тысячи и одной ночи. Т. 1. М., 1982.
50. «Конечный и бесконечный анализ» Зигмунда Фрейда. М., 1987.
51. Контрперенос в психоаналитической психотерапии детей и подростков. М., 2005.
52. *Кохут Х.* Анализ самости: систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. М., 2003.
53. *Кохут Х.* Анализ собственного Я // Психоаналитическая хрестоматия. Классические труды. М., 2005.
54. *Кохут Х.* Восстановление самости. М., 2002.
55. Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
56. *Куликов А. И.* Сопротивление, перенос, проработка. СПб., 2003.
57. *Куттер П.* Современный психоанализ. СПб., 1997.
58. *Куттер П.* Элементы групповой терапии. СПб., 1998.
59. *Лакан Ж.* Семинары. М., 1999.
60. *Лапланш Ж.*, *Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М., 1996.
61. *Ле Бон Г.* Психология масс // Психология масс: Хрестоматия. Самара, 2001.

62. *Лейбин В. М.* Классический психоанализ: история, теория, практика. М., 2000.
63. *Лейбин В. М.* Психоанализ. СПб., 2008.
64. *Лейбин В. М.* Словарь-справочник по психоанализу. СПб., 2001.
65. *Лоуэн А.* Психология тела. М., 2000.
66. *Лэнг Р.* Расколотое Я. СПб., 1995.
67. *Мазин В.* Введение в Лакана. М., 2004.
68. *Маквильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. М., 1998.
69. *Макдугалл Д.* Тысячеликий эрос. СПб., 1999.
70. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб., 2003.
71. *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб., 2002.
72. *Медведев В. А.* В поисках жанра: прошлое, настоящее и будущее прикладного психоанализа в России. В кн.: Russian imago 2001. СПб., 2002.
73. *Николс М., Шварц Р.* Семейная терапия. Концепции и методы. М., 2006.
74. *Нохуров А.* Нарушения сексуального поведения: судебно-психиатрический аспект. М., 1988.
75. *Овчаренко В. И.* Классический и современный психоанализ. М., 2000.
76. *Овчаренко В. И.* Психоаналитический глоссарий. Минск, 1994.
77. *Оудсхорн Д. Н.* Детская и подростковая психиатрия. М., 1993.
78. *Пайнз Д.* Бессознательное использование своего тела женщиной. СПб., 1997.
79. *Паккард В.* Психоанализ в рекламе // Психология и психоанализ рекламы. М., 2001.
80. *Пил С., Бродски А.* Любовь и зависимость. М., 2005.
81. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 2000.
82. Психоанализ и русская мысль / Сост. В. М. Лейбин. М., 1994.
83. Психоаналитическая хрестоматия. Классические труды / Под ред. М. В. Ромашкевича. М., 2005.
84. Психоаналитические термины и понятия / Под ред. Б. Э. Мура, Б. Д. Файна. М., 2000.
85. Психоаналитические этюды. Минск, 1997.
86. Психология и лечение зависимого поведения / Под ред. С. Даулинга. М., 2000.
87. Психология и психоанализ рекламы. М., 2001.
88. *Райх В.* Анализ личности. М., 1999.
89. *Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб. — М., 1997.
90. *Райх В.* Сексуальная революция. СПб. — М., 1997.
91. *Райх В.* Функция оргазма. СПб., 1997.
92. *Ранк О.* Миф о рождении героя. М., 1997.
93. *Ранк О., Захс Х.* Значение психоанализа в науках о духе // Миф о рождении героя. М., 1997.
94. *Решетников М. М.* Психическая травма. СПб., 2006.
95. *Решетников М. М.* Психодинамика и психотерапия депрессий. СПб., 2003.
96. *Решетников М. М.* Трудности и типичные ошибки начала терапии. СПб., 2009.
97. *Ризенберг Р.* Творчество Мелани Кляйн // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 3. М., 2002.
98. *Рутан Дж., Стоун У.* Психодинамическая групповая психотерапия. СПб., 2002.

99. *Салливан Г.* Интерперсональная теория в психиатрии. СПб., 1999.
100. *Сандлер Дж., Дэр К., Холдер А.* Пациент и психоаналитик: Основы психоаналитического процесса. М., 1995.
101. *Сегал Х.* Техника детского анализа Мелани Кляйн // Творчество Мелани Кляйн. СПб., 2001.
102. Семейная психотерапия / Сост. Э. Г. Эйдемиллер и др. СПб., 2000.
103. *Соколова Е. Т.* Психотерапия: Теория и практика. М., 2002.
104. *Спотниц Х.* Современный психоанализ шизофренического пациента. СПб., 2004.
105. *Тайсон Ф., Тайсон Р.* Обзор теорий объектных отношений // Психоаналитическая хрестоматия. Классические труды. М., 2005.
106. *Тайсон Ф., Тайсон Р.* Психоаналитические теории развития. Екатеринбург, 1998.
107. *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 1. Теория. М., 1996.
108. *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 2. Практика. М., 1996.
109. *Урсано Р., Зонненберг С., Лазар С.* Психодинамическая психотерапия. М., 1992.
110. *Фенихель О.* Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004.
111. *Ференци Ш.* Теория и практика психоанализа. М., 2000.
112. *Фигдор Г.* Психоаналитическая педагогика. М., 2000.
113. Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб., 2005.
114. *Фрейд А.* Введение в детский психоанализ // Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов. СПб., 1997.
115. *Фрейд А.* Психология «Я» и защитные механизмы. М., 1993.
116. *Фрейд А.* Теория и практика детского психоанализа: В 2 т. М., 1999.
117. *Фрейд З.* Анализ фобии пятилетнего мальчика // Основные психологические теории в психоанализе. М., 1990.
118. *Фрейд З.* Бред и сны в «Градиве» В. Иенсена // Художник и фантазирование. М., 1995.
119. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Психоаналитические этюды. Минск, 1991.
120. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.
121. *Фрейд З.* Влечения и их судьба // Основные психологические теории в психоанализе. М., 1923.
122. *Фрейд З.* Воспоминание Леонардо да Винчи о раннем детстве // Художник и фантазирование. М., 1995.
123. *Фрейд З.* Достоевский и отцеубийство // Художник и фантазирование. М., 1995.
124. *Фрейд З.* Исследование истерии. СПб., 2005.
125. *Фрейд З.* Конечный и бесконечный анализ // Психоанализ в развитии. Екатеринбург, 1998.
126. *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого Я // Я и Оно. Тбилиси, 1991.
127. *Фрейд З.* Неудобства культуры // Художник и фантазирование. М., 1995.
128. *Фрейд З.* О нарциссизме // Я и Оно. Тбилиси, 1991.
129. *Фрейд З.* О нарциссизме: Введение // Очерки по психологии сексуальности. Минск, 1996.
130. *Фрейд З.* О психоанализе, пять лекций. Методика и техника психоанализа. СПб., 1999.

131. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному // Художник и фантазирование. М., 1995.
132. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. М., 1990.
133. *Фрейд З.* Печаль и меланхолия // Психология эмоций. М., 1984.
134. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992.
135. *Фрейд З.* Проблема дилетантского анализа: Дискуссия с посторонним // Интерес к психоанализу. Ростов н/Д., 1988.
136. *Фрейд З.* Психоаналитические этюды. Минск, 1997.
137. *Фрейд З.* Толкование сновидений. СПб., 1998.
138. *Фрейд З.* Торможение, симптом и тревога (1926) // Психоаналитическая хрестоматия. Классические труды. М., 2005.
139. *Фрейд З.* Тотем и табу // Я и Оно. Тбилиси, 1991.
140. *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности // Психология бессознательного. М., 1990.
141. *Фрейд З.* Художник и фантазирование / Под ред. Р. Ф. Додельцова, К. М. Долгова. М., 1995.
142. *Фрейд З.* Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. М., 1993.
143. *Фрейд З.* Я и Оно. Тбилиси, 1991.
144. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
145. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1998.
146. *Харитонов А. Н.* О современном состоянии психоаналитического движения в России // Психоаналитический вестник. 2005. № 14.
147. *Хартманн Х.* Свободная от конфликтов эго-сфера // Психоаналитическая хрестоматия. Классические труды. М., 2005.
148. *Хартманн Х.* Эго-психология и проблема адаптации. М., 2002.
149. *Хассен С.* Освобождение от психологического насилия. СПб., 2002.
150. *Холмс П.* Внутренний мир снаружи. Теория объектных отношений и психодрама. М., 1999.
151. *Хорни К.* Женская психология. СПб., 1993.
152. *Хорни К.* Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. СПб., 1997.
153. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. М., 1993.
154. *Хоффмайстер М.* Вклад Микаэла Балинта в теорию и метод психоанализа // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 3. М., 2002.
155. *Четик М.* Техники детской психотерапии. Психодинамические стратегии. СПб., 2002.
156. *Шарфф Дж. С., Шарфф Д. Э.* Терапия пар в теории объектных отношений. М., 2008.
157. *Шарфф Дж. С., Шарфф Д. Э.* Основы теории объектных отношений. М., 2009.
158. *Шпиц Р.* Первый год жизни. Психоаналитическое исследование нормального и отклоняющегося развития объектных отношений. М., 2000.
159. *Шпиц Р.* Психоанализ раннего детского возраста. М. — СПб., 2001.
160. *Шутценбергер А.* Синдром предков. М., 2001.
161. *Энкельман Н. Б.* Харизма. М., 2000.
162. Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд: Жизнь. Работа. Наследие. М., 1998.

163. Энциклопедия глубинной психологии. Т. 2. Новые направления в психоанализе. Психоанализ общества. Психоаналитическое движение. Психонализ в Восточной Европе. М., 2001.
164. Энциклопедия глубинной психологии. Т. 3. Последователи Фрейда. М., 2002.
165. Энциклопедия глубинной психологии. Т. 4. Индивидуальная психология. Аналитическая психология. М., 1998.
166. Эра контрпереноса. Антология психоаналитических исследований (1949–1999) / Сост. И. Ю. Ромашкевич. М., 2002.
167. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб., 1996.
168. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
169. Эротический и эротизированный перенос / Под ред. М. В. Ромашкевича. М., 2002.
170. *Эткинд А.* Эрос невозможного: история психоанализа в России. М., 1993.
171. *Юнг К.* Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М., 1991.
172. *Юнг К.* Психологические типы. М., 1996.
173. *Юнг К.* Психология и религия // Архетип и символ. М., 1991.
174. *Abraham K.* (1924) The influence of Oral Erotism on Character Formation.
175. *Abraham K.* (1925) Character Formation on the Genital Level of Libido Development.
176. *Aichhorn A.* Wayward youth. Evanston IL., 1983.
177. *Aichorn A.* Delinquency and Child Guidance: Selected papers. N.Y., 1965.
178. *Arlow J. A.* Silence and the Theory of Technique. Amer. Psycho-anal. Assn., 9: 44–55.
179. *Balint M.* Primary Love and Psychoanalytic Technique. London, 1965.
180. *Bion W. R.* (1965). Elements of Phycho-Analysis. London, 1984.
181. *Bion W. R.* Language and the schizophrenic. In: Klein M., Heimann P., Money-Kyrle R. E. (eds.) New directions in psycho-analysis. Basic Books, N.Y.
182. *Bios P.* On adolescence: a psychoanalytic interpretation. N.Y., 1962.
183. *Bowlbi J.* Gried and Mouring in Jnfancy and Early Childhood // The Psychoanalytic Study of the Child. 1960. № 15.
184. *Fairbairn W. R.* Psychoanalytic Studies of the Personality. London, 1966.
185. *Fairbairn W. R.* An object relations theory of the personality. N.Y., 1954.
186. *Federn P.* (1952) Ego psychology and the psychoses. Basic Books, N.Y.
187. *Fenichel O.* (1945) The psychoanalytic theory of neurosis. Norton, N.Y.
188. *Ferenczi S.* (1950 [1919a]) On the technique of psycho-analysis. In: Jones E., Rickman J. (eds.). Further contributions to the theory and technique of psycho-analysis by Sandor Ferenczi M. D. Hogarth, London.
189. *Fraiberg S. H.* Counseling for the parents of the very young child // Social Casework. 1954. № 35.
190. *Fraiberg S. H.* Some characteristics of genital arousal and discharge in latency girls // The Psychoanalytic Study of the Child. 1972. № 27.
191. *Fraiberg S. H.* The Magic Years. Understanding and Holding the Problems of Early Childhood. N.Y., 1958.
192. *Freud A.* Discussion of Dr. J. Bowlby is Paper (Grief and Mourning in Infancy and Early Childhood) // The Psychoanalytic Study of the Child. 1960. № 15.
193. *Freud A.* Indications for Child Analysis // The Psychoanalytic Study of the Child. 1945. № 1.

194. *Freud A.* Problems of Termination in Child analysis. N.Y., 1971.
195. *Freud A.* The Psychoanalytic Study of Infantile Feeding Disturbances // The Psychoanalytic Study of the Child. 1946. № 2.
196. *Geleerd E. R.* Some aspects of psychoanalytic technique in adolescence // The Psychoanalytic Study of the Child. 1957. № 12.
197. *Geleerd E. R.* Borderline states in childhood and adolescence // The Psychoanalytic Study of the Child. 1958. № 13.
198. *Glover E.* (1955) The technique of psychoanalysis. Baiiliere Tindall & Cox, London.
199. *Goldhaber G.V.* Network new men: who's got the most charisma? // TV guid. 1981. May.
200. *Harlow H. F.* (1958) The nature of love. Am Psychol 13: 673.
201. *Harlow H. F.* (1962) The heterosexual affectional system in monkeys. Am Psychol 17: 1–9.
202. *Hartmann H.* (1958 [1939]) Ego psychology and the problem of adaption. International University Press, N.Y.
203. *Hartmann H.* Psychoanalysis and Developmental Psychology // The Psychoanalytic Study of the Child. 1950. № 5.
204. *Kennedy H.*, *Moran G.* Reflections on the aim of child analysis // The Psychoanalytic Study of the Child. 1991. № 46.
205. *Kernberg O.* Severe personality disorders. Psychotherapeutic strategies. London, 1984.
206. *Kernberg O. F.* Borderline Conditions and Pathological Narcissism. 1975.
207. *Klein M.* (1946) Notes on some schiziod mechanisms. Int. J. Psychoanal. 27: 99–110.
208. *Klein M.* (1928) Early Stages of the Oedipus Conflict. Contributions to Psycho-Analysis, 1921–1945, London, Hogarth Press, 1948.
209. *Klein M.* (1932) The Psyho-Analysis of Children, London, Hogarth Press, 1932.
210. *Klein M.* (1935) A Contribution to the Psychogenesis of Manic-Depressive States. Contributions to Psycho-Analysis, London, Hogarth Press, 1948.
211. *Klein M.* (1945) The Oedipus Complex in the Light of Early Anxieties. Contributions to Psycho-Analysis, London, Hogarth Press, 1948.
212. *Kohut H.* (1971) The analysis of the self. A systematic approach to the psychoanalytic treatment of narcissistic personality disorders. International University Press, N.Y.
213. *Kris E.* Notes on the Development and on Some Current Problems of Psychoanalytic Child Psychology // The Psychoanalytic Study of the Child. 1950. № 5.
214. *Laufer M.*, *Laufer M. E.* Adolescence and developmental breakdown: a psychoanalytic view. N. Haven, 1984.
215. *Leichtman M.*, *Shapiro S.* An introduction to the psychological assessment of borderline conditions in children: borderline children and test process / Kwawer J., Lerner H., Lemer P., Sugarman A. (ed.) Borderline phenomena and the Rorschach Test. N.Y., 1980.
216. *Mahler M.* A study of the separation-individuation process and its possible application to borderline phenomena in the psychoanalytic situation // The Psychoanalytic Study of the Child. 1971. № 26.
217. *Mahler M. S.*, *Gosliner B. J.* On Symbiotic Child Psychosis: Genetic, Dynamic and Restitutive Aspects // The Psychoanalytic Study of the Child. 1955. № 7.
218. *Mahler M.* (1969) On human symbiosis and the vicissitudes of individuation. Hogarth, London.

219. *Mahler M.* (1971) A study of the separation-individuation process and its possible application to borderline phenomena in the psychoanalytic situation. Psychoanal Study Child 26: 403–424.
220. *Masterson L.* The Narcissistic and Borderline Disorders, 1981.
221. *Nagera H.* Childrens reactions to the death of important objects / Nagera H. (ed.) The developmental Approach to Childhood Psychopathology. N.Y., 1980.
222. *Nagera H.* Early childhood disturbances, the infantile neurosis, and the adult disturbances. N.Y., 1966.
223. *Rosenfeld H.* (1971) A clinical approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts. An investigation into the aggressive aspects of narcissism. Int J Psychoanal 52: 169–178.
224. *Rosenfeld H.* (1955) The Investigation of the Need of Neurotic and Psychotic Patients to Act Out during Analysis. Paper read to the 19th International Psycho-Analytical Congress.
225. *Rosenfeld H.* (1987) The influence of projective identification on the analyst's task. In: Impasse and Interpretation. London: Tavistock.
226. *Sandler J.* (1960) The background of safety. Int J Psychoanal 41: 352–356.
227. *Sandler J., Kennedy H., Tyson R. L.* The technique of Child Psychoanalysis. Duscussions with Anna Freud. London, 1990.
228. *Scharfman M. A.* Psychoanalytic Treatment / Wolman B. B., Egan J, Ross O. R. (Hrsg.). Handbook of Treatment of Mental Disorders in Childhood and Adolescence. Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1978.
229. *Segal H.* Early infantile development as reflected in the psychoanalytic process. Steps in integration / Int. J. Psychoanal. 1982. № 63.
230. *Spitz R. A.* (1946) Anaclitic depression. Phychoanalytic Stady of the Child, 2: 313–342.
231. *Spitz R. A.* (1957) No and Yes. On the genesis of human communication. International University Press, N.Y.
232. *Stern D. N.* The interpersonal world of the infant. N.Y., 1985.
233. *Wallerstein R. S.* (1983) Self psychology and «classical» psychoanalytic psychology. The nature of their relationship. Psychoanal Contemp Thought 6: 553–595.
234. *Winnicott D. W.* (1953) Psychoses and Child Care. Collected Papers: trough Paediatrics to Psycho-Analysis. London, Tavistock Publications, 1957.
235. *Winnicott D.W.* Ego distortion in Terms of True and False Self. The Maturational Processes and the Facilitating Environment. London, 1965.
236. *Wolman B.* Handbook of child psychoanalyses. N.Y., 1972.

Е. В. Змановская

СОВРЕМЕННЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ
Теория и практика

Заведующий редакцией	*П. Алесов*
Ведущий редактор	*О. Кувакина*
Выпускающий редактор	*Е. Маслова*
Литературный редактор	*О. Кувакина*
Художник	*К. Радзевич*
Корректоры	*М. Одинокова, Н. Сулейманова*
Верстка	*Е. Зверева*

Подписано в печать 18.11.10. Формат 70×100/16. Усл. п. л. 23,22. Тираж 2000. Заказ 0000.
ООО «Лидер», 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 29а.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3005 — литература учебная.

Отпечатано по технологии CtP в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького. 197110,

Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.



688 с., 16,5×23,5, переп.

СЕРИЯ «МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ»

И. Ялом, М. Лесц

ГРУППОВАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ. 5-е изд.

«Групповая психотерапия» – лучшая работа Ирвина Ялома, являющегося одной из ключевых фигур в современной психотерапии. Настоящее издание подготовлено при участии другого видного специалиста – Молина Лесца. В книге мастерски систематизированы и изложены принципы работы психотерапевта, особенности создания группы, групповые процессы, механизмы ведения группы, терапевтические феномены.
Перевод выполнен по новейшему, пятому, изданию книги, в котором учтены самые последние разработки в этой области психотерапии.
Книга предназначена для психотерапевтов, психологов и представителей смежных специальностей.



944 с., 16,5×23,5, переп.

СЕРИЯ «МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ»

Г. Крайг, Д. Бокум

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ. 9-е изд.

Одно из наиболее полных современных учебных пособий по психологии развития. Несомненное достоинство – внимательное рассмотрение всех этапов человеческой жизни: период подготовки к родительству, собственно пренатальный период, старение, умирание и смерть.
Важнейшая особенность данного учебника – целостный подход к описанию и анализу процесса развития человека. Авторы рассматривают развитие как взаимовлияние многих факторов: биологических, социокультурных, собственно психологических, что позволяет реализовать комплексный подход к анализу развития человека на каждой из его стадий и выявить основные закономерности становления человека как индивида, личности и субъекта деятельности. На каждой из стадий описываются особенности физического, когнитивного, эмоционального, психосоциального развития – как процесса, характеризующегося высокой индивидуальной вариативностью.
По широте охвата проблем, глубине анализа и систематизации издание является на настоящий период самым полным и может быть полезно не только студентам, обучающимся психологии, но и практикующим психологам, и научным сотрудникам.



816 с., 16,5×23,5, переп.

СЕРИЯ «МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ»

Ф. Райс, К. Долджин

ПСИХОЛОГИЯ ПОДРОСТКОВОГО И ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА. 12-е изд.

Предлагаемое учебное пособие объективно отражает современный мировой уровень развития психологии пубертатного возраста – одного из сложнейших и социально значимых разделов возрастной психологии. Превращение ребенка во взрослого – сложный и драматический процесс, на ход которого влияет огромное количество разнообразных факторов: от генетики и физиологии до политики и экологии. Эта книга, выдержавшая за рубежом 12 изданий, дает в распоряжение отечественного читателя огромный теоретический, экспериментальный и методологический материал, наработанный западной психологией, медициной, социологией и антропологией, в талантливом и стройном изложении Ф. Райса, одного из лучших представителей американской гуманитарной науки. Рекомендуется студентам гуманитарных специальностей, психологам, педагогам, социологам, юристам и социальным работникам.хологов и представителей смежных специальностей.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ПИТЕР®
WWW.PITER.COM



256 с., 16,5×23,5, переп.

СЕРИЯ «МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ»

Н. Рамси, Д. Харкорт

ПСИХОЛОГИЯ ВНЕШНОСТИ

В уникальной книге известных английских психологов Николы Рамси и Дианы Харкорт изложены ключевые вопросы современной психологии внешности. Книгу отличает подробное и всестороннее рассмотрение психологических проблем, связанных с внешностью, а также описание эффективных способов их решения. Представленные разделы посвящены теоретическим и прикладным аспектам психологии внешности, нормальному и аномальному принятию своей внешности людьми, имеющими видимые отличия разной степени выраженности или испытывающими тревогу и неудовлетворенность своей внешностью.

Издание предназначено для психологов, психотерапевтов, психиатров, пластических хирургов и представителей смежных специальностей, работающих в сфере красоты и здоровья.



688 с., 16,5×23,5, переп.



СЕРИЯ «МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ»

Е. П. Ильин

ПОЛ И ГЕНДЕР

Данная книга представляет собой наиболее полное в отечественной психологии рассмотрение вопроса о физиологических, психологических и социальных различиях мужчины и женщины. Автором систематизированы отечественные и зарубежные исследования, в том числе и новейшие, по половым и гендерным особенностям людей. Показана необходимость совместного рассмотрения этих особенностей. Помимо обсуждения теоретических и методологических вопросов в книге представлены методики выявления гендерных различий (психологического пола).

Издание представляет несомненный интерес для психологов, медиков, педагогов и студентов вузовских факультетов соответствующих профилей.



480 с., 16,5×23,5, переп.

СЕРИЯ «МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ»

Р. М. Грановская

ПСИХОЛОГИЯ ВЕРЫ. 2-е изд.

В книге известного российского психолога профессора Рады Грановской вера рассматривается как опора человеческих стремлений и потребностей. Показано воздействие мировых религий на формирование человеческой психологии, вскрыты глубинные связи между силой веры и развитием человека. Анализируется влияние веры на мировоззрение, психическое здоровье и этику современного человека. Использованы обширные материалы, накопленные мировыми религиями, исторические и религиозные, посвященные основоположникам и канонам различных верований, международный и отечественный опыт в области общей психологии. Второе издание монографии (предыдущее вышло в 2004 г.) переработано.

Для психологов, педагогов, философов и студентов профильных факультетов высших учебных заведений.





УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА!
КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «ПИТЕР»
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ
ОПТОМ И В РОЗНИЦУ У НАШИХ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРТНЕРОВ.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Владивосток
«Приморский торговый дом книги»
тел./факс: (4232) 23-82-12
e-mail: bookbase@mail.primorye.ru

Хабаровск, «Деловая книга», ул. Путевая, д. 1а
тел.: (4212) 36-06-65, 33-95-31
e-mail: dkniga@mail.kht.ru

Хабаровск, «Книжный мир»
тел.: (4212) 32-85-51, факс: (4212) 32-82-50
e-mail: postmaster@worldbooks.kht.ru

Хабаровск, «Мирс»
тел.: (4212) 39-49-60
e-mail: zakaz@booksmirs.ru

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕГИОНЫ РОССИИ

Архангельск, «Дом книги», пл. Ленина, д. 3
тел.: (8182) 65-41-34, 65-38-79
e-mail: marketing@avfkniga.ru

Воронеж, «Амиталь», пл. Ленина, д. 4
тел.: (4732) 26-77-77
http://www.amital.ru

Калининград, «Вестер»,
сеть магазинов «Книги и книжечки»
тел./факс: (4012) 21-56-28, 6 5-65-68
e-mail: nshibkova@vester.ru
http://www.vester.ru

Самара, «Чакона», ТЦ «Фрегат»
Московское шоссе, д.15
тел.: (846) 331-22-33
e-mail: chaconne@chaccone.ru

Саратов, «Читающий Саратов»
пр. Революции, д. 58
тел.: (4732) 51-28-93, 47-00-81
e-mail: manager@kmsvrn.ru

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Ессентуки, «Россы», ул. Октябрьская, 424
тел./факс: (87934) 6-93-09
e-mail: rossy@kmw.ru

СИБИРЬ

Иркутск, «ПродаЛитЪ»
тел.: (3952) 20-09-17, 24-17-77
e-mail: prodalit@irk.ru
http://www.prodalit.irk.ru

Иркутск, «Светлана»
тел./факс: (3952) 25-25-90
e-mail: kkcbooks@bk.ru
http://www.kkcbooks.ru

Красноярск, «Книжный мир»
пр. Мира, д. 86
тел./факс: (3912) 27-39-71
e-mail: book-world@public.krasnet.ru

Новосибирск, «Топ-книга»
тел.: (383) 336-10-26
факс: (383) 336-10-27
e-mail: office@top-kniga.ru
http://www.top-kniga.ru

ТАТАРСТАН

Казань, «Таис»,
сеть магазинов «Дом книги»
тел.: (843) 272-34-55
e-mail: tais@bancorp.ru

УРАЛ

Екатеринбург, ООО «Дом книги»
ул. Антона Валека, д. 12
тел./факс: (343) 358-18-98, 358-14-84
e-mail: domknigi@k66.ru

Екатеринбург, ТЦ «Люмна»
ул. Студенческая, д. 1в
тел./факс: (343) 228-10-70
e-mail: igm@lumna.ru
http://www.lumna.ru

Челябинск, ООО «ИнтерСервис ЛТД»
ул. Артиллерийская, д. 124
тел.: (351) 247-74-03, 247-74-09,
247-74-16
e-mail: zakup@intser.ru
http://www.fkniga.ru, www.intser.ru


ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ПИТЕР®
WWW.PITER.COM